

63.4(2)

с 50

К.Ф. Смирнов

Сарматы

и утверждение
их политического
господства
в Скифии

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Ордена Трудового Красного Знамени
Институт археологии

К. Ф. Смирнов

Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии

Ответственные редакторы

доктор исторических наук
В. В. КРОПОТКИН,

кандидат исторических наук
М. Г. МОШКОВА

Издательство «Наука»

Москва

1984

Предисловие

Предлагаемая вниманию читателей последняя книга К. Ф. Смирнова, написанная им в 1976 г. и издаваемая посмертно, является наи-

более полной из опубликованных им ранее работ, посвященных проблеме проникновения сарматов в Северное Причерноморье и утверждению их политического господства в Скифии *

Книга К. Ф. Смирнова — первое монографическое исследование самых ранних сарматских памятников Северного Причерноморья. Создание этого труда стало возможным благодаря широким археологическим раскопкам, развернувшимся с 50—70-х годов на территории Украины и Ростовской обл. В работе впервые собран воедино и тщательно проанализирован разрозненный и разбросанный по многочисленным изданиям п архивным полевым отчетам материал. Анализ археологических источников, как всегда в публикациях К. Ф. Смирнова, сопутствует столь же детальный разбор источников письменных.

Работая над книгой, К. Ф. Смирнов поставил перед собой целый ряд вопросов, каждый из которых по сложности, многоплановости, а подчас и дискуссионное™ мог бы явиться предметом самостоятельного исследования. Но именно широта исследования приводит, естественно, к необходимости внесения в текст отдельных корректив, вызванных бурным накоплением археологических материалов, особенно заметным в последние годы в связи с небывалым размахом полевых исследований.

Нет сомнения, что при подготовке книги к изданию Константин Федорович Смирнов сам бы внес необходимые поправки, а возможно, и отказался бы от некоторых положений. Но судьба рассудила, иначе, и нам пришлось все бремя ответственности по подготовке к публикации этого труда взять на себя. Мы сохранили нетронутым текст рукописи, отредактировав его лишь стилистически. В то же время мы оставили за собой право с помощью редакторских примечаний к тексту привести работу, написанную в 1976 г., в соответствие с уровнем наших теперешних знаний. Наконец, на некоторых спорных моментах мы сочли для себя возможным остановиться в настоящем предисловии.

Ключевая задача книги — осмысление, анализ наиболее достоверных данных о времени появления савроматов и сарматов на правобережье Дона, т. е. в Европе, и характере их дальнейшего расселения на территории Северного Причерноморья.

Монографию открывает раздел под названием «Савроматы и сарматы», где автор приводит сведения об основной территории расселения савроматов и сарматов, их культуре, происхождении и генетических связях,

о динамике развития и сложения родственных союзов ираноязычных кочевников в степях между Доном и Волгой и в Южном Приуралье. По этим вопросам К. Ф. Смирнов неоднократно высказывался в печати², и не исключено, что если бы он сам готовил монографию к изданию, то текст этот был бы как-то дополнен или изменен. Мы не сочли себя вправе это сделать и лишь хотим обратить внимание читателя на спорность некоторых положений.

Речь идет об отождествлении кочевых племен, населявших южноуральские степи, с дахо-массагетами и исседонами письменных источников. Существование двух локальных вариантов, Волго-Донского и Самаро-Уральского, единой савроматской археологической культуры общепризнано и не вызывает никаких возражений. Гораздо сложнее обстоит дело с этнической интерпретацией двух массивов кочевых племен. Если западную часть их все исследователи отождествляют с савроматами Геродота, то относительно населения восточных районов, т. е. Южного Приуралья, никакого единства мнений нет. К. Ф. Смирнов в книге «Савроматы» обращал внимание на большую (по сравнению с Волго-Донской группой), как ему казалось, «неоднородность южноуральских памятников и возможность поэтому вхождения в этот союз племен „части загадочных исседонов“, протоаорсов и, возможно, роксоланов»³. В. П. Шилов высказывался более определенно, считая южноуральских степняков исседонами⁴. Опираясь на анализ письменных источников, еще увереннее утверждал это Д. А. Мачинский⁵. Однако никто из них не считал нужным дать критический разбор высказываний К. В. Сальникова и М. К. Кадырбаева. Первый из них отождествил с исседонами полуоседлые племена Зауралья⁶, второй — население Центрального Казахстана, оставившее памятники тасмолинской культуры⁷. Наконец, в 1977 г. К. Ф. Смирнов выступил с новой гипотезой⁸, к сожалению, также не подвергая критическому анализу не согласующиеся с ней высказывания своих предшественников. Точка зрения К. Ф. Смирнова сводилась к следующему: кочевые племена, населявшие восточные районы Южноуральского региона — степи и предгорья бассейна верхнего Урала (от Орска до Магнитогорска, включая и южные районы Челябинской обл.), могут «больше претендовать на то, чтобы их называли исседонами»⁹. А «савромато»-сарматы бассейна Илека и среднего течения Урала к западу от Орска — это дахидаи «Авесты» и греческих писателей¹⁰.

Если письменные источники и дают хоть какие-то основания для подобной интерпретации, что, кстати, также весьма проблематично (локализация исседонов на основании данных Геродота о размещении их к северу от массагетов и к востоку от аргиппеев — задача со многими неизвестными), то археологические материалы не только не подтверждают гипотезу, но полностью противоречат ей. Ни погребальный обряд, ни инвентарь орской группы памятников не разрешают нам оторвать их от илеких курганов — все это абсолютно тождественный археологический материал. Поэтому независимо от того, как называть обитавшие здесь племена — исседонами или дахо-массагетами, вся территория, охватывающая районы Верхнего Урала от Магнитогорска до Орска и далее на запад до бассейна Утвы (включая и могильник Лебедевка к югу от ее истоков), принадлежала единому в культурном отношении населению.

Наибольшую степень близости в погребальном обряде и инвентаре обнаруживают именно орские (Восточное Оренбуржье) и илекские памятники¹⁴, т. е. группы курганов, принадлежащие, по делению К. Ф. Смирнова, двум разным этническим массивам — исседонам и дахо-массагетам. Если же, как пишет К. Ф. Смирнов, опираться на случаи, известные в истории и этнографии, «когда народы одного и того же названия имели разную культуру»¹³, и, напротив, добавим мы, когда единая культура охватывала население с разными этническими названиями, то тогда следует отказаться от всякой археологической аргументации. Не имеет смысла искать сходства между тасмолинской и савроматской культурами (находки в том и другом случае ладьевидных жертвенников и курганов с «усами» — последние аналогии особенно условны), поскольку в этой ситуации этнос не соответствует археологической культуре, в следователно, при этнической интерпретации исходить надо только из анализа письменных источников. Однако и при этом условии единства мнений не получается. Д. А. Мачинский на основании сведений древних авторов заселяет Южное Приуралье исседонами¹³, Ю. М. Десятчиков — дахами¹⁴, И. В. Пьянков — сначала массагетами, а с конца V—начала IV в. до н. э. — частично дахами¹⁶. Совместить эти позиции, как это получалось у К. Ф. Смирнова, вряд ли возможно.

Думается, что гипотезу К. Ф. Смирнова можно рассматривать лишь как одну из многих и не бесспорных версий толкования письменных источников.'

Основная тема книги берет свое начало в следующем разделе — «Савроматы в „Европе“ (к западу от Танаиса)». В нем идет речь о наиболее ранних археологических материалах и данных источников, которые автор считает возможным связать с пребыванием савроматов в Северном Причерноморье.

Следуя данным античной традиции (Геродот, Псевдо-Гиппократ, Псевдо-Скилак), большинство исследователей считают, что, вероятно, в конце V и в IV в. до н. э. какая-то группа савроматских племен потеснила восточных скифов и овладела правым берегом нижнего Дона и примыкающим к нему побережьем Азовского моря. Этого же мнения придерживался и К. Ф. Смирнов¹⁶. Однако в данной работе он выступает с иной, несколько противоречивой концепцией. Его справедливые и осторожные высказывания об отсутствии массовых достоверно савроматских памятников на правобережье нижнего Дона, о близости скифских и савроматских археологических комплексов и смешанном облике культур в этих смежных районах и, наконец, о приоритете, вследствие этих причин, письменных источников над археологическими при попытках этнической атрибуции археологических памятников сменяется довольно категоричным утверждением об изначальном расселении савроматов на правобережье Дона. К. Ф. Смирнов пишет: «Допуская наличие отдельных савроматских памятников на донском правобережье (речь идет о двух находках жертвенников. — М. М.), я согласен с предположением В. Е. Максименко, что чечевники этих районов в скифское время могли составлять западную часть савроматского объединения под названием сирматов». Поскольку этноним «сирматы» К. Ф. Смирнов отождествляет с савроматами, а затем сарматами, то его позиция сводится к утверждению

О расселении савроматов на правом берегу Дона практически со времени возвращения скифов из переднеазиатских походов, а может быть, и раньше. В качестве археологической аргументации этой точки зрения названы погребения VI в. до н. э. у г. Константиновск и на окраине Ростова-на-Дону, которые автор считает савроматскими. Причем первое из них признано таковым на основании находки куска мела у ног погребенного и меловой посыпки. Однако однозначная интерпретация обоих погребений вряд ли правомерна. Авторы статьи о Константиновском погребении (В. Я. Кияшко и В. А. Кореняко) вообще не сочли возможным определить его этническую принадлежность и оставили вопрос открытым¹⁷. Большинство же исследователей, и в том числе скифологов, безоговорочно относят его к скифским древностям¹⁸. Что же касается погребения из Ростова-на-Дону, то исследовавший и опубликовавший его И. Б. Брапганский считал этот комплекс тоже скифским¹⁹. Кто же все-таки прав, покажет время. Сейчас можно лишь говорить о том, что для аргументации отстаиваемой К. Ф. Смирновым концепции этот материал недостаточен и не является решающим. Показательно, что сам автор полностью отдавал себе в этом отчет, отмечая необыкновенную близость скифских и западно-савроматских памятников, но переходя к выводам, увлекался и как-то забывал об этом.

Нам представляется, что вообще выборка отдельных погребений из сплошного скифского племенного массива и этническая интерпретация их как савроматских на основе отдельных аналогий в погребальном обряде или инвентаре (именно этому посвящен конец второго раздела) вряд ли методически оправданы. К числу таких аналогий К. Ф. Смирнов относит погребения из могильника Гайманово Поле у с. Балки, захоронения вооруженных женщин на Никопольском поле, в группе Львово I и др. Статистическая обработка погребений рядового скифского населения показала, что захоронения вооруженных женщин — обычное явление в скифском обществе. В половине женских погребений найдены наконечники стрел, а в четвертой части — копья²⁰, что составляет больший процент вооруженных женщин (37%) по сравнению с савроматскими памятниками (20%). Тем самым один из незыблемых, казалось бы, признаков присутствия савроматов или савроматского влияния теряет свое значение. Но при этом сам факт брачных союзов между скифами и савроматскими женщинами (о чем пишет К. Ф. Смирнов) вполне допустим и возможен. Так же трудно не усомниться в сарматской принадлежности случайной находки — клада или инвентаря богатого захоронения конного воина, обнаруженного у с. Марьевка Николаевской обл. и датированного II—I вв. до н. э. Во-первых, это не единый хронологический комплекс, поскольку относящаяся к нему фибула датируется III в. п. э., тогда как все остальные предметы (бронзовые шлем, псалии, ситугла, кольца; железные копья, псалии) — более ранние²¹. Во-вторых, в нем нет никаких специфически сарматских форм инвентаря. А поэтому с большой долей вероятности можно предположить, что эти вещи принадлежали оогатому воину-кельту, о чем упоминает и сам К. Ф. Смирнов.

Хотелось бы также напомнить, что очень близкие идеологические представления ираноязычных кочевников евразийских степей порождали общеирапские формы выражения этих представлений. Поэтому такие

признаки, взятые в отдельности, как трупосожжение или подожжение деревянных погребальных конструкций; сооружение и обожжение глиняных площадок в насыпях курганов; шатровые надмогильные сооружения, далеко выходящие за пределы самой могилы; обширность этих могил, имевших иногда дромосы; мел и меловая подсыпка; каменные блюда или жертвенники, являлись, очевидно, общеиранским достоянием и не могут служить для этнических определений. Памятники, содержащие по одному из этих признаков, а иногда и по несколько сразу, разбросаны на колоссальной территории от Дуная до Восточного Казахстана. Где-то и в какое-то определенное время они проявляются достаточно ярко, где-то — нечетко, в одних районах встречаются часто, в других — крайне редко. Следует подчеркнуть, что и сам К. Ф. Смирнов придерживался тех же общих установок, хотя и не всегда последовательно проводил их (см. раздел о дромосных могилах).

В книге вновь поднята проблема о возможности соотнесения этнических наименований «саи», «фисаматы», «савдораты» не со скифами, как было принято раньше, а с сарматами, кочевавшими во II в. до н. э. в междуречье Днепра и Южного Буга к востоку от Ольвии. Появление здесь во II в. до н. э. или даже на рубеже III—II вв. до н. э. вооруженных отрядов сарматов достаточно правдоподобно и не вызывает возражений. Трудно только представить, что это были большие племенные объединения, кочевавшие здесь постоянно. За исключением единичных находок, на правом берегу Днепра практически нет сарматских памятников этого времени. Массовое переселение сарматов на правобережье происходит только около рубежа нашей эры. Следы его фиксируются пока в единственном памятнике такого рода — могильнике Усть-Каменка. В то же время очень справедливо мнение К. Ф. Смирнова, что утверждение политического господства сарматов на левобережье Днепра на рубеже III—II вв. до н. э. не привело к полному исчезновению здесь скифов.

Большое значение имеют общие теоретические построения К. Ф. Смирнова, содержащиеся в заключительном разделе книги «Сарматские миграции». Автор совершенно прав, выделяя определенные периоды миграций и говоря о многократности, а не о одновременности этого процесса. Каждое из миграционных движений имело свои причины и следствия.

До конца IV в. до н. э. отдельные незначительные проникновения сарматов в Скифию носили мирный характер. По-видимому, к самому концу IV в. до н. э. относится «наиболее ранняя из заметных (сарматских. — М. М.) миграций того времени». Второй, наиболее крупный, этап сарматской миграции К. Ф. Смирнов датирует концом III—I в. до н. э. и связывает с активностью политических союзов во главе с языгами, роксоланами и аорсами. К рубежу нашей эры последний этап заканчивается установлением полного господства сарматов в Северном Причерноморье, которое из бывшей Скифии переименовывается римскими авторами в Сарматию. Может быть, со временем будут уточнены некоторые датировки и отдельные положения, высказанные К. Ф. Смирновым, однако выделенные им периоды сарматских миграций, обусловленных целым рядом причин политического и экономического характера, вряд ли будут оспорены.

К сожалению, в книге так и остались нераскрытыми некоторые замечания автора, сделанные по ходу изложения. Так, говоря о формировании прохоровской культуры в Приуралье, К. Ф. Смирнов неоднократно с большей или меньшей степенью определенности упоминает об участии в этом процессе каких-то приаральских племен скифского времени. В заключении он вновь повторяет, что в сарматскую культуру были включены существенные элементы из Зауралья, Казахстана и Северного Приаралья. Остается непонятным, что же автор имел в виду, говоря о Приаралье. Никакими археологическими источниками, подтверждающими это положение, как и данными письменной традиции мы пока не располагаем.

Заканчивая предисловие, хочется отметить, что появление книги К. Ф. Смирнова является событием в сарматской археологии, поскольку им впервые полностью собран, проанализирован и интерпретирован весь археологический материал с территории Северного Причерноморья, который можно связать с пребыванием здесь сарматов. Отмеченные нами спорные моменты в монографии К. Ф. Смирнова лишней раз подтверждают, что читателю предстоит знакомство с крупным исследованием, которое не только открывает для науки новые страницы истории ранних кочевников евразийских степей, но и будит мысль и заставляет вновь и вновь обращаться к затронутым в нем проблемам.

М. Г. Мошкова

Савроматы и сарматы

морья путем последовательных вторжений и переселений в Скифию с Востока. Диодор (I в. до н. э.) говорит, что новые переселенцы, которых он называет «савроматами», «много лет спустя, сделавшись сильнее, опустошили значительную часть Скифии и, поголовно истребляя побежденных, превратили большую часть страны в пустыню» (Диодор Сицилийский, Библиотека, II, 43, 7)⁸. Он не сообщает о времени этого кровавого вторжения, положившего начало сарматскому периоду в истории Северного Причерноморья. Повествуя о вторжении, Диодор отразил события наиболее активного военного движения восточных соседей скифов. Позже Плиний Старший (23 или 24—79 гг. н. э.) в «Естественной истории» при описании расселения различных племен в Северном Причерноморье на основании старых греческих периплов и современных ему римских дорожников указывает: «По реке Танаису. . . живут сарматы. . . , разделяющиеся на многие племена» (VI, 15, 19). Он подробно перечисляет и называет те мелкие сарматские племена, которые некогда перешли с восточного берега Танаиса (Дона) на западный (VI, 15, 22). В других источниках эти племена, кроме сатархеев, не упоминаются.

Массовое вторжение сарматов в северопричерноморские степи произошло не позже начала II в. до н. э., ибо уже в это время они начинают играть роль в международных событиях античного мира. Так, Полибий описывает современное ему событие 179 г. до н. э. — заключение мирного договора между рядом государств Малой Азии (Понтийское царство, Иергам, Вифиния и Каппадокия), в котором принял участие в союзе с Херсонесом Гатал — царь европейских, т. е. северопричерноморских, сарматов (Полибий, История, XXV, 2; XXVI, 2, 6).

Массовому завоеванию Скифии предшествовал период постепенного проникновения на запад отдельных савромато-сарматских групп, значительная часть которых вышла из большого массива «савроматских» племен, как собственно савроматов Геродота, так и родственных им более восточных племен, живших к востоку от Волги — в степях Южного Приуралья. Точное название последних мы не знаем. Однако их никак нельзя оторвать от собственно савроматов ни по образу жизни, ни по погребаль-

⁸ Все античные источники цитируются по следующим изданиям: *Латышев В. В.* Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. СПб., 1893—1906; *Полибий.* Всеобщая история в сорока книгах. М., 1899, пер. М. Г. Мищенко: ВДИ, 1947-1950.

Античные письменные источники позволяют заключить,

что сарматы установили свое политическое господство в степях Северного Причерно-

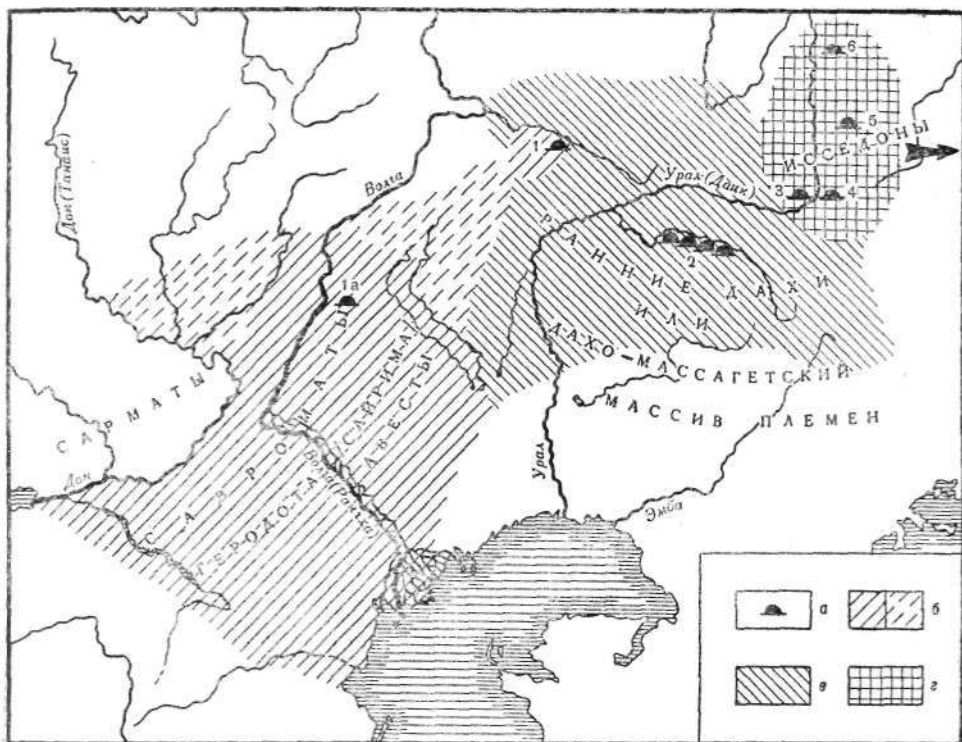

Рис. 1. Варианты савроматской археологической культуры

a — курганные погребения, упоминаемые в тексте; *б* — доно-волжский; *в* — самаро-уральский; *г* — восточноруальский; *1* — группа курганов Шиханы у с. Липовка Бузулукского р-на Оренбургской обл.; *1а* — курган А12 у с. Блюменфельд; *2* — курганные группы на левобережье Илека; *3* — курган Биш-оба близ Орска; *4* — орские курганы (Новокумакская группа); *5* — курганные группы у с. Аландское Кваркенского р-на Оренбургской обл.; *6* — курган у с. Варна Челябинской обл.

ному обряду, ни в целом по материальной культуре *K* Общность их археологической культуры говорит о том, что все они безусловно родственны по происхождению и, вероятно, по языку. Но при этом они могли иметь особые племенные названия. Многочисленные кочевые племена Задонья, Поволжья и Южного Приуралья (рис. 1) представляли большое единство, и я всех их называю условно «савроматами» VII—IV вв. до н. э. — непосредственными предками многих сарматских племен.

История сарматского населения евразийских степей тесно связана с савроматами. Согласно литературной античной традиции многие греческие (в том числе и Диодор) и римские писатели полностью отождествляли новых пришельцев Северного Причерноморья с савроматами. Вероятно, это было не простое автоматическое перенесение имени савроматов на новые объединения кочевников, появившихся в степях Северного Причерноморья, где большая часть областей была некогда занята коче-

выми и оседлыми скифами, и в степях Приазовья, особенно восточнее Меотиды (Азовского моря) и Танаиса (Дона), где кочевали сарматы под разными племенными названиями. Савроматы составили значительный компонент этих объединений. Савроматы и сарматы часто отождествлялись по сходству этнонимов — самоназвания или названия, данного этим племенам со стороны, что мы установить достоверно не можем. Надо думать, что какая-то часть этого родственного массива, господствующая группа племен, сама себя так называла. Отождествлению этнонимов «савроматы» и «сарматы» способствовало и то, что носители их генетически были тесно связаны между собой.

Савроматы — древнейшее население восточной части Приазовья и земель, расположенных преимущественно к востоку от Дона — Танаиса. Об этом свидетельствуют как письменные источники, так и археологические данные². Утверждая автохтонное происхождение ряда племен, вошедших в савроматское объединение (ибо савроматы действительно составляли обширную группу племен, связанных между собой политическим союзом), я разделяю точку зрения М. И. Ростовцева о приазовском «автохтонизме» основного ядра савроматов³. Вероятно, это племенное ядро и имело самоназвание «савроматы», заимствованное античными писателями для обозначения всех племен, живших по Танаису, берегам Меотиды и восточнее, в степях Поволжья. Но я вовсе не разделяю мнения М. И. Ростовцева о полной независимости сарматов от савроматов⁴, поскольку материальную культуру собственно савроматов Геродот нельзя совершенно отрывать от «савроматской» культуры Южного Приуралья⁵. а последнюю — от прохоровской⁶, носителями которой несомненно были сарматские племена. По М. И. Ростовцеву последние составляли новую иранскую волну, отличную от скифов и савроматов. О том, что ядро савроматского объединения сложилось очень давно («во времена Гераклов и Фесеев», по выражению Ф. Г. Мищенко⁷) где-то в степях Меотиды, по берегам Танаиса, свидетельствует легенда о происхождении савроматов, указывающая на тесную генетическую связь скифов и савроматов (Геродот, IV, 110—117⁸). Судя по тому, что савроматы говорили на скифском языке, но издревле искаженном (Геродот, IV, 117), савроматский язык можно рассматривать как один из скифских диалектов⁹. Переселение ранних савроматов к востоку на «три дня пути от Танаиса и три же от озера Меотиды к северу» (Геродот, IV, 116) отражает борьбу отдельных племен скифского мира (в широком понимании этого слова), происходившую в Северном Приазовье после возвращения скифской многоплеменной орды из дальних передневозточных походов.

Вероятно, не позже чем за сто—полтора лет до жизни Геродота савроматы расселились далее на восток от места сложения первоначального своего ядра, отличного от скифского объединения в Северном Причерноморье. Геродот при описании Скифии и расселения савроматов дает уже стабильную картину, на которой савроматский союз занимает обширную степную территорию за Танаисом — Доном: там уже «не скифская земля» — она принадлежит савроматам, «которые, начиная от урла^Меотийского озера, занимают пространство на 15 дней пути к се^веру» (Геродот, IV, 21). О том, что савроматские кочевники прочно занимали междуречье Дона и Волги, а также заволжские степи, возможно,

—1
I
СЗ
(¹)
N^

√
~
Гд

доходя до бассейна Бузулука (Оренбургская обл.), свидетельствуют выразительные, довольно богатые курганы и даже их группы. Еще П. Д. Рау отнес их к Геродотовым савроматам¹⁰, а мною они были включены в поволжскую группу савроматской культуры (рис. 1)¹¹. К ней я позже отнес и некоторые погребальные памятники VI—V вв. до н. э. Бузулукского бассейна (курганы Шиханы у с. Липовка Бузулукского р-на Оренбургской обл. (рис. 1)¹². Эту мою точку зрения оспорил Б. А. Раев, отнеся савроматские курганы Липовки к самаро-уральскому варианту савроматской культуры¹³. Разительное сходство Блюменфельдского кургана А12 с Лшговскими по погребальному обряду и инвентарю он не признал аргументом в пользу отнесения липовских комплексов к савроматам Геродота. Самый же типичный для них комплекс кургана Блюменфельд А12 он связал с переселенцами из Южного Приуралья. Если липовские комплексы нельзя с полной уверенностью связать с поволжской группой, так как в них действительно имеются приуральские черты, которые я не отрицаю, то во всяком случае они отражают тесный контакт между кочевниками Поволжья и Приуралья на их «пограничной» полосе. Такой же пограничной зоной мог служить и кшный правобережный участок р. Урал. В савроматский союз за Доном и на Волге вошли как его основа потомки местных срубных и продвинувшихся сюда андроновских племен эпохи бронзы, что я постарался показать в свое время на основании изучения погребального обряда и некоторых категорий погребального инвентаря, особенно местной керамики¹⁴. Этот факт все больше и больше подтверждается и в результате исследований в Поволжье, особенно новых, правда немногих, памятников переходного типа, т. е. конца эпохи бронзы и начала раннего железного века, новейшая сводка которых (на 1977 г. — до 50 комплексов) дана В. И. Мамонтовым¹⁵.

Можно признать, что прямые предки скифских и савроматских племен •вышли из общего массива прежнего населения — носителей срубной и андроновской (для савроматов) культур евразийских степей. Кому конкретно принадлежали те или иные памятники переходного типа из бассейна •степного Дона и Поволжья, — прямым предкам скифов или савроматов, •сказать невозможно. Археологические памятники скифов и савроматов начала их истории почти не различимы, так как их погребальные обряды и материальная культура в целом имели больше общего, чем раздельного. В период, когда впервые фиксируются события истории скифов (т. е. их ранние походы в Переднюю Азию), в скифскую орду, хозяйничавшую в Закавказье и Малой Азии, вполне вероятно, входили и непосредственные предки савроматов. Эта моя мысль¹⁶ была поддержана В. Б. Виноградовым¹⁷. Он сделал попытку обосновать гипотезу об участии в этих походах и «савроматов», или, точнее, тех родственных причерноморским скифам племен, которые образовали союз «скифских» племен (в широком понимании этого слова) Задонья и Поволжья, выступивших несколько позднее в истории под названием «савроматов». Судя по письменным источникам, образование савроматского союза было тесно связано с ранней историей скифов, со временем их походов и возвращения из Передней Азии.

В ранний период своей истории, согласно прежде всего сообщениям

Диодора Сицилийского (Библиотека, II, 43, 5), «скифы» господствовали на обширной территории «с одной стороны, до восточного океана (т. е. Индийского. — К. С), а с другой — до Каспийского моря и Меотийского озера», т. е. в рамки этой территории входили степи Северного Кавказа¹⁸ и Предкавказья между Доном и Каспийским морем (Диодор, II, 43, 2), на что обратили в последнее время внимание Д. А. Мачинский и А. М. Хазанов¹⁹. Таким образом, надо думать, что среди этих «многих значительных племен» (Диодор) были еще и «несамоопределившиеся» этнически и политически будущие савроматские племена, принимавшие участие в далеких скифских походах. Скифские цари при возвращении из Передней Азии переселили «многие другие покоренные племена». Одним из наиболее важных переселений Диодор называет выселение «из Мидии, основанное у реки Танаида; эти переселенцы назывались савроматами» (Диодор, II, 43, 6). По Диодору, эти-то «последние много лет спустя, сделавшись сильнее, опустошили значительную часть Скифии» (Диодор, II, 43, 7). Таким образом, для Диодора савроматы — прямые предки его современников — сарматов.

Плиний в «естественной истории» называет сарматов «по преданию потомками мидян» (VI, 19). Это тоже, вероятно, связано с возвращением савроматов из Передней Азии вместе со скифами, а не только является свидетельством общности и родства сарматского языка с индийским — родства савроматов с теми мидянами, которые стали ираноязычными²⁰.

Другой древний письменный источник, уже иранский — религиозная книга зороастрийцев Авеста — в своем древнейшем разделе «Гаты» книги Ясна (Яшт XIII, 43; XXI, 52) упоминает и «страну, лежащую на западе». — «сайрима».

Ряд исследователей, и в первую очередь И. Маркварт, связывают «сайрима» с савроматами—сарматами²¹. Один из гимнов Авесты воспекает «мужей праведных сайрима» и «жен праведных сайрима»²². Не сохранились ли в них отголоски почетного положения женщины, как это было у савроматов? Древнейшая часть Авесты (арамейская письменность), вероятно, была оформлена при Дарий I, т. е. в конце VI в. до н. э.²³, а складывалась даже раньше²⁴. События же, в ней отраженные, могут восходить еще ко времени не позже VII в. до н. э.²⁵, т. е. к периоду скифских походов.

Итак, в раннескифское время на рубеже VII и VI вв. до н. э.²⁶, в задонских и предкавказских степях складывается савроматское объединение родственных кочевых племен, которое я связываю с доно-поволжским вариантом савроматской культуры. Нам неизвестно расположение племен «сайрима», но поскольку они отождествляются с савроматами, есть некоторое основание связать их с далекой большой рекой Авесты Рангхой (авест. Ran'ha, Raḥa), сопоставляемой с греческой Ра (Ra) Птолемея²⁷, т. е. с Волгой, по которой жили савроматы и сарматы. Такое сопоставление Рангхи с Волгой И. М. Дьяконов считает филологически вполне допустимым²⁸. Можно, таким образом, считать, что «кочевники, живущие без главы у вод Рангхи» или «в стране на берегах вод Рангхи, которые не знают власти верховных правителей» (Авеста, Вендидад, I, XX, 76—78), и были, возможно, племенами «сайрима», или савроматов²⁹, кочевавших в поволжских степях.

Поскольку кочевники Южного Приуралья (самаро-уральский вариант савроматской культуры) имеют большое сходство с поволжскими савроматами, то рассмотрим вопрос о возможной конкретной этнической принадлежности «савроматов» этой области. О связи этих кочевников с савроматами осторожно высказывался П. Д. Рау³⁰. Позже более уверенно их отождествил Б. Н. Граков³¹. Мое двойственное и как будто противоречивое отношение к «савроматам» самаро-уральской группы³² подверг критике Д. А. Мачинский, предприняв попытку обосновать гипотезу об исседонской принадлежности всех южноуральских кочевников³³. Я по-прежнему отмечаю огромное сходство археологических памятников Поволжья и Приуралья при сравнительно незначительных различиях в локальных группах единой археологической культуры. На основании этого сходства можно уверенно говорить о большой близости этих кочевников. Недавно я уточнил свое отношение к «савроматам» илексской группы, связав ее с родственным савроматам дахо-массагетским миром³⁴. Я не рискнул бы назвать всех приуральских кочевников исседонами, которые, по Геродоту, имеют черты, сближающие их с савроматами: «Женщины у них (исседонов. — К. С.) равноправны с мужчинами» (Геродот, IV, 26). Д. А. Мачинский при локализации исседонов большое значение придает легендарной периегесе Аримаспеи. Между тем, на основании более точных сведений ионийской периегесы, взятой за основу Геродотом, исседонов можно скорее разместить к северу от массагетов и к востоку от аргиппеев (Геродот, I, 201; IV, 23-27).

Археологически самаро-уральская группа «савроматов» значительно менее однородна, чем поволжская. Она размещается на большой степной территории от бассейна р. Самара до бассейнов Ори и верхнего Урала (по р. Суундук — левому притоку Урала). Дальнейшие археологические исследования, вероятно, позволят расширить эту группу к востоку и разбить на дробные варианты, которые, возможно, будут отвечать более мелким племенным подразделениям. Однако уже PI теперь мы можем в общих чертах выделить из нее по некоторым особенностям погребального обряда и инвентаря восточный район в степях и предгорьях бассейна верхнего Урала от Орска до Магнитогорска, включая в него южные районы Челябинской обл.³⁵ В эту группу прежде всего можно включить некоторые памятники восточной Башкирии, южных районов Челябинской обл. (Варна)³⁶, бассейна Суундука (аландская группа «савроматских» погребений)³⁷ и даже «савроматские» курганы по р. Кумачка на восточной окраине Орска и у пос. Новый Кумак (рис. 1)³⁸.

Именно эта группа «савроматских» памятников может больше претендовать на то, чтобы ее назвали собственно исседонской. Ибо исседоны — непосредственные соседи массагетов — жили «напротив массагетов» (Геродот, I, 201), т. е. к северу или северо-востоку от них. Скифские купцы в своих торговых походах от Ольвии на восток³⁹, вероятно, доходили до исседонов, потому что область, «населенная исседонами, хорошо известна» (Геродот, IV, 25). Дж. О. Томсон, следуя Геродоту, помещает исседонов северо-восточнее Каспия, так как массагеты жили к востоку от Каспийского моря, а еще севернее за исседонами, у гор (вероятно, Уральских), располагает других соседей — аргиппеев⁴⁰. На предполагаемой территории исседонов или скорее по соседству с ними было найдено оль-

вийское импортное зеркало (курган Биш-Оба)⁴¹. Памятники восточных районов самаро-уральской группы проявляют некоторые черты сходства с центральноказахстанскими памятниками тасмолинской культуры (каменные жертвенники и единичные курганы с «усами»). Эту культуру К. А. Акшпев и М. К. Кадырбаев не без основания связывают с исседонами⁴², представлявшими по всем письменным данным огромный массив родственных племен.

Мне могут возразить: все же памятники восточной группы самаро-уральского варианта савроматской культуры и памятники тасмолинской культуры Казахстана имеют мало общих признаков и принадлежат разным археологическим культурам. Однако в истории и этнографии нередки случаи, когда этнографическая культура народов одного и того же названия имела разный характер⁴³, особенно, если они расселены на обширных пространствах, как это и можно предполагать для большого исседонского населения. Его западная группа, постоянно контактируя с племенами савроматской культуры, сама могла быть носителем этой культуры. Отдельные группы исседонов могли жить и за Уралом (Геродот), и в Восточном Туркестане, судя по сообщению поздних античных авторов (Птолемей)⁴⁴, если только это не результат позднейших миграций. Сходная картина была и у собственно савроматов. Часть их жила в «Европе», т. е. западнее Танаиса, по крайней мере уже в V в. до н. э. (Псевдо-Гиппократ. О воздухе, водах и местностях, 24)⁴⁵. Но их памятники не выделяются четко, ибо здесь, в отличие от Задонья и Поволжья, где главную роль играла савроматская культура, господствовала культура степных скифов и приазовских «меотов».

Наиболее вероятно, что именно исседоны, непосредственные соседи массагетов и близкие им по образу жизни, жили на какой-то части ареала «савроматской» культуры юго-восточного Приуралья. Я бы назвал их вслед за С. П. Толстовым «отраслью массагетов»⁴⁶, т. е. отнес бы к обширнейшему сако-массагетскому «туранскому» миру.

Прямое отношение к «савромато»-сарматскому миру Южного Приуралья, вероятно, имели древние дахи, или дай, — предки парфян. Первое упоминание о них под названием *daha* мы находим в Авесте (Яшт XIII. 144). Начиная с В. Гейгера⁴⁷, многие исследователи отождествляют их с даями греческих источников. Дай при Геродоте были кочевниками (Геродот, I, 125).

Античные авторы размещают даев—дахов в различных местах Средней Азии и Ирана, но в современной историографии их обычно принято помещать на территории Туркмении⁴⁸. Есть свидетельство о том, что они были выходцами из большой группы или конфедерации племен, кочевавших некогда севернее, между Оксом (Амударей) и Каспийским морем⁴⁹. Только позже они переселились в юго-восточные районы Прикаспия. Они, вероятно, некогда были соседями савроматов—сайрима, ибо последние упоминаются в Авесте рядом с дахами, ария и тура⁶⁰. Древнюю страну даев (дахов) можно поместить согласно сведениям Страбона севернее Каспийского и Аральского морей, в степях, &a значительной части которых нам известны памятники савроматской и сарматской культуры. Это те «скифские и кочевые племена», которые занимали «всю северную сторону рГирканского (Каспийского) моря». Далее Страбон говорит:

/

«Большинство скифов, начиная от Каспийского моря, называются даями (Дас). Племена, живущие восточнее последних, носят название массагетов и саков» (Страбон, XI, VIII, 2). Это была большая конфедерация или союз племен, в которую входили, по Страбону, три племени: «Из даев одни называются апарнами ("Απαρνοι), другие — ксандиями (Ξανδιαί) и третьи — писсурами (Πισσοροί)» (Страбон, XI, VIII, 2). Первоначально это северное расположение даев (дахов) подтверждают следующие слова Страбона: «Апарны—дай, как говорят, были переселенцами из области даев, живущих над Меотидой, которых называют ксандиями или париями» (XI, IX, 3). Известно, что в античной традиции со времен Александра Македонского Меотидой и Танаисом считали не только Азовское море и Дон, но также Аральское море и Сырдарью (Яксарт)».

Возможно, от общего названия этих племен происходит древнее название Урала (Яика) — Даик (Дшѣ; Daicus)⁵². Об этой реке, текущей с гор, имеется упоминание у Птолемея (География, IV, 14, 2—5) и Аммиана Марцеллина (История, XXIII, 6, 63). В историографии давно установилось представление, что Даик — это Урал. Таким образом, вполне вероятно, что приуральские кочевники, оставившие нам памятники савроматского и особенно прохоровского типа, хотя бы частично были выходцами из дахского племенного объединения. Может быть, «савромато»-сарматы бассейна Илека⁶³ и среднего течения Урала к западу от Орска были дахами—даями Авесты и греческих писателей.

Гипотеза о дахо-массагето-сакском происхождении большинства сарматских объединений, вторгшихся в Северное Причерноморье, не нова. Еще М. И. Ростовцев писал, что сарматы — это саки, обитавшие у Аральского моря и между Аралом и Каспием, которые стали вторгаться в «Скифскую империю» в конце IV—III в. до н. э.⁵⁴ Саков он отождествлял с массагетами и дахами. С. П. Толстов включил савроматов, имея в виду их восточное подразделение, т. е. северокаспийское — приуральское, в дахо-массагетский комплекс племен, считая савроматов северо-западной ветвью этого комплекса⁵⁶. Гипотезу об отождествлении ранних кочевников Южного Приуралья — носителей прохоровской культуры — с дахами попытался обосновать Ю. М. Десятчиков⁵⁶.

Наконец, И. В. Пьянков высказал близкую моей точке зрения о тесной связи и даже тождестве «савроматов» Южного Приуралья с западной частью массагетов, а «прохоровцев», хотя бы частично, — с дахами⁵⁷. Эту гипотезу я во многом разделяю и предполагаю, что из дахо-массагетской среды кочевников вышли сарматы—аорсы, создавшие обширное племенное объединение от Танаиса до западных и северных степей областей Прикаспия, а вовсе не по берегам Каспия в буквальном смысле, как превратно понял меня В. П. Шилов⁵⁸. Анализ письменных источников вовсе не позволяет безапелляционно утверждать, как это делает В. П. Шилов, что «протоаорсы никогда не обитали в Южном Приуралье». Ведь по Страбону известно: «Верхние аорсы. . . владели более обширной страной и господствовали, можно сказать, над *наибольшей частью* (курсив мой. — К. С.) Каспийского побережья» (Страбон, XI, V, 8). Те аорсы, которые жили между Меотидой и Каспийским морем, как сообщает Страбон, были «беглецы из среды ныне живущих выше народов», т. е. выходцы из каких-то более отдаленных «северных», согласно географическим представ-

лениям античных ученых, земель, а точнее, расположенных восточнее. Юданоуральские степи нельзя абсолютно исключать из ойкумены обширного союза аорсов, хотя, конечно, точных указаний на этот счет в античных источниках нет. Зато имеется много археологических параллелей, и очень близких, между погребальными комплексами территории аорсов между нижним Доном и районами Северо-Западного Каспия (Астраханская обл.) и сарматскими погребениями III—II вв. до н. э. из иллекской группы курганов⁵⁹. Довольно выразительные параллели, которые устанавливаются между савроматской и сарматской культурами и культурой саков Южного Приаралья⁶⁰, укрепляют мою гипотезу. К тому же, в античной литературной традиции сохранились сообщения о массагетском происхождении алан — одного из наиболее крупных объединений, вышедших из общесарматской среды. Алан связывал с массагетами Дион Кассий (Римская история, LXIX, 15, 1) и дважды Аммиан Марделлин, назвавший алан «прежними массагетами» (История, XXIII, 5, 16; XXXI, 2, 12).

Грозные союзы племен, возглавляемые родственными племенами, которые мы называем общим именем «сарматы»⁶¹ были связаны по происхождению с кочевниками Южного Приуралья и, вероятно, степей Приаралья. У нас нет никакого сомнения в их генетической связи с «савроматами» Южного Приуралья⁶². Археологические памятники их, особенно иллекской группы⁶³, и орские курганы (Ново-Кумакский могильник)⁶⁴ оставили нам выразительные комплексы савроматской и раннесарматской (прохоровской) культуры от VI до III вв. до н. э. Прежде всего, в иллекских и орских курганах мы наблюдаем появление характерных черт прохоровской культуры и культуры сарматской вообще. Там зарождаются уже в савроматское время главные формы погребальных сооружений и общего погребального обряда сарматов — подбойные и катакомбные могилы и могилы с «запелечиками»; уже довольно широко распространяется южная ориентировка погребенных⁶⁵; впервые возникает тенденция к диагональному расположению покойников⁶⁶; из инвентаря появляются круглодонная керамика с характерной орнаментацией⁶⁷, мечи с перекрестиями переходной формы от бабочковидных к дуговидным или в виде переломленных брусков⁶⁸, бронзовые зеркала в виде плоского круглого диска с длинной плоской же ручкой⁶⁹, круглые и овальные жертвенники в виде блюда с бортиком, украшенным рельефным орнаментом, и пр.

Я не хочу сказать, что роль Геродотовых савроматов Подонья и Поволжья являлась в сложении более поздних сарматских объединений незначительной и пассивной. Этногенетические и культурно-экономические связи савроматов Геродота с кочевниками Южного Приуралья были постоянными и тесными в скифо-савроматский период. Впоследствии савроматы, по крайней мере их значительная часть, вероятно, перемешались с южноуральскими кочевниками, возможно, ставшими политически гегемонами, и вошли в новые сарматские объединения. Политическая и экономическая ориентации ираноязычных ранних кочевников самароуральской (дахи, западные массагеты, исседоны?) и доно-поволжской (савроматы) групп в савроматское и раннесарматское (прохоровская культура) время были несколько различными. Если первая была более тесно связана со Средней Азией и Передним Востоком, особенно с ахеменидским

Ираном ⁷⁰, то вторая — со Скифией, городами Северного Причерноморья и меотами Прикубапья, откуда поступали некоторые виды посуды, античный импорт, предметы звериного стиля и пр. Эти различия в культурно-экономической и политической ориентации сохранились и у ранних сарматов Южного Приуралья и доно-поволжских степей, что и отразилось на некотором своеобразии их археологических памятников в обоих регионах ⁷¹.

Итак, сарматы — общее обозначение ираноязычных кочевников степей Шосточно-и'Европы. Это не просто позднейшие савроматы Геродота, а новые союзы родственных племен. В них органически слились савроматские племена Подонья—Поволжья, пришельцы из Приуралья — носители прохоровской культуры — и, возможно, Приаралья. Большинство их, наверное, по языку было очень близко между собой. Сильнее отличались они в этом отношении от скифов (разные диалекты). Но основные этнические ядра их сложения могли быть далеко не одинаковы: где-то ведущую основу составляли прежние савроматы Геродота (сирматы), где-то — родственные племена степного Предкавказья и Восточного Приазовья (сираки и язуги ⁷², последние — от яксаматов (?) по Мюлленгофу). Существенной частью были дахо-массагетские племена Южного Приуралья и Приаралья (аорсы, роксоланы и алапы). Таким образом, рассматривая кочевые племена степей юга Восточной Европы последних трех-двух веков до нашей эры и первых трех веков нашей эры, кроме собственно скифов, я всех их буду называть «сарматами», как называли их и античные авторы. В составе «сарматов» жило и прежнее скифское население, попавшее под власть завоевателей.

Так я представляю себе кочевников обширной степной полосы от Дона до восточных районов Южного Приуралья и отношения между ранними кочевниками Приуралья и савроматами Геродота, а также между носителями савроматской культуры и сарматами в целом как обширной группы родственных племен, создавших новые политические объединения и завоевавших в конце концов Скифию.

xxz~^~zz:xx^:Fz:xxzssz=z=^:~?;:zzx::v?i:i-i

Д₀ предполагаемых ВОСННЫХ

Савроматы в «Европе» (к западу от Танаиса)

Г К " " 1 Т™ Л Т Г ,^B
1E5E%£g2ZZ

.-=^s^ss^sr^z^z^~rz^;^~zz.^s^zxsrs:sss:sss:.

ного союза сарматов во главе с аорсами ^x отношения сав-

роматов со скифами в основном были мирными. Спокойно функционировал скифский торговый путь на Восток, проходивший через земли савроматов ². Савроматы принимали участие в военных делах скифов в конце VI в. до н. э., будучи их союзниками в войне против Дария (Геродот, IV, 19) ³. Так, вероятно, продолжалось до конца IV в. до н. э., и лишь после гибели скифского царя Атея в 339 г. до н. э. в войне против Филиппа Македонского, когда Скифия испытала первое политическое ослабле-

ние⁴, положение изменилось: прежние мирные отношения скифов со своими восточными соседями постепенно сменяются враждебными.

Но прежде чем перейти к изложению первых военных столкновений савроматов и сарматов со скифами, рассмотрим вопрос о том, когда же савроматы, по представлению античных авторов, появились в «Европе», т. е. западнее Танаиса.

В последние десятилетия весь акцент в изучении савроматов и сарматов был перенесен на задонско-поволжские степи, где в основном кочевали эти племена. И только Д. А. Мачинский⁵ и вслед за ним В. Е. Максименко⁶ всерьез обратили внимание на исторический факт раннего присутствия савроматов и сарматов в «Европе», т. е. западнее Танаиса, который, по представлению греческих писателей, отделял Европу от Азии (Геродот, IV, 45; Аристотель, О вселенной, гл. III; Дионисий Периегет, Описание населенной земли, 14—22). Д. А. Мачинский использовал для своих доказательств только письменные источники, В. Е. Максименко привлек и археологические данные.

Я уже писал, ссылаясь на легенду о происхождении савроматов, что их первоначальное ядро сформировалось где-то на Меотиде и по Танаису, а затем савроматы расселились до Волги и восточнее, создав большой союз родственных племен⁷. Уже из сведений Геродота ясно, что скифы не занимали все степи Северного Причерноморья вплоть до Танаиса, о чем можно судить по сообщению о расселении царских скифов. Их постоянной границей на востоке в то время было «торжище при Меотийском озере, называемое Кремнами», а далее лишь «частью. . . их владения простираются до реки Танаиса» (Геродот, IV, 20).

Вполне можно допустить, что савроматы или, точнее, те «скифские» племена, которые создали объединение, отличное от собственно скифов, жили с самого основания их союза на Меотиде и на правом берегу Танаиса⁸. Правда, массовых достоверных археологических памятников поволжского савроматского типа на донском правом берегу нет. Впрочем, некоторые из них несколько отличаются от собственно скифских отдельными признаками, свойственными только савроматам: куски мела и меловая посыпка, каменные жертвенники и пр. Определение этнической принадлежности подобных памятников затрудняется тем, что савроматские археологические памятники, особенно наиболее ранние и «рядовые», часто очень похожи на скифские степные. Недаром Б. Н. Граков в 20-е годы отнес поволжско-уральские памятники VI—IV вв. до н. э. к варианту скифской культуры понтийских областей и связал их со скифами, оставшимися в волжско-уральских степях в результате скифской миграции из Азии⁹.

Памятники ранних кочевников Северного Причерноморья и правобережья Дона тем более могут входить в единый круг «скифских» степных по причине большого родства скифов и савроматов, отразившегося в легенде о происхождении последних в результате браков скифов с «амазонками». К тому же, при непосредственном соседстве и особенно тесном контакте со степными скифами территория кочевников правобережья Танаиса вошла в область скифской степной культуры как отдельный, еще четко не выявленный в археологии вариант (донская группа)¹⁰. Каким племенам он принадлежал, — без письменных свидетельств сказать невозможно. Они имеют решающее значение в этнических определениях. Достоверно,

что савроматы в «Европе» были но крайней мере уже в V в. до н. э., занимая определенные районы Северного Приазовья и правобережья Дона. Об этом сообщает Псевдо-Гиппократ: «В Европе есть скифский народ, живущий вокруг озера Меотиды и отличающийся от других народов. Название его — савроматы» (О воздухе, водах и местностях, 24).

Таким образом, действительно западными землями савроматов уже во времена Геродота могли быть некоторые районы Северного Приазовья и правобережья нижнего Дона, но основной массив савроматского объединения он знал только за Тапаисом—Доном. По Геродоту (IV, 123) западнее Танаиса какие-то земли Меотиды занимали «меоты», явно не тождественные по погребальному обряду и отчасти по инвентарю меотам Восточного Приазовья и Прикубанья. Меоты Северного Приазовья — название скорее географическое, связанное с Меотидой, а не этническое. По Геродоту через земли «меотов» протекали Танаис и Сиргис (Иргис), впадающий в Танаис (IV, 57). Сиргис—Иргис исследователи обычно отождествляют с Северским Донцом. Ие были ли приазовские меоты теми гинекократическими племенами — «амазонками»-савроматами (?), которые, согласно легенде о происхождении савроматов, вступили в союз со скифами? Эту точку зрения высказал впервые Ф. Г. Мищенко¹¹. Близкого мнения придерживался М. И. Ростовцев¹². Недаром некоторые античные авторы путали савроматов и меотов. Так, например, Эфор считал приазовское племя язаматов савроматами, а Деметрий Каллатийский — меотами, как передает безымянный автор одной периегесы (землеописания), приписываемой Скимну, жившему в III—II вв. до н. э. (Псевдо-Скимн, 874—885). То же сообщают Стефан Византийский в «Описании племен» (иазабаты) и безымянный автор, живший в V в. н. э., в своем «Объезде Евксинского Понта» (72"45). Допуская наличие отдельных савроматских памятников на донском правобережье¹³, я согласен с предположением В. Е. Максименко, что кочевники этих районов в скифское время могли составлять западную часть савроматского объединения под названием сирматов¹⁴.

Пока можно назвать лишь несколько памятников скифского времени на правобережье нижнего Дона, которые соответствуют савроматским по времени или имеют некоторые черты, сближающие их с савроматами Западонья. Прежде всего следует указать на два погребения у г. Константиновск (рис. 2, 5; 3, 1; 4, 1), исследованных В. Я. Кияшко в 1967—1968 гг. и относящихся к архаическому скифскому времени. Одно из них — рубежа VII—VI или самого начала VI в. до н. э.¹⁵, когда савроматы и скифы были особенно близки по материальной культуре и обряду. Однако в могила у ноги погребенного были кусок мела и меловая посыпка. Такие особенности вообще, как правило, чужды скифскому обряду и появляются в Скифии, как считает и В. С. Ольховский, только в основном под савроматским влиянием в IV—III вв. до н. э.¹⁶ Перекрытие могилы было подожжено! как во многих савроматских погребениях. Отличается это погребение от типично скифских и тем, что во рву, окружавшем могилу, лежало овальное песчаниковое блюдо с бортиком (рис. 3, 6), вероятно, аналогичное по функции блюдам-жертвенникам, которые известны в «савроматском» мире преимущественно Южного Приуралья¹⁷ и реже Поволжья¹⁸. Подобная находка встречена и в одном из ростовских курганов VI в. до н. э. (рис. 4, 4) исследованных в 1967 г. И. Б. Брашинским, который назвал это погреб

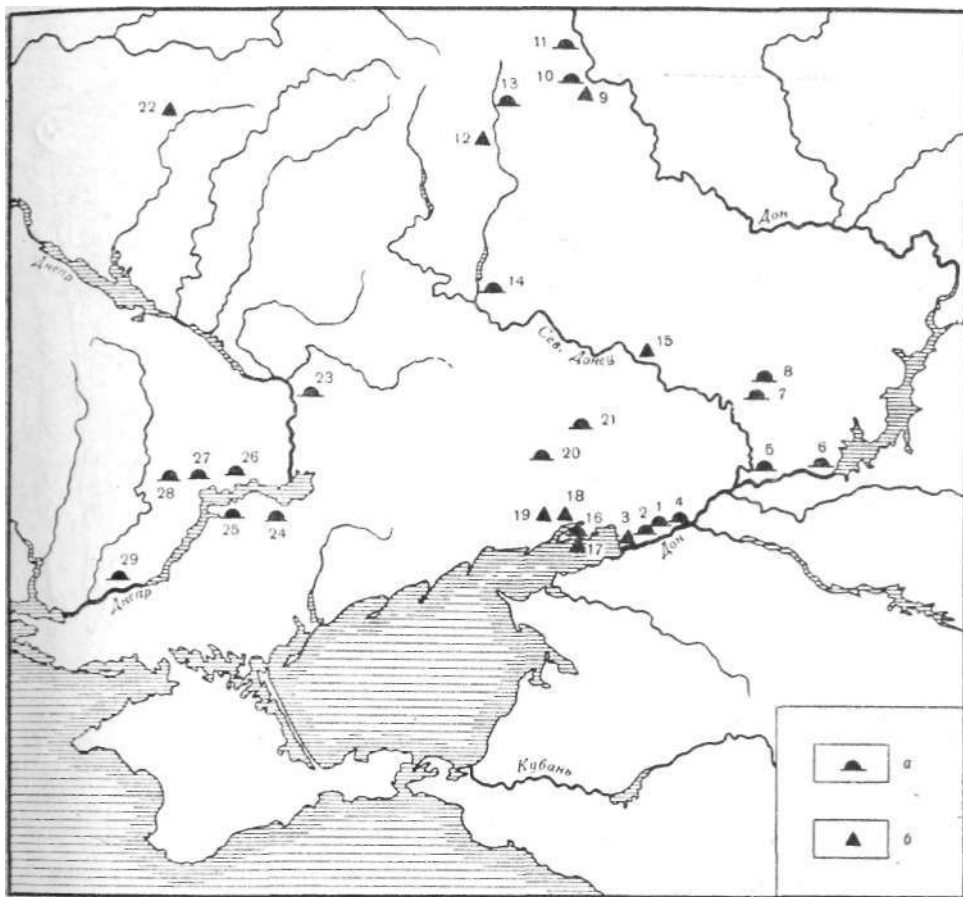

Рис. 2. Памятники савроматов и сирматов VI—III вв. до н. э. и "отдельные признаки их культуры в Северном Причерноморье

а — курганы; *б* — отдельные находки; 1 — Ростов-на-Дону, западная окраина; 2 — с. Ливенцовка; 3 — ст. Елизаветовская; 4 — хут. Краснодарский; 5 — Константиновен; 6 — хут. Карнауховеткий; 7 — пос. Шолоховский; 8 — хутора Сладковский и Кашеевка; 9 — Острогожский уезд; 10 — с. Русская Тростянка; 11 — с. Мастюгино; 12 — с. Веселое; 13 — д. Дуровка; 14 — с. Яремовка; 15 — с. Николаевна; 16 — Беглицкая коса; 17 — Золотая коса; 18 — с. Троицкое; 19 — юго-восток Донецкой обл.; 20 — ж.-д. станция Квашино; 21 — с. Никифорове; 22 — Роменский уезд; 23 — д. Вороная; 24 — с. Балки; 25 — с. Ушкалка; 26 — Никополь; 27 — с. Кут; 28 — с. Грушевка; 29 — с. Львов

ние скифским¹⁹. Каменное «овальное блюдо с рыльцем» найдено на песчаных буграх (вероятно, развеянное погребение) близ ст. Елизаветовская в устье Дона (рис. 2, 3)²⁰, в районе прямого контакта савроматов с племенами скифов и меотов, каким была дельта Дона. Такое же каменное блюдо с рыльцем (рис. 3, 8) найдено в 1971 г. в тризне кургана 4 у с. Николаевка Старолуганского р-на Ворошиловградской обл. на правом берегу Северского Донца (рис. 2, 15)²¹.

Рис. 3. Памятники савроматской культуры VI—V вв. до н. э. на правобережье Дона
 1—в — погребение у Константиновска: 1 — план погребения (а — остатки древесины от столбов; б — галька; в — мел; г — кости быка; д — сосуд), 2 — лошенный сосуд, 3 — обкладка с изображением оленей, 4 — наконечник ножен, 5 — лепной горшок, 6 — блюдо; 7 — жертвенник *т* хут. Краснодарский; 8 — жертвенник из тризны кургана бус. Николаевка (1971 г.); 2, 5 — глина; 3 — кость; 4 — бронза; 6 — « — камень

Назначение этих каменных блюд, вероятно, было таким же, как и у савроматов Поволжья. И здесь, как и в мире ранних кочевников Приуралья, они служили прежде всего атрибутами жрицы, о чем можно судить по находке такого блюда в женском погребении ростовского «скифского» кургана²². Таким образом, «гинекократические» черты, свойственные савроматам, мы можем, пока правда слабо, проследить и у населения нижнего Дона в раннескифское время. О тесном культовом родстве с «савроазиатским» миром Южного Приуралья свидетельствует находка типично приуральского каменного блюда на трех ножках, трактованных в виде оскаленной

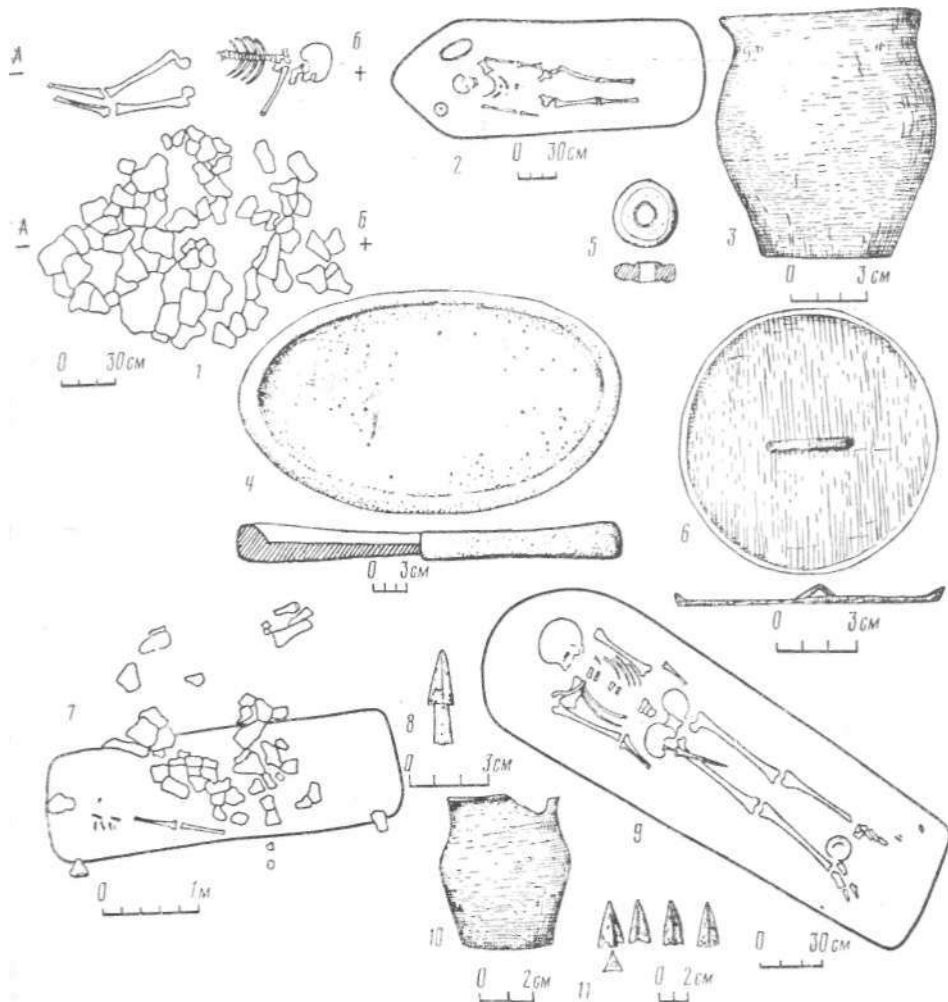

Рис. 4. Савромато-сарматские памятники правобережья нижнего Дона и его устья
 1 — план погребения в кургане 2 у Константиновска (1967 г.); 2—в — ростовский курган 5, погребение 1 (1967 г.); 2 — план погребения, 3 — лепной горшок, 4 — блюдо, 5 — пряслице, 6 — зеркало;
 7,8 — Ливенцовка, курган 3 (1963 г.): 7 — план погребения, 8 — наконечник стрелы; 9 — Ливенцовка, грунтовой могильник, погребение 10: 9 — план погребения, 10 — лепной горшок, 11 — наконечники стрел; 3, 10 — глина; 4 — камень; 5 — свинец; 6, 11 — бронза; 8 — железо

пасти хищника (медведя?), у хут. Краснодарский близ Новочеркасска (рис. 2, 4; 3, 7)²³. Этот жертвенник был найден в 1908 г. в парном курганном погребении, в головах одного из покойников, ориентированного на север²⁴. Можно лишь предполагать, что в этой могиле была погребена жрица восточного (приуральского) происхождения.

На левобережье нижнего Дона и в Приазовье выделяется большая группа литых «скифских» котлов бокаловидной формы, которые не ха-

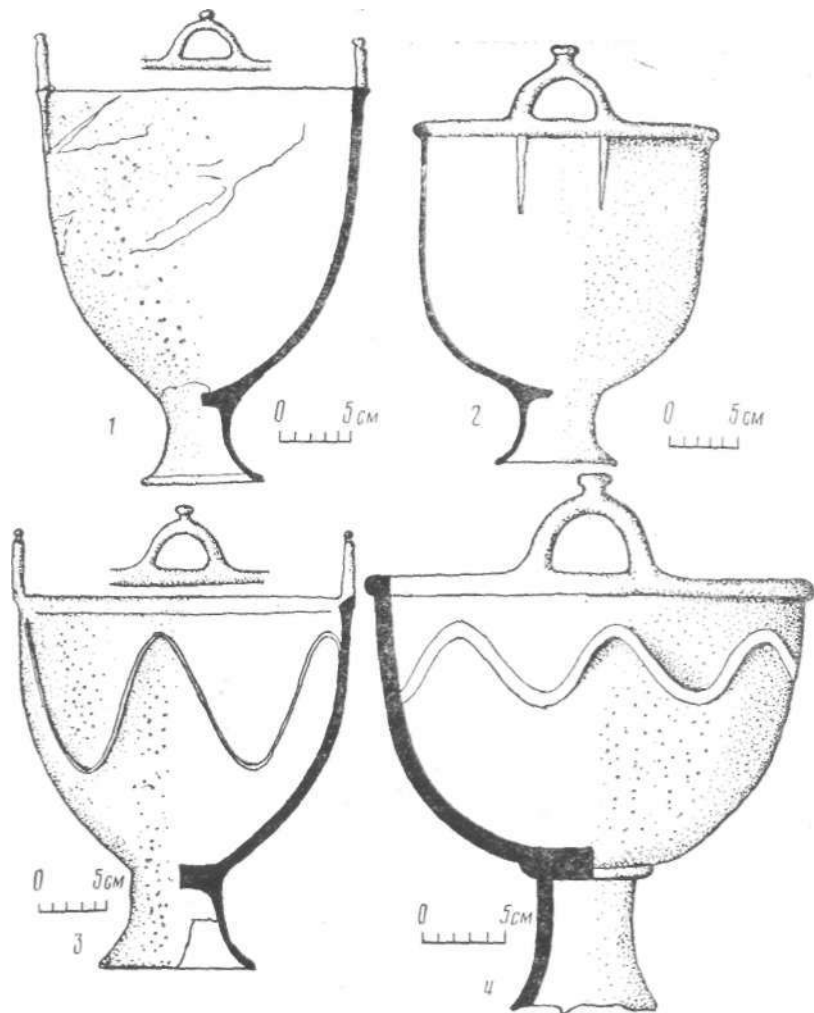

Рис. 5. Бронзовые котлы V—IV вв. до н. э., -из Северного Приазовья и левобережья нижнего Дона

1 — Золотая коса; 2 — Троицкое; 3—юго-восток Донецкой обл.; 4 — Шолоховский

рактерны для коренных, собственно скифских земель. Все они имеют пару ручек с гвоздевидным выступом на каждой. Они собраны В. М. Косяненко и В. С. Флеровым²³ и хранятся в собрании Таганрогского музея (рис. 5). Один из них найден на Золотой косе М. А. Миллером (рис. 2, 17), другой — у с. Троицкое Неклиновского р-на Ростовской обл., на Миусе (рис. 2, 18), третий — на юго-востоке Донецкой обл. на границе с Ростовской (рис. 2, 19). Последний очень близок по форме и зигзагообразному рельефному орнаменту к котлу, найденному в 1976 г. Азово-Донской экспедицией в кургане IV в. до н. э. у пос. Шолоховский Белокалитвен-

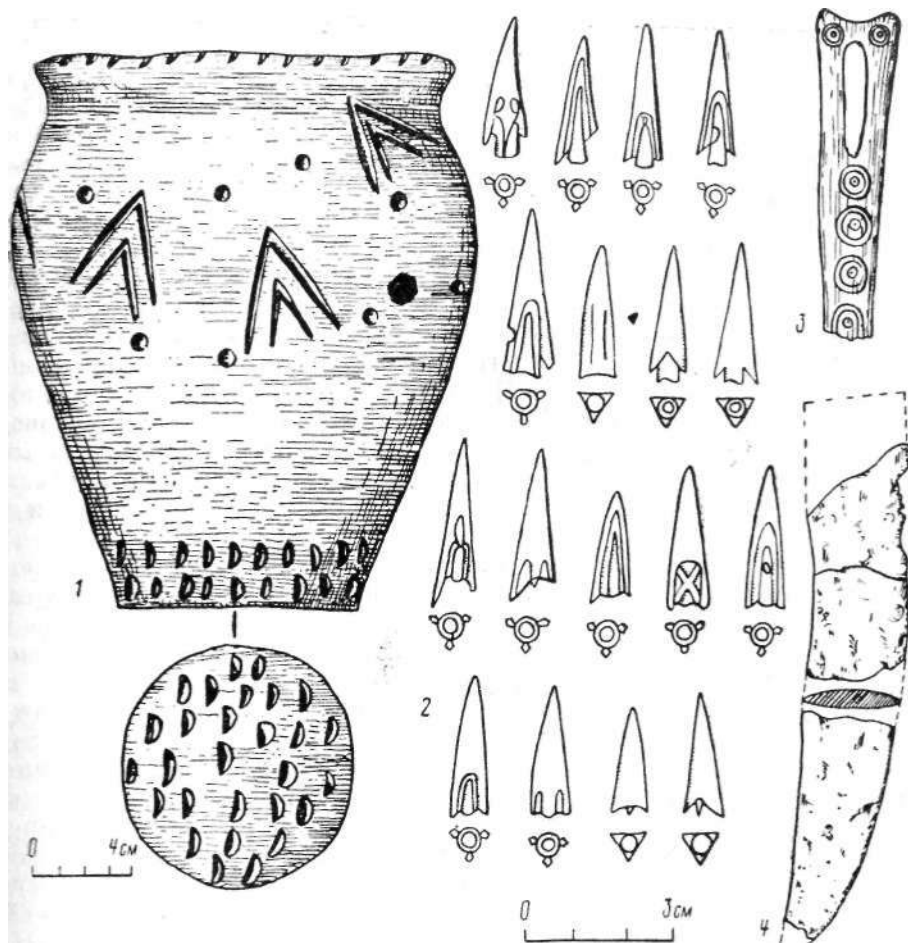

Рис. 6. Комплекс вещей из савроматского погребения с трупосожжением у пос. Никифорове Донецкой обл.

1 — глиняный горшок; 2 — бронзовые наконечники стрел; 3 — костяная поделка; 4 — обломки железного ножа

ского р-на Ростовской обл. (рис. 2, 7; 5, 4). Нельзя быть уверенным, что все эти котлы из Таганрогского музея связаны с савроматами. Однако Шолоховский курган — скорее всего савроматский (сирматский). К тому же, подобные типы котлов давно известны по находкам начала V в. до н. э. в Соболевском кургане бассейна Бузулука и в Куйбышевской обл.²⁶ Соболевский погребальный комплекс входит в круг савроматской культуры, а может быть, принадлежит собственно савроматам, как и курганы У с. Липовка Бузулукского р-на, находящиеся сравнительно недалеко от Соболевского кургана.

Интереснейшее, явно савроматское погребение с трупосожжением исследовано в 1975 г. Донецким областным историческим музеем (О. Я. Привалова). Оно обнаружено в Шахтерском р-не Донецкой обл. на западном побережье р. Миус в 1 км к востоку от пос. Никифорове (рис. 2, 21) и ныне представляет наиболее крайний пункт распространения савроматских групп, проникших к западу от Танаиса—Дона. Погребение открыто в кургане высотой 1,3 м и диаметром 21 м. В центре кургана на глубине 0,70 м от поверхности обнаружен мощный слой глины розоватого цвета — площадка округлой формы (6,5х7 м), толщиной 0,60 м, ориентированная широтно. В слое розовой глины лежала известняковая плита, под которой находились 35 обожженных наконечников стрел и фрагмент костяного предмета (рис. 6, 2, 3). В 3 м от плиты, также в слое розовой глины, найдены развал лепного плоскодонного горшка, украшенного прочерченным и ямочным орнаментом (рис. 6, 1), крупный кусок мела с обработанным краем, обожженный бронзовый наконечник стрелы, обломки железного ножа (рис. 6, 4) и кальцинированные кости человека и животных. В насыпи над глиняной площадкой встречены камни и известковые плиты, образующие как бы панцирь или заклад. Некоторые камни были обожжены и закопчены.

Здесь перед нами типичный случай трупосожжения, совершенного, вероятно, на месте, на древнем горизонте, не раз зафиксированный у савроматов Поволжья и у кочевников савроматской культуры Приуралья²⁷. Но дело не только в этом, ибо обряд трупосожжения был распространен в то время у разных племен и народов. Особого внимания заслуживает сосуд, форма которого хорошо известна в керамике и скифов, и савроматов. Она общая для всех степняков скифо-савроматского мира. Орнамент же позволяет включить этот сосуд в состав характерной группы керамики савроматской культуры в целом и савроматов Подонья и Поволжья в частности. Многие савроматские сосуды различных форм имеют глубокие круглые ямки и пальцевые вдавления, расположенные нерегулярными рядами под венчиком или на самом тулове, иногда внизу у дна²⁸, как и на сосуде из Никифорова. Иногда глубокие вдавления покрывают все тулово²⁹. Этот орнамент не характерен для скифов Поднепровья. В кургане у Никифорова безусловно погребен воин — восточный сосед степных скифов, принадлежавший к западной группе савроматов-сирматов.

Комплекс бронзовых наконечников стрел, найденный в Никифорове, относится к хронологической группе III по А. И. Мелюковой, датированной ею в целом V—IV вв. до н. э.³⁰ Следовательно, это савроматское погребение не моложе IV в. до н. э., а скорее относится к концу V—началу IV в. до н. э., судя по ряду форм наконечников стрел, особенно с внутренней втулкой и боковым шипом.

Почти все отмеченные выше погребения с савроматскими чертами найдены на правобережной полосе нижнего течения и устья Дона и в Приазовье вплоть до Миуса. Однако савроматские черты наблюдаются и на памятниках правобережья среднего течения Дона, в пределах Воронежской обл., которые П. Д. Либеров относит к будинам³¹, якобы совершенно не испытавшим никакого влияния савроматов — своих непосредственных южных и восточных соседей. Среднедонская культура была сложна по происхождению и культурным компонентам. Я уже отмечал сильное савро-

матское воздействие и большое сходство савроматских и «будинских» памятников в некоторых чертах обряда и инвентаря³². Савроматы, заселявшие степные левобережные и правобережные районы нижнего Дона, могли проникать довольно далеко вверх по Дону, смешиваясь с местным населением или живя с ним по соседству. Об этом свидетельствуют некоторые погребения, исследованные П. Д. Либеровым и А. И. Пузиковой.

Большой интерес представляют Мاستюгинские курганы (рис. 2, 11), которые имеют признаки большей архаичности, чем остальные курганные группы среднедонской культуры, в том числе знаменитые Частые курганы, расположенные севернее³³. Особенно интересны здесь впускные в насыпь погребения, обряд которых характерен для ранних впускных погребений степных кочевников, как скифов, так и савроматов (западная и юго-западная ориентировка, кисть одной руки — на тазовых костях; рис. 7, 4—6)³⁴. И вообще господство в Мастюгинских курганах западной и юго-западной ориентировки³⁵ сближает их с памятниками скифо-савроматского мира. Отдельные сосуды мастюгинских погребений выявляют большое сходство с савроматской керамикой или по форме, или по орнаменту (рис. 7, 10, 11)³⁶. Находимые в тех же курганах и вообще на среднем Дону бронзовые колесики с четырьмя и более отверстиями³⁷ — обычная находка в погребениях савроматской культуры как на Волге, так и в Южном Приуралье (рис. 7, 7—9). Вероятно, не без влияния савроматов, особенно в южных районах среднедонской культуры, возникли яркие признаки культа огня в том же проявлении, что и у савроматов, — подожженные могильного сооружения, трупосожжения на горизонте, подобные обряду Никифоровского кургана. Эти случаи известны в Мастюгинских курганах и в одном из курганов у с. Русская Тростянка (рис. 2, 10)³⁸. П. Д. Либеров признает, что трупосожжения на горизонте необычны для среднего Дона скифского времени³⁹. Шатровые надмогильные сооружения, далеко выходящие за пределы самой могилы, и сами обширные могилы, иногда с дромосами, известный в Мастюгинских курганах⁴⁰, в курганах у Русской Тростянки (рис. 7, 1—3)⁴¹ и особенно в Дуровке Белгородской обл. (рис. 2, 13), по соседству с Воронежской обл.⁴² Обычно они сопоставляются со среднеднепровскими памятниками скифского времени⁴³. Но они также близки погребениям, которые известны в «савроматских» и раннесарматских (прохоровских) курганах Оренбуржья⁴⁴, но пока не отмечены у савроматов Поволжья. Курганы у д. Дуровка, входя в юго-западный район распространения памятников среднедонской культуры, по П. Д. Либерову, интересны для нас и другими чертами обряда, характерного для савромато-сарматских племен: случаи трупосожжения, обожжение деревянной облицовки могилы и особенно — меловая посыпка и южная ориентировка⁴⁵.

Вряд ли прав исследователь «будинских» памятников среднего Дона П. Д. Либеров, который отрицает какие-либо связи среднедонского населения скифского времени с савроматами⁴⁶ и не видит многочисленных параллелей между ними ни в погребальном обряде, ни в вещевом материале. Открытые в 1976 г. Азово-Донской экспедицией яркие погребальные комплексы IV в. до н. э. у пос. Шолоховский Белокалитвенского р-на и у хут. Сладковский Тацинского р-на Ростовской обл.⁴⁷ и в 1977 г. — У с. Кашеевка⁴⁸, содержавшие многочисленные вещи среднедонской куль-

туры при ведущей савромато-сарматской линии погребального обряда, не оставляют у нас сомнения в тесных контактах населения Среднего и Нижнего Подонья в скифское время. Подробнее об этих памятниках мы скажем ниже.

Известные ныне погребальные комплексы, которые можно связать с западными савроматами, одни — более уверенно (Никифорове), другие — с некоторой долей вероятности (Константиновск), обнаруживают своеобразие, свидетельствующее о том, что культура савроматов правобережья Подонья и Северного Приазовья все же отличалась от «классической» культуры савроматов, живших восточнее. В культуре, особенно материальной, у савроматов этих областей, естественно, ярко проявляются элементы культуры их непосредственных соседей — степных скифов Северного Причерноморья, «меотов» Северного Приазовья и среднедонского населения. С другой стороны, савроматы Подонья в IV в. до н. э., видно, уже испытывают влияние пришедших в движение задонских савроматов и кочевников дахо-массагетской группы племен Южного Приуралья (могилы с дромосом, интенсивная меловая посыпка, южная ориентировка, керамика, зеркало с овальным диском и плоской ручкой, бронзовая жаровня, костяная ложечка, золотая оковка деревянного кубка), т. е. у них появляются новые черты, свойственные ранней прохоровской культуре.

Особенно важна проблема взаимоотношений савроматов с населением среднего Дона, которое, правда, пока нельзя отождествлять с западными савроматами, а их культуру объявить савроматской. Однако савроматские памятники междуречья Северского Донца и Дона ярко свидетельствуют о тесных культурных и этнических контактах савроматов со среднедонским оседлым населением. На среднем и нижнем Дону происходит взаимопроникновение элементов материальной культуры и даже обрядов савроматов и среднедонского населения. Особенно это сказывается в IV—III вв. до н. э., когда западнее Дона появляются, по свидетельству античных авторов, сирматы. Не исключено, что воинственные савроматы-сирматы проникали на север по Дону, подчиняя себе местное население. А такие курганы, как Дуровские или Мастюгинские в южной части среднедонской территории, возможно, даже оставлены если не ираноязычными сирматами, то во всяком случае смешанным населением из местных аборигенов и ираноязычных пришельцев.

Гипотеза о расселении савроматов в «Европе» довольно стара и восходит к Ф. Линднеру и Н. Надеждину (40-е годы XIX в.). Она связана с толкованием Северского Донца как древнего Танаиса⁴⁹. Уже Ф. Линднер видел в Северском Донце Танаис древних авторов⁵⁰, и потому размещал савроматов не только на левобережье, но и на правобережье Дона, вплоть до Кальмиуса. Некоторые русские авторы и прежде всего Н. Надеждин⁵¹, отталкиваясь, вероятно, от Ф. Линднера в комментариях к карте Геродота, также считали, что обширная территория савроматов доходила «от устьев Дона почти до нынешнего Харькова», захватывая «не только всю нынешнюю землю донских казаков, но и несколько уездов Екатеринославской губернии» и «всю южную половину губернии Харьковской»⁵². Северский Донец Надеждин считал постоянной границей между Скифией и савроматами.

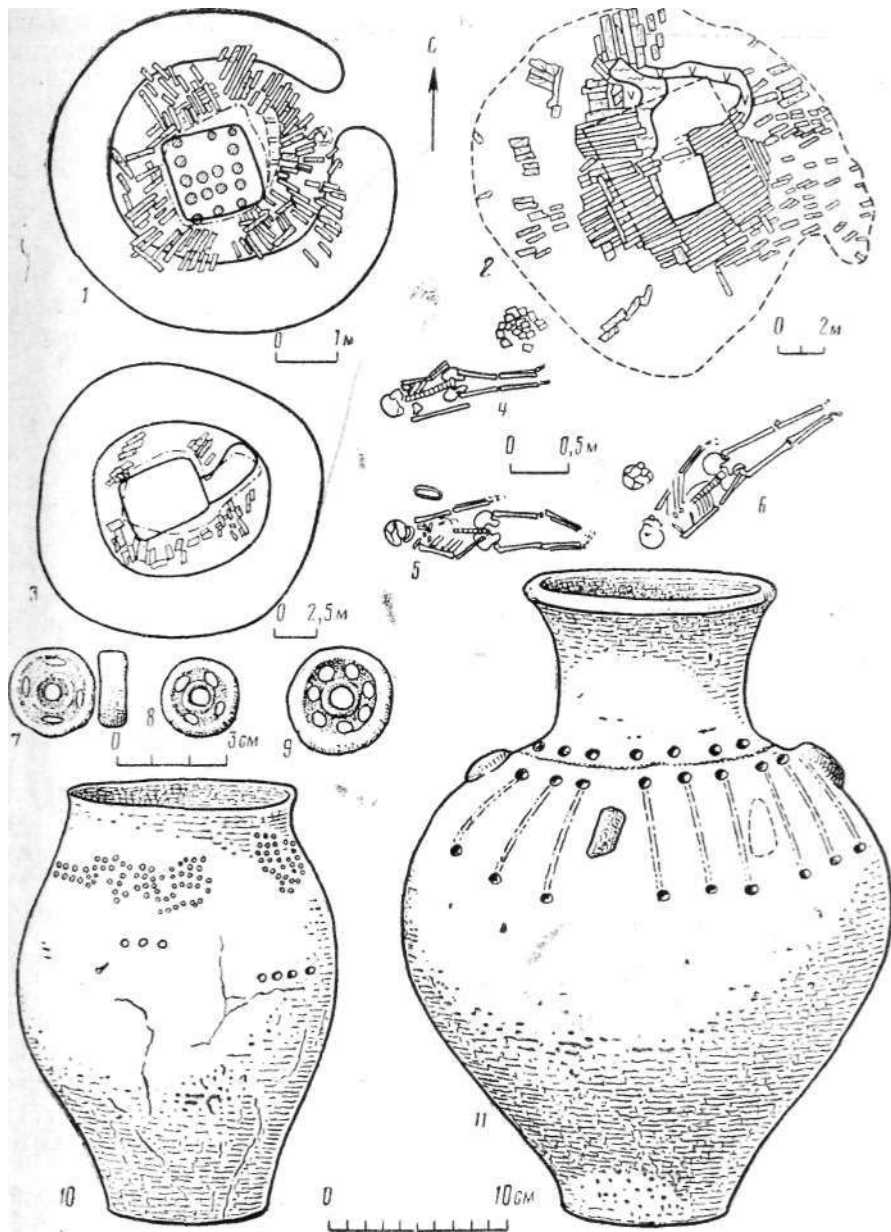

Рис. 7. Некоторые погребения и вещи среднедонской культуры Воронежской обл., аналогичные савроматским

1, 3—надмогильные сооружения из Мастогиных курганов; 2— план могильного сооружения из кургана у с. Русская Тростянка; 4—в—впускные погребения из Мастогиных курганов; 7—9 — бронзовые колесики из Мастогиных и Частых курганов; 10, 11 — глиняные сосуды из Мастогиных курганов

В советском скифоведении гипотезы Линднера—Надеждина придерживался М. И. Артамонов, принимавший Северский Донец за вероятный Танаис и размещавший савроматов по обеим сторонам Дона, в том числе и в степном междуречье между Доном и Северским Донцом^{5а}. Близкая точка зрения высказана в последнее время Б. А. Рыбаковым^н. И все же Геродот скорее всего называет Танаисом именно Дон, его самое нижнее течение, а не Северский Донец. Ведь у него река Танаис «впадает в отдаленнейший угол (Меотийского. - К. С.) озера» (IV, 100). Северский же Донец впадает в Дон, а не в Азовское море, и вполне вероятно, что Северский Донец — это Иргис Геродота: «В этот Танаис впадает другая река, именуемая Иргис» (IV, 57). Некоторые исследователи отождествляют Иргис с Сиргисом того же Геродота, который перечисляет реки, вытекающие из земли фиссагетов и впадающие в Меотиду: Лик (Яик—Урал?), Уар (Ра-Волга?), Танаис и Сиргис (IV, 123). Здесь Сиргис упоминается с Танаисом, и вероятно, как его приток. Северский Донец впадает с запада в нижнее течение Дона, и, таким образом, обе эти крупные реки впадают в Азовское море. Однако не исключено, что Северский Донец иногда действительно принимался античными авторами за самый Дон, т. е. отождествлялся с Танаисом.

Основной массив савроматов, о которых знал Геродот от своих информаторов, жил за Танаисом—Доном. Об этом свидетельствует и сообщение ?_T{f-Г₁СтмРтм ° том, что Меотида «отделяет скифов царских от савроматов» (IV, о/), да Танаисом уже не скифские земли: «первый из тамошних участков земли принадлежит савроматам». Танаис же, по сведениям Геродота, впадает в «угол Меотийского озера» (IV, 21, 57). Савроматы, не составляя значительной массы населения западнее нижнего Дона и к тому же изменившиеся под большим влиянием своего могущественного соседа — скифов, вряд ли могли оставить заметные следы в археологии Подонья. Культура западных савроматов, тесно соприкасавшихся со скифами и «будинами», т. е. жителями среднего Дона, и со скифской культурой, во многих чертах могла быть тождественна скифской и «будинской»* тем более, что долгое время савроматы находились в основном в мирных отношениях со скифами и будинами.

О савроматах в «Евроце» сообщает не только Псевдо-Гиппократ, но и другие древние авторы. Как считает М. И. Ростовцев, по всей вероятности, и с)фор (^Оо—330) знал «сарматов не только в Азии, но и в Европе»⁵⁵. Извлечения из IV книги Эфора «Ебрижг», которая не сохранилась, приведены у Страбона (VII, 3, 9). Здесь вместе со скифами упоминаются и савроматы. Они «не одинаковы по образу жизни»: одни жестоки и едят человеческое мясо (савроматы. - К. С.), другие, напротив, воздерживаются от употребления в пищу даже животных (скифы. — К. С.).

Весьма интересны свидетельства Помпония Мелы (I в. и. э.) Его этнографическая характеристика построена на старом материале ионийских географов и Эфора⁵⁶. В передаче Помпония Мелы «савроматы одно племя, но разделенное на несколько народов с разными названиями». Они владеют берегами Танаиса и прибрежными местностями (Землеописание, I, 11.). Отшэчая многочисленность савроматов, он включает в их состав меотов: «Первые меотиды, женовладеемые, занимают владения амазонок, степи, богатые пастбищами, но в основном скудные и голые». Меотов

здесь, вероятно, следует понимать не как отдельную этническую группу, а прежде всего как географическую единицу, т. е. как одно из племен Приазовья, вошедших в состав савроматского объединения.

Савроматы занимают область по обе стороны Дона и у Дионисия Периегета (II в. н. э.) в его «Описании населенной земли»: «Европу от Азии отделяет посередине Танаис, который, кажется, через землю савроматов течет в Скифию» (14—22). Этот автор римского времени передает эллинистическую географию Причерноморья с более древней картиной размещения племен ~⁵⁷. «Савроматские племена», живущие «вблизи Меотийского озера», у Дионисия не новые завоеватели — сарматы, а «славный род воинственного Ареса», происшедший от «могучей любви амазонок» (652—710). И у Дионисия савроматы составляют большую группу населения, разделенную на несколько племен. Одно из них могло называться «сирматами». Этот этникон появился в античной литературе уже в IV в. до н. э. С сирматами времени Эфора (IV в. до н. э.) можно с полной уверенностью связывать погребальные комплексы IV в. до н. э., открытые Азово-Донской экспедицией в 1976 и 1977 гг.

В немногочисленных пока памятниках, которые мы можем связывать с западными савромагами — сирматами, много общего со скифскими и «метотскими» памятниками Северного Причерноморья и Приазовья, с одной стороны, и памятниками среднедонской культуры — с другой. В основном савроматы Приазовья и степей донского правобережья, вероятно, находились еще в мирном контакте со скифами, не нарушая политической ситуации в Северном Причерноморье, а могущественные скифы мирились с существующим положением, уступая часть восточных земель старым родственным соседям.

В результате длительных политических, этнокультурных и экономических контактов скифов и всех савроматов выявляются черты большой культурной близости и влияния скифской культуры на савроматов «Европы», даже на тех, которые жили за Танаисом, и, напротив (правда, в меньшей степени), савроматской культуры — на Скифию. Это савроматское влияние прослеживается в ряде археологических памятников Скифии, в искусстве и идеологии степняков. Оно, как прямое, так и опосредованное, хорошо заметно по распространению в Скифии ряда вещей. В Скифии, особенно в Поднепровье, встречаются литые бронзовые колесики, кабаньи клыки или их бронзовые имитации — подвески-амулеты к ременной конской уздечке и к оружию (мечу). Их функциональное назначение одинаково как в Скифии, так и в савромато-сарматском мире Поволжья и Южного Приуралья⁵⁸. З. В. Яковенко, сопоставив эти подвески с савроматскими⁵⁹, пришла к выводу, что не только по форме, но и по сюжету, композиции и зооморфному стилю они близки савроматским (рис. 8, 1—3)⁶⁰. Они, как и савроматские, моделированы на широком тупом конце в виде раскрытой пасти хищника, чаще всего волка, а узкий конец трактован обычно в виде зубастого клюва птицы (грифона). Голова степного волка⁶¹, голова медведя в фас с подложенными под морду когтистыми лапами (подвеска Киевского исторического музея)⁶², свернувшийся в кольцо пантерообразный хищник, выгравированный на клыке из Роменского уезда (рис. 8, 3)⁶³, — удивительно похожи по трактовке на савроматские сюжеты звериного стиля, воспроизведенные часто и на под-

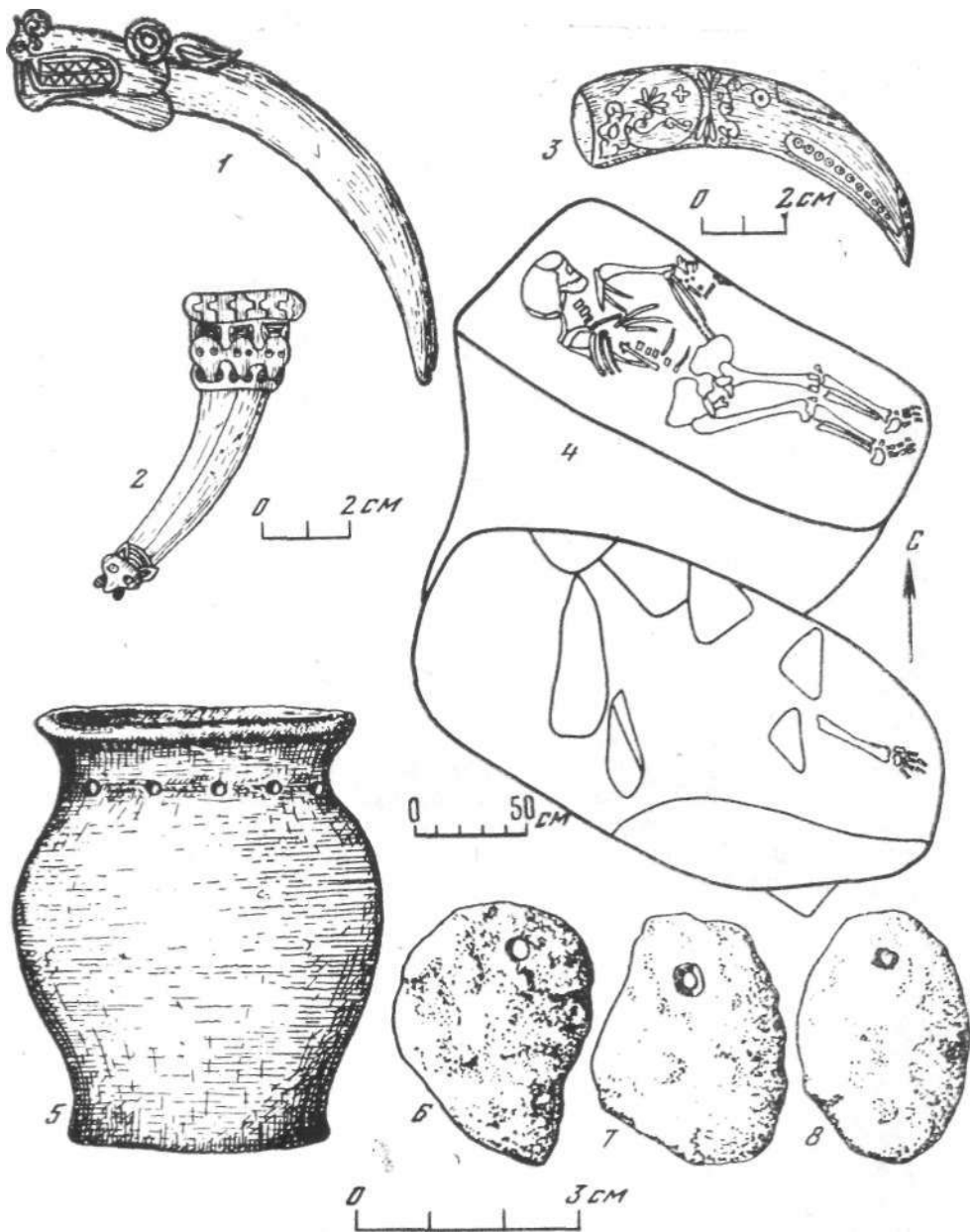

Рис. 8. Савроматские элементы в Поднепровье

1—3 — клыки с зооморфными изображениями: 1,2 — Киевский исторический музей, 3 — Роменский уезд; 4 — погребение савроматки в Никопольских курганах (группа Серко, курган 5 1946 г.); 5—8 — Балки, курган 16 1968 г.: 5 — миниатюрный горшок, 6—8 — меловые подвески

весках в виде кабаньего клыка. Такие сюжеты на вещах звериного стиля имеются в ананьинской культуре Прикамья и у «будинского» населения среднего Дона. Однако подобных клыков, близких савроматским до сюжета и стилю, там нет, и только в савроматском мире мы видим такое органическое сочетание определенного зооморфного сюжета (голова хищной птицы, стилизованная голова волка) с самим предметом и наиболее сходные приемы стилизации.

Все это не позволяет мне согласиться с Э. В. Яковенко в том, что сюжеты, представленные на доднепровских клыках-подвесках, проникают в Северное Причерноморье «из ананьинского искусства через посредство савроматских племен». Скорее наоборот: савроматское искусство сильно воздействовало на ананьинское. Не исключено здесь и воздействие среднедонского населения, которое само испытало большое культурное влияние савроматов Поволжья, и проникновение самих савроматов на правобережье среднего Дона. Об этом же говорит и количественное соотношение подобных вещей в савроматском мире, в Скифии, в ананьинском Прикамье и «будинском» Среднем Подонье. Зооморфные клыки-подвески и их имитации (подвеска к конской сбруе или к оружию) известны главным образом в савроматском мире Поволжья и Приуралья. Если в Скифии их насчитывается, по данным Э. В. Яковенко, 12 экземпляров, то в савроматской культуре их в два раза больше, чем на среднем Дону и у ананьинцев. Все поволжье-уральские находки этого вида датируются концом VI—первой половиной V в. до н. э., т. е. тем же временем, что и по днепровские. Эти подвески, может быть, и были изготовлены в Скифии, но по образцам главным образом савроматским. Во всяком случае, идея украшать конскую сбрую и оружие зооморфными подвесками в виде клыков была воспринята скифами с Востока, из савроматского мира Поволжья и Приуралья. Поднепровские клыки — яркий пример прямого воздействия савроматского искусства на скифское через торговый путь скифов на Восток и в результате соседства скифов и савроматов.

С IV в. до н. э. савроматское влияние в Скифии, вероятно, значительно увеличилось, особенно со времени военных неудач скифов на Дунае и гибели царя Атея в 339 г. до н. э.⁶⁵ Во времена длительного царствования Атея, прожившего 90 лет, когда процветающее скифское царство вело активную военную деятельность, савроматы, вероятно, сохраняли со скифами союзнические отношения, и можно допустить, что отдельные группы их жили среди скифов, в частности, в ставке скифских царей, каковой, видимо, являлось Каменское городище на Днепре⁶⁶. Появление отдельных групп савроматов в Скифии могло происходить с добровольного согласия скифов, могущество которых в IV в. до н. э. еще сохранялось, несмотря на военные неудачи Атея.

Присутствие отдельных представителей савроматского населения в центральных районах земли царских скифов подтверждается рядом археологических фактов.

На Никопольском курганном поле (рис. 2, 26), где захоронения скифов совершались главным образом с конца V по начало III в. до н. э., для нас представляют интерес два погребения скифского времени.

Погребальному обряду скифов не свойственно положение целых тушек барана или овцы в качестве заупокойной пищи. У савроматов же это до-

вольно частое явление, этнический эталон погребального комплекса. Между тем, на Никопольском курганном поле есть два захоронения женщин с подобной пищей⁶⁸. Так, в группе Серко (курган 5, погребение 12 1946 г.) в катакомбе типа I была захоронена женщина ничком на животе, головой на северо-запад, со слегка подогнутыми ногами и согнутыми в локтях руками, кисти которых находились под тазом, а рядом лежала обезглавленная тушка барана (рис. 8, 4)⁶⁹. На покойнице и скелете барана находились костяные грибовидные застегивки, известные по материалам из предскифских и раннескифских погребений VI в. до н. э.⁷⁰ Подобные находки есть и на левобережье устья Дона, в раннем «скифском» погребении Койсугских курганов (курган 5, погребение 3)⁷¹. Необычная поза погребенной навела Б. Н. Гракова на мысль, что здесь захоронена колдунья. В савромато-сарматском мире Поволжья погребения, в которых умершие похоронены на животе, встречены несколько раз. Правда, они относятся главным образом к концу прохоровской и к сусловской культуре⁷². В одном из них, в бассейне заволжской речки Торгуй (хут. Шульц, курган А2) обнаружено парное захоронение, где женщина, сопровождаемая тушкой барана без головы, лежала в вытянутой позе на животе⁷³. Следовательно, в сарматском мире Поволжья подобный обряд существовал, но пока мы его не знаем для савроматского периода.

В другой никопольской катакомбе (группа у пос. Сулицкий, курган 2, погребение 3 1937 г.)⁷⁴ во входной яме были положены целый костяк овцы и куча костей коня. В катакомбе погребена семья: мужчина, женщина и ребенок. Среди нарушенного инвентаря встречены наконечники стрел, концы древков которых были окрашены в красный цвет. Возможно, захоронение овцы и часть стрел связаны с женщиной из савроматского мира \ Женщины-савроматки могли попасть на скифскую территорию в результате межплеменных браков, что допускал и Б. Н. Граков⁷⁵.

Гинекократические черты, столь характерные для савроматского общества, отмечены и в памятниках Скифии⁷⁶. Это — погребения женщин с оружием. Но их процент в Скифии значительно меньше, чем в савроматском мире, где они составляют до 20%⁶. Одно такое погребение без иных савроматских признаков (группа II, курган 21, погребение 1) известно и в Никопольском могильнике⁷⁷. За последние годы раскопок их обнаруживают все больше и больше, главным образом в Нижнем Поднепровье⁷⁸. Возникает вопрос, не результат ли это прямого влияния савроматского мира прежде всего? Правда, не исключена возможность, что и у скифов были свои воинственные женщины, как и у многих народов мира. Впрочем,

* Подписанию автора раскопок Б. Н. Гракова, все стрелы относились, вероятно, к мужскому погребению. См.: *Граков Б. П. Скифские погребения на Никопольском курганном поле.* — МИА, 1962, 115, с. 72. (*Примеч. ред.*)

⁶ Статистическая обработка материала из погребений IV— III вв. до н. э. рядовых скифских могильников показала, что 37% женских могил (от общего числа захоронений женщин) содержали оружие. В общем массиве захоронений, включая детские, более 25% погребений с оружием принадлежит женщинам. См.: *Бунятян Е. П. Методика социальной реконструкции по данным рядовых скифских могильников.* — В кн.: *Теория и методы археологических исследований.* Киев, 1982, с. 173, 184. (*Примеч. ред.*)

Б. А. Ильинская считала возможным объяснять эти явления в скифском мире и брачными союзами скифов с савроматскими женщинами⁷⁹.

Типичные савроматские черты обряда дважды отмечались в среде скифского населения, вероятно, ввиду присутствия в нем савроматских женщин. Непосредственное воздействие савроматов в Скифии прослеживается не только на никопольских захоронениях. Рассмотрим еще несколько данных.

Для нас представляет большой интерес погребение в катакомбе кургана 16 у с. Балки Васильевского р-на Запорожской обл. (левобережье Днепра) в группе Гайманово поле (рис. 2, 24). Курган исследовался в 1968 г. Северо-Рогачской экспедицией Института археологии АН УССР под руководством А. И. Тереножкина⁸⁰. В катакомбе типа I (по Б. Н. Гракову), или в глубоком подбое, характерном и для ранних сарматов⁸¹, была погребена девочка-подросток с широтной ориентировкой. Дно погребальной камеры в средней части было посыпано мелом по обряду, широко распространенному в савромато-сарматском мире. Основной инвентарь обычен для скифских погребений IV—III вв. до н. э. (набор стеклянных бус, серебряные колечки-подвески, каменные подвески, пряслице, серебряный перстень с выпуклым щитком). Однако все эти вещи мы можем найти и у ранних сарматов, генетически связанных с савроматским населением. Особенно это касается различных подвесок из плохо обработанного или вовсе необработанного камня (рис. 8, 6—8)⁸¹. Эти плоские подвески вырезаны из мягкой меловой породы; в них просверлены отверстия. Подобные подвески — не украшения, а предметы магическо-ритуального характера, обычные для савроматско-сарматского мира, где также для их изготовления использовали мягкие породы (мел, мергель)⁸². Здесь мел, белая глина и светлый камень часто служили амулетами-апоτροпеями, которым обычно придавали дисковидную форму. Они характерны для савроматов и в прохоровских могилах моложе IV—III вв. до н. э. обычно не встречаются⁸³. В том, что женщина-подросток, похороненная в кургане 16 у с. Балки, — савроматского происхождения, возможно жена скифа, меня убеждает и находка в погребении глиняного миниатюрного горшочка, слепленного по савроматскому образцу (рис. 8, 5)⁸³. Этот сосудик имеет по шейке круглые ямки, довольно частые на савроматской посуде, в том

⁷⁹ Здесь вкралась некоторая неточность — катакомба в кургане 16 у с. Балки относится к типу II по классификации Б. Н. Гракова: камера расположена по продольной оси входной ямы. См.: *Граков В. Н.* Погребальные сооружения и ритуал рядовых общинников степной Скифии. — АСГЭ, 1964, 6, с. 123. Как этот тип погребений, так и катакомбы вообще вряд ли можно считать характерными для ранних сарматов. Они составляют лишь 3% всех погребений этого времени. См.: *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры. — САИ, 1964, вып. Д1-10, с. 21. (*Примеч. ред.*)

⁸⁰ Эти подвески не характерны, а лишь изредка встречаются в савроматских и раннесарматских могилах. См.: *Смирнов К. Ф., Петренко В. Г.* Савроматы Поволжья и Южного Приуралья. — САИ, 1963, вып. Д1-9, табл. 25, 31—33; *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры, табл. 32, в, 7, 14. По-видимому, так же редко они попадают и в скифских погребениях, но не по одному экземпляру, как в савроматских и раннесарматских могилах, а по четыре—семь (например, Балки, курган 16; Капуловка 1, курган 9). См.: *Тереножкин А. И., Ильинская В. А., Черненко Е. В., Мозолевский Б. Н.* Скифские курганы Никополющины. — В кн.: Скифские древности. Киев, 1973, с. 117, рис. 3, 3. (*Примеч. ред.*)

числе и на горшках отдела III⁸⁴, к которым относится и наш экземпляр. Подобный же горшочек^а был найден и в катакомбе кургана 30 той же группы, где были погребены мужчина и женщина⁸⁵.

На правобережье нижнего Днепра погребения «амазонок» с оружием обнаружены дважды в курганной группе Львово 1 Бориславского р-на Херсонской обл. (рис. 2, 23) во время исследований Херсонской экспедиции под руководством А. И. Тереножкина в 1972—1973 гг.⁸⁶ Они совершены в катакомбе, сооруженной по продольной осп дромоса (тип II) и в катакомбе-подбое (курган 11, погребения 2 и 7). Инвентарь этих могил, в том числе и оружие — железные дротики и бронзовые наконечники стрел, обычен для скифских погребений IV—начала III в. до н. э. Набор женских украшений во многом аналогичен тому, который найден в могиле «савроматской» девочки из Балок. Среди женского инвентаря погребения 7 было свинцовое колесико (пряслице), аналогичное найденным на среднем Дону и особенно в савроматском мире Поволжья и Приуралья⁶. Все это дает мне право сомневаться в скифском происхождении некоторых погребенных женщин в указанных катакомбах Днепра, т. е. в центре земли царских скифов, и позволяет высказать предположение, что эти «амазонки» вышли из савроматского мира Доно-Волжского региона, и находились на положении скифских жен.

Признавая присутствие некоторых савроматских групп в среде скифского населения Северного Причерноморья, я далек от мысли Т. Сулимирского о том, что население Скифии уже в начале IV в. до н. э. имело смешанный скифо-сарматский характер и что царские склфы уже тогда были лишены господствующего положения в Скифии⁸⁷. Появление нового сарматского населения в Скифии Т. Сулимирский связывает с проникновением сюда новых восточных элементов культуры, в частности прохоровской, носителями которой были собственно сарматские племена, пришедшие с Востока. Элементы ранней прохоровской культуры- и даже погребения этой культуры IV—III вв. до н. э. известны в Северном Причерноморье, но их весьма мало. Почти все известные ранние погребения прохоровского типа или с элементами прохоровской культуры связаны с последующим периодом в истории Северного Причерноморья, когда в Скифии утверждают свое политическое господство новые пришельцы под общим именем сарматов. Это произошло не ранее второй половины III в. до н. э., как правильно считал в свое время М. И. Ростовцев⁸⁸.

^а Горшочки подобной формы и орнаментации известны и на скифских поселениях IV—III вв. до н. э. См.: *Транов Б. Н.* Каменское городище на Днепре. — МИА, 1954, 36, с. 70—73, табл. II, 3; III, 5; IV, 1—3. Поэтому упомянутые экземпляры в равной степени могут быть отнесены к скифской керамике. (*Примеч. ред.*)

^с Произошла какая-то путаница. Свинцовые пряслица характерны для скифов (*Граков В. Н.* Скифы. М., 1971, с. 50) и никогда не встречаются в савроматских погребениях (*Смирнов К. Ф.* Савроматы. М., 1964, с. 107), откуда известно лишь одно свинцовое колесико (*Смирнов К. Ф., Петренко В. Г.* Савроматы Поволжья и Южного Приуралья, табл. 25, 30). (*Примеч. ред.*)

^i

LiPipM&Tыl

шш «опутал nnr^ignrmi

и ранние сарматы

-;:.....:":^":":rzz""":":~:z:^------:~:z::zz:~:~:~:-"

Эфора, знавшего савроматов,

в восточных районах Северного Причерноморья появи-

лся этноко / <<сир/аты>>1 близ-

к " " ПО СВОЕМУ ЗВУЧАНИЮ С. более употребительным в ан-

тичных источниках племенным названием «савроматы». Впервые он зафиксирован Евдоксом из Книды, писавшим в 60-е годы IV в. до н. э. * Его труд до нас не дошел, но у Стефана Византийского в книге I сохранились фрагменты: «Вблизи Танаиса живут сирматы». В информации Евдокса не указано, где точно размещались сирматы: на левом или правом берегу Танаиса. Однако от младшего современника Евдокса, Псевдо-Скилака, перипл которого был составлен во второй половине IV в. до н. э. и ярко отразил интерес автора к восточной части Северного Причерноморья \ из раздела «Европа» мы узнаем о сирматах как о ближайших соседях скифов, живших в Северном Приазовье западнее Дона. Псевдо-Скилак сообщает: «За скифами сирматы — народ и река Танаис, которая составляет границу Азии и Европы» (§ 68). Следовательно, сирматы в это время жили в землях «европейских» савроматов Псевдо-Гиппократа. Далее Псевдо-Скилак говорит и о савроматах (§ 70): «От реки Танаиса начинается Азия, и первый народ ее на Понте — савроматы. Народ савроматов управляется женщинами». Судя по этим двум сообщениям, можно думать, что Псевдо-Скилак не отождествлял савроматов и сирматов, если только эти сообщения не происходят из разных источников, что, впрочем, маловероятно. Об этом можно судить по анализу перипла Псевдо-Скилака, проведенному М. И. Ростовцевым³. Информатором Псевдо-Скилака, как предполагал М. И. Ростовцев, мог быть афинский писатель или купец, хорошо знавший восточные области Понта.

Этником «Сурматае» упоминается также Плинием в «Естественной истории» в ряду народов, живших от низовья Амударьи до Бактрии (VI, 16, 40). Плиний основывается на источниках эллинистического времени, в частности, кажется, Демодаме — полководце Селевка I Никатора (312—280 гг. до н. э.). Однако эллинистическая номенклатура Плиния весьма обширна и запутанна, а этническая локализация весьма затруднительна, хотя, конечно, отдельные группы сарматского происхождения могли проникнуть и в Среднюю Азию. У Страбона есть упоминание какого-то города в Гиркании под названием Сарматина (География, XI, VII, 2). Птолемей упоминает его в Арейе (VI, 17, 4), упоминается он и у Аммиана Марцеллина (XXIII, 6), но были ли названия этих городов или сами города связаны с сарматским этносом, доказать трудно. Да если бы это было и так, все равно весьма проблематично вывести этникон «сирматы» из Средней Азии, ссылаясь на поздние источники, в которых старые этнические названия часто вольно переносили на большие просторы Евразии.

В конце XIX в. среди ученых только Ф. Браун отрицал принадлежность сирматов к ираноязычному миру⁴. Он стремился объяснить этноним Иирратси с финно-угорского языка. Сирматы, по его мнению, относятся

к будинам и ничего общего не имеют ни со скифами, ни с сарматами, составляя крайнюю южную часть финских будинов. В наше время гипотезу Ф. Брауна поддержал П. Д. Либеров⁵, пытавшийся обосновать будинскую принадлежность сирматов на археологическом материале. Однако археологические памятники нижнего Дона (хутора Сладковский, Карнауховский, пос. Шолоховский, Кашеевка и некоторые другие), проявляющие сходство со среднедонской культурой, не могут быть все же отождествлены со среднедонскими, которые сами лишь под большим вопросом могут быть связаны с будинами. Я высказал уже ранее свое негативное отношение к этой гипотезе⁶, став на точку зрения М. И. Ростовцева об ираноязычности сирматов. Впрочем, Ростовцев рассматривал сирматов как раннее упоминание собственно сарматов, отличных от савроматов, — волну новых ираноязычных племен, пришедших с Востока. Даже сам Ф. Браун допускал, что «этническое название (сирматы. — К. С.) на иранской почве возможно». Тем не менее он считал, что Sarmatae Плиния ничего общего с европейскими сирматами Евдокса и Псевдо-Скилака не имели, не могли быть скифской ордой, как не могли совпадать с сарматами вообще. И все же далее он пишет: «Скорее они могли быть передовыми отрядами сарматов в их движении на запад». Таким образом, в точке зрения Ф. Брауна на сирматов много неясного, неопределенного и даже, на мой взгляд, противоречивого. Как этникон «сирматы» попал в Среднюю Азию? Может быть, Плиний в данном случае переместил народ, живущий на Танаисе—Доне, в область по Танаису—Яксарту (Сырдарья), следуя распространенному в эллинистической литературе смешению Танаиса—Дона и Танаиса—Сырдарьи. Можно высказать и такую мысль: какая-то группа племен в Средней Азии, попавшая туда из дахо-массагетского мира Южного Приуралья и Приаралья, сама себя так называла и под этим именем стала известна Демодаму (если признать, что его сведения легли в основу сочинения Плиния). Информатором же Псевдо-Скилака, как предполагал М. И. Ростовцев, мог быть афинский писатель или купец, хорошо знавший восточные области Понта.

Итак, этникон «сирматы» относится к IV—III вв. до н. э., т. е. ко времени, когда за Доном и в Поволжье жили прежние савроматы, в состав которых уже входили и носители прохоровской культуры из Южного Приуралья. В более позднее время упоминания о сирматах из письменных источников исчезают, и всюду вместо них говорится о прежних савроматах и сарматах.

Последний термин появился несколько позже наиболее раннего упоминания о сирматах. Самое раннее упоминание о сарматах можно датировать концом IV—началом III в. до н. э., а первое сообщение о стране «Сарматия» — может быть, еще более ранним временем. Оно восходит к известному греческому ученому-естествоведу, ученику Аристотеля Теофрасту (372—287 гг. до н. э.). В своем сочинении «О водах», говоря о мифическом животном таранде, он упоминает «Скифию» и «Сарматию», в которых это животное водится (фрагмент 172). Следовательно, уже не позже начала III в. до н. э. древним грекам была известна рядом со Скифией страна, населенная сарматами. Из безымянного перипла, который приписывается Скимну Хиосскому, или Псевдо-Скимну, жившему во II—I вв. до н. э., мы

узнаем: «На Танаисе, который служит границей Азии, разделяя материк на две части, — первыми живут сарматы» (Перипл, 874). Это сообщение удивительно совпадает со свидетельствами Евдокса и Псевдо-Скилака о сирматах, на что обратил внимание М. И. Ростовцев⁷. Такое совпадение еще больше убеждает нас в тождестве сирматов IV в. до н. э. с собственно сарматами. Сообщение безымянного перипла относится к территории Азии по представлению древних греков, т. е. к территории восточнее Танаиса (Дона), где в то время уже кочевали сарматы. Хотя время написания этого перипла по Мейнеке и К. Мюллеру⁸ относится ко II—I вв. до н. э., однако источник его восходит к более раннему времени, а именно к Эфору (405—330 гг. до н. э.) и в особенности к Деметрию Каллатийскому, сведения которого связаны с Диофантом и Эратосфеном (не позже III в. до н. э.)⁹. Ссылка на Деметрия и Эфора дается самим Псевдо-Скимном в этой части его труда (Перипл, 874).

О том, что название области «Сарматия» восходит ко времени не позже конца IV—III в. до н. э., свидетельствует и другой источник. Так, Антигон Карисский, автор III в. до н. э., пишет, ссылаясь на Гераклида Понтийского, «об одном озере в Сарматии» (Свод невероятных рассказов, СЛII, 167). Это сообщение Гераклида Антигон берет из Каллимаха, ученого и поэта александрийского времени, жившего между 310 и 235 гг. до н. э.¹⁰

Все эти ранние сведения о терминах «сарматы» и «Сарматия» констатируют лишь то, что кочевые племена под названием «сарматы» находились рядом со скифами по Танаису—Дону, но не уточняют, на левобережье или правобережье этой реки.

Многие более поздние античные авторы, особенно римские, отождествляют савроматов и сарматов. Такое отождествление объясняется, видимо, не только близостью самих терминов, но и действительным родством этих племен. Археологическими данными оно хорошо подтверждается¹¹. Судя по ним, савроматы Геродота вошли в состав новых объединений кочевников под общим названием сарматов¹². Сородичи савроматов в Южном Приуралье, безусловно, послужили основным ядром для определенной группы сарматов, особенно аорсов¹³. Первоначальное формирование ряда ведущих собственно сарматских объединений, как можно заключить по большой преемственности савроматской и прохоровской культур Южного Приуралья, произошло в степном Приуралье и даже, возможно, в Приуралье.

Сами этнические термины «савроматы», «сирматы», «сарматы», вероятно, не восточного происхождения. Их появление совпадает по времени (IV—III вв. до н. э.), и все они возникли, как я думаю, на почве юга Восточной Европы. В описания античных авторов, видимо, на базе знаний об этих племенах, живших в ближайших к греческим колониям степях, они вошли в различных транскрипциях, может быть, отражающих имена конкретных племен прежнего савроматского объединения, как стяжение наиболее старого этникаона *Σαρροφιδραχί* через *Εορῆαχαί* — *Syrmatae* к *Uαρῖορσαι* — *Sarmatae*¹⁴. Так большинство историков и лингвистов понимают возникновение подобной этнической терминологии для обозначения фактиче-

ски одного и того же народа или родственных ираноязычных племен, принадлежавших вместе со скифами к единой языковой группе, но отличающихся от скифов степей Северного Причерноморья своими диалектами¹⁵. Можно предположить, что уже в IV в. до н. э. среди ираноязычного мира Подонья и Поволжья были такие группы, которые себя называли одни — «савроматами», другие — «сирматами», третьи — «сарматами».

Сирматы «Европы» — западные племена савромато-сарматского мира, жившие на правом берегу Дона и в Северном Приазовье. Я в этом отношении разделяю взгляды В. Е. Максименко¹⁶. Правда, в настоящее время трудно доказать, что сирматы представляли собой коренное население этой области с самого начала железного века, как это думает В. Е. Максименко. Античные авторы фиксируют сирматов в «Европе» только с IV в. до н. э., а раньше — только савроматов и меотов. Возможно, появление сирматов связано с перемещениями внутри савроматского массива Подонья — Поволжья и движением даже более восточных кочевников, т. е. с перемещениями, возникшими в IV в. до н. э. в связи с первым предполагаемым давлением южноуральских кочевников — носителей прохоровской культуры и некоторым политическим ослаблением скифского царства после гибели царя Атея. Период V—IV вв. до н. э. — это начальный этап продвижения новых ираноязычных племен Востока. Проникновение на запад от Дона более восточных элементов «савроматского» (дахо-массагетского) мира для меня несомненно, судя хотя бы по находке приуральского жертвенника (хут. Краснодворский), относящегося ко времени не позже IV в. до н. э., и погребальных комплексов у хут. Сладковский, пос. Шолоховский и Кашеевки. В результате тесных контактов савроматов Геродота с уральскими кочевниками не позже второй половины IV в. до н. э. и в Поволжье окончательно сложилась прохоровская культура, но с еще большими элементами савроматской (особенно в керамике и вещах звериного стиля) и с сохранением в ряде случаев широтной ориентировки погребенных. Ее основными носителями в этой области были на ранней ступени развития культуры все те же савроматы Геродота.

Сирматы западных районов Дона и Приазовья — это прежде всего западные савроматы на последней ступени их развития, т. е. до полного поглощения их новыми союзами ираноязычных кочевников, пришедших из приуральских и приаральских степей.

У родственных ираноязычных племен савромато-сарматской общности Поволжья уже с IV в. до н. э., скорее во второй половине этого века, распространилась прохоровская культура. Ее элементы или даже комплексы в небольшом числе известны и западнее Дона, вплоть до Днепра. Среди носителей отдельных элементов новой сарматской (прохоровской) культуры были и сирматы IV в. до н. э., т. е. прежние савроматы и частично — появившиеся из-за Дона в результате наиболее ранней волны миграции восточных кочевников и первых заметных перемещений в савромато-сарматской кочевой среде. В этом смысле сирматы — ранние сарматы, но до образования союзов аорсов, сираков и роксолан.

Для представления о ярких памятниках ранних сарматов правобережья Дона, или сирматов Евдокса и Псевдо-Скилака, имеют огромное значение исследования Азово-Донской экспедиции 1976 и 1977 гг. в между-

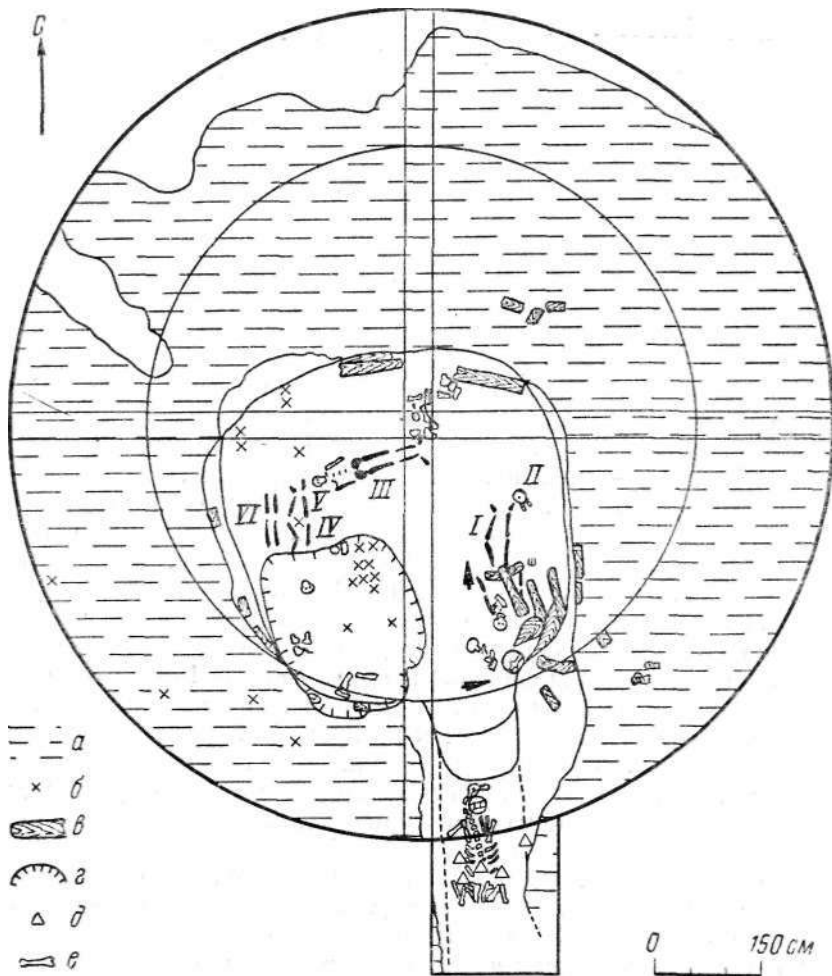

Рис. 9. План кургана 4 у хут. Сладковский

a — могильный выкид; *б* — обломки амфоры (штыки I—III); *в* — дерево; *г* — граница грабительской ямы; *а* — обломки лепных сосудов; *е* — кости животных; римскими цифрами отмечены кости людей

речье Дона и Северского Донца у пос. Шолоховский Белокалитвенского р-на (рис. 2, 7) и у хут. Сладковский и соседнего хут. Кашеевка Тацинского р-на Ростовской обл. (рис. 2, 8)¹⁷. Эти открытия имеют принципиальное значение для решения проблемы расселения савроматов к западу от Дона и этнической принадлежности населения среднего Дона.

Захоронения в Шолоховском кургане, в кургане 4 у хут. Сладков-

ский и в кургане 1 у хут. Кашеевка совершены в больших ямах (6х6 и 5х5 м) с дромосами, со сложными деревянными сооружениями. Перекрытие Сладковского кургана из плах выходило за пределы могильной ямы (рис. 9—11). Вероятно, такие же перекрытия были и в остальных курганах, хотя из-за плохой сохранности дерева и из-за разрушения в результате частичного и неоднократного ограбления могил судить о конструкции этих сооружений весьма трудно. Аналогичные сооружения известны в богатых курганах южных районов среднедонской культуры в пределах Воронежской и Белгородской областей. Особенно близки им могилы IV—III вв. до н. э. у д. Дуровка Белгородской обл.¹⁵ Дромосы в некоторых больших прямоугольных могилах, ориентированных с юго-запада на северо-восток, примыкали к южному углу могилы почти так же, как дромос могилы Сладковского кургана, который был смещен к юго-восточному углу могилы.

Подобные могилы, предназначенные для семейных захоронений, были распространены в савромато-сарматском мире Южного Приуралья на рубеже VI—V вв. и в IV в. до н. э.¹⁹ Так, на Илеке одна такая могила относится к рубежу VI—V вв. до н. э. (Мечетсай, курган 2)²⁰, другая (курган 8) — к началу IV в. до н. э.²¹; в Ново-Кумакском могильнике обе могилы этого типа датируются временем не позже начала IV в. до н. э. (курган 20 1962 г. и курган 1 1971 г.)²². Одна такая могила известна в прохоровских курганах (курган 3)²³. Все дромосы в раннесарматских могилах Оренбуржья по существу устроены так же, как дромос могилы у хут. Сладковский. Это довольно узкие коридоры, слегка спускающиеся вниз к могильной яме в меридиональном направлении. Иногда их дно постепенно переходит в дно обширной ямы, иногда непосредственно перед погребальным помещением имеется несколько ступенек.

Среди известных мне раннесарматских могил IV—III вв. до н. э. из Приуралья к типу могильных сооружений и погребальному обряду Сладковского захоронения ближе всего приуральское захоронение прохоровской культуры, раскопанное Б. Ф. Железчиковым в 1977 г. в Лебедевке V (курган 9, центральная могила 5): та же обширная прямоугольная могила с длинным дромосом, примыкающим к одному из ее углов, то же коллективное захоронение из семи человек, те же пары среди всего «семейного» коллектива (сочетание двух взрослых, взрослого и ребенка), то же сочетание южной и западной ориентировки.

Подобный тип погребений — не этнический признак, а свидетельство определенной социальной стратификации у древнего населения обширного региона.

На левом берегу Дона, в пределах Городищенского р-на Волгоградской обл., у хут. Вертячий в 1978 г. В. И. Мамонтов исследовал две могилы с дромосами²⁴, удивительно похожие на дромосные могилы у пос. Шолоховский и хут. Сладковский. Это тоже обширные, почти квадратные могилы с длинными дромосами, примыкающими к южным стенкам могильных ям (курган 5, погребения 3 и 4). В отличие от правобережных дромосных могил, эти дромосы спускаются круто, образуя в плане (в одном случае) разрыв между входом и могильной ямой, что и смутило исследователя,⁴ который принял их за катакомбы с обвалившимся сводом, вопреки

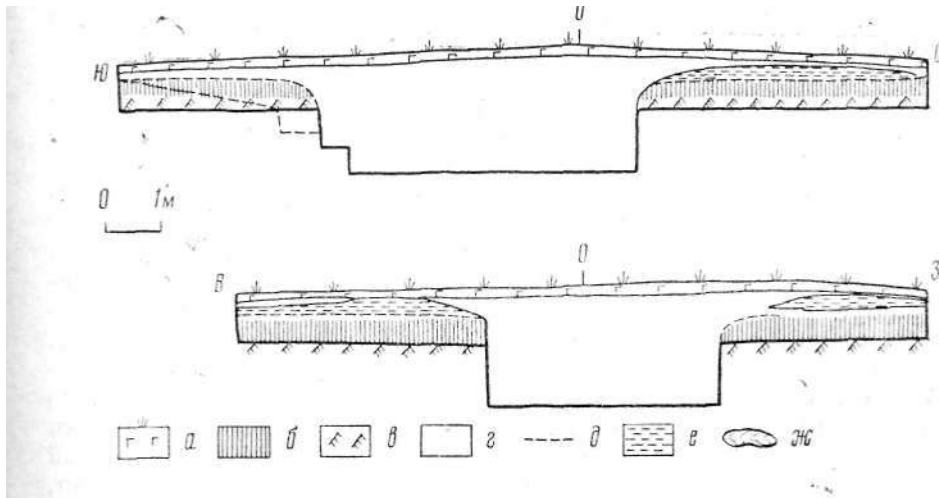

Рис. 10. Профили кургана 4 у хут. Сладковский

о — пахотный слой; б — древнепочвенный слой; в — материк (суглинок); г — насыпь и засыпка могилы; д — уровень древнего горизонта; е — могильный выкид; ж — куски дерева от перекрытия

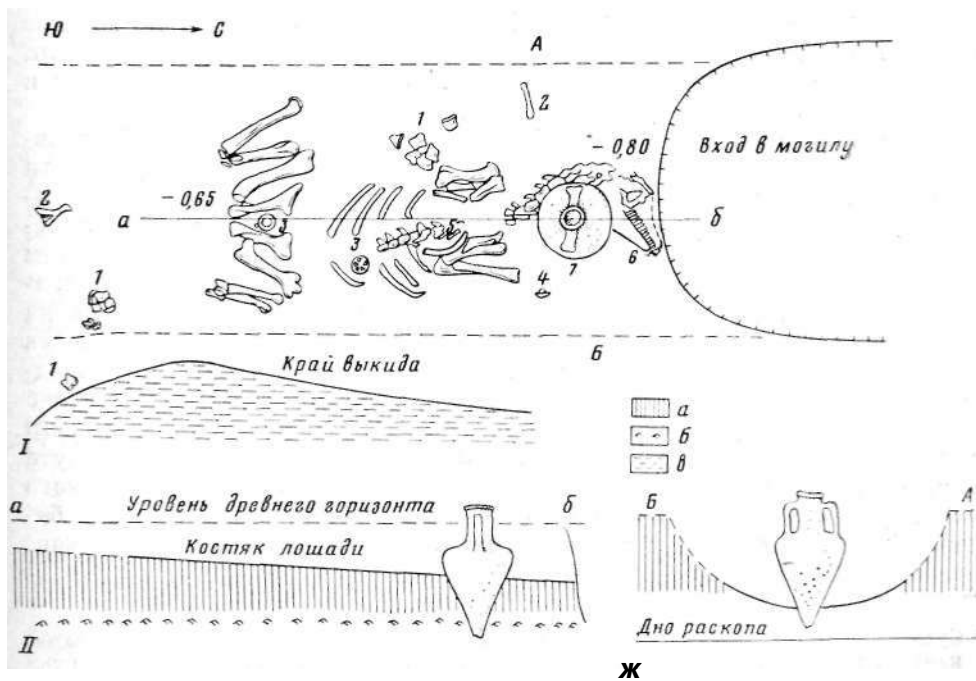

Рис. 11. План и разрезы дромоса могилы в кургане 4 у хут. Сладковский

I — план дромоса; II — продольный разрез нижней части дромоса; III — поперечный разрез нижней части дромоса; а — древнепочвенный слой; б — материк; в — выкид; г — обломки лепных сосудов; д — кости барана; е, ж — бронзовые пряжка и бляхи; з — обломок железного псаля; 1 — обломки пряжек чумбура; 2 — амфора

тому обстоятельству, что таких больших, строго прямоугольных камер у катакомб не бывает*. Сохранившийся в" одной из катакомб человеческий костяк лежал в вытянутой позе на спине, черепом на юг, т. е. абсолютно так, как костяк женщины-«амазонки» в Сладковском кургане. Инвентарь этих погребений почти тождествен инвентарю Шолоховского и Сладковского курганов: такой же бронзовый котел, те же бронзовые наконечники стрел и железный втульчатый наконечник копья и, наконец, очень близкие шолоховским тонкие золотые обкладки каких-то несохранившихся предметов с растительными и зооморфными узорами⁰. Автор датирует эти погребения IV в. до н. э. Территориально сравнимые погребения очень близки (одни — на степном правобережье, другие — на степном левобережье Дона), а этнически, конечно, тождественны.

Детали погребального обряда, судя по уцелевшим захоронениям в кургане 4 у хут. Сладковский и в кургане у хут. Кашеевка, — савроматские или раннесарматские: южная ориентировка, поза погребенных, куски мела или меловая посыпка, расчлененные туши животных. Почти в каждой могиле савроматов Поволжья и ранних сарматов Поволжья и Приуралья, преимущественно в тех, где отсутствуют следы разведения ритуального огня, имеется мел в виде кусков или порошка. Куски мела и меловая посыпка были найдены также в Шолоховском кургане и в кургане у хут. Кашеевка, а в Сладковском кургане прослежена интенсивная меловая посыпка, особенно под вооруженной женщиной-«амазонкой». Деревянное перекрытие Шолоховского кургана было подожжено или на нем развелг. мощный погребальный костер, как это мы видим в ряде савроматских и раннесарматских могил.

В могилах погребено по несколько человек. В частности, в Сладковском кургане было не менее семи покойников: мужчины, женщины, дети (рис. 12). Все они лежали в вытянутой позе на спине, головой или на запад (два человека) по скифско-савроматскому обычаю, или на юг (три человека) — по обычаю раннесарматских племен Приуралья и отчасти Поволжья в прохоровское время. В кургане у хут. Кашеевка все сохранившиеся костяки людей лежали черепами на юг. Южная ориентировка широко распространилась по сарматскому миру (она стала господствовать у носителей прохоровской культуры Приуралья) с IV в. до н. э. В Сладковском кургане мы видим сочетание старой савроматской традиции с новой, очевидно, привнесенной извне, с востока. Два погребенных лежали в «атакующей» позе, т. е. одна нога была вытянута, а другая — согнута в'колене, что часто встречается в погребениях савромато-сарматского мира. В составе напутственной пищи полагались отдельные части туш барана, быка или молодой лошади в том рационе, который обычен для сав

⁰ Судя по полевой фотографии, где отчетливо видны скошенные стенки сводчатой камеры, погребение 3 кургана 6 у хут. Вертячий является катакомбой, а не дромосной могилой. См.: *Мамонтов В. И.* Отчет о работе Приволжского отряда в 1978 г. Архив ИА, р-1, № 7014, л. 34—38, рис. 81. По всей вероятности, К. Ф. Смирнова ввел в заблуждение чертеж погребения, сделанный недостаточно четко. (*Примеч. ред.*)

* Это были золотые обкладки деревянного ритона с серебряным наконечником. См.: *Игнатов В. #., Колесник В. П., Мамонтов В. И.* Раскопки кургана в Волгоградском междуречье. — АО 1978 г. М., 1979, с. 175, 176. (*Примеч. ред.*)

Рис. 12. Плаа дромоса и могилы в кургане 4 у хут. Сладковскнй

В дромосе: 1 — обломки лепных сосудов, 2 — кости барана, 3 — бронзовая пряжка, 4 — бронзовые бляхи, 5 — обломок железного псалия, 6 — обломки пряжек чумбура, 7 — амфора. При костяке 1: 1 — амфора, 2 — железные наконечники копий, 3 — костяные пронизки, 4 — железный нож, 5 — кости барана, 6 — бронзовое зеркало; 7 — серебряные серьги, 8 — серебряная гривна, 9 — стеклянные бусы, 10 — железный меч, 11 — бронзовые и железные наконечники стрел. При костяке 1:1 — глазчатая •стеклянная бусина. При костяке 3: 1 — обломки лепного горшка, 2 — кости лошади, 3 — железный нож, 4 — деревянный кубок с золотой оковкой и серебряными бляшками, 5 — железные наконечники стрел, в — бронзовый колчаный крючок, 7 — бронзовый наконечник стрелы, 8 — стеклянная бусина-пронизка. При костяке 4: 1 — проволоочная гривна. При костяках 5 и 6: 1 — бронзовое височное кольцо, 2 — кусок антрацита — апотропей, 3 — раковина с краской, 4 — низки стеклянных бус, 5 — железный вток от копья, в — обломки железного меча, 7 — бронзовые бляшки, 8 — стеклянные бусы, 9 — бронзовая ворворка; а — меловая посыпка; б — подстилка из прутьев; « — граница грабительской ямы; г — ступени дромоса; д — дерево от перекрытия; римскими цифрами обозначены черепа погребенных

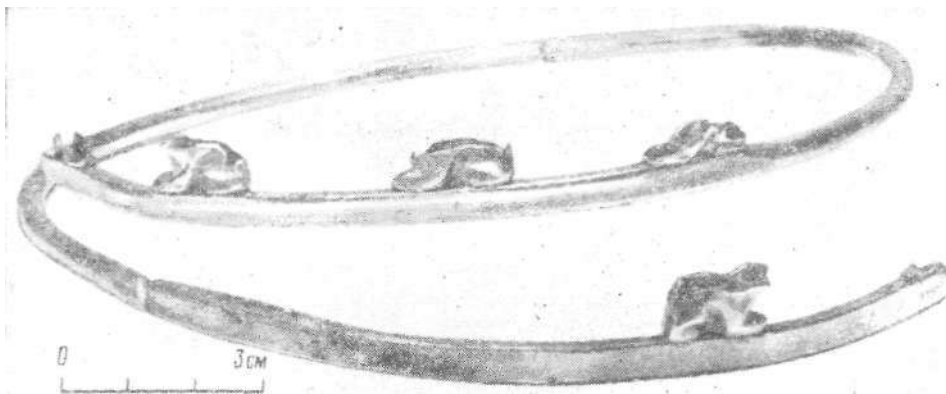

Рис. 13. Серебряная гривна из кургана 4 у хут. Сладковский

роматов и ранних сарматов, — разрубленные куски хребта или бока с ребрами и передняя нога (обязательно с лопаткой). Вероятно, главным погребением этого кургана является захоронение знатной женщины²⁵, лежавшей на интенсивной меловой посыпке в «атакующей» позе, со свободно расставленными руками, головой на юг. На ее шею надета серебряная гривна, согнутая из стержня; на концах напаяно по четыре фигурки припавших к земле хищников кошачьей породы, похожих по изображению на медведей (рис. 13). В зверином скифо-савроматском стиле (именно у савроматов) был широко распространен подобный образ хищника, которому придавались медвежьи черты²⁶. В такой же позе хищники изображались и позже на ручках алебастровых сосудов у сарматов рубежа нашей эры²⁷. Сходные золотые гривны, но более роскошные, найдены и в скифских курганах — в Чертомлыцком²⁸ и в Толстой Могиле²⁹ на Днепре. Фигурки зверей на гривне Сладковского кургана имели ячейки для вставки цветных камней, которые выпали еще при жизни «амазонки». Это, вероятно, была бирюза — излюбленный камень богатых сарматов, применявшийся для инкрустации предметов торевтики со времени прохоровской культуры.

Другими украшениями «амазонки» служили бусы (см. цветную вклейку) и серьги из серебра (рис. 14, 1). Мелкие бусы входили в состав ожерелья или, скорее, ими был расшит ворот одежды (они найдены в районе грудной клетки). На правом запястье был браслет, составленный из стеклянных амфорок-подвесок (см. цветную вклейку). Подобные бусы-амфорки найдены в Кашеевском кургане. Расшивка одежды на груди мелкими бусами и браслеты из бус — неотъемлемая часть савромато-сарматского женского костюма.

«Амазонку» сопровождал полный комплект вооружения: массивное копье (рис. 15), длинный меч (рис. 16) и колчан со стрелами (рис. 17). Вероятно, именно с богатой вооруженной женщиной было связано захоронение целого боевого коня с металлическими деталями сбруи и уздечки (рис. 18)

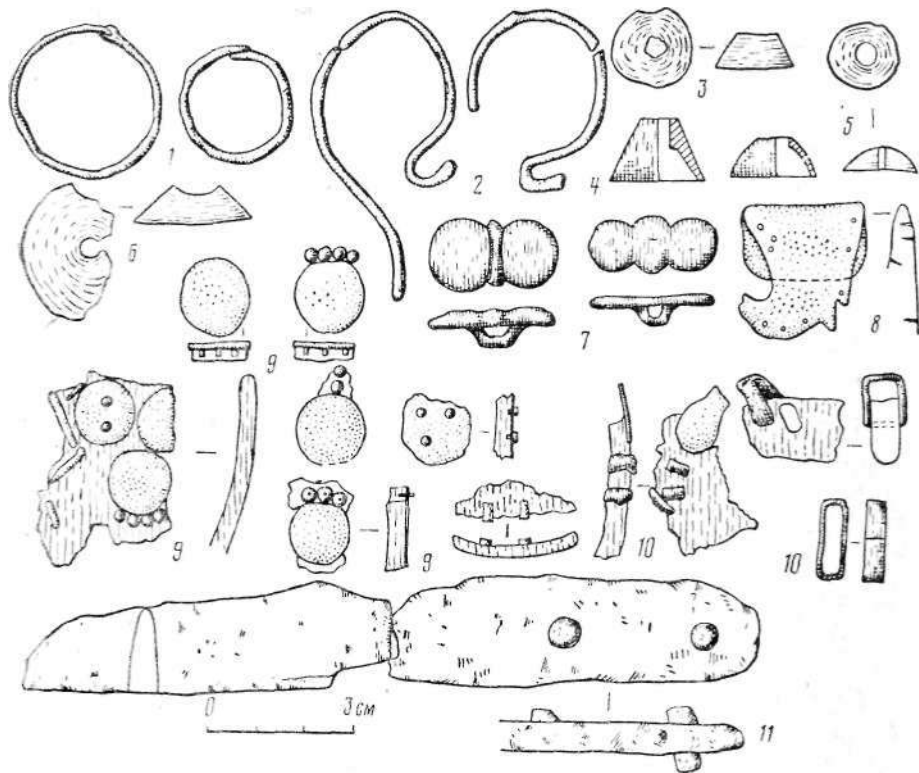

Рис. 14. Вещи из кургана 4 у хут. Сладковский

1 — серьги; 2 — S-видные подвески; 3, 4, 5, 6 — пронизки; 4 — ворворки; 7 — литые бляшки; 8 — оковка деревянного кубка; 9, 10 — металлические детали деревянного кубка — бляшки, обоймы, скрепы; 11 — нож; 1, 2, 9 — серебро; 3, 5, 6 — кость; 4, 7, 10 — бронза; * — золото; 11 — железо

В составе погребального инвентаря очень много чисто савроматских и раннесарматских элементов, характерных для Задонья, Поволжья и Приуралья. Савроматским является прежде всего большое бронзовое зеркало с овальным плоским диском и плоской же ручкой у головы «амазонки» (рис. 19). Оно принадлежит к одному из наиболее архаичных типов (тип I по К. Ф. Смирнову)³⁰, который существовал с VI по IV в. до н. э. В Скифии таких зеркал совсем нет. Керамика, найденная в дромосе при лошади (от тризны) и в ногах воина, погребенного вдоль северной стенки могилы (развал крупного горшка), — савроматская, орнаментированная рядами глубоких круглых ямок и пальцевых вдавлений. Она не преобладает у савроматов и ранних сарматов Поволжья и Приуралья³¹, но все же составляет весьма заметный элемент керамического комплекса. На правобережье Дона такая керамика обнаружена совсем недавно. Хотя подобные ряды круглых ямок и ранее встречались на некоторых сосудах среднедонской культуры как из поселений, так и из курганных погребений³², но этому признаку как-то не придавали значения. Теперь можно

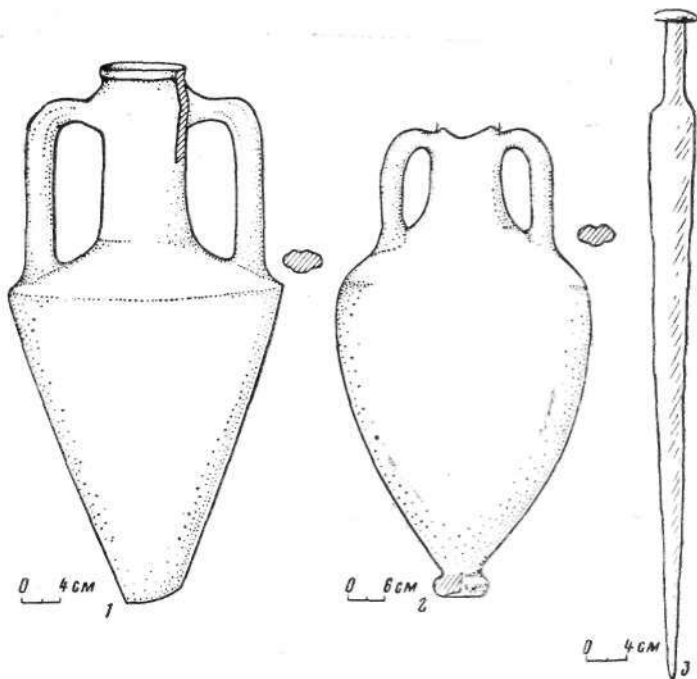
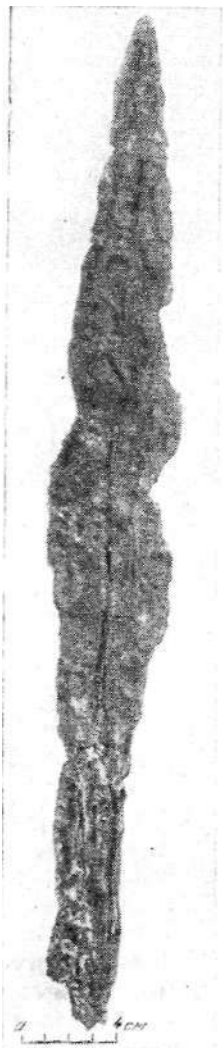

Рис. 15. Кошье из кургана 4 у хут. Сладковский

Рис. 16. Амфоры и меч из кургана 4 у хут. Сладковский

1 — амфора из дромоса; 2 — амфора при костяке 1; 3 — меч при костяке 1

Рис. 17. Бронзовые и железные наконечники стрел, колчаный крючок и детали уздечки из кургана 4 у хут. Сладковский

1, 2, 5 — при костяке 1; 3, 6, 7 — при костяке 3; 4 — разграбленная часть могилы; 8, 9 — дромс; 1, 3, 6, 8 — бронза; 2, 4, 5, 7, 9 — железо

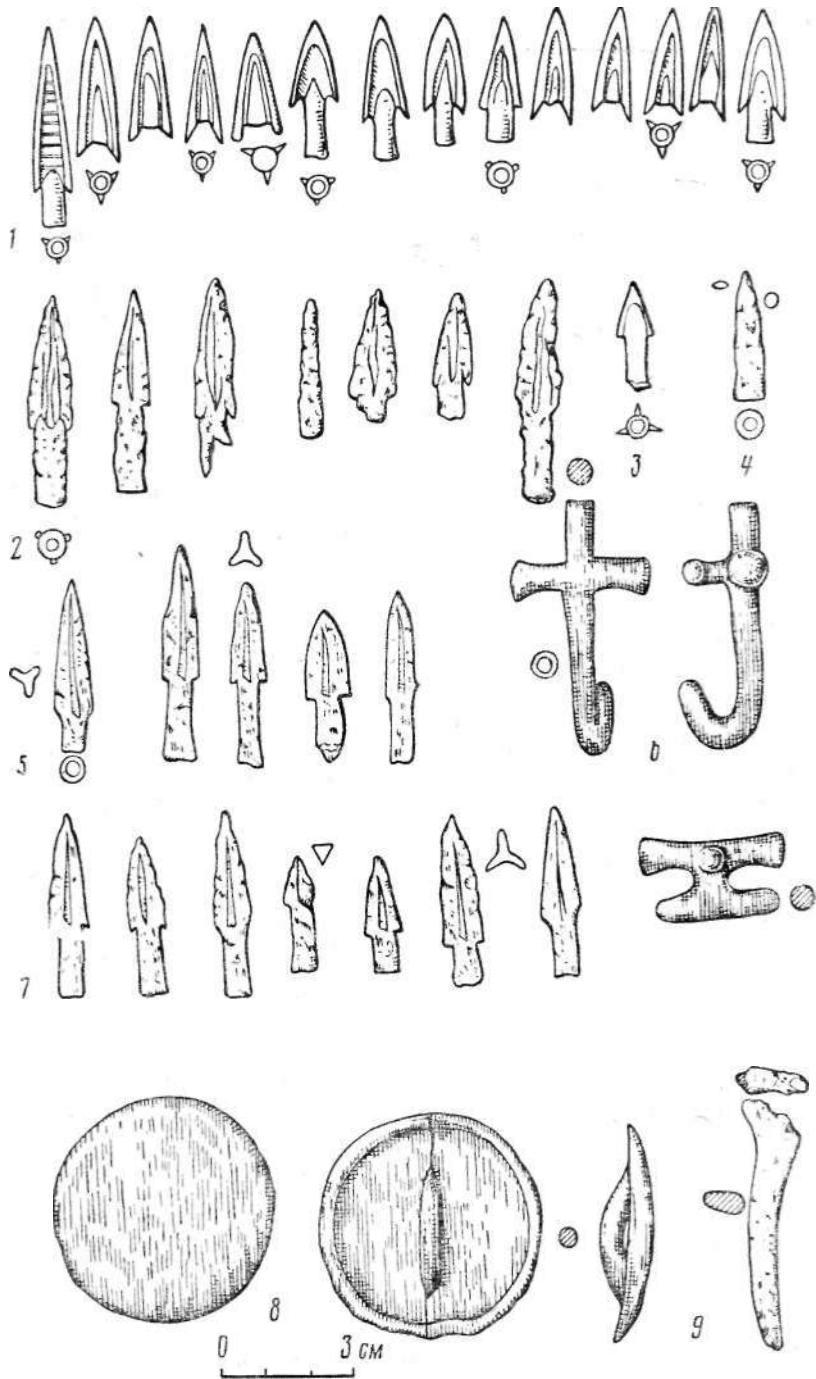
Рис. 16. Амфоры и меч из кургана 4 у хут. Сладковский

1 — амфора из прокоса; 2 — амфора при костяке 1; 3 — меч при костяке 1

Рис. 17. Бронзовые и железные наконечники стрел, колчаный крючок и детали уздечки из кургана 4 у хут. Сладковский

1, 2, 3 — при костяке 1; 3, 6, 7 — при костяке 3; 4 — разграбленная часть могилы; 8, 9 — дромс; 1, 3, 6, 8 — бронза; 2, 4, 5, 7, 9 — железо

сказать, что для западного савроматского и раннесарматского мира, вплоть до бассейна Миуса, такая керамика была довольно характерна. В частности, горшок из Никифоровского погребения на правобережье Миуса (рис. 6, 1) очень близок к горшку из дромоса Сладковского кургана 4 (рис. 18, 3). Еще более сходны крупный лепной сосуд Сладковского кургана (рис. 19, 2, 3) и сосуд из впускного раннесарматского (прохоровского) погребения могильника Сазонкин бугор Астраханской обл. Стенки того и другого покрыты нерегулярными рядами круглых глубоких ямок или

Подавляющее большинство вещей погребального инвентаря Сладковского кургана и кургана у хут. Кашеевка выявляет признаки, характерные вообще для материальной культуры Среднего и Нижнего Подонья скифского времени. Среди этой группы инвентаря найдены и такие вещи, которые были хорошо известны населению среднего Дона, в частности бронзовые крючки воронежского типа с изображением медведя на широком конце³⁴. Богатые сирматы, оставившие памятники у нос. Шолоховский и хут. Сладковский, были вооружены копьями, среди которых выделяются массивные «скифские» наконечники копий длиной до 45—50 см с широким листовидным (рис. 15) или узким ланцетовидным пером. Такие копия в одинаковой степени применяли в IV—III вв. до н. э. и скифы Северного Причерноморья³⁵, и население среднего Дона³⁶, и меоты Прикубанья³⁷. Железный вток для древка копья, найденный в Сладковском кургане, близок среднедонским, характерным для этой культуры³⁸, хотя подобные втки встречались и у савроматов Поволжья³⁹.

Из мечей хорошо сохранился лишь один, положенный с «амазонкой» из Сладковского кургана (рис. 16, 3). Его общая длина 73 см, он без перекрестия и имеет плоское овальное бронзовое навершие. Подобный же меч, не сохранивший навершия, найден в Шолоховском кургане. Эти мечи по форме не похожи ни на скифские, ни на среднедонские. У ранних сарматов также были подобные мечи и кинжалы. Наиболее восточный экземпляр такого кинжала происходит из Ново-Кумакского могильника под Орском⁴⁰. Меч такой же формы и размеров, как и в кургане 4 хут. Сладковский, найден в курганной группе Алебастрово II (курган 12, погребение 2, раскопки Б. Ф. Железчикова и В. А. Кригера)^a. На правобережье нижней Волги такой меч встречен в погребении прохоровской культуры у с. Старица Черноярского р-на Астраханской обл.^{*2}

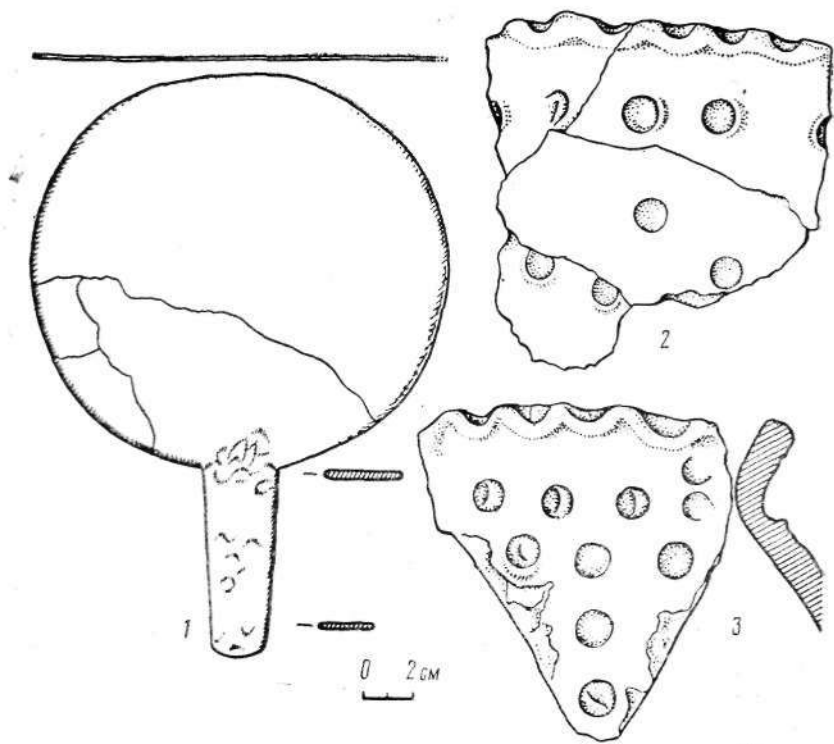
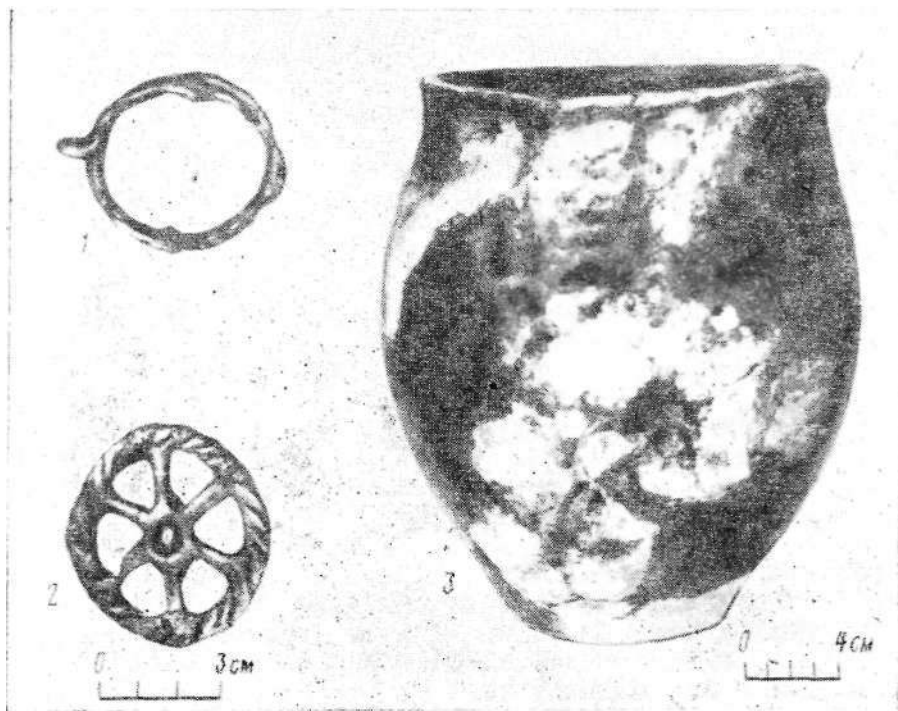
Особенно распространены сходные мечи по всему Северному Кавказу: один длинный меч, такой же, как старицкий, происходит из развеянного позднесавроматского (?) погребения у с. Бажиган (Ногайские степи, севернее р. Кума)⁴³; еще один меч найден В. А. Кореняко в раннесарматском погребении под Ставрополем⁴⁴, а в Ставропольском музее хранится не менее шести экземпляров (сообщение В. А. Кореняко). Но наиболее близкие аналогии сладковский меч находит среди синдо-меотских мечей Прикубанья IV—III вв. до н. э.⁴⁶ Территориально сладковскому экземпляру ближе всего меч северокавказской формы, найденный на донском левобережье, в устье р. Маныч, в раннесарматском погребении 5 кургана 6 могильника Арпачин II (раскопки Донской экспедиции Института археологии АН СССР 1975 г.)⁴⁶. Судя по всему комплексу вещей, среди которых много и аналогичных сладковский, погребения из Арпачина и Слад-

Рис. 18. Бронзовые детали уздечки и глиняный сосуд из дромоса кургана 4 у хут. Сладковский

1, 2 — пряжка и бляха; 3 — лепной горшок

Рис. 19. Бронзовое зеркало и фрагменты лепного сосуда из кургана 4 у хут. Сладковский

1 — при костяке 1; 2, 3 — при костяке 3

ковского относятся к одному времени. Сладковский меч имеет оригинальное бронзовое навершие, но в целом он очень похож на северокавказские мечи, и, вероятно, сам — северокавказского происхождения.

Бронзовые наконечники стрел в колчанах савроматов междуречья Дона и Северского Донца относятся к типам и вариантам, общим и для скифов, и для среднедонского населения, и для савроматов IV в. до н. э. (рис. 17, 1—3). Выделяется экземпляр с поперечными валиками между лопастями, что довольно часто встречается на раннесарматских стрелах разных типов из Приуралья IV—III вв. до н. э.⁴⁷ Особенно богатая серия таких стрел (около 40) найдена М. Г. Мошковой в одном из сарматских погребений Челкарского курганного могильника под Уральском⁴⁸. Анализ металла бронзового зеркала и бронзовых наконечников стрел из кургана у хут. Сладковский, произведенный Т. Б. Барцевой, определенно установил приуральский состав бронзы, характерный для всех савромато-сарматских изделий Южного Приуралья (см. Приложение).

Железные наконечники стрел особенно часты в погребениях меотских воинов Прикубанья и воинов бассейна Дона в IV—III вв. до н. э. В это же время они известны и ранним сарматам междуречья Дона и Волги.

Среди другого оружия назовем железный широкий боевой топор, найденный в Шолоховском кургане. Он аналогичен железным топорам из Частых курганов и из поселения у с. Репинки Воронежской обл.⁴⁹ Бронзовые и костяные ворворки-пронизки из Сладковского кургана (рис. 14, 3—6) сходны с теми, что встречаются при оружии (портупее) и конском снаряжении у населения среднего Дона. Они были хорошо известны ранним сарматам Поволжья и Приуралья в IV—III вв. до н. э. То же можно сказать о конских бляхах. У таза лошади из Сладковского кургана найдена бронзовая пряжка с неподвижным язычком (рис. 18, 1). Подобные пряжки известны в Воронежских курганах. Они широко распространяются с IV—III вв. до н. э. во всем раннесарматском мире⁵⁰. Особенно близки сладковской пряжки из заволжских раннесарматских погребений могильника у с. Политотдельское (курган 15)⁵¹. Два бронзовых зооморфных колчаных крючка из Кашеевки тождественны среднедонским, в том числе найденным в Частых курганах и у с. Русская Тростянка⁵².

Судя по богатым коллективным захоронениям у пос. Шолоховский, хут. Кашеевка и по ряду савроматских захоронений междуречья Дона и Волги, исследованных в последнее время⁵³, можно заключить, что богатые савроматские воины, как и скифы, и прочие народы юга Восточной Европы, часто носили в качестве защитных доспехов металлические панцири из бронзовых и железных пластин. Редкость их находок в савроматских погребальных комплексах объясняется незначительным количеством исследованных богатых савроматских курганов. Однако в ныне раскопанных курганах как междуречья Северского Донца и Дона, так и междуречья Дона и Волги (пос. Октябрьский, с. Никольское) открыты погребальные комплексы богатых воинов⁵⁴, одетых в металлические пластинчатые (чешуйчатые) панцири и бронзовые шлемы и вооруженных, кроме лука со стрелами, длинными мечами и массивными копьями со втоками на нижней части древка.

Обычай украшать деревянные сосуды-кубки или оковывать их бортики золотыми и электровыми пластинками, часто в зооморфном стиле, был

широко известен среди племен скифского мира, особенно у среднедонского населения⁵⁵. Его же мы встречаем и у сирматов междуречья Северского Донца и Дона, а также у савроматов междуречья Дона и Волги и даже в Приуралье. От междуречья Северского Донца и Дона до Илека среди «савроматских» оковок встречаются зооморфные, изображающие голову или клюв грифона или заднюю ногу лошади с копытом. Сладковский деревянный кубок был украшен золотой оковкой в виде схематичной головы грифона, напоминающей более всего золотые оковки кубка из богатого савроматского погребения V в. до н. э. Сазонкинского кургана Астраханской обл.⁵⁶ и ряда курганов того же времени (немного более ранних) могильника Пятимары I на Илеке⁵⁷. Контуры головы грифона сладковского кубка несколько отличаются от астраханского и илекских, вероятно оттого, что Сладковский курган на век-полтора моложе своих восточных аналогов. Сладковский кубок, кроме золотой оковки по бортику, украшен по бокам рядом тонких серебряных кружочков, обрамленных такими же заклепками с круглыми шляпками (рис. 14, 8—10). Сосуд был скреплен узкими серебряными и бронзовыми полосками, какие встречаются на деревянных предметах в погребениях прохоровской культуры Поволжья и Приуралья.

Среди украшений, кроме браслетов из бус и расшитых бусами деталей костюма, столь характерных для сарматов, в Сладковском кургане найдены бронзовые и серебряные височные подвески или серьги, простые проволочные детские гривны (обломки) и бронзовые литые двойные и тройные бляшки (рис. 14, 7). Такие бляшки встречены пока только в Мاستюгинских курганах⁵⁸. S-видные височные кольца из Сладковского кургана (рис. 14, 2) тождественны височным кольцам из катакомбы IV в. до н. э. Беглицкой косы и украшению из Частых курганов⁵⁹. Таким образом, можно заключить, что подобные украшения костюма встречались у разных народов Северного Приазовья и всего Подонья. То же можно сказать про бронзовый котел (рис. 5, 4) и железный нож с костяной ручкой «скифского» типа, найденные в Шолоховском кургане. Серповидные бронзовые ножи, ручки которых изготовлены из двух костяных пластин, приклепанных к металлическому черенку, не являются спецификой только скифских или среднедонских курганов⁶⁰. Они были известны, правда, в меньшем числе, савроматам Подонья и Поволжья⁶¹. Великолепный позднесавроматский (сирматский) комплекс из кургана 4 у хут. Сладковский имеет надежную дату: все его вещи, в первую очередь бронзовые наконечники стрел и бусы, укладываются в пределах IV в. до н. э.

В этом же кургане найдены три античные амфоры раннеэллинистического времени: одна — в головах лошади (рис. 16, 1), вторая — в головах «амазонки» (рис. 16, 2) и третья, разбитая, — в грабительском лазе (рис. 20). Амфора в головах лошади, без сомнения, синопская. Она аналогична амфорам, найденным в богатом кургане 8 могильника Пять Братьев близ Елизаветовского городища в устье Дона. И. Б. Брашинский датирует этот курган по амфорному материалу временем не позже последней четверти IV в. до н. э.⁶² Центры производства двух других амфор определить сложнее, однако они подтверждают общую широкую дату сладковского комплекса — в пределах IV в. до н. э. Раннеэллинистическая амфора в головах «амазонки» аналогична пантикапейским (тип 34 по И. Б. Зеест)⁶³, в чем сомневался, однако, И. Б. Брашинский, считавший их херсонес-

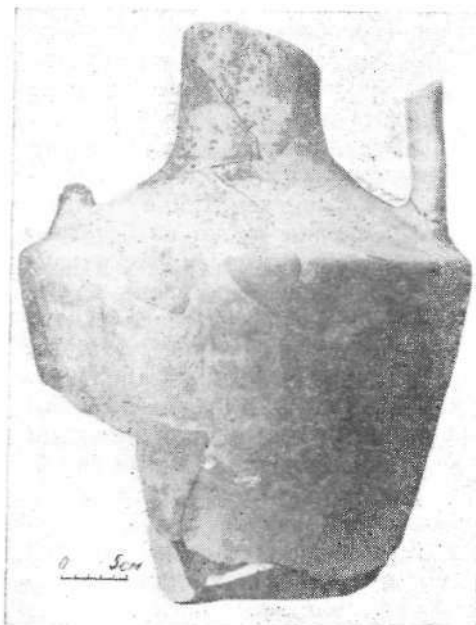

Рис. 20. Эллинистическая амфора, найденная в обломках в грабительском лазе кургана 4 у хут. Сладковский

скими. Сладковский комплекс относится ко второй половине IV в. до н. э., т. е. ко времени сирматов Евдокса и Псевдо-Скилака.

Недалеко отстоит во времени и курган у хут. Кашеевка — IV—III вв. до н. э. В нем, как и в Сладковском кургане, ярко выражены савромато-сарматские черты, причем не только в погребальном обряде, но и по ряду типично савроматских вещей (костяная ложечка, бронзовая жаровня). Возможно, к несколько более раннему времени, судя по набору бронзовых наконечников стрел, — может быть, к рубежу V и IV вв. до н. э. или к началу IV в. до н. э. — относится Шолоховский курган. В его инвентаре больше общескифских и среднедонских элементов, чем в инвентаре курганов у хуторов Сладковский и Кашеевка, где преобладают, особенно в погребальном обряде, восточные савроматские и раннесарматские черты Задонья, Поволжья и даже Приуралья.

С «европейскими» савроматами или сирматами IV в. до н. э. и более позднего времени можно связать также некоторые другие памятники правобережья нижнего Дона и Северного Приазовья.

Прежде всего это курганное погребение у хут. Карнауховский⁵⁸. Тесная связь основного погребения кургана 43 с савроматами Задонья подтверждается не только чертами погребального обряда (обширная прямоугольная могила, парное вытянутое погребение с юго-восточной ориентировкой покойников, кости расчлененной туши лошади в ногах), но и теми вещами, которые сопровождали погребенных: костяная рукоятка ножа, бронзовый наконечник стрелы позднего типа в сочетании с втульчатými железными. Подобные детали обряда и инвентаря были характерны для основного погребения (2) в кургане 1 курганного могильника Ясырев 1, расположенного недалеко от Карнауховского могильника, только на левобережье Дона, где, без всякого сомнения, в IV в. до н. э. продолжали кочевать савроматы. Ясыревское погребение⁵⁹ датируется по обломкам фасосской амфоры временем не позднее рубежа IV—III вв. до н. э. М. Г. Мошкова убедительно обосновала принадлежность этого погребения поздним савроматам⁶⁰.

Вероятно, к тому же или несколько более позднему времени, судя по материалам, относится ряд погребений, раскопанных А. И. Демченко и И. Б. Брашинским в 1967 и 1968 гг. на западной окраине Ростова-па Дону (рис. 2, 1)⁶⁷. Здесь когда-то находился большой курганный могильник, тянувшийся от б. станции Гниловская (ныне территория Ро-

стова) до пос. Каратаево по коренному берегу р. Мертвый Донец. Могильник в основном относится к эпохе бронзы. Из раскопанных в 1967 г. могил с «европейскими» савроматами — сирматами или приазовскими «меотами» можно связать (пока очень предположительно), кроме упомянутого выше женского погребения VI в. до н. э. с бронзовым зеркалом и каменным блюдом-жертвенником (курган 5, погребение 1), следующие погребения: катакомбу в кургане 1; погребение 7 в кургане 5 (катакомба или подбой?); погребение 8 в кургане 7 (квадратная могила); погребение 2 в кургане 3 (подбой?); погребения 1 и 2 в кургане 4. Почти все эти шесть погребений ограблены⁶⁸. По остаткам погребального инвентаря, в том числе по обломкам раннеэллинистических амфор, их можно в основном датировать IV в. до н. э.⁶⁹, когда западнее Дона близ Меотиды (Азовского моря) жили «меоты» — савроматы (?). Из раскопок 1968 г. к этому времени относится лишь одно погребение⁷⁰. Несмотря на ограбленность большинства ростовских курганов, можно было установить разнообразие форм погребальных сооружений этого могильника, свойственных смешанному скифо-сарматскому населению нижнего Дона IV в. до н. э. Хороши в подбойно-катакомбных могилах и в грунтовых — прямоугольных узких и почти квадратных. Везде преобладала широтная, в основном западная, ориентировка погребенных. Одну из этих могил окружало кольцо из небрежно набросанных камней.

Тот же погребальный обряд мы наблюдаем в раскопанном С. Н. Братченко в 1963 г. кургане 3 у с. Ливенцовка (рис. 2, 2) на западной окраине Ростова-на-Дону (рис. 4, 7, 8)⁷¹. Здесь узкую прямоугольную могилу с широтной ориентировкой, где погребенный лежал в вытянутой позе головой на запад, также окружал кромлех. Из сохранившегося инвентаря следует отметить горло гераклеийской амфоры IV в. до н. э., железный и два бронзовых наконечника стрел IV—III вв. до н. э. В грунтовом и курганном могильниках имеются еще четыре погребения того же времени. В кургане 2 в длинной узкой могиле погребен воин в вытянутом положении, головой на запад. При нем были бронзовые, железные и костяные втульчатые (как кашеевские) наконечники стрел IV—III вв. до н. э., железный нож при костях животного и железный наконечник копья. Два остальных погребения найдены в грунтовом могильнике. Погребение 10 (рис. 4, 9—11) — такая же длинная прямоугольная могила, где лежал воин головой на северо-запад. При нем были глиняный горшок, характерный для степных скифов и савроматов, железный акинак и несколько бронзовых наконечников стрел⁷³. К железному веку (скифо-сарматское время) относятся еще два погребения (46 и 48) без контуров могильной ямы⁷⁴. Нижний костяк (погребение 48) лежал на правом боку, с подогнутыми ногами, черепом на восток—юго-восток, руки скрещены (связаны?) в кистях перед тазом. Над ним находился другой костяк (погребение 46), вытянутый на спине, черепом в противоположную сторону, т. е. на запад—северо-запад. При погребениях встречены лепной глиняный горшок и бронзовый наконечник стрелы IV—III вв. до н. э.

К тому же и несколько более позднему времени (IV—II вв. до н. э.)⁷¹ относится могильник Беглицкой косы близ Таганрога (рис. 2, 16). В 1956 и 1958 гг. здесь проводил раскопки И. С. Каменецкий⁷⁶. В десяти раскопанных погребениях отмечен устойчивый обряд захоронения в ката-

комбах типа II по классификации Б. Н. Гракова (рис. 21, 7). Этот тип могилы хорошо прослеживается у степных скифов⁷⁷, но он известен и у ранних сарматов по крайней мере с IV в. до н. э.⁷⁸

По мнению В. Е. Максименко, этническая картина на правобережье Дона и в Приазовье оставалась стабильной до самого конца III в. до н. э., т. е. сюда не вторгались новые кочевые группы — носители прохоровской культуры — вплоть до II в. до н. э.⁷⁹ Действительно, все более или менее хорошо датированные и выразительные памятники ранних сарматов правобережья относятся ко времени не ранее рубежа III—II вв. до н. э. Однако такое представление может быть опровергнуто в дальнейшем открытием новых памятников ранней прохоровской культуры. Ведь ее элементы (оружие) ныне уже известны западнее Дона, в его среднем течении. Отдельные же погребальные комплексы с подобными элементами, и часто весьма выразительными, открыты не только на левом, но и на правом берегу Днепра (например, ранние сарматские погребения в Ушкалке и в Грушевке).

Перечислим памятники Северного Причерноморья от Дона до Днепра, которые можно связать с влиянием или появлением в Скифии IV—II вв. до н. э. (т. е. до завоевания ее сарматами) ранних сарматов — носителей прохоровской культуры.

Мечи ранних типов прохоровской культуры со сломанным под тупым углом или дуговидным перекрестием найдены в курганном могильнике у с. Русская Тростянка (рис. 22, 1)⁸⁰, в б. Острогжском уезде Воронежской губернии (рис. 22, 2)⁸¹, у с. Веселое Красногвардейского р-на Белгородской обл. (рис. 2, 12; 22, 3)⁸² и у с. Гришине Красноармейского р-на Донецкой обл. (рис. 22, 4). Меч из Русской Тростянки хорошо сохранил перекрестие. Он происходит из могильника, датированного временем не позже III в. до н. э.⁸³ Меч из Острогжского уезда сохранил типично прохоровское навершие. Его перекрестие не уцелело, но по скошенности основания клинка и отверстиям на нем можно думать, что перекрестие имело вид широкого скошенного бруска. Все перечисленные мечи относятся к ранним образцам прохоровской культуры IV—III вв. до н. э.⁸⁴ Этот тип меча теперь хорошо известен по ранним комплексам прохоровской культуры Южного Приуралья⁸⁵, и появляется он там уже в позднесавроматских погребениях⁸⁶. Два меча раннепрохоровского типа найдены в Заволжье⁸⁷. В междуречье Дона и Волги они пока не встречены. В. П. Шилов относит к ним несколько мечей из Аксеновского могильника⁸⁸, но они совсем другого типа и, вероятно, кавказского происхождения. Их клинки с бороздками похожи на кавказские, а перекрестия имеют вид узких бабочек. Процесс морфологического изменения акипака шел на обширном пространстве, но лишь в Южном Приуралье и Зауралье выработались мечи со сломанным под тупым углом или дуговидным перекрестием.

Между Доном и Северским Донцом заметны яркие восточные элементы культуры в комплексах у хут. Сладковский и у Кашеевки. На левобережье Северского Донца, в районе впадения Оскола, у с. Яремовка Изюмского р-на Харьковской обл. С. С. Гамченко в 1929 г. обнаружил погребение на песчаной дюне (рис. 2, 14)⁸⁹. Костяк человека лежал в вытянутой позе на спине, черепом на юго-запад. Пятна кострищ около погребения

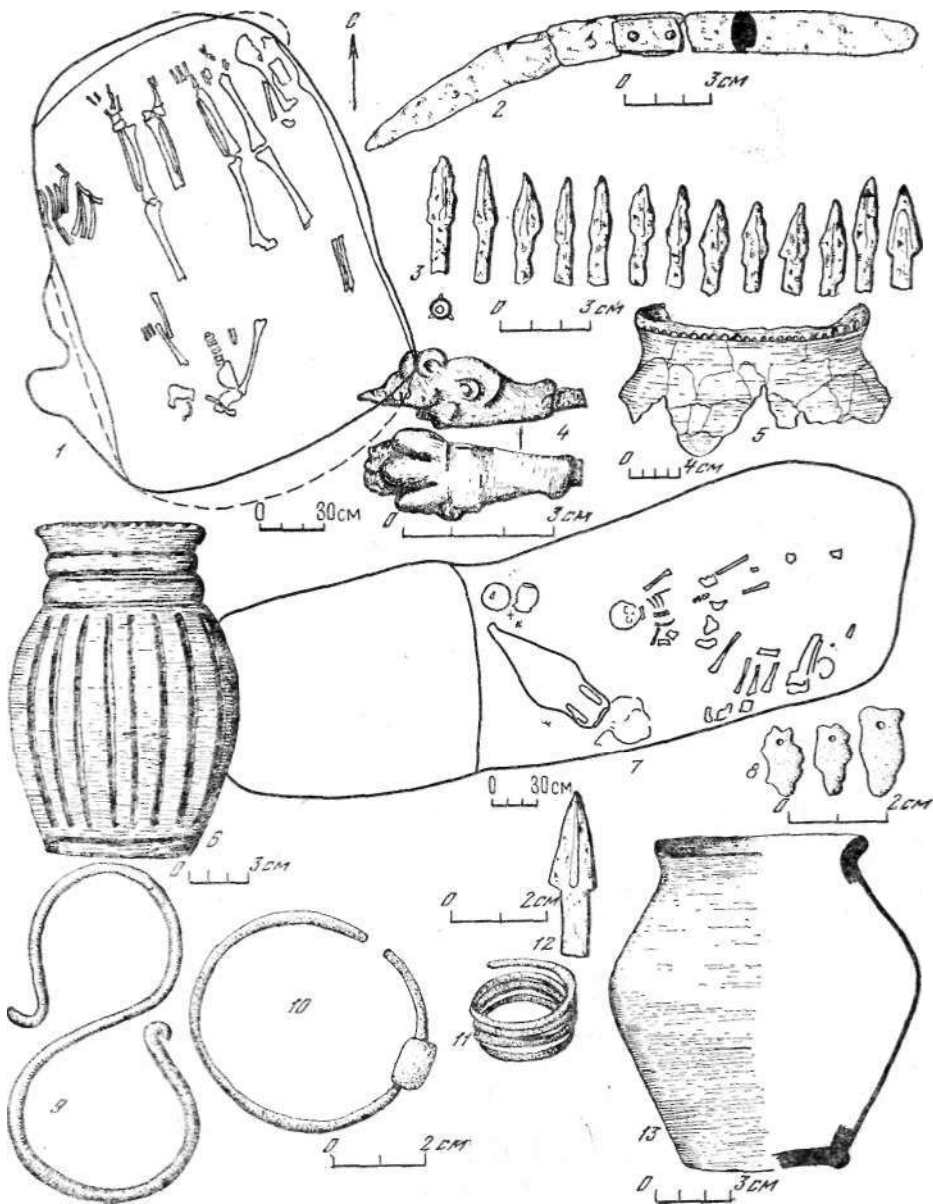
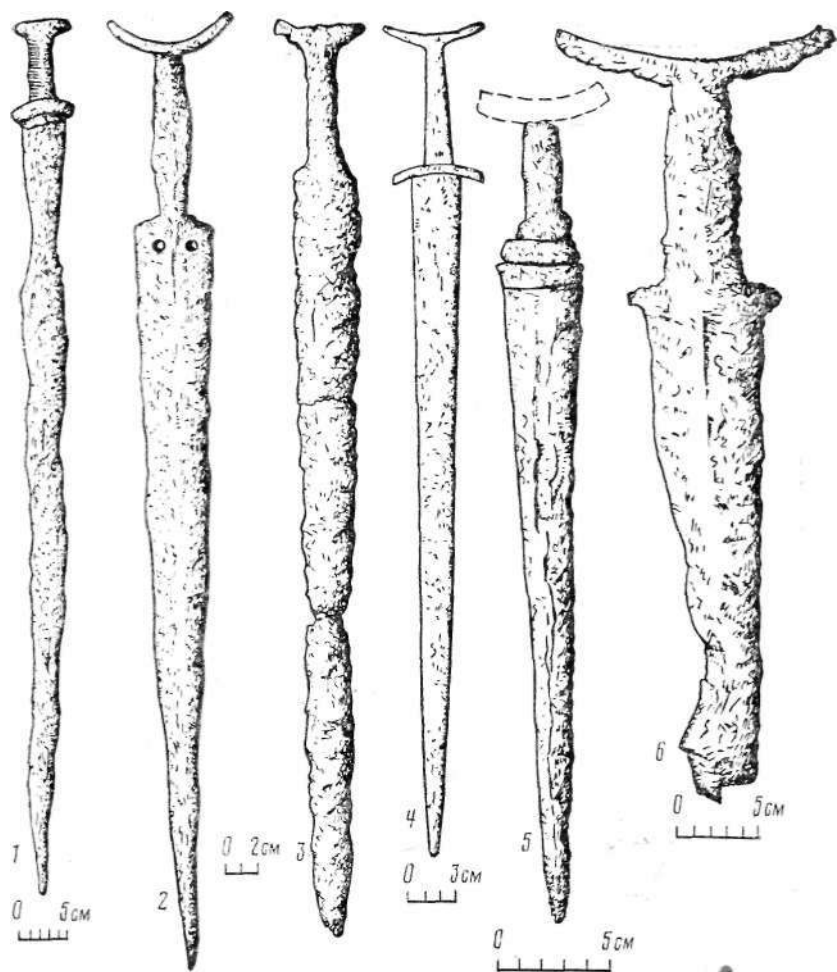

Рис. 21. Савромато-сарматские памятники IV—III вв. до н.э.

1—5 — Карнауховский, курган 43, погребение 1: 1 — план погребения, 2 — нож с костяной ручкой, 3 — железные и бронзовый наконечники стрел, 4 — навершие железной рукоятки, 5 — лепной горшок; 6 — горшок-курильница из Яремовки; 7—13 — Веглицкая коса, погребение 10 1958 г.: 7 — план катакомбы, 8 — бусы, 9 — серьга, 10 — височное кольцо с бусиной, и — перстень, 12 — наконечник стрелы, 13 — лепной горшок; 2, 12 — железо; 4, 10, 11 — бронза; 5, 6, 13 — глина; 8 — стекло; 9 — серебро

ния свидетельствуют о культе огня. Здесь же встречались обожженные кости домашних животных (быка, коня, овцы или козы). Первоначально скопление костей, вероятно, было значительным, согласно савроматскому обычаю. Погребенного сопровождали небольшой грубый лепной сосуд (рис. 21, б) и три бронзовые трехгранные стрелы. Судя по ним, погребение было не древнее IV—III вв. до н. э. Тип сосуда с вытянутым яйцевидным туловом и довольно узким горлом с отогнутым венчиком обычен для савроматов и скифов. Однако его орнамент в виде глубоких борозд, горизонтальных по горлу и вертикальных по всей поверхности тулова, известен лишь у савроматов (главным образом отдел IV)⁹⁰, и позже он в измененном виде становится характерным для сарматской (прохоровской) культуры⁸¹. Это дает нам основание связать данное погребение с сирматской группой населения междуречья Дона и Северского Донца. Любопытно отметить, что этот сосуд определенно был культового назначения (курильница): он изготовлен наспех и плохо обожжен для похоронных церемоний, как пишет М. Л. Макаревич⁹². Глубокие борозды-каннелюры, очевидно, имитировали рифление металлических сосудов. На горизонтальный край венчика нанесен ряд ямок, как и на некоторых сарматских курильницах прохоровской и сусловской культур⁹³. М. П. Абрамова правильно считает погребение в Яремовке одним из самых ранних сарматских погребений на территории Украины⁹⁴. Южнее на правом берегу Северского Донца, у г. Александровск, одно из сарматских курганных погребений относилось, вероятно, в раннему времени прохоровской культуры (курган 12, погребение 3). Но более точно мы его датировать пока не можем и подробнее о нем скажем ниже, когда речь пойдет обо всех ранних сарматских погребениях III—I вв. до н. э. в междуречье Дона и Днепра. Интересный комплекс вещей найден случайно в кургане у станции Квашино (рис. 2, 20), на правом берегу р. Крынка — правого притока Миуса — в Донецкой обл. (рис. 23). Вещи из этого разрушенного погребения были доставлены колхозниками в 50-е годы в Донецкий музей. Анализ их дан ниже. О погребальном обряде нам ничего неизвестно⁹⁵. Квашинская находка датируется в пределах IV—II вв. до н. э., скорее всего III в. до н. э., т. е. относится к сирматскому или раннесарматскому времени.

В бассейне Днепра известно не менее пяти выразительных раннесарматских погребений IV—III вв. до н. э. с характерными чертами, свойственными прохоровской культуре. Прежде всего надо обратить внимание на давно уже открытое на левобережье Днепра раннее диагональное погребение в кургане у д. Вороня Синельниковского р-на Днепропетровской обл. (рис. 2, 23; 24, 1). Оно было исследовано Н. Е. Макаренко в большой группе курганов в 1907 г.⁹⁶ У левой руки погребенного, лежащего строго по диагонали в вытянутой позе на спине, головой на юго-восток, находилась группа бронзовых наконечников стрел, положенных в колчан. Лишь в самых ранних диагональных погребениях, относящихся к прохоровской культуре Приуралья, найдены бронзовые наконечники стрел⁹⁷, что и дает нам право отнести диагональное погребение у Ворони ко времени не позже III в. до н. э. Все наиболее ранние могилы с диагональным положением погребенных относятся еще к савроматскому времени Южного Приуралья⁹⁸. В прохоровской культуре При-

Ряс. 22. Раннесарматские (прохоровские) мечи в Северном Причерноморье

1 — Русская Тростянка, курган 7; 2 — 6. Острогжский уезд; 3 — Веселое; 4 — Гришине; 5 — Никопольские курганы (группа II, курган 2, погребение 17); 6 — Большая Белозерка, курган 1, погребение 4 1975 г.

уралья таких несколько: у Бердинской горы под Оренбургом "; в группе курганов на Илеке (Соль-Илецкий р-н)¹⁰⁰. Целый ряд диагональных могил прохоровской культуры IV—III вв. до н. э. раскопан сейчас Оренбургской экспедицией под руководством Н. Л. Моргуновой (Габелко) и Южно-Уральской экспедицией под руководством М. Г. Мошковой и Б. Ф. Железчикова. Лишь одно такое погребение открыто в Заволжье (Быково I, курган 1, погребение 11)¹⁰¹.

Восточный импульс подобного обряда безусловен, и связан он с ранними сарматами, отдельные группы которых уже в IV—III вв. до н. э.

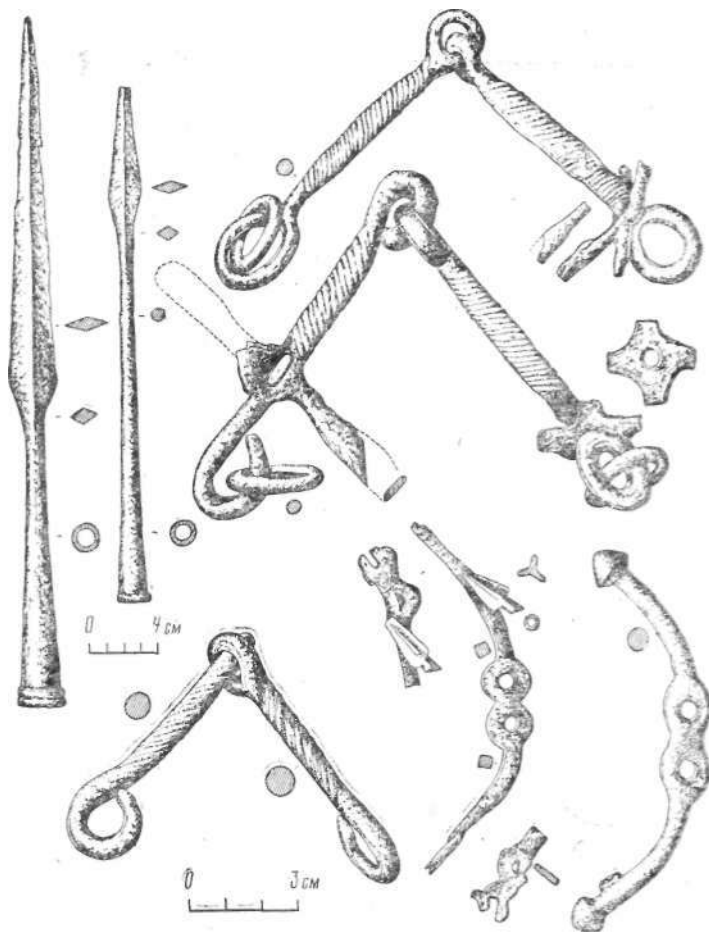

Рис. 23. Раннесарматский комплекс у ж.-д. станции Квашино

проникли в скифскую среду Поднепровья. Последнее предположение подтверждается и ранним прохоровским погребением у с. Ушкалка Верхне-Рогачевского р-на Херсонской обл. на левобережье Днепра, юго-западнее Никополя (рис. 2, 25; 24, 2—5)¹⁰². Близ Ушалки в прямоугольной могиле был погребен сарматский воин в вытянутой позе, головой на юго-запад. При нем был набор бронзовых наконечников стрел (и один — железный трехлопастный втульчатый), характерных для приволжско-уральских погребений IV—III вв. до н. э. В могилу были положены глиняный сосуд прохоровской культуры и курильница, чуждая скифам Поднепровья. Первоначальная дата погребения по определению Д. Я. Телегина — IV в. до н. э. Во всяком случае, оно не [должно быть моложе III в. до н. э.

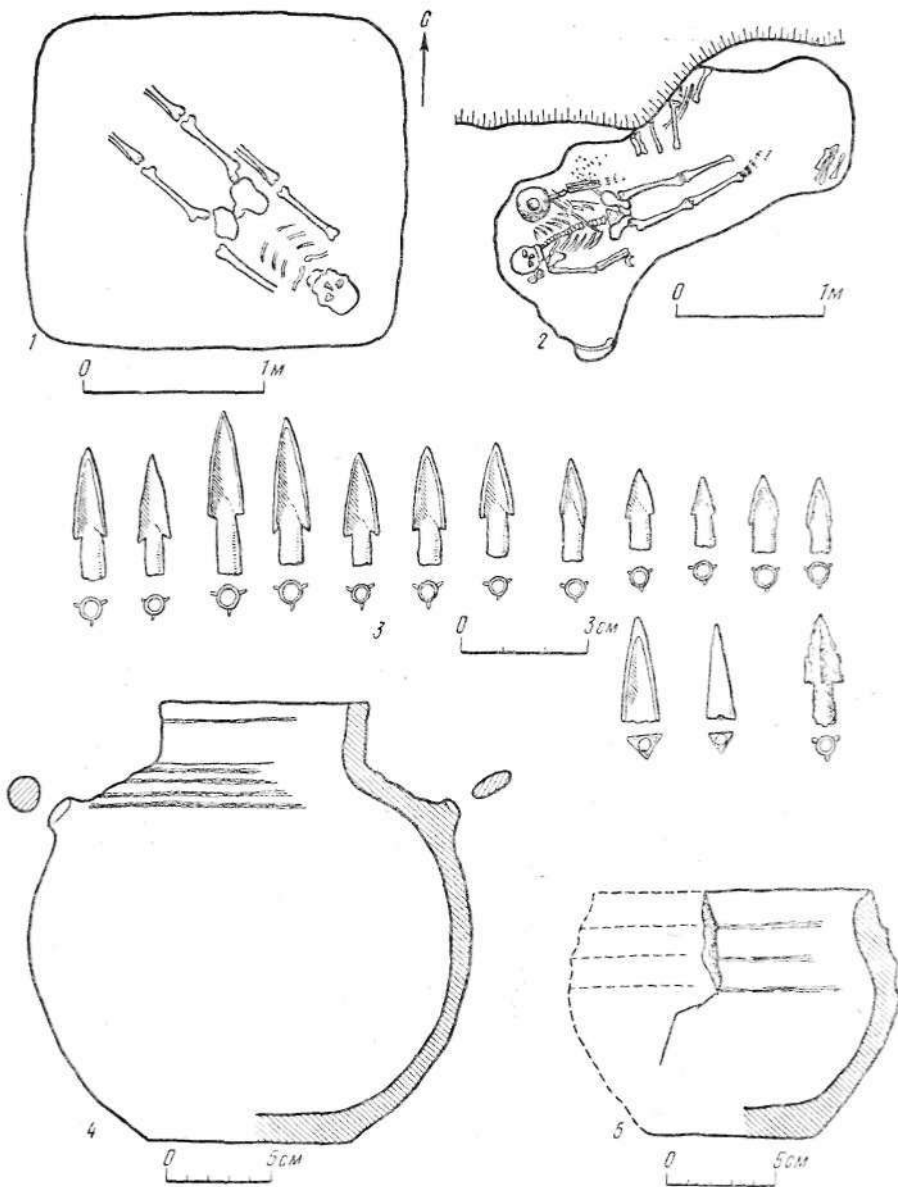

Рис. 24. Раннесарматские погребения IV—III вв. до н. э. на днепровском левобережье

1 — план погребения в кургане Иуд. Вороня; 2—5 — погребение у с. Ушкалка: 2 — план погребения, 3—бронзовые и железный наконечники стрел, 4— лепной сосуд, 5 — лепная курильница

Во времена пребывания сирматов западнее Танаиса отдельные ранне-сарматские группы уже переходили на правый берег Днепра в глубь Скифии. Еще Т. Сулимирский обратил внимание на курганное погребение у с. Грушевка Днепропетровской обл. (курган 5, погребение 1), раскопанное Д. Т. Березовцом в 1953 г. (рис. 2, 28)¹⁰³. Т. Сулимирский считал его самым ранним сарматским погребением Украины (рис. 25, 1—7)¹⁰⁴. В центральной могиле кургана под небольшой насыпью похоронена женщина в вытянутой позе на спине, головой на юго-запад. Это явно ранне-сарматское погребение с выразительными элементами прохоровской культуры. Особенно показательна костяная ложечка в позднем зверином стиле¹⁰⁵. Ее длинная ручка аккуратно обточена в виде головки вепря (рис. 25, 1). Подобного сюжета на сарматских ложечках еще не встречалось, но сама форма ложечки, тщательная ее обработка при общем схематизме сюжета находит прямые аналогии только в прохоровской культуре IV—III вв. до н. э. Южного Приуралья. Подобные ложечки были обнаружены дважды в раннепрохоровских погребениях, в кургане 1 группы Башкирское Стоило под Оренбургом (на ручке — схематическая головка какого-то зверя)¹⁰⁶ и в погребении 2 кургана 1 группы Лапасна у с. Любимовка на р. Бузулук (на ручке — схематическая головка грифона)¹⁰⁷. Оба погребения датируются временем не позднее III в. до н. э. Костяные ложечки в зверином стиле совершенно неизвестны в скифском мире, зато обычны для женских могил савроматов и ранних сарматов.

Среди инвентаря могилы у с. Грушевка имеется узкогорлый сероглиняный грушевидный сосуд с неровным уплощенным дном, характерный как по форме, так и по выработке для посуды прохоровской культуры в целом (рис. 25, 2). В первой публикации погребения неверно сказано, что этот сосуд сделан на гончарном круге¹⁰⁸. Он вылеплен аккуратно из светло-коричневой глины с мелким песком и включениями слюды, поверхность прилощена. Его узкое горло покрыто рядом параллельных желобков, а по бокам были два налепа-«сосочка» (сильно стерлись). Украшение желобками наиболее характерно для ранней прохоровской посуды¹⁰⁹.

Не выпадает из круга раннесарматских украшений и бронзовый браслет с несомкнутыми концами и с насечками по тупым концам (рис. 25, 3)¹¹⁰. Он согнут из массивного прута, круглого в сечении. Подобные браслеты встречаются в раннесарматских могилах Поволжья и Приуралья. Прототипами их могли служить северокавказские браслеты скифского времени¹¹¹, особенно меотские IV—III вв. до н. э. из Прикубанья. Их обычно тупые концы также украшены поперечными насечками¹¹².

В курганном могильнике у с. Кут (рис. 2, 27) раскопками Д. Т. Березовца 1951—1952 гг. исследовано еще два впускных погребения, которые могут быть отнесены к раннему сарматскому времени. Это нарушенное погребение в скифском кургане 1, где найдены сероглиняный кувшин с небольшим носиком, чернолаковая мисочка и небольшой канфаровидный черный кубок (рис. 25, 9, 10)¹¹³. По этим вещам погребение можно отнести к эллинистическому времени. Этническую принадлежность при отсутствии характерных черт погребального обряда определить затруднительно. Но все же кувшин, особенно по ребристой разделке цилиндрического горла, не чужд керамике прохоровской культуры. Не может быть

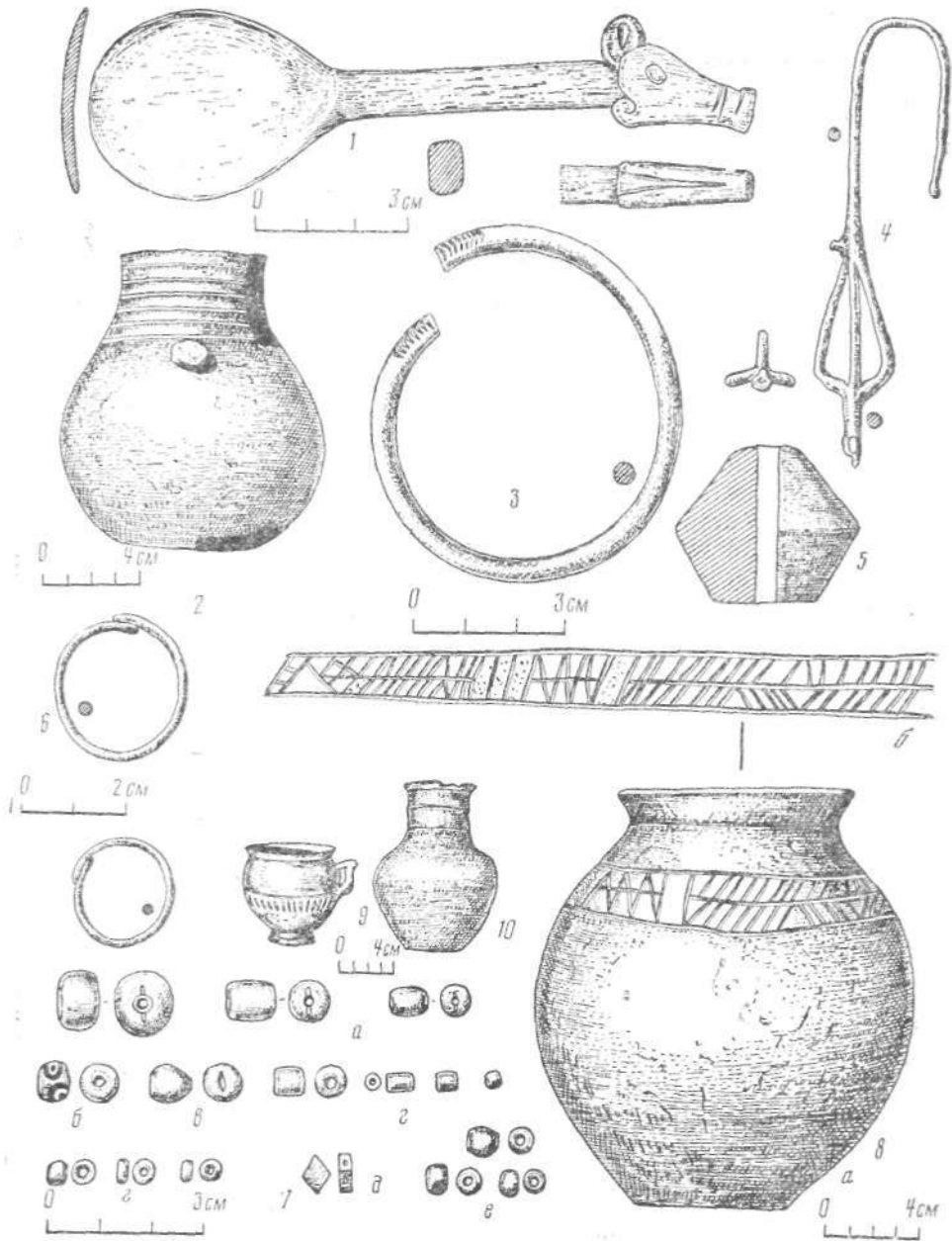

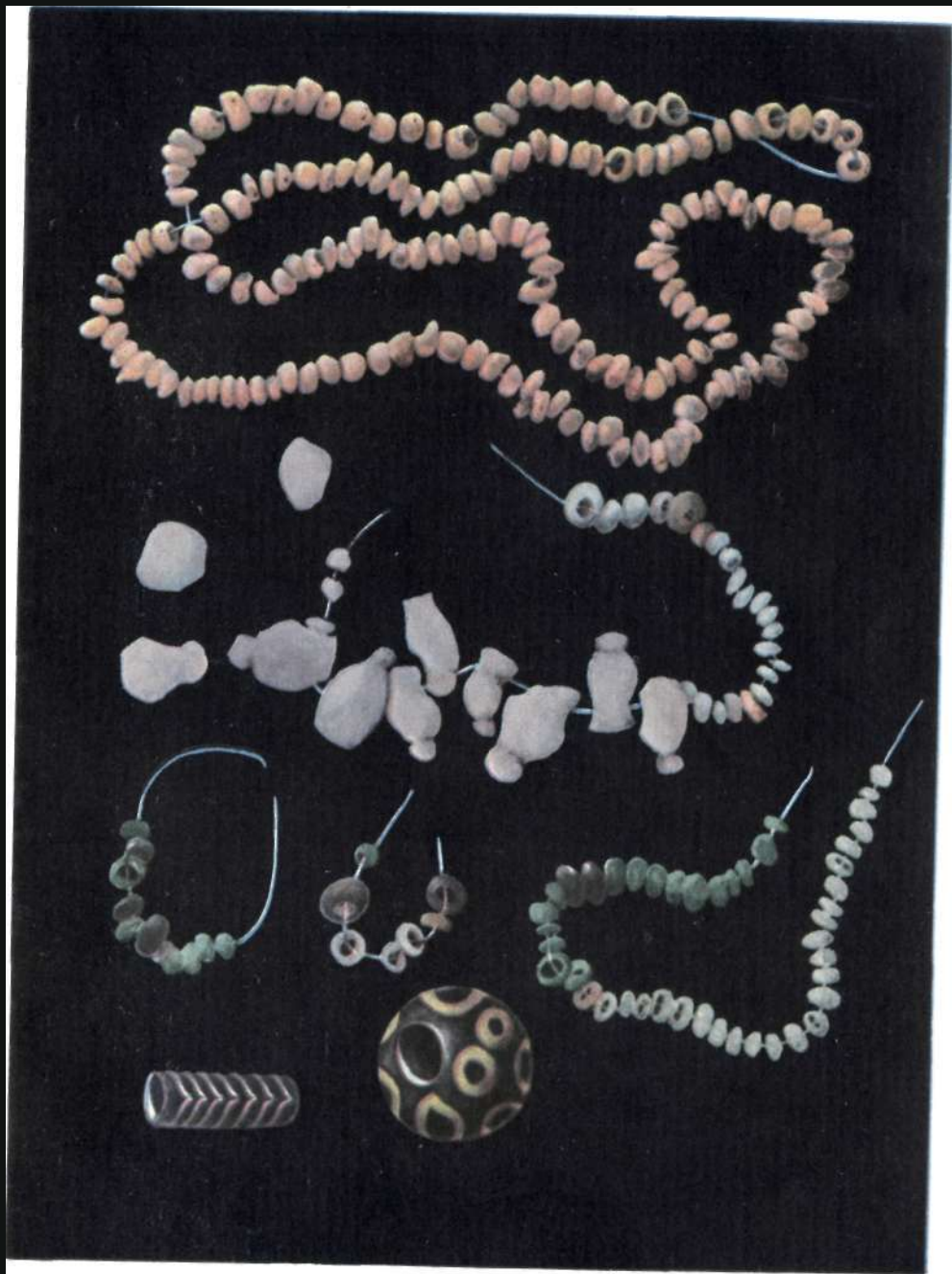
Рис. 25. Раннесарматские погребения на днепровском правобережье

1-7 — Грушевка: 1 — ложка, 2 — лепной сосуд, 3 — браслет, 4 — подвеска, 5 — пряслице, 6 — кольца (5 экз.); 7 — бусинки (а — сердоликовые, б — белого непрозрачного стекла с синими глазками, в — синего полупрозрачного стекла, г — прозрачного стекла с внутренней позолотой, д — гагатовый разделитель, е — белого непрозрачного стекла); Е-ю — Бут: 8 — лепной горшок (а) и прорисовка его орнамента (б) из погребения 7 кургана 32, 9 — канфаровидный кубок из кургана 1, 10 — сероглиняный кувшин из кургана 1; 1 — кость; 2, 5, 8-10 — глина; 3, 4, 6 — о'ронза

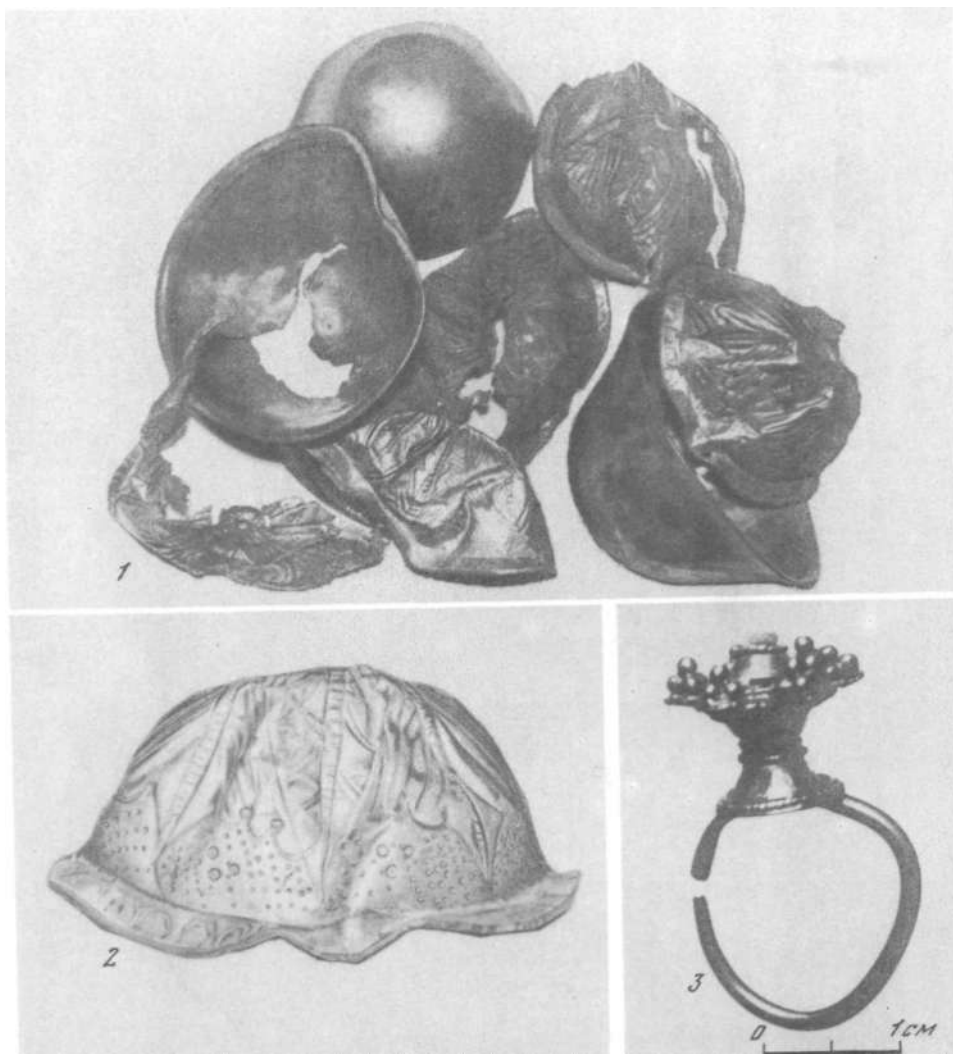
уверенно датировано и впускное погребение 7 в кургане 32 Кутского могильника. Здесь костяк лежал в вытянутой позе на спине, черепом на восток—юго-восток. Могила имела прямоугольную форму, размеры 2,10 X 0,65 м. Около черепа стоял яйцевидный плоскодонный лепной горшок с отогнутым венчиком (рис. 25, 8а)¹¹⁴. Сосуд по орнаменту в виде горизонтальной полосы, состоящей из грубых и нерегулярно прочерченных по плечикам косых бороздок, идущих в разных направлениях, лесенок,, острых треугольников, перемежающихся с зонами точечных наколов (рис. 25, 8б), чужд скифскому миру. Форма горшка известна как у скифов, так и, у савроматов и ранних сарматов. Подобный асимметричный орнамент скорее свойствен савроматам и сарматам ранней прохоровской культуры. На их керамике известен и орнамент из ряда нерегулярных косых бороздок¹¹⁵.

Захоронения ранних сарматов у сел Грушевка и Кут совершались в курганных некрополях, относящихся в основном к территории кочевания царских скифов. На территории другого скифского степного некрополя на Никопольском курганном поле (рис. 2, 2б), можно думать, хоронили отдельных представителей не только савроматов. Так, одно из никопольских погребений можно связать и с ранними сарматами (группа II, курган 2, погребение 17 1931 г.)¹¹⁶ или с их прямым влиянием на культуру собственно скифов. Погребение совершено в обычной скифской катакомбе типа I по классификации Б. Н. Гракова¹¹⁷ (погребальная камера вырыта в продольной северной стенке входной ямы, расположенной в широтном направлении). Положение погребенного воина здесь обычно и для скифов, и для савроматов, встречается и у ранних сарматов, особенно в Поволжье: воин похоронен в вытянутом положении на спине, головой на запад, со слегка расставленными ногами¹¹⁷. Под ним прослежена камышовая циновка. Панолия воина несколько необычна для скифов Поднепровья. Он вооружен мечом с прямым перекрестием и без навершия, длиной 48 см (рис. 22, 5)¹¹⁸. Вдоль тела слева положен деревянный лук, а у плеча — колчан стрел с бронзовыми наконечниками. Их древки были окрашены в красный цвет. Бронзовые наконечники стрел несколько отличаются от прочих скифских наконечников Никопольского курганного поля небрежной отливкой. Треугольные по форме, они имеют асимметричные острые шипы, а на втулках — отверстия¹¹⁹. Это типичный набор бронзовых стрел прохоровской культуры¹²⁰. Окраска древков стрел в красный цвет также известна по материалам из раннесарматских погребений Шоволжья¹²¹. Здесь мы, вероятно, встречаемся с прямым воздействием раннесарматского оружия на скифское. А может быть, это было погребение раннесарматского воина IV—III вв. до н. э., жившего и служившего в скифском обществе. В эпоху постепенного проникновения пришельцев с востока враждебные отношения скифов и сарматов могли сменяться мирными и союзническими.

Еще сохранявшая полную самостоятельность Скифия могла позаимствовать у пришельцев и некоторые предметы, связанные с культом. Так, в позднескифских погребениях Северного Причерноморья, в том числе и в Крыму, известны лепные сосуды «с шаровидным туловом», которые исследователи скифских памятников обычно относят к курительницам¹²². Всегда ли это так, трудно сказать, но в подавляющем большинстве они,

Стеклянные бусы из кургана 4 у хут. Сладковский

Серебряные позолоченные чаши и серебряные чаши из Булаховки (1, 2). Золотая серьга из Соколова II (3)

вероятно, использовались в культовых целях, т. е. так же, как савромато-сарматские курильницы. В скифском мире курильницы «с шаровидным туловом» появились, согласно последней датировке Э. В. Яковенко по крымским материалам, только с IV в. до н. э.¹²³, наиболее поздние из них датируются II—I вв. до н. э. Глубоких корней в скифской архаической посуде они не имеют. Э. В. Яковенко ведет их от закавказских курильниц конца VII в. до н. э., найденных в Кармир-Блуре, через более поздние меотские курильницы Прикубанья^{1b}. Однако этот путь развития мне не представляется убедительным для всех курильниц. Его можно признать верным только для крымских курильниц с действительно шаровидным туловом и высокой ножкой¹²⁵, найденных в Неаполе-на-Салгире (скифском). Э. В. Яковенко выделяет, кроме крымских скифских курильниц, еще два варианта — днестровский и днепро-бужский¹²⁶. Среди днестровских курильниц преобладают формы и орнаменты, отличающиеся от крымских. Они имеют высокое яйцевидное тулово и довольно широкое плоское дно. Обычно все их тулово покрыто вертикальными каннелюрами¹²⁷. Их происхождение можно связывать скорее с сарматской курильницей из Яремовки бассейна Северского Донца (рис. 21, б)¹²⁸ и упомянутыми выше савроматскими сосудами подобного типа из Поволжья и рассматривать как результат контактов савроматского и раннесарматского мира со скифами в IV—III вв. до н. э. Это тем более вероятно, что курильницы из Золотой Балки на Днестре и из Ольвии, воспроизведенные Э. В. Яковенко¹²⁹, имеют по краю ряд или ряды круглых ямок, как на сосуде из Яремовки и на раннесарматских курильницах Поволжья и Приуралья^{1a0}.

Мы рассмотрели некоторые памятники степей Северного Причерноморья IV—III вв. до н. э. В культуре большинства из них есть новые черты, чуждые скифам. Их можно связывать с сирматами, принесшими в Северное Причерноморье элементы савроматской и прохоровской культур Поволжья и Южного Приуралья. Вероятно, мы обязаны в первую очередь сирматам распространением на запад до районов левобережья и правобережья Днепра этих черт новой культуры. В IV—III вв. до н. э. уже шло проникновение отдельных раннесарматских групп в глубь Скифии. Поскольку большей серии сарматских комплексов этого времени на правобережье нижнего Дона мы не знаем, то можно поставить вопрос: не проникли ли первые восточные савромато-сарматские орды в Скифию через среднее течение Танаиса, где легче было его пересечь и преодолеть сопротивление местных жителей. По мере увеличения масс восточных пришельцев — носителей прохоровской культуры — приближительно во второй половине III в. до н. э. скифы и сарматы превращаются в две основные враждебные силы Северного Причерноморья.

**Начало политического
 господства сарматов в Скифии**

доно-дахо-массагетской среде
 Южного Приуралья, проис-
 ходило в степях междуречья

Дона и Волги и в Заволжье в течение IV—III вв. до н. э. Постепенно здесь исчезают такие элементы савроматской культуры, как широтная, главным образом западная, ориентировка; сокращается рацион заупокной пищи — вместо разрубленных частей туши животного обычно кладут переднюю и заднюю ноги или бок барана. Устанавливается господство подобной могил, появляются могилы с заплечиками, диагональные погребения и широко распространяется южная ориентировка погребенных. Исчезают типичные савроматские формы посуды и другие характерные вещи. Эти значительные археологические изменения свидетельствуют о формировании новых племенных объединений, первоначально возникших в южноуральском и приаральском мире ранних кочевников. Восточные пришельцы объединяются с савроматскими племенами и готовятся к крупным завоеваниям. Активное проникновение кочевников, которых мы называем общим именем «сарматы», прослеживается в разных направлениях — на юго-восток, в цветущие земли Средней Азии, особенно на юго-запад — на Северный Кавказ и в Прикубанье, на запад — в Скифию, к центрам торговли и ремесла Северного Причерноморья. Натиск сарматов на запад усиливается в связи с постепенным военно-политическим ослаблением скифского царства, начавшимся, вероятно, в конце IV в. до п. э. Ослабление Скифии — одна из главных причин военных успехов сарматов на западе.

Тяжкий удар, нанесенный скифам Филиппом Македонским в 339 г. до н. э. (Юстин, IX, 2, § 15), и затем их поражение от диадоха — македонского полководца Лисимаха (царствовал во Фракии с 306 по 281 г. до н. э.) в 313 г. до н. э. (Диодор, XIX, 73), по-видимому, ослабили их силы. Несколько позже скифов с запада начинают теснить фракийцы и галаты (кельты)². Подобной политической ситуацией воспользовались савроматы и новые сарматские объединения, чтобы перейти в наступление на восточные земли скифского царства.

Эти события отражены Лукианом Самосатским в его сочинении «Токсарис или дружба», составленном по историческому и этнографическому материалу, взятому из источников эллинистического времени³. Там говорится о крупных набегах «савроматов» на Скифию из-за Танаиса: «Вдруг напали на нашу землю савроматы в числе десяти тысяч всадников, а пешех, говорят, явилось втрое больше того. А так как их нападение было непредвиденно, то они всех обращают в бегство, многих храбрецов убивают, других уводят живыми» (Токсарис или дружба, 39). Но скифы еще были способны отразить дерзкие нападения, базой которых служили степи за Танаисом, куда возвращались савромато-сарматские воины со своей добычей. Эти набеги первоначально, вероятно, совершали собственно савроматы, теснимые новыми сарматскими объединениями, или уже сами сарматы, подчинившие себе прежние савроматские земли за Доном и на

Волге. Основные массы ранних сарматов в IV—III вв. до н. э. жили еще за Танаисом — Доном, на левобережье которого сосредоточены почти все известные памятники нрохоровской культуры конца IV—III в. до н. э.¹ Однако отдельные их отряды и даже племенные группы, состоявшие из старых савромато-сарматских племен, прорывались уже далеко в глубь Скифии.

О «весьма враждебных савроматах» говорит и поэт Аполлоний Родосский, живший во второй половине III в. до н. э. и отразивший географические представления эпохи раннего эллинизма (Аргонавтика, III, 351—353) К

Политическая ситуация, возникшая в III в. до н. э. в окрестностях Ольвии, отражена в известном декрете в честь Протогена⁶. По мнению ряда исследователей, декрет в честь Протогена — покровителя Ольвии — был составлен в III в. до н. э.⁷, точнее — во второй его половине (до 213 г. до н. э.), т. е. не позднее конца могущества во Фракии Галатского царства (280 и 213 гг. до н. э.). Подробная библиография вопроса о датировке декрета дана в статье Т. Н. Книпович⁸. Т. Н. Книпович и позже П. О. Карышковский⁹ предприняли попытку уточнить дату декрета на основе эпиграфического анализа. Предложенная ими дата — последние десятилетия III в. до н. э. или первые десятилетия II в. до н. э. — кажется наиболее убедительной.

Ольвия в то время находилась под угрозой нападения со стороны кельтских племен галатов и их союзников скиров. Среди варварских племен, окружавших Ольвию и также боявшихся нападения галатов в союзе со скирами, упоминаются саи во главе с царем Сайтафарном и его скептухами-скипетроносцами — вероятно, военными вождями мелких племенных подразделений, а также фисаматы (тисаматы) и савдараты. Все они искали защиты за стенами Ольвии, а царь Сайтафарн, к тому же, «потребовал даров» от ольвиополитов, и в Ольвию «явились за получением даров во множестве саи». Многие современные исследователи видят в саях царских скифов, а в Сайтафарне — их царя¹⁰. Но уже у В. В. Латышева не было полной уверенности, считать ли это племя скифским или сарматским¹¹. Еще в прошлом веке высказывались мнения о сарматской принадлежности саев¹². Позже и Ф. Браун поддержал гипотезу о принадлежности саев и Сайтафарна к сарматам, основываясь на лингвистическом анализе этих названий. Он предполагал, что саи — это царские сарматы Страбона¹³. Исследователь истории и языка сарматов в Северном Причерноморье Я. Харматта также связывает саев с новыми ирано-язычными пришельцами — господствующими сарматами (царскими)¹⁴. Действительно, саи — не обязательно собственно скифы. Сап упоминаются в декрете в честь Протогена как часть разноплеменной массы, жившей по соседству с Ольвией наряду со скифами, савдаратами и фисаматами. Скифы под таким названием не были известны Геродоту, хорошо знавшему окрестные области вокруг Ольвии. Достоверно лишь, что саи — это ираноязычное варварское племя, то ли старое скифское, то ли новое сарматское, не упоминаемое в других античных источниках. Имя царя саев — Сайтафарн — переводится как «носитель фарна племени саев»¹⁵. Названия, включавшие в себя понятие «фарн», более применимы к ирано-язычному населению Средней Азии и к сарматам, чем к скифам¹⁶. Еще

в 1866 г. К. Мюлленхоф высказал мнение, что имена Северного Причерноморья, включающие понятие «фарн», являются сарматскими¹⁷. Этноним *scythi* В. И. Абаев относит к сарматскому племени и считает, что *Εαίχα-φάρης* в равной степени может быть и скифским, и сарматским именем¹⁸, ибо слово «*far*» — общеиранское¹⁹. Мы наблюдаем резкое увеличение количества таких имен в Горгииппии, Пантикапее, Танаисе и западном Прикубанье в IV—III вв. до н. э.²⁰, когда туда особенно интенсивно проникают сарматы.

Все эти соображения склоняют меня к мнению о тесной связи саев с новыми ираноязычными пришельцами — сарматами. Господствующие, «царские» племена, к которым причисляют и саев декрета в честь Протогена, были у различного кочевого ираноязычного населения евразийских степей: у скифов, сарматов и дахов. В степях к северу от Аральского и Каспийского морей, в частности, вероятно, и по Уралу—Дайку, кочевали дахо-массагетские народы, из которых, видимо, вышла основная масса сарматов. Среди дахов Страбон называет ксанфиев или ксандиев (XI, VIII, 2 и XI, IX, 3). Ираноязычное слово *aatoi* связывается с авестийским *xiauant*, которое обозначает «господствующий, князь, царь»²¹.

Таким образом, саи — не обязательно Геродотовы царские скифы, а возможно, новые пришельцы из далеких азиатских степей. Вероятно, с ними непосредственно были связаны и «царские» сарматы, отмеченные Страбонам (VII, 3, 17)²², и «царские» языги Аппиана, принявшие участие в войне на стороне Митридата Евпатора в первой половине I в. до н. э.: «Когда Митридат со своими войсками перешел в Европу, то присоединились из савроматов так называемые царские языги» (Аппиан, Митридатовы войны, 62, 2). Страбон сообщает про область расселения царских сарматов и языгов следующее: «Вся страна, расположенная над упомянутым побережьем между Борисфеном и Истром, состоит, во-первых, из „Пустыни гетов“, во-вторых, из области тирогетов, за которой идет область пазигских сарматов, страны так называемых царских сарматов и страны ургов, по большей части кочевников (хотя немногие занимаются земледелием)» (VII, 3, 17)²³. Значит, царские сарматы кочевали в степях днепровского правобережья к востоку от Ольвии, т. е. там, где жили саи²⁴. Ведь, чтобы попасть в Ольвию за дарами, Сайтафарн должен был явиться «на ту сторону», т. е. переправиться через реку Гипанис — Южный Буг²⁵.

Савдараты и фисаматы были союзниками саев. В. В. Латышев допускал, что в них можно видеть передовые орды савроматов (сарматов), успевших к середине III в. до н. э. пройти далеко вперед от Танаиса и утвердиться среди скифов в степях к западу от Гипаниса — Южного Буга²⁶. Еще Ф. А. Укерт причислял оба эти племени к сарматам²⁷. А. Бёк на основании их имени относил фисаматов к савроматским или меотийским племенам, прежде обитавшим за Танаисом²⁸. Сарматами (савроматами) считал савдаратов, по-видимому, и Ф. К. Брун²⁹. Имя их в декрет в честь Протогена попало, по его мнению, по ошибке резчика, что, впрочем, В. В. Латышев признавал невероятным³⁰. Весьма определенно о сарматской принадлежности фисаматов и савдаратов высказался Ф. Брун, ссылаясь на лингвистические штудии К. Мюлленхофа³¹. Сарматами считал эти племена и Ф. Слюсаренко³². Этимологическое значение

слова «савдараты» ясно: оно означает «черные одежды» или «одетые в черное»: saw-dar-a-tac=saw — черный, dar — носить (одежду), В. И. Абаев называет аошарато¹ сарматским племенем³³. Известно, что принадлежностью одежды сарматов были короткие, вероятно темные,, плащи.

Если саи были передовым и господствующим «царским» сарматским племенем, то их союз с другими родственными племенами, как савдараты или фисаматы, был бы вполне понятен в период их первого мощного продвижения в Скифию в конце III в. до н. э., когда они занимали враждебную позицию по отношению к скифам.

К сожалению, ранние археологические следы новых сарматских пришельцев западнее Днепра пока весьма слабы. Интересна случайная находка предметов конного воина — клад или инвентарь богатого захоронения, найденный в 1909 г. близ берега Южного Буга у с. Марьевка Николаевской обл. (рис. 26). Среди вещей, часть которых составляет,, вероятно, комплекс, были бронзовые литая ситула, италийский шлем, кольцо с отростком в виде головы грифона, два С-видных псалия, три железных псалия той же формы, что и бронзовые, удила с перекрученными стержнями, и два наконечника копий типа латен³⁴. Л. М. Якунина-Иванова, впервые опубликовавшая марьевскую находку³³, датировала ее IV—III вв. до н. э., отнеся бронзовые вещи к италийскому производству. А. М. Тальгрэн в редакционном примечании к статье Л. М. Якуниной-Ивановой определил марьевскую находку как кельтскую I в. до н. э.³⁶ Тем же временем или чуть более поздним склонен датировать марьевский шлем В. П. Шилов³⁷. Однако точная датировка марьевских вещей весьма проблематична. Импортный характер некоторых вещей западного (кельтско-италийского) происхождения не вызывает сомнений, Это касается прежде всего бронзовых шлема и ситулы. Их дата довольно широка — они относятся к эпохе латена — IV—I вв. до н. э.³⁸ — и вряд ли моложе II—I вв. до н. э. Подобные марьевской бронзовые ситулы,, найденные у с. Сипотены в Молдавии, датируются Г. П. Сергеевым II в. до н. э.³⁹ Конечно, марьевские вещи могли принадлежать богатому воину-кельту, но не менее вероятно, что они связаны с ранними сарматами, уже продвинувшимися в степи по соседству с Ольвией. Этому предположению не противоречат все предметы вооружения и конского снаряжения марьевского комплекса.

Мне известно еще пять находок бронзовых шлемов кельтско-италийского типа на территории Восточной Европы, где уже ко II в. до н. э. расселились сарматы. Некоторые из этих шлемов прямо связаны с погребениями сарматских воинов II—I вв. до н. э. Это прежде всего комплекс воина у д. Антиповка Воронежской обл. (левый берег среднего Дона). Найденный здесь бронзовый шлем во всех деталях аналогичен марьевскому⁴⁰. Антиповский комплекс одновременен марьевскому, судя по* набору аналогичных С-видных железных псалиев⁴¹, или принадлежит* несколько более позднему времени. Наиболее ранняя датировка — конец II в. до н. э. — предложена И. И. Гушиной⁴². Железные перевитые удила из Марьевки аналогичны встречающимся еще в скифских погребениях IV—III вв. до н. э.⁴³ При них бывают, кроме псалиев, еще и дополнительные кольца, как у марьевских и антиповских. Второй подобный

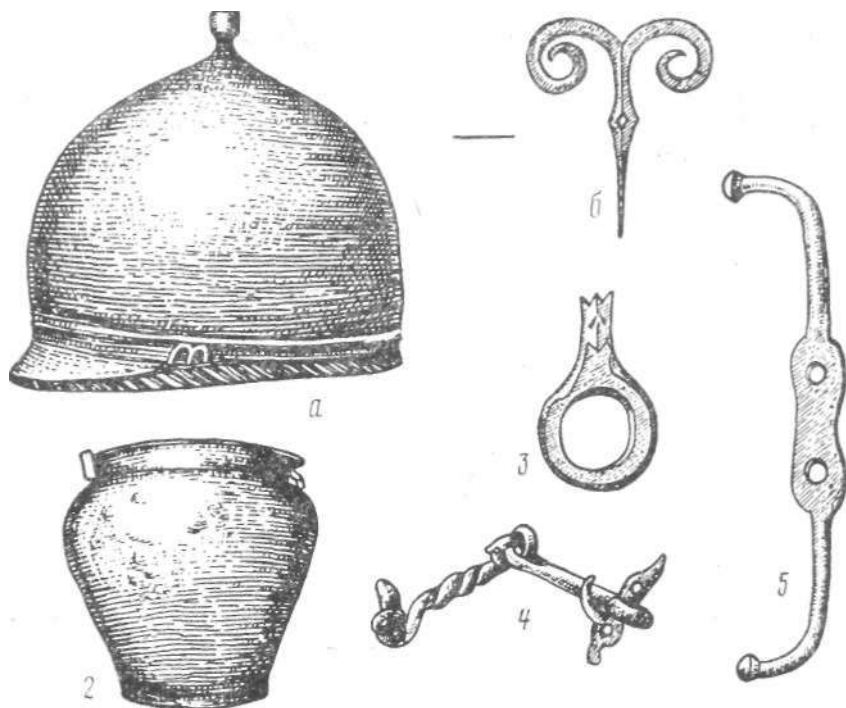

Рис. 26. Находки раннесарматского времени у с. Марьевка на Южном Буге
1a, б — шлем (высота 22 см) и знак на нем; *2* — ситупа (высота 22 см); *3* — кольцо или пряжка;
4 — удила (длина звеньев 8–9 см); *о* — псалий (длина 17 см); *1–3, 5* — бронза; *4* — железо

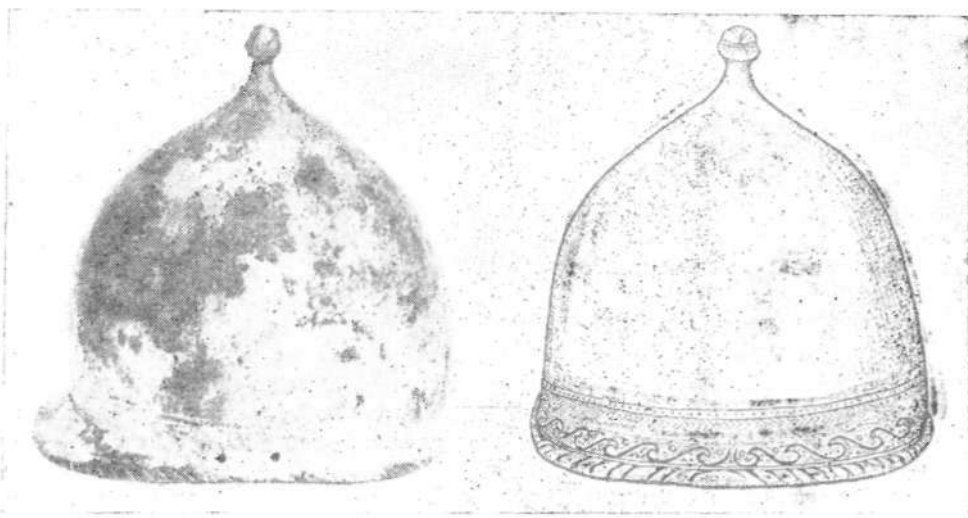

Рис. 27. Бронзовый шлем из хут. Ново-Прохоровка

бронзовый шлем, только почти без рисунка, был найден (кажется*, вместе с железным мечом прохоровского типа) в одном из раннесарматских курганов у хут. Веселый на Маныче⁴⁴.

Третий подобный бронзовый шлем был обнаружен в раскопках П. Д. Рау 1926 г. в Заволжье в сарматском погребении, дата которого — конец II—I в. до н. э., на р. Большой Караман (курган D22 у с. Мариенталь)⁴⁵. Он орнаментирован значительно проще марьевского и антиповского — косыми насечками по нижнему краю.

В 1972 г. на месте кургана у ст. Сергеевская Кореневского р-на Краснодарского края, на побережье Кубани был выпахан италийский бронзовый шлем вместе с серебряными фаларами от конского убора⁴⁶. Фалары изготовлены в той же технике и стиле, что и другие фалары этого типа II—I вв. до н. э. из Северного Причерноморья.

Наконец, еще один бронзовый шлем, аналогичный сергеевскому, найден на вспаханном поле у Ново-Прохоровки Родионово-Несветайского р-на Ростовской обл. (рис. 27)⁴⁷.

Вероятно, шлем этого типа (италийского производства или подражание италийским образцам) был излюбленным видом редкого металлического доспеха у разных сарматских племен эллинистического времени. Шлемов иного типа в могилах сарматов этого времени не обнаружено.

Марьевская находка, вероятно, немного моложе, чем события, отраженные в декрете в честь Протогена. Однако о том, что отдельные сарматские группы к тому времени уже давно прорвались на правобережье Днепра, свидетельствует сарматское довольно раннее погребение у с. Грушевка Днепропетровской обл. (курган 5, погребение 1; рис. 25, 7—7)⁴⁸.

Проникновение отдельных орд новых ираноязычных пришельцев на правый берег Днепра в эллинистическое время косвенно подтверждается открытием двух выразительных памятников — погребения прохоровской культуры на левом берегу Днепра у с. Ушкалка (рис. 24, 2—5)⁴⁹ и раннего диагонального погребения у д. Вороняя (рис. 24, 1)⁵⁰.

В 1975 г. В. В. Отрошенко в кургане (1) у с. Большая Белозерка Каменско-Днепровского р-на Запорожской обл. обнаружил впускное погребение (4). В нем похоронен в решетчатом гробу сарматский воин в вытянутом положении на спине, головой на север. У правого бедра обнаружен типичный прохоровский кинжал IV—II вв. до н. э. с развитым серповидным навершием, прямым перекрестием и невысоким валиком вдоль клинка (рис. 22, 6). Это самая западная находка кинжала прохоровской культуры в явно сарматском погребении⁵¹.

В настоящее время на левобережье Днепра известно не менее шести пунктов, где погребены наиболее ранние сарматы (Вороняя, Михайловка, Днепрострой, Большая Белозерка, Ушкалка, Верхние Серогозы)⁶². Археологические следы присутствия ранних сарматов по обоим берегам Днепра пока единичны, но они свидетельствуют о том, что отдельные сарматские орды — носители прохоровской культуры — утвердились здесь не позже конца III в. до н. э., т. е. во времена легендарной Амаги,

^a В. П. Шилов допускает возможность объединения двух разновременных комплексов, найденных случайно при строительстве Манычской плотины. См.: Шилов В. П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975, с. 150. (Примеч. ред.)

шарицы сарматов, живших на Понтийском побережье (Поллен, VIII, 56, Амага). Эта новелла, по данным М. И. Ростовцева, построена на свидетельствах источников эллинистического времени, полученных скорее всего из местного херсонесского источника, восходящего к Филарху⁵³, М. И. Ростовцев относит события, связанные с деятельностью Амаги, к концу III в. до н. э.⁵⁴ Амага, не считаясь со своим мужем-пьяницей, «сама расставляла гарнизоны в своей стране, отражала набеги врагов и помогала обижаемым соседям» (Полиен, VIII, 56). Амага была союзницей херсонесцев и помогала им против враждебно настроенных скифов. Она распорядилась в ослабленной Скифии как неограниченная правительница. Помогая Херсонесу, Амага ворвалась со своим отрядом во дворец, «убила царя (скифов. — К. С.) и бывших с ним родственников и друзей, страну отдала херсонесцам, а царскую власть вручила сыну убитого, приказывая ему править справедливо». Конкретные факты, сообщаемые Полиеном, не могут быть приняты за достоверные: сама личность Амаги легендарна. Но общая историческая ситуация в Северном Причерноморье конца III—начала II в. до н. э. передана верно: в Скифии еще есть свой царь, но мощь скифов настолько ослаблена, что главную политическую роль в Северном Причерноморье начинают играть новые пришельцы — «арматы. Они в этот период — союзники Херсонеса, что отражено и в сообщении Полибия (История, XXV, 2; XXVI, 6, 12) о союзе сарматов с Херсонесом по мирному договору от 180—179 гг. до н. э. Деятельность Амаги должна быть отнесена ко времени этого договора или несколько более раннему. Оба события следует поставить в тесную связь друг с другом. Датировка деятельности Амаги в пределах конца III—начала II в. до н. э. поддерживается всеми исследователями⁵⁵. В течение этого времени в Северном Причерноморье окончательно утверждается власть новых сарматских объединений и начинается длительный период политического господства различных сарматских племен. Новые пришельцы с востока расселились среди сохранившегося в Северном Причерноморье скифского населения. Между ними выделялись языги, сарматы царские, урги (?) м роксоланы, упомянутые Страбоном.

".....: эдъ р а с с м о т р е л и н е к о т о р ы е
-г, п а м я т н и к и в р е м е н и п е р в о г о

Ранние Сарматские Памятники Северного Причерноморья

.....

п а м я т н и к и в р е м е н и п е р в о г о
п о я в л е н и я с а р м а т о в п о д О л ь -
» н е й т - е н а п р а в о б е р е ж ь е
Д н е п р а и з а п а д н е е е г о . И з
н и х т о л ь к о п о г р е б е н и е у
с . Г р у ш е в к а с д о с т о в е р -

ностью можно связать с ранними сарматами. Иная картина в это время была в степном междуречье Дона и Днепра, откуда ныне известно уже значительное число ранних сарматских погребений и случайных находок, общая дата которых III—I вв. до н. э. (рис. 28). Некоторые из них хронологически можно расчленил в пределах этой общей даты, о других *шы* можем сказать только, что они явно более ранние, чем основная масса сарматских памятников, относящаяся уже к I в. до н. э. — II в. н. э., т. е.

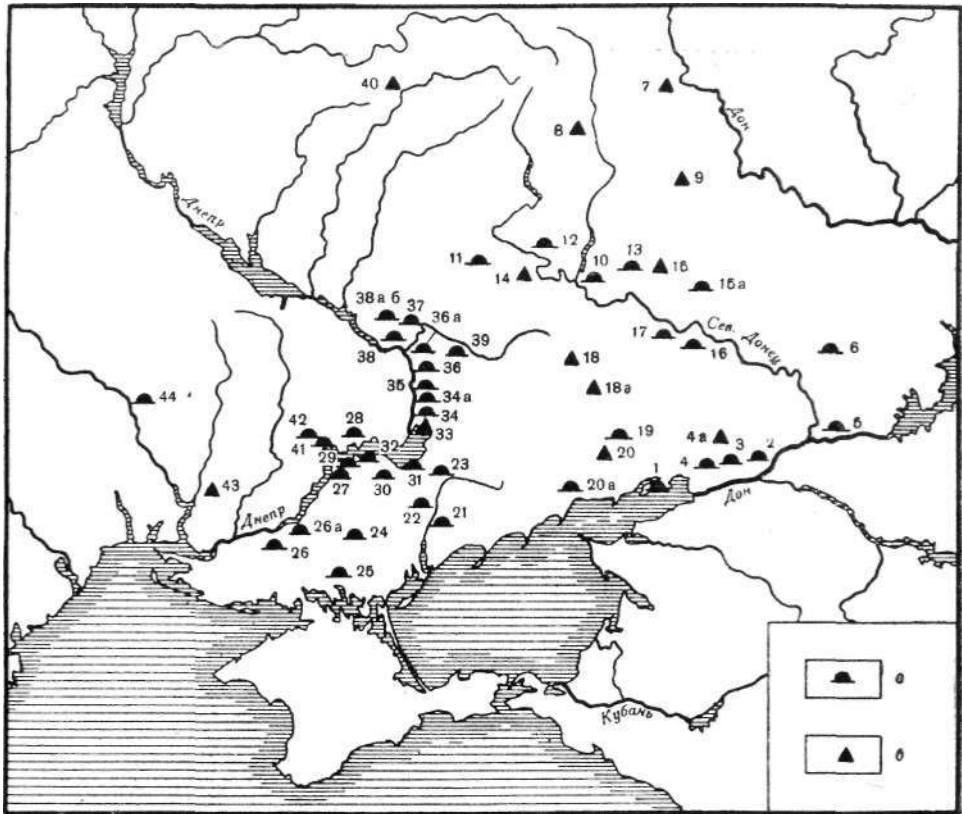

Рис. 28. Сарматские памятники Северного Причерноморья III—I вв. до н. э.

а — погребальные комплексы; *б* — отдельные вещи и случайные находки
 1 — Таганрогский «клад»; 2 — хут. Донской; 3 — Новочеркасск; 4 — ст. Грушевская; 4а — хут. Ново-Проховка; 5 — Константиновен; 6 — хут. Сладковский; 7 — б. Острогжский уезд; 8 — с. Веселое; 9 — хут. Клименковский; 10 — с. Яремовка; 11 — деревни Раздольская и Новоселки; 12 — г. Балаклея; 13 — пос. Ставки; 14 — с. Покровское; 15 — Старобельск (слобода Подгоровка); 15а — Ново-Баранниково; 16 — Александровен; 17 — пос. Фрунзе (ж.-д. станция Сентяновка); 18 — с. Гришино; 18а — с. Михайловна; 19 — ж.-д. станция Квашино; 20 — с. Васильевна; 20а — с. Приморское; 21 — совхоз Аккеркекь и с. Нсво-Филипповка; 22 — с. Троицкое; 23 — хут. Шевченко; 24 — с. Верхние Серогсек; 25 — с. Гроксвка; 26 — с. Привольное; 26а — с. Васильевна; 27 — с. Ушкалка; 28 — с. Нвкспль; 29 — с. Бабино; 30 — с. Большая Белозерка; 31 — с. Балки; 32 — с. Кайенна Днепровская; 33 — с. Янчокрак; 34 — Днепрострой; 34а — с. Вольно-Улановка; 35 — с. Михайловна; 36 — д. Берегся; 36а — с. Соколово II; 37 — с. Перешепино; 38 — с. Подгородное; 38а, б — села Спасске и Еерхняя Маевка; 39 — с. Булаховка; 40 — городище Битица; 41 — с. Кут; 42 — с. Грушевка; 43 — с. Марьевка; 44 — с. Ново-Григорьевка

к тому времени, когда в Задонье, поволжских и приуральских степях господствовала суловская сарматская культура.

Некоторые ранние сарматские памятники Северного Причерноморья связаны с прохоровской культурой Поволжья и Приуралья, другие, особенно комплексы с конским снаряжением (главным образом серебряными и позолоченными фаларами), не находят себе аналогов на этой

прародине сарматов и явно зависят или от причерноморских производственных центров, или даже от далеких среднеазиатских.

Я перехожу к анализу всех ранних сарматских памятников Северного Причерноморья (западнее Дона), как целых погребальных комплексов, так и отдельных случайных находок, которые хронологически укладываются в рамки III—I вв. до н. э., причем некоторые из них могут относиться даже к IV в. до н. э. Для времени конца II—I в. до н. э. учитываются только те памятники, которые, на мой взгляд, не выходят за рамки I в. до н. э.—I в. н. э. и определяются хронологически по наиболее надежно датированным эталонам, каковыми, в частности, являются фибулы среднелатенской схемы, в том числе зарубинецких типов, хорошо изученные зарубежными и советскими исследователями*. Конечно, среди фибул зарубинецких типов некоторые экземпляры могут датироваться и более поздним временем, в пределах I—II вв. н. э.², но характерно, что в сарматских погребальных комплексах они никогда не встречаются вместе с проволочными подвзными фибулами, появившимися в Северном Причерноморье в I в. н. э., а может быть, несколько раньше. Таким образом, сарматские погребальные комплексы с фибулами среднелатенской схемы относятся ко времени не позднее рубежа нашей эры³.

Для датировки также учитываются эллинистическая (ранняя краснолаковая) керамика и отчасти комплексы бус или их отдельные экземпляры³.

В I в. до н. э. сарматы оставили в Северном Причерноморье значительно больше памятников, но они не выделяются столь точно, и обычно их относят к I в. до н. э.—I в. н. э.

Перейдем к конкретному рассмотрению этих ранних сарматских памятников основной, преимущественно степной зоны междуречья Дона и Днепра, останавливаясь на них не в хронологическом порядке, а по отдельным регионам, начиная с востока, т. е. с правобережья Дона.

Проследим прежде всего, когда и как продвигались к западу носители прохоровской культуры или ее отдельные элементы. К западу от устьев Дона в районе Таганрога случайно, при запашке, в 1897 г. был найден известный Таганрогский «клад» (рис. 28, 1; 29), состоящий из шести серебряных позолоченных конских фаларов, преимущественно с растительным узором. На одном из них изображен барс с Дионисом сзади, на другом — протома коня*. Оттуда же происходит золотая пластинка-подвеска с изображением Афины⁵. О фаларах северочерноморских степей, в круг которых по техническим и стилистическим особенностям входят таганрогские, существует значительная литература, датирующая и определяющая место их производства. М. И. Ростовцев, писавший о них ранее других исследователей, не считая первых публикаций Б. В. Фармаковского⁶ и А. А. Спицына⁷, определял фалары как предметы греко-иранского происхождения III в. до н. э.⁸ Приблизительно той же точки зрения об их происхождении придерживалась К. В. Тревер⁹, относившая их к предметам греко-бактрийского искусства конца III—II в. до н. э.,

⁴ Следует заметить, что в некоторых районах гладкие проволочные фибулы среднелатенской схемы (или так называемые скрепленные фибулы) датируются началом I в. н. э. См.: Амброз А. К. Фибулы юга европейской части СССР. — САИ, 1968, вып. Д1-30, с. 13. (Примеч. ред.)

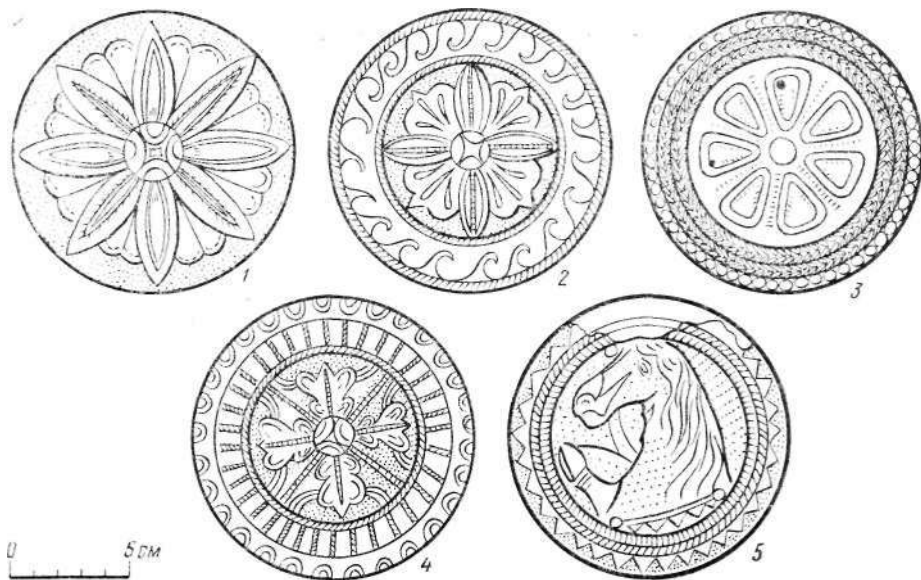

Рис. 29. Фалары Таганрогского «клада» (1—5; прорисовка)

когда в тореvтике Бактрии установилась та же техника, которую мы видим на северочерноморских фаларах, и использовалась та же растительная орнаментика. И. В. Яценко относит Таганрогский «клад» ко времени изготовления фаларов из Балаклеи (Северский Донец), о которых речь будет ниже, т. е. к концу III — началу II в. до н. э.¹⁰ М. П. Абрамова, сближая Таганрогский «клад» с Федуловским, датирует его временем не позже II в. до н. э.¹¹ Основываясь на исследовании К. В. Тревер, можно согласиться с датой, предложенной М. П. Абрамовой и И. И. Гушиной, и допустить появление фаларов во II в. до н. э.

Северо-восточнее Ростова-на-Дону у хут. Донской во время исследований курганов Кобяковской экспедицией под руководством С. И. Капошиной в 1962 г. было найдено два сарматских погребения эллинистического времени (рис. 28, 2; 30, 1—12). Это погребения 17 и 23 в кургане 5 (раскопки производил А. Н. Мелентьев)¹². Оба погребения впускные в курган эпохи бронзы и относятся к одному времени. Судя по набору бус из женской могилы 17 (рис. 30, 6)¹³ и всему комплексу вещей мужской могилы 23 — меч с кольцевым навершием, бронзовый наконечник стрелы позднего типа, бронзовая кольцевидная пряжка с неподвижным крючком и пуговкой (рис. 30, 8—12), характерных для развитой прохоровской культуры Поволжья и Южного Приуралья, погребения датируются III—II вв. до н. э., скорее всего II в. до н. э.¹⁴

В 1973 г. при строительных работах было обнаружено богатое сарматское погребение в Новочеркасске (рис. 28, 3). Его доследовали В. Е. Максименко и Е. Н. Савченко (см. Приложение). В широкой, почти прямоугольной могиле был погребен подросток (женщина?) на спине, в «тан-

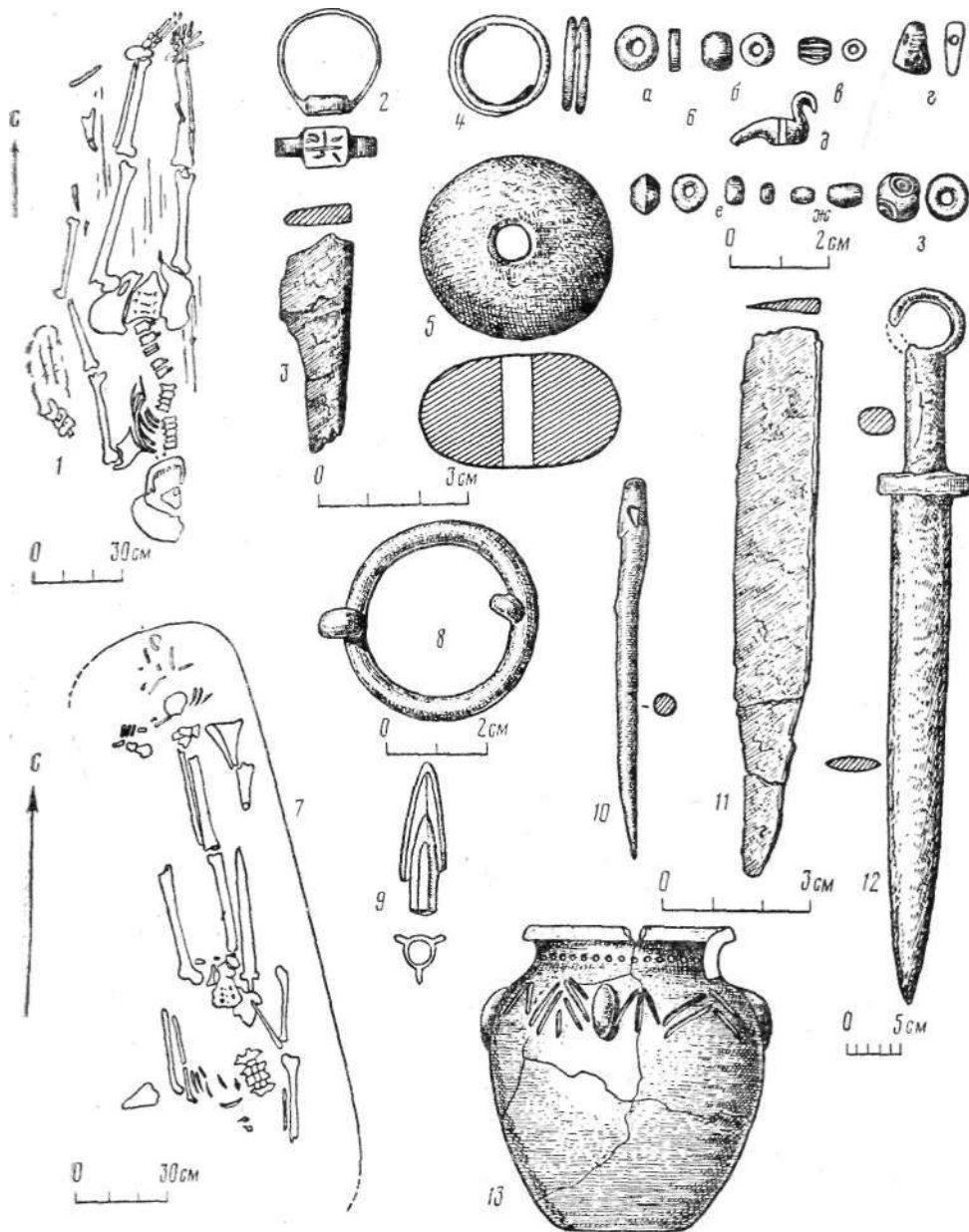

Рис. 30. Раннесарматские комплексы рубежа III—II вв. до н. э. с левобережья Дона

1—12 — хут. Донской, курган 5 1962 г.: 1—6 — погребение 17: 1 — план погребения, 2 — перстень, 3 — ножик, 4 — височное кольцо, 5 — пряслице, 6 — бусы (а — лигнитовые (4 экз.), б — синего прозрачного стекла, в — такого же стекла с белыми полосками, г — кирпично-красной пасты, д, е — коричневатого-золотистого стекла, э — прозрачного стекла с внутренней позолотой (7 экз.)), 3 — пасты кремового цвета с глазками с синей точкой и ободком); 7—12 — погребение 23: 7 — план погребения, « — пряжка, 9 — наконечник стрелы, 10 — игла, а — нож, 12 — кинжал; 15 — Константиновск, курган 1, погребение 6 1967 г., горшок; 2, 4, 8, 9 — бронза; 3, 11, 12 — железо; 5 — камень; 10 — свинец (?); 13 — глина

цующей» позе — с расставленными руками и согнутыми ромбом ногами, головой на юг — юго-восток (рис. 31, 1). В головах женщины найдены уникальные золотые обкладки, вероятно деревянного сосуда, и головной убор с гирляндами из золотых тисненых бляшек в виде человеческих головок (рис. 32).

Погребение хорошо датируется херсонесской амфорой конца III — начала II в. до н. э.¹⁵ Это погребение, видимо, было в свое время подкурганным. Курган находился на высоком водоразделе, недалеко от знаменитого богатого кургана Хохлач (Новочеркасский «клад») и других курганов, часть которых сохранилась по направлению от Новочеркасска к Ростову. Эта большая курганная группа, содержащая ряд богатых комплексов начала нашей эры, вероятно, представляла собой некрополь сильного сарматского племени, кочевавшего здесь уже с эллинистического времени.

Из того же района к востоку от Новочеркасска происходит еще одно сарматское погребение. Юго-западнее ст. Грушевская (рис. 28, 4), у хут. Камышевка, на высоком мысу, образованном западным берегом Каршинской балки и долиной р. Тузлов, в 1974 г. Б. А. Раев исследовал впускное погребение 4 в кургане 5 (рис. 33, 1)¹⁶. Под камнями находилась узкая подбойная могила с широтной ориентировкой. Покойник лежал головой на запад. За головой погребенного стоял лепной сосуд шаровидной формы с узким и низким горлом (рис. 33, 2). Его плечики украшены прочерченным орнаментом в виде спускающихся по тулову узких и длинных грубо заштрихованных треугольников. Тип сосуда находит более всего аналогий среди круглодонной посуды прохоровской культуры¹⁷, да и такой признак, как подбой с западной ориентировкой, определяет раннесарматские черты этого погребения.

В 1967 г. В. Я. Кияшко близ г. Константиновен (рис. 28, 5) в кургане 1 обнаружил впускное погребение ребенка, похороненного на спине с уклоном на левый бок, головой на восток¹⁸. В ногах лежал горшок с уплощенным дном и отогнутым венчиком (рис. 30, 13). Он орнаментирован под горлом рядом кружочков, оттиснутых трубочкой; по плечикам — четыре вертикальных налепа, между ними — грубые оттиски штампа в виде елочек. Сосуд также входит в круг прохоровской керамики III—II вв. до н. э.¹⁹ Подобные сосуды прохоровской культуры с налепами и елочным орнаментом происходят и с левобережья нижнего Дона²⁰.

Перечисленными пятью погребальными комплексами и двумя отдельными находками, включая сюда и бронзовый шлем из хут. Ново-Проходка (рис. 27; рис. 28, 4a), ограничиваются раннесарматские памятники правобережных районов нижнего Дона и побережья Азовского моря, датирующиеся концом III—II в. до н. э. Четыре из них могут быть или по погребальным признакам (южная ориентировка), или по керамике без сомнения связаны с сарматами — носителями новой прохоровской культуры, хотя, возможно, сарматы-«прохоровцы» несколько изменили культуру, перекочевав в другие районы, как это мы обычно наблюдаем в среде кочевников, все более терявших связи с прежней родиной. Последующие их поколения, попав в другую обстановку и контактируя с иным населением, не могли быть по культуре полностью похожими на своих отцов и дедов.

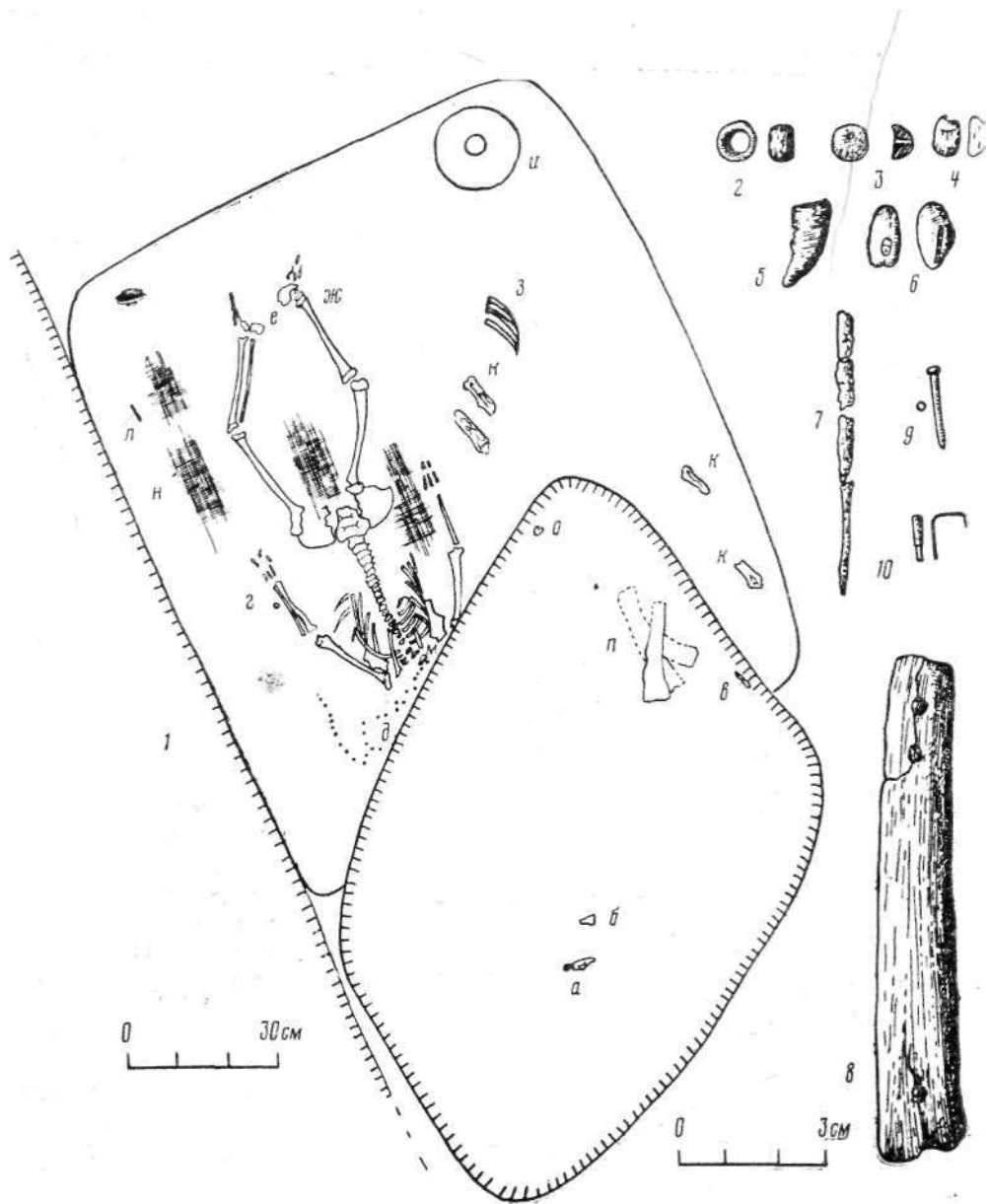

Рис. 31. Раннесарматское погребение (1973 г.) в Новочеркаске

1 — план погребения (а, б — золотые детали деревянного сосуда, в — обломок ноша, г, е, ж — бусы, д, о — золотые бляшки, з — кости барана, и — ямка под амфору, к — остатки дерева, л — шило, м — кусочки серебра и клешни краба, п — подстилка, п — кости лошади); 2 — мраморная бусина; 3 — пастовая бусина; 4 — скарабей; 5 — фрагмент клешни морского краба; 6 — раковина каури; 7 — железное шило; 8 — костяная обкладка ножа; 9, 10 — бронзовые гвоздик и обойма

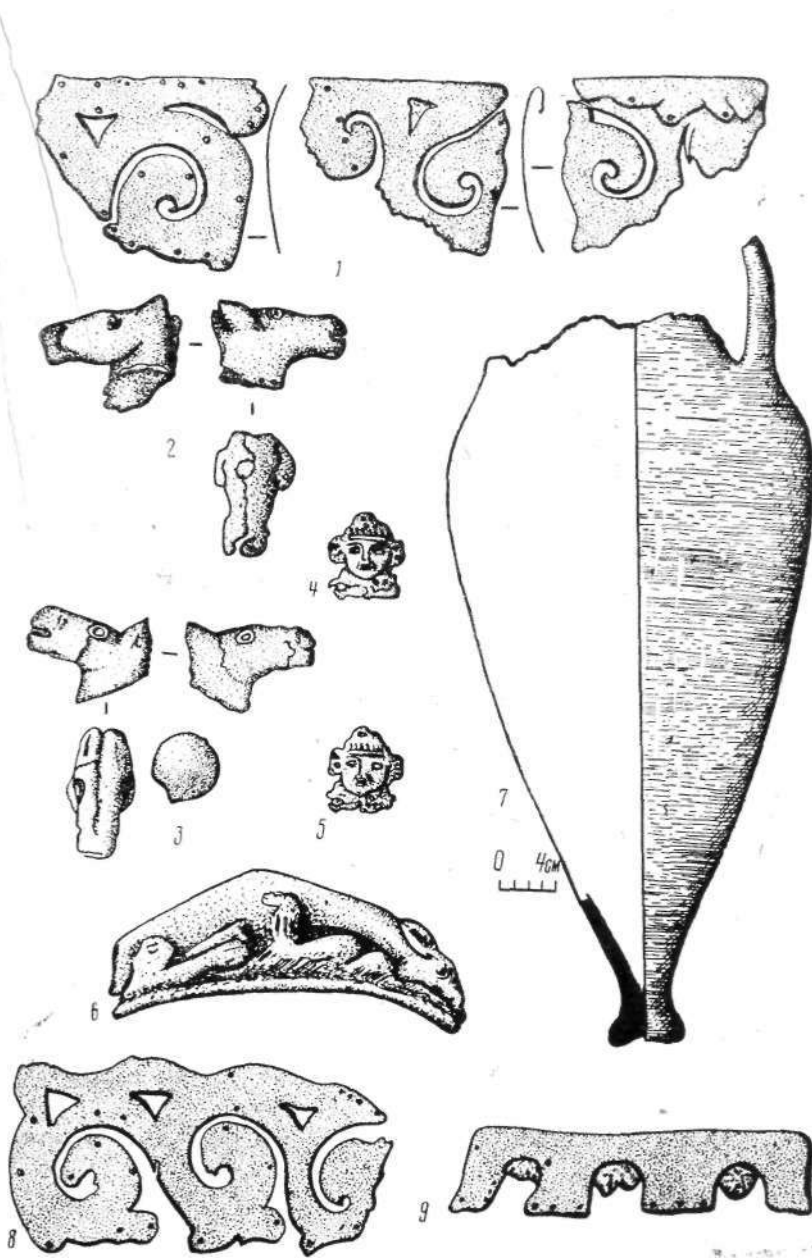

Рис. 32. Раннесарматское погребение (1973 г.) в Новочеркасске

1—3, 6, 8, 9 — золотые детали от обкладки деревянного сосуда; 4, 5 — бляшки головного убора; 7 — херсонесская амфора

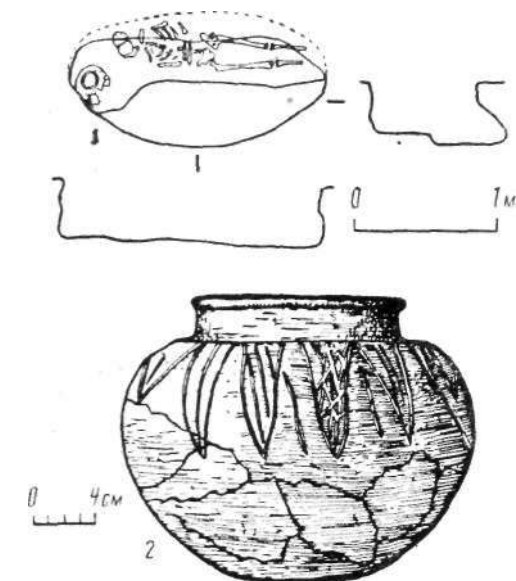

Рис. 33. Раннесарматское погребение у ст. Грушевская. Курган 5, погребение 4 (1974г.)
1 — план и разрезы могилы; 2 — глиняный горшок

Саратовской оол. найдена пара серебряных фаларов с изображением драконов²⁴ К. В. Тревер связала их с греко-бактрийским искусством и датировала последней третью II в. до н. э.²⁵

В междуречье Дона и Северского Донца пока известно три впускных раннесарматских погребения (1—3), обнаруженных Азово-Донской экспедицией в 1977 г. в кургане 7 катакомбной культуры у хут. Сладковский (рис. 28, 6). Это характерные погребения поволжского типа с южной ориентировкой (рис. 34). В погребении 2 умерший был похоронен в дощатом гробу (рис. 34, 2). В погребении 3 ребенок лежал в долбленной колоде в виде лодочки (рис. 34, 9). Обе формы гробов довольно часты в поволжских сарматских погребениях прохоровской и суловской культур. Среди небогатого инвентаря были мелкие стеклянные синие бусы овальной формы позднеэллинистического времени (погребения 1 и 2) и крупная бусина с бородавчатыми глазками (на шее ребенка в погребении 3; рис. 34, 9). На основании этих находок погребения датируются II—I вв. до н. э.

В междуречье Северского Донца и Оскола, откуда происходят упомянутые выше мечи ранней прохоровской культуры (с. Русская Тростянка, б. Острогжский уезд и с. Веселое; рис. 28, 7, 8), найден комплекс узленного набора (рис. 35; 36)²⁶. Эта случайная находка сделана на самом юге современной Воронежской обл. у хут. Клименковский в верховьях Айдара, левого притока р. Оскол (рис. 28, 2). Комплекс включает предметы конского снаряжения раннесарматских воинов. В него входят три бронзовых античных светильника; фалары — два больших серебряных позолочен-

Таганрогский «клад» вовсе не имеет признаков прохоровской культуры, но, возможно, они были бы выявлены здесь, если бы мы знали всю погребальную обстановку этого комплекса. Ведь на территории распространения прохоровской культуры, за Доном и на Волге, известны случаи находок конских фаларов. Так, конские фалары обнаружены В. П. Шиловым в богатом Шутовском курганном могильнике в междуречье Дона и Волги (материалы не опубликованы). На левобережье среднего Дона в пределах Воронежской обл. они найдены в Антиповке. Эти фалары опубликованы и убедительно датированы И. И. Гушиной II—началом I в. до н. э.²¹ Южнее на том же левобережье Дона обнаружен Федуловский «клад», включающий в свой состав фалары²². Они датированы И. П. Засецкой концом III в. до н. э.²³ Наконец, в Заволжье в кургане близ г. Новоузенск

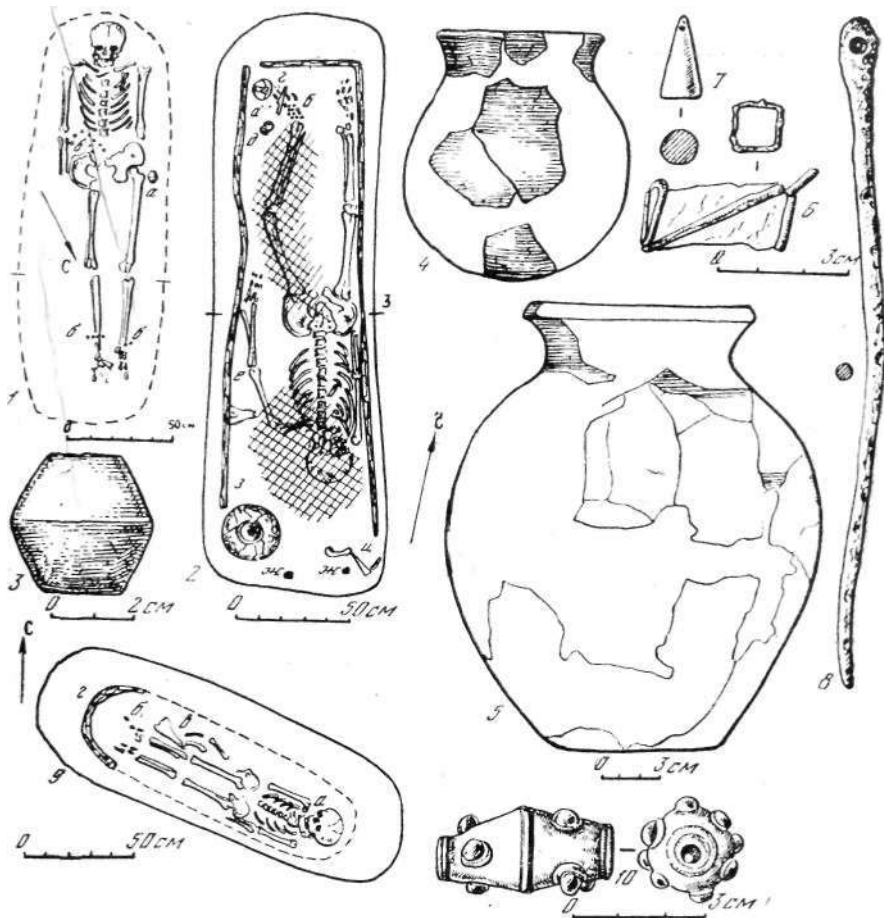

Рис. 34. Раннесарматские погребения в лургане 7 у хут. Сладковский

1 — погребение 1 (а — глиняное пряслице, б — бусы); 2 — погребение 2 (о — свинцовые предметы, б — бусы, в — нож, г — зеркало в футляре, а, а — сосуды, е, и — кости барана, ж — кусочки дерева с бронзовыми скрепками); 3 — пряслица; 4, 5 — глиняные сосуды; в — кусочек дерева с бронзовыми скрепками; 7 — свинцовая подвеска; « — свинцовый предмет непонятного назначения; 9 — погребение 3 (а — бусина, б — кости барана, в — ножик, г — гробовище); 10 — глазчатая бусина «финикийского» стекла

ных с солнечным колесом в центре (рис 35, 7, 8), два гладких выпуклых серебряных (рис. 35, 1, 2), четыре серебряных позолоченных с геральдическим изображением сидящих львиных грифонов (рис. 35, 3—6); серебряный плоский крючок с кружковым орнаментом (рис. 36, 7); серебряная коническая ворворка с таким же орнаментом (рис. 36, 4); две пары железных удил с дополнительными кольцами (рис. 36, 1—3); три железных С-видных псаля (рис. 36, 5, 6); обломок железного ножа с заклепкой-штырем (рис. 36, 8). Все эти вещи, вероятно, происходят из богатого погребения, инвентарь которого сохранился лишь частично. По составу и отдельным вещам (удила с дополнительными кольцами и С-видными

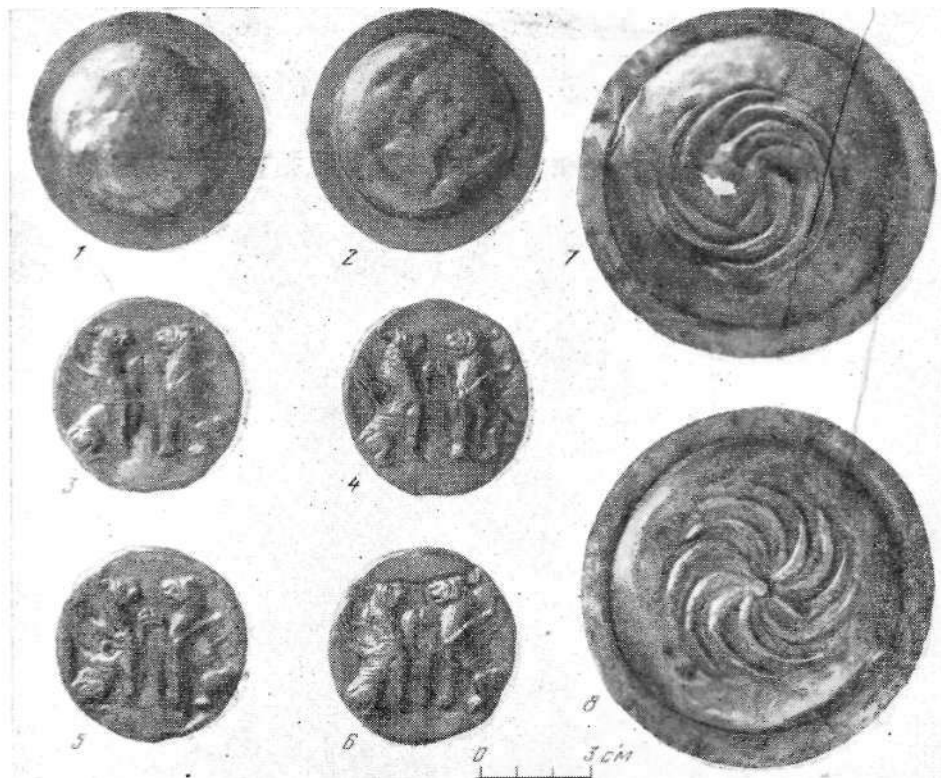

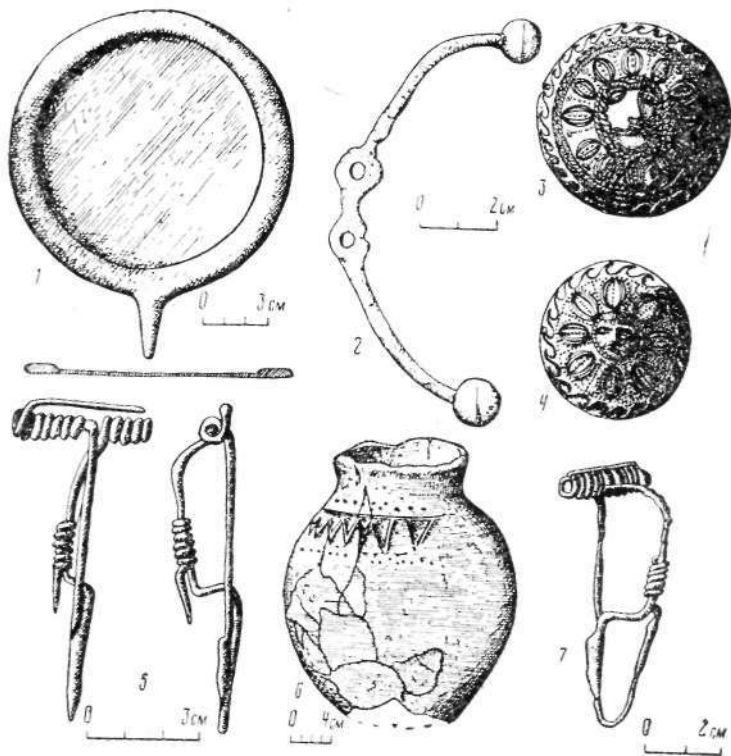
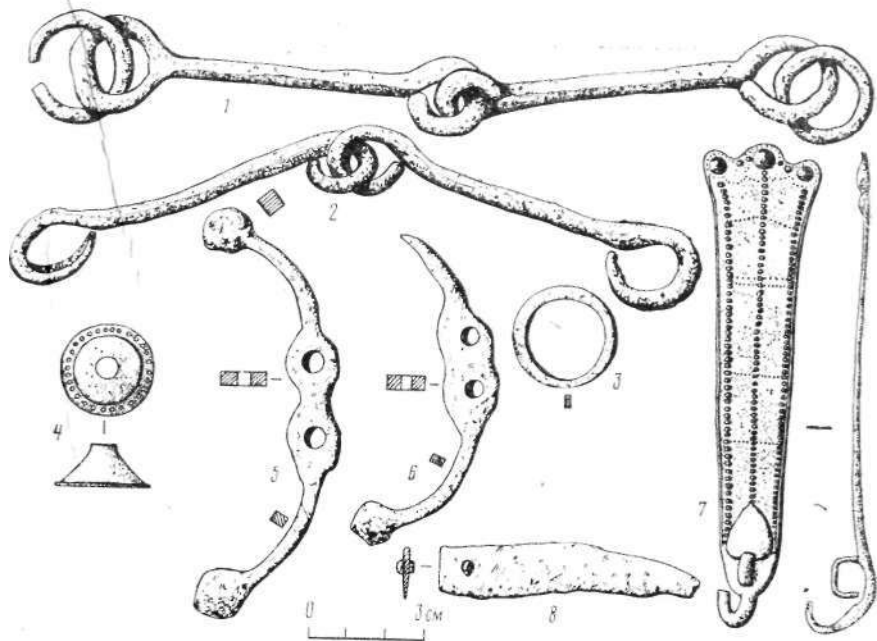
Рис. 35. Серебряные и позолоченные фалары из погребения у хут. Клименковский (1-8)

Рис. 36. Вещи из комплекса у хут. Клименковский

1-3 — удила с кольцами; 4 — ворворка; 5,6 — псалии; 7 — позолоченный крючок; 8 — ножик;
1-3, 5,6,8 — железо; 4,7 — серебро

Рис. 37. Вещи из раннесарматских погребений бассейна среднего течения Северского Донца

1 — зеркало из кургана 3 у деревень Раздольская и Новоселки; 2-4 — Балаклея: 2 — псалий, 3,4 — позолоченные фалары; 5 — фибула из погребения у пос. Ставки; 6,7 — с. Петровское: 6 — горшок, 7 — фибула; 1, 5, 7 — бронза; 2 — железо; 3, 4 — серебро; 8 — глина

псалиями, позолоченный крючок-«налобник» с орнаментом, гладкие выпуклые фалары) ближайшим аналогом Клименковского «клада» является Антиповский «клад» с левобережья Дона той же Воронежской обл.²⁷ Клименковский комплекс выглядит несколько архаичнее. Он проанализирован И. В. Яценко, и ее вывод о датировке этого «клада» в пределах II в. до н. э. убедителен²⁸, хотя не исключена и более равняя дата (конец III в. до н. э.), как это думает П. Д. Либеров²⁹.

К числу наиболее ранних сарматских могил в среднем течении Северского Донца (Изюмщина), кроме упомянутого погребения у с. Яремовка (рис. 28, 10; 21, 6), относится также впускное погребение 4 в кургане III у деревень Раздольская и Новоселки (рис. 28, 11). Курган, исследованный А. М. Покровским, находился в бассейне р. Берека — правого притока Северского Донца (б. Змеевский уезд Харьковской губернии)³⁰. Погребальный обряд нам неизвестен, но описанный инвентарь весьма выразителен для сарматов Поволжья и Приуралья развитой прохоровской культуры и времени перехода ее в сусловскую культуру. Среди инвентаря два ритуальных сосудика, вставленных друг в друга («стопка» и курильница), с характерным для сарматов орнаментом в виде точек по краю бортика и волнообразной линии по бокам⁸¹. Оттуда же происходит большое (диаметр 19 см) бронзовое зеркало с широким валиком и короткой ручкой-штырем — типичный образец зеркал развитой прохоровской культуры (рис. 37, 1). Комплекс вещей из данного погребения вряд ли моложе II в. до н. э. Поволжско-уральское происхождение его несомненно.

На левобережье Северского Донца у г. Балаклея Харьковской обл. (рис. 28, 12) в 1929 г. при строительных работах были обнаружены вещи, происходящие из кургана, но погребальный обряд установить не удалось³². Известно лишь, «что курган был расположен на возвышенности водораздела небольших речек Средней и Волошской Балаклеи, а костяк человека находился в яме с остатками какой-то деревянной конструкции. П. В. Сибилев собрал лишь часть вещей этого богатого погребения конного воина. В их состав входили два железных посеребренных С-видных псалия (рис. 37, 2; 38, 7), десять серебряных позолоченных фаларов наибольшей величины, изготовленных при помощи штамповки (рис. 37, 3, 4; 38, 1—5), одна крупная бусина эллинистического времени из синего стекла с белыми глазками (рис. 38, 6). Фалары по технике и мотивам орнамента входят в круг фаларов северочерноморских степей и одновременны им. С «кладами» из Антиповки и хут. Клименковский этот комплекс сближается и по таким же С-видным псалиям.

Восточнее Яремовки, у пос. Ставки (колхоз им. Ленина) Краснолиманского р-на Донецкой обл. (рис. 28, 13) в 1974 г. С. И. Татаринцов производил охранные раскопки кургана. В насыпи большого (высота 1,5 м) кургана обнаружено погребение человека, лежавшего в вытянутой позе на спине, головой на север; его левая рука была вытянута, правая — согнута, и кисть ее покоилась на груди. В головах погребенного стоял лепной горшок (не сохранился), и при нем — челюсть и кости ног свиньи (?), на правой ключице — бронзовая фибула (рис. 37, 5). Бронзовая проволочная фибула среднелатенской схемы позволяет отнести это погребение ко II—I вв. до н. э. Правда, сомнение в его сарматской принадлежности вызывают кости свиньи (по утверждению исследователя), которые никогда

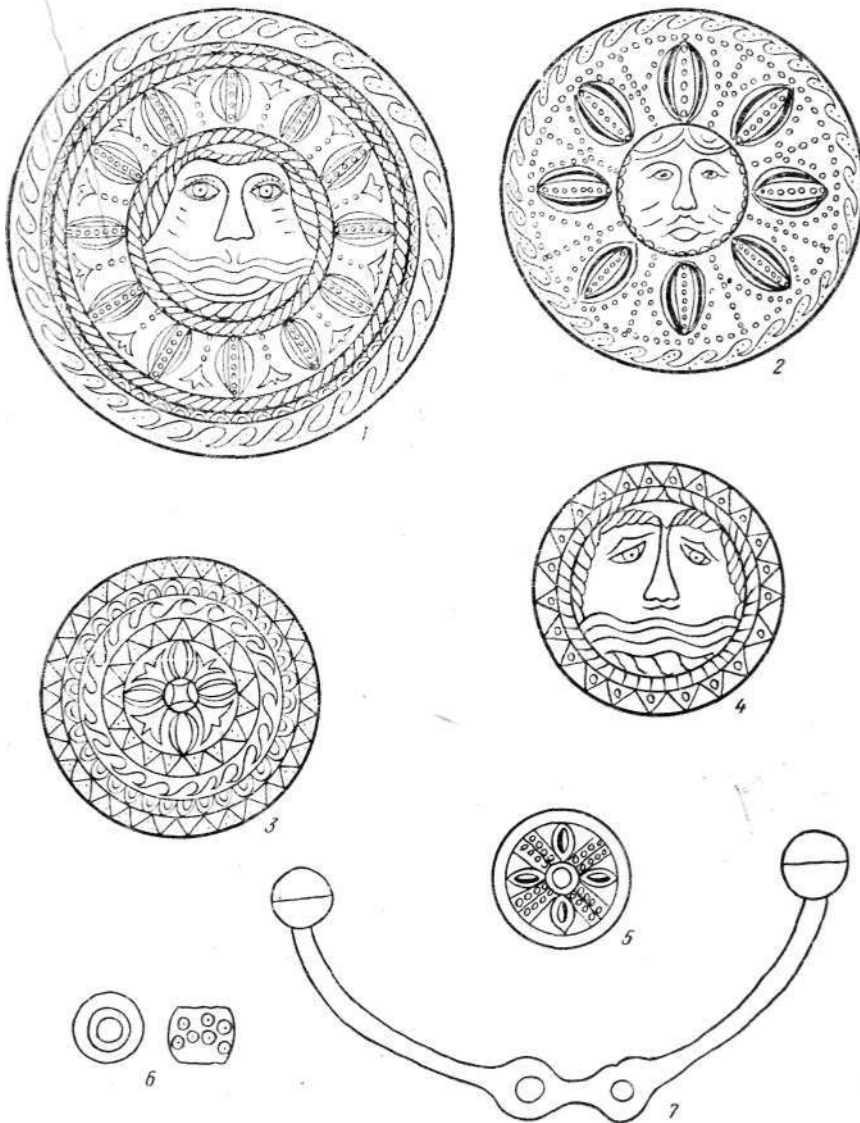

Рис. 38. Вещи раннесарматского комплекса из ЦБалаклеи (прорисовка)
 1 — 5 — фалары; 6 — бусина; 7 — поални

не встречаются в погребениях кочевников-сарматов более восточных областей. Однако не исключено, что какая-то группа сарматов, может быть уже полуоседлая, использовала свиней или диких кабанов в качестве пищи. Клыки кабана довольно часты в сарматских погребениях, начиная с савроматского времени. Северная ориентировками столь раннее время, как мы увидим ниже, известна еще в нескольких случаях в Северном При-

/

черноморье, где она начинает распространяться значительно раньше (на одно-полтора столетия), чем в Поволжье, может быть, под влиянием местных скифских обрядов.

На Изюмщине, на правом берегу Северского Донца, западнее г. Изюм следует отметить некоторые находки раннесарматского времени, собранные краеведом Н. В. Сибилевым на землях с. Покровское (рис. 28, 14)³³. Среди материала этих сборов известны довольно ранние бронзовые фибулы, в том числе среднелатенской схемы II—I вв. до н. э. (рис. 37, 7). Интересен также лепной круглодонный сосуд яйцевидной формы с довольно узким отогнутым горлом (рис. 37, 6). Он по плечу орнаментирован небрежно прочерченной бороздкой в виде зигзага. Сверху и снизу полоса зигзага обрамлена грубо нанесенными наколами. По форме и орнаменту этот горшок более всего похож на некоторые образцы раннесарматской посуды.

Среди раннесарматских памятников бассейна Северского Донца выделяется известный в литературе Старобельский «клад»³⁴. Он был найден мальчиками-пастухами в 1852 г. около слободы Подгоровка близ г. Старобельск (рис. 28, 15) на дне балки Водяной Яр (левый берег среднего течения р. Айдар). Вещи Старобельского «клада» безусловно связаны с захоронением богатого конного воина и представляют, вероятно, единый комплекс как по составу, так и по стилю серебряных фаларов, круглых и четырехугольных нашивных бляшек и пр. (рис. 39). В Эрмитаж поступило около 200 серебряных и позолоченных вещей. Все они были найдены в одном месте, но вряд ли составляли полный набор инвентаря погребенного, хотя А. А. Спицын и пишет, что «клад сохранился в полном составе». Вещи, вероятно, происходят из захоронения под курганом, который разрушился при половодье.

Роскошные старобельские фалары с пышными растительными узорами и заполнением поля точками имеют чрезвычайно много общего с таганрогскими и балаклейскими (ср.: рис. 37, 3, 4; 38, 1—4; 39, 1—3, 6).

В составе старобельской находки много круглых и прямоугольных бляшек, покрытых выпуклыми прочеканенными точками (рис. 39, 4, 5, 7—9). Подобный прием орнаментации широко применялся для изготовления золотых бляшек из мавзолея Неаполя скифского (конец II—начало I в. до н. э.)³⁵. Вероятно, Старобельский «клад» можно датировать несколько более поздним временем, чем Таганрогский и Балаклейский, — в пределах II—начала I в. до н. э., как это и делает И. И. Гущина. Сопоставив технику изображения тела льва янчокракского фалара и фигур животных на одном из старобельских фаларов, она правильно, на мой взгляд, относит изготовление последнего именно ко II в. до н. э.³⁶

На левобережье Северского Донца, к северу от Ворошиловграда,, у с. Ново-Баранниково Северо-Донецкой экспедицией (С. Н. Братченко и И. А. Писларий) исследовано еще одно раннесарматское погребение (рис. 28, 15а). Как и в сладковском погребении, гробом здесь служила деревянная колода. Скелет лежал в вытянутой позе на спине, черепом на юг, руки — вдоль туловища, ноги слегка согнуты в коленях. Инвентарь — украшения из бронзы, бусы, бронзовое зеркало и два лепных сосуда: горшок и курильница. В курильнице находились угли, на груда покойного — красная краска (реальгар?). Бронзовое круглое зеркало-

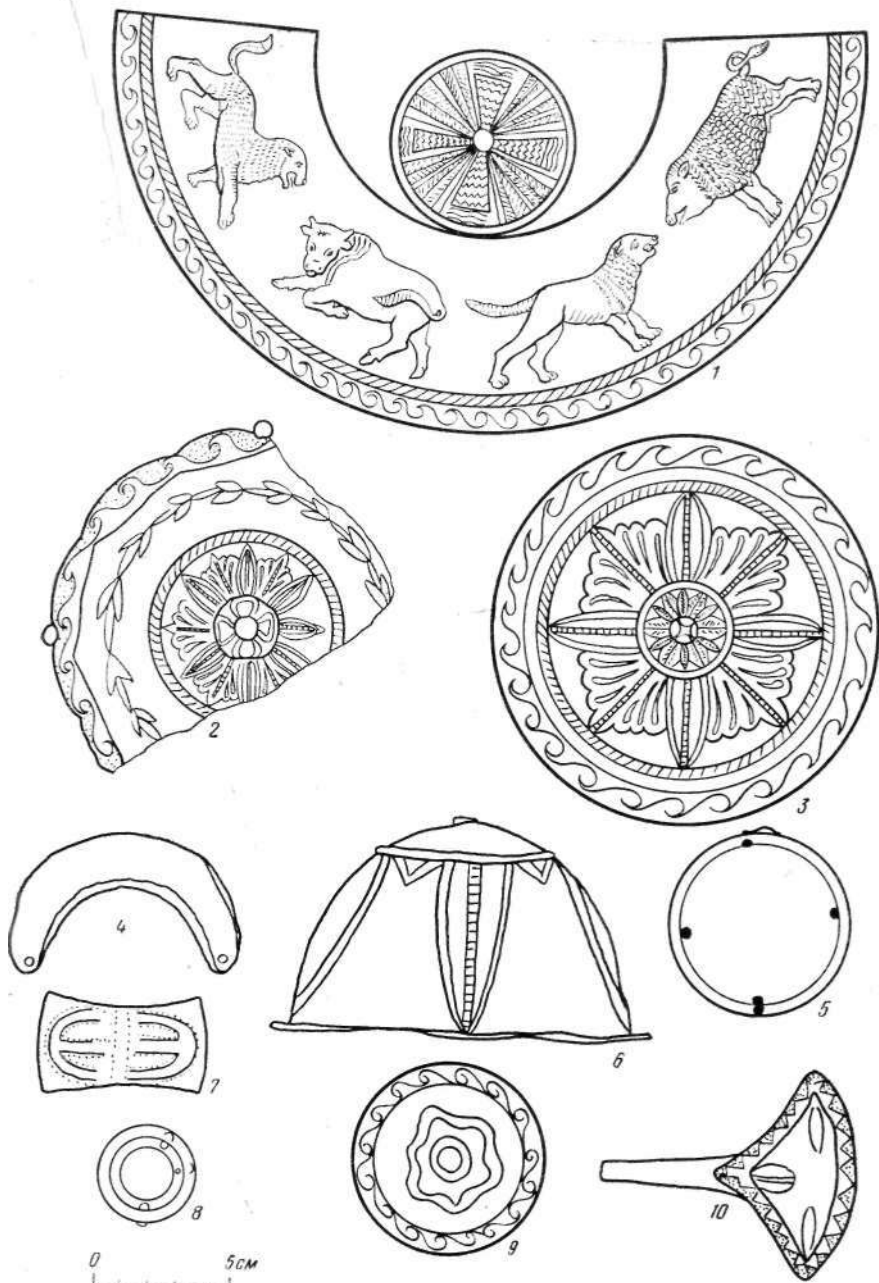

Рис. 39. Вещи Старобельского «клада» (прорисовка)
 1 ~ 3, 6 — фалары; 4, 5, 7—9 — бляшки; 10 — налобник (?)

Рис. 40. Раннесарматское погребение 3 в кургане 12 у Александровска (1972 г.)

М, Б — план (А) и разрез (Б) могилы (а — наконечник стрелы, б — пряслице, в — проколка, г — «идольчик», д — наконечники копий в плане); 2 — костяное «шило»; 3 — меловой «идольчик», 4, в — просверленные куски мела; 5 — железный наконечник стрелы

с утолщенным краем и костяной ручкой, прикрепленной железным гвоздем, относится к типу, широко распространенному в прохоровских погребениях III—II вв. до н. э. в Приуралье и Поволжье³⁷. Тем же временем датируются лепной горшок³⁸ и курильница³⁹. Набор бус, среди которых масса золоченых, часто встречается в раннесарматских погребениях прохоровской культуры III—II или II—I вв. до н. э.

На правом берегу Лугани — западного притока Северского Донца, у г. Александровен (рис. 28, 16) той же экспедицией обнаружены уникальные раннесарматские материалы⁴⁰. Наиболее интересным оказалось погребение 3 в кургане 12 (рис. 40). В могиле с заплечиками и остатками деревянного перекрытия был погребен воин, возможно женщина, в необыч-

ной позе — сидя (?): кости верхней части скелета лежали грудой, а сверху — череп. Левая нога вытянута, правая согнута в колене. Если покойник действительно погребен сидя (а может быть, что верхняя часть скелета нарушена грызунами или преднамеренно, в результате погребальной обрядности)⁴¹, то он сидел спиной к северу, а его лицо и протянутые ноги были обращены на юг. В северо-западном углу могилы в ее дно были воткнуты пять наконечников копий, что напоминает деталь обряда из Сладковского кургана, где одно из копий в головах «амазонки» тоже торчало вертикально. Среди костей груди найден железный втульчатый наконечник стрелы, характерный для погребальных комплексов Среднего и Нижнего Подонья IV—III вв. до н. э. Вдоль западной стенки лежали ритуальные поделки из мела: плоский «идольчик» (рис. 40, 3) и два просверленных куска неопределенной формы (рис. 40, 4, б).

Меловые антропоморфные статуэтки довольно часты в сарматских женских и детских могилах. Наиболее ранние схематично изготовленные «идольчики» из мела найдены в могилах прохоровской культуры Южного Приуралья (илекский могильник Близнецы)⁴², в Нижнем Заволжье (Заплавное на Ахтубе)⁴³ и на левобережье нижнего Дона в бассейне •Саа⁴⁴. К более позднему времени (около рубежа нашей эры) относятся меловые статуэтки из раскопок В. А. Городцова 1903 г. близ д. Переездная на р. Бахмут в Донецкой обл.⁴⁵ и в Быковском курганном могильнике ~ Заволжья⁴⁶. В сарматские могилы различного времени часто клали в ритуальных целях куски мела или мергеля. Многим из них придавалась определенная форма, обычно неправильных пирамидок. Иногда их стороны сглаживались, иногда они имели глубокие или сквозные сверлины для подвешивания⁴⁷. Наиболее близкие нашим «подвески» из мела найдены в могиле раннепрохоровской культуры группы Близнецы (курган 1, погребение 2)⁴⁸.

Для этнического определения александровского погребения особенно характерна крупная костяная «проколка» (или «шило») (рис. 40, 2), найденная около левой голени погребенного (погребенной?). В утолщенной части имеется отверстие, косо просверленное сверху и сбоку. В нижней части эта вещь украшена двойными и тройными параллельными бороздками. Она представляет собой полное подобие предметов неясного назначения, которые находят только в могилах прохоровской культуры междуречья Волги и Урала, относящихся ко времени от рубежа IV—III по II в. дон. э.⁴⁹

Несмотря на необычность позы и ориентировки покойника, у меня не остается сомнения в восточном (скорее всего поволжском) происхождении этого погребального комплекса в целом.

Тождественны по этнокультурной принадлежности и близки по времени к описанному еще два погребения Александровского могильника (рис. 41): похороненные в них женщины лежали в продолговатых нешироких могилах с округлыми углами, в вытянутой позе, головами на север и северо-запад. Каждую сопровождала заупокойная пища в виде передней ноги барана. В могиле 2 кургана 7 были стеклянные бусы, железный нож (рис. 41, 1—3) и бронзовая подвеска, обернутая золотой фольгой. В могиле 2 кургана 10 найдены почти тот же набор стеклянных бус и подвесок эллинистического времени, железный нож, разбитое бронзовое зеркало

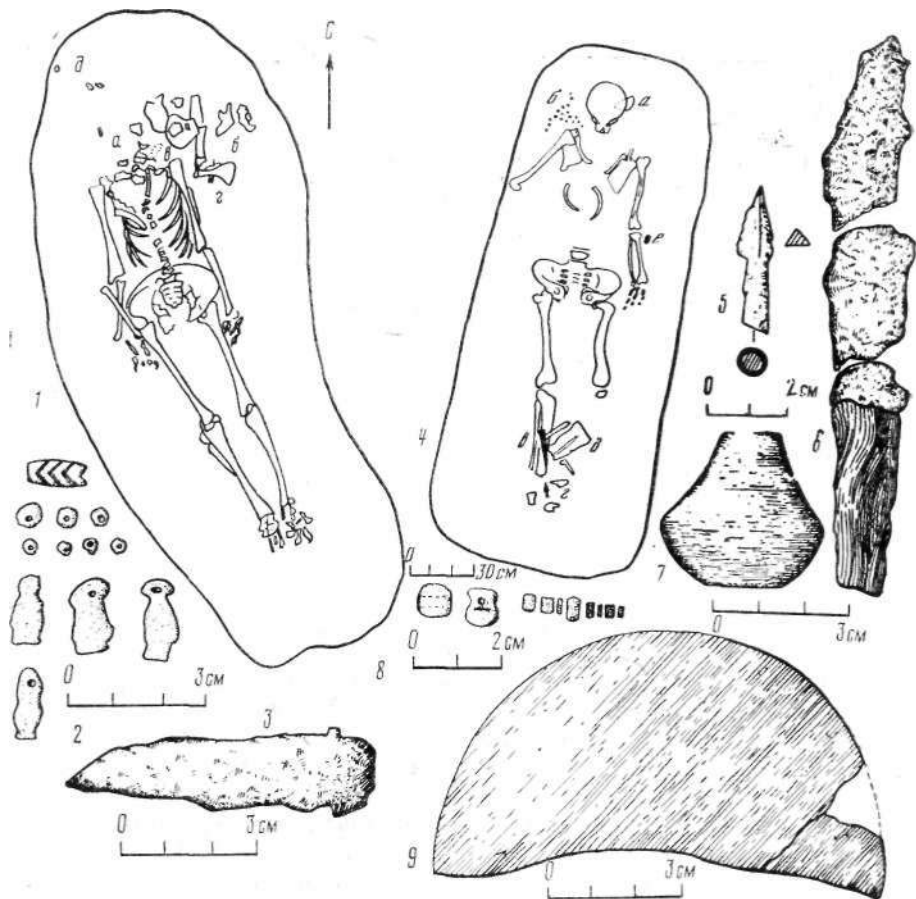

Рис. 41. Раннесарматские погребения Александровского могильника (1972 г.)

1 — план погребения 2 в кургане 7 (о, д — подвески, б — лопатка барана, в — бусы, г — нож)-
2—бусы; з—ножик; 4 — план погребения 2 в кургане 10 (а — зеркало, б — бусы, в — нош,
г — наконечник стрелы, э — кости барана, е — пряслице); 5 — наконечник; 6 — нож; 7 — пря-
слице; 8 — бусы; 9 — зеркало; 2, 8 — стекло, паста; 3, 5, 6 — железо; 7 — глина; 9 — бронза

в виде плоского диска, глиняное пряслице и железный втульчатый трех-
лопастный наконечник стрелы (рис. 41, 4—9).

Своеобразие александровских раннесарматских погребений, как и погребения у пос. Ставки, заключается в необычной для ранних сарматов Поволжья и Приуралья северной ориентировке погребенных. Впрочем, изредка она встречается и там. Так, в Быковских курганах в раннем диагональном погребении ребенок лежал головой на север⁵⁰; в двух могилах прохоровской культуры у хут. Попова (левобережье нижнего Дона) и в одной — на Хопре (раскопки В. И. Мамонтова 1969 г. близ с. Новая Анна) погребенные лежали головами на север и северо-восток⁵¹.

На Лугани у пос. Фрунзе (ж.-д. станция Сентяновка) Славяносербского-
на Ворошиловградской обл. (рис. 28, 17) экспедиция Ворошиловград-

ского музея в 1966 г. обнаружила в кургане 2 впускное погребение⁸². Костяк лежал в вытянутой позе, черепом на юг. При нем были узкогорлый плоскодонный сосуд с отогнутым венчиком, обломок большого тонкого бронзового зеркала, вероятно, без ручки, с гравированным орнаментом в виде двух концентрических кругов из скобок, мелкие стеклянные бусы с внутренней позолотой и перстень, согнутый из полоски бронзы с елочным гравированным орнаментом (рис. 42, 1—4). Инвентарь могилы женский. Датированным здесь является в первую очередь зеркало с вертикальным бортиком. Подобные зеркала известны в меотских памятниках Прикубанья эллинистического времени. Они характерны для третьей хронологической группы Усть-Лабинского могильника, относящейся к III—началу I в. до н. э.⁵³ Зеркало из описываемого погребения, вероятно, относится ко второму типу прикубанских зеркал, выделенному Н. В. Анфиновым⁵⁴. Такие зеркала встречаются и в погребениях прохоровской культуры III—II вв. до н. э. из Заволжья⁵⁵. М. Г. Мошкова включает их в тип 1 отдела II и датирует III—II вв. до н. э.⁸⁶

Учитывая, что зеркала подобного типа использовались вплоть до начала I в. до н. э., а также находку позднеэллинистических бус с внутренней позолотой, сарматское погребение у пос. Фрунзе можно признать более поздним, чем александровские, и датировать в пределах II—начала I в. до н. э.

Из Донецкой обл. происходит случайно обнаруженный в с. Гришино Красноармейского р-на (рис. 28, 18) железный меч прохоровского типа, поступивший в 50-е годы в Донецкий краеведческий музей (рис. 22, 4). Меч имеет такой ранний признак, как слегка изогнутое узкое перекрестие и узкое же серповидное навершие.

В случайно разрушенном курганном погребении у с. Михайловка Марьинского р-на Донецкой обл. (рис. 28, 18а) найдены лепная курильница и бронзовое зеркало позднепрохоровской культуры, переданные в Херсонский музей. Зеркало — в виде большого (диаметр 15,5 см) диска с широким валиком по краю и узким треугольным штырем; на одной стороне выгравирована шестилепестковая розетка в круге (рис. 42, б"). Зеркала с подобным гравированным орнаментом редко встречаются в раннесарматских комплексах прохоровской культуры. Тожественное зеркало было найдено в Заволжье в сарматском погребении 5 кургана б у с. Верхне-Погромное⁵⁷. Курильницы, аналогичные Михайловской, хорошо известны в сарматских прохоровской и сусловской культурах, особенно в Южном Приуралье⁵⁸.

Один из самых интересных комплексов Донецкой обл. составляют часть вооружения и конской упряжки из погребения конного воина⁵⁹. Вещи происходят из впускного погребения, открытого в кургане у ж.-д. станции Квапшно (рис. 28, 19). Они найдены колхозниками во время распахки кургана в 50-е годы, сам же курган не исследовался. Из этой находки сохранились железные копье, дротик, три пары удил, два целых псаля и один обломок и втульчатый наконечник стрелы (рис. 23). Железный наконечник копья длиной 46 см имеет узкое перо со скошенными боками и узкую длинную (половина длины наконечника) втулку, как у дротика, с кольцевидным утолщением у основания. Дротик имеет небольшое перо, ромбическое в сечении, и длинную втулку с кольцевидным утолщением у основа-

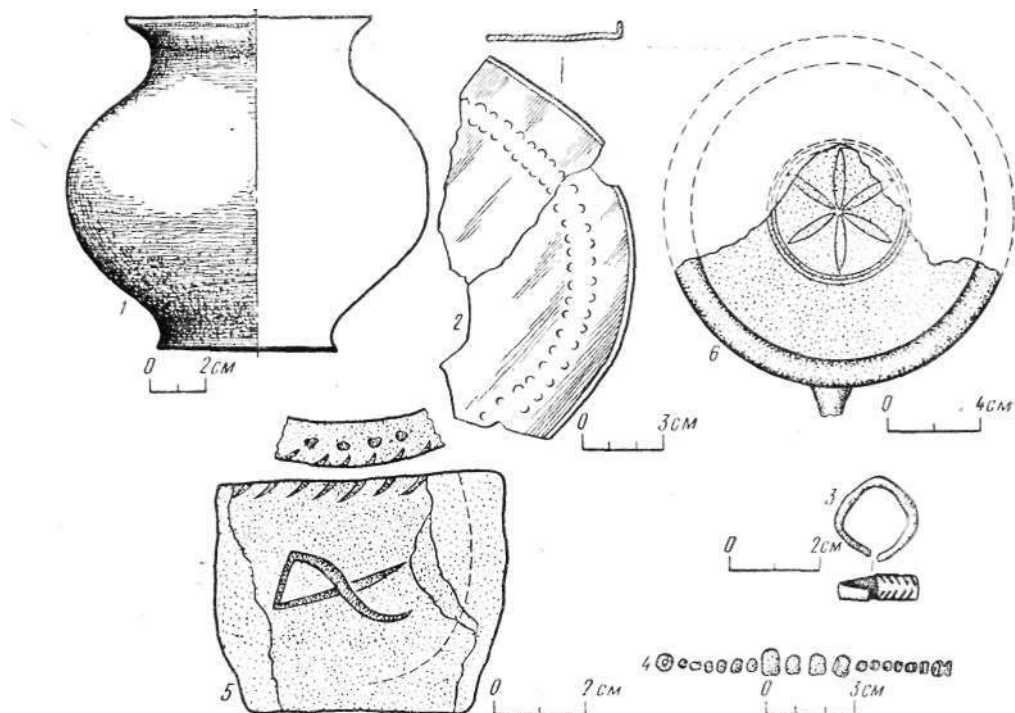

Рис. 42. Вещи из раннесарматских погребений Донецкой обл.

1—4 — по Фрунзе: 1 — горшок, 2 — зеркало, 3 — перстень, 4 — стеклянные бусы с внутренней позолотой; 5, 6 — разрушенное погребение: 5 — курильница, 6 — зеркало; 1, 5 — глина; 2, 3, 6 — бронза

ния. Его длина 35 см. Копье принадлежит к одному из типов отдела II скифских копий (по А. И. Мелюковой), представленных находками из рядовых могил IV—III вв. до н. э. Нижнего Поднепровья⁶⁰. По происхождению этот тип наконечников связан с Кавказом⁶¹. Квашинский наконечник, как и скифские из Поднепровья, особенно близок прикубанским меотским копьям с узким треугольным пером и срезанным основанием из курганов у станиц Елизаветинская и Воронежская, из курганов IV—III вв. до н. э. и грунтовых могильников того же времени у станиц Пагдовская⁶² и Усть-Лабинская⁶³. Дротики, известные в древностях юга Восточной Европы IV—III вв. до н. э., обычно имеют короткую треугольную головку с опущенными вниз шипами. Значительно реже встречаются дротики с ромбической головкой⁶⁴. Точную аналогию квашинским представляют копье и дротик, найденные в раннесарматском «кенотафе» кургана 4 у с. Старица Астраханской обл. (раскопки В. П. Шилова 1960 г.)⁶⁵. Все сарматские погребения с копьями и особенно «кенотафы» Старицкого кургана хронологически очень компактны и могут быть датированы временем не позже III в. до н. э.

Во всех памятниках среднего Дона и Прикубанья, где встречаются подобные копья и дротики, среди наконечников стрел обязательно име-

ются железные втульчатые, подобные тому, который найден при одном из псалиев квашинской находки.

Квашинские удила весьма своеобразны. Их ложноперевитые круглые стержни напоминают перевитые удила ряда погребальных комплексов позднескифского времени, снабженные дополнительными кольцами, как, например, удила из Частых курганов⁶⁸. Этот вид удил восходит к строгим удилам с нарезкой на стержнях или с перевитыми стержнями, известным на широкой территории от Кавказа до Средней Европы (галыптатская культура)⁶⁷. Отличие квашинских удил от всех прочих заключается в особой технике их изготовления. Они выкованы из круглых стержней и снабжены обмоткой из толстой железной проволоки, которая и придала им витую ребристость. Подобная техника изготовления вещей мне знакома по бронзовому обмотанному проволокой браслету, найденному в одной из поздних сарматских могил у с. Харьковка (Заволжье). Кроме дополнительных колец для прикрепления узды, квашинские удила снабжены крестовидными шипами, свободно надетыми на стержни, как у многих удил юга Восточной Европы IV—III вв. до н. э. Крестовидные шипы из Квашина отличаются тем, что они довольно длинны и имеют вид раскованных лопастей, какие есть и на прикубанских удилах III—II вв. до н. э.^{68*} Подобные шипы известны на железных удилах одного из старокишинских сарматских курганов (XIII) Башкирии конца III—II вв. до н. э.⁶⁹

Своеобразен один из квашинских С-видных псалиев. В середине, где имеются отверстия на квадратном в сечении стержне, он раскован в восьмерку. Концы его выкованы в виде двух лежащих или бегущих зверей, видимо хищников, с вытянутыми вперед лапами. Этот псалий не имеет аналогий среди найденных на юге Восточной Европы псалиев с зооморфными окончаниями, где обычно изображается лишь часть тела животного — голова, ноги, копыта. В квашинском комплексе есть еще обломок такого же псалия. Другой двудырчатый псалий, круглый в сечении, имеет С-видную форму и утолщения на концах. Он особенно характерен для IV—III вв. до н. э. Этот псалий аналогичен найденным в «кладах» конных сарматов из Антиповки, Клименковского и Балаклеи. В восточном сарматском мире псалий подобного типа был найден в Ново-Кумакском могильнике в кургане 13, бесспорно относящемся по всему комплексу вещей к IV в. до н. э.⁷⁰ Наиболее поздняя надежная дата псалия подобного типа определяется находками в хорошо датированных памятниках: первом Васюринском склепе на Таманском полуострове, откуда происходят амфорные ручки, — около 180 г. до н. э.⁷¹; погребении мавзолея Неаполя скифского — конец II в. до н. э.⁷² Учитывая все аналогии для вещей квадикского комплекса, мы должны датировать его временем в пределах от конца IV до конца II в. до н. э. Предпочтение может быть отдано III в. до н. э., когда почти все эти вещи хорошо представлены в кубанских погребениях.

С территории Южного Донбасса происходит интересное раннесарматское погребение, исследованное в 1972 г. Азовским отрядом Северо-Донецкой экспедиции у с. Васильевка Старобешевского р-на Донецкой обл. (рис. 28, 20). Материалы раскопок обстоятельно опубликованы Б. Ю. Михлиным⁷⁸. В большом кургане (1), насыпанном над могилой ямной куль-

туры, на глубине 1,70 м обнаружено впускное в насыпь сарматское погребение. Оно было ограблено, контуры могилы не прослеживались. Отдельные кости человеческого скелета и часть вещей (фибула, бусы) оказались в грабительскойmine, часть же инвентаря сохранилась на дне могилы. Б. 10. Мнхлин убедительно обосновал узкую датировку этого погребения в пределах конца II—начала I в. до н. э.⁷⁴ Отдельные украшения и предметы торевтики (бусы, золотые лунница и медальоны) действительно сближаются по времени эту могилу и ранние погребения Неаполя скифского. Васильевское погребение, конечно, одновременно мавзолею. Среди находок уникальна бронзовая фибула с пластинчатым корпусом⁷⁵. Этому редкому для юга Восточной Европы в сарматское время типу фибул исследователь не смог найти точных аналогий. Недавно В. П. Шилов опубликовал обломок щитка такой же фибулы из погребения позднепрохоровской культуры могильника у с. Верхне-Погромное в Заволжье (курган 3, погребение 7)⁷⁸. Весь комплекс вещей из погребения у с. Верхне-Погромное может быть датирован в границах II—начала I в. до н. э. Тем самым подтверждается предложенная Б. Ю. Михлиным дата Васильевского погребения.

В южном течении р. Кальмиус у с. Приморское Ждановского. р-на Донецкой обл. (рис. 28, 20а) экспедицией 1976 г. под руководством А. С. Беляева было исследовано 12 сарматских погребений, которые почти все относятся к памятникам, типичным для суловской культуры. Среди них выделяется наиболее древнее основное погребение 3 в кургане 6 (все остальные погребения впускные). Это — характерное для суловской культуры диагональное погребение (костяк — черепом на юго-запад) с вещами, свойственными прохоровской культуре: обломок бронзового зеркала и мелкие шаровидные позолоченные, посеребренные и прочие бусы, характерные для позднего эллинизма. Яйцевидный плоскодонный горшок с воронкообразным горлом похож на наиболее типичные сарматские горшки позднепрохоровской и раннесуловской культур не только по форме, но и по прорезанному орнаменту (горизонтальная полоса тройного зигзага, ограниченная сверху и снизу тоже Тройными бороздками) ". В целом данный комплекс укладывается в пределы II—I вв. до н. э.

Следующая группа раннесарматских погребений обнаружена в бассейне р. Молочная и по левобережью Днепра. Известные сарматские могильники на Молочной, расположенные на землях с. Ново-Филипповка и совхоза «Аккермень» (рис. 28, 21), возникли в I в. до н. э., а может быть, еще в конце II в. до н. э.⁷⁸ К наиболее раннему времени, когда сарматы уже прочно освоили земли по Молочной, на основании некоторых форм позднеэллинистической посуды и ранних типов фибул, главным образом среднелатенских, можно отнести следующие погребения:

1. Аккермень I, курган 2 1952 г., впускное погребение 5 (рис. 43, 1—3). Могила прямоугольная с заплечиками, костяк — черепом на юго-запад. Среди инвентаря — буролаковая пергамская миска с двумя изогнутыми ручками конца II—I в. до н. э.⁷⁹

2. Аккермень I, курган 3 1952 г., впускное погребение 8 (рис. 43, 4—6). Могила прямоугольная с заплечиками, костяк — черепом на юг. Среди инвентаря — красноглиняный двуручный канфар с розовым ангобом и

Рис. 43. Наиболее ранние сарматские погребения курганной группы Аккермень
 1—3— Аккермень I, курган 2, погребение 5 (1952 г.): 1 — план погребения, 2 — буро-красная чаша, 3—нож; 4—6—Аккермень I, курган 3, погребение 8: 4 — план погребения, 5—нож, 6 — канфар; 7 — Аккермень I, курган 11 (1952 г.), погребение 13, фибула; 8 — Аккермень II, распаханный курган X (1951 г.), фибула; 9 — Аккермень II, распаханный курган III (1951 г.), лепной горшок; 2,6,9 — глина; 3,5 — железо; 7, 8 — бронза

тремя полосками буровато-красного лака позднеэллинистического времени и железный меч с кольцевидным навершием⁸⁰.

3. Аккермень I, курган 11 1952 г., погребение 13 (впускное). Могила прямоугольной формы с округлыми углами, костяк — черепом на юг (?). Среди инвентаря — бронзовая проволочная фибула средиелатенской схемы (рис. 43, 7)⁸¹.

4. Аккермень II (восточный участок), распаханый курган X 1952 г. Могила овальная, широкая, с парным захоронением головами на юг. Среди инвентаря — малая бронзовая фибула (рис. 43, 8) с припаянным круглым бронзовым щитком со стеклянной вставкой и тисненым орнаментом⁸². Фибула близкого типа обнаружена Д. Б. Шеловым в могиле 15 некрополя Танаиса вместе с чернолаковой чашей II в. до н. э.⁸³

5. Аккермень II (западный участок), распаханый курган III 1951 г., основное погребение 1, нарушенное другим сарматским погребением рубежа нашей эры. Сохранился только южный конец более древней могилы, ориентированной по линии север—юг. Среди отдельных костей человека, погребенного, вероятно, головой на юг, находился лепной грушевидный горшок (рис. 43, 9) с прямым, довольно узким горлом и неустойчивым дном. Под его горлом прочерчена бороздка, а под ней оттиснут ряд кружочков⁸⁴. Этот горшок отличается от прочей лепной посуды сарматских погребений Ново-Филипповки—Аккерменя и по форме, и по орнаменту. М. И. Вязьмитина первая обратила на это внимание и по стратиграфическим данным отнесла погребение, где он был найден, к III—II вв. до н. э.⁸⁵ Полной аналогии этому горшку среди лепной посуды прохоровской культуры мы не находим, но по общему облику и даже по орнаменту он напоминает некоторые раннесарматские горшки Приуралья и главным образом Поволжья III—II вв. до н. э.⁸⁶ По посуду и по стратиграфии это погребение должно быть признано наиболее ранним из всех сарматских погребений данной группы. Следует учесть, что сарматские курганы, исследованные на землях совхоза «Аккермень», возникли на несколько десятилетий раньше новофилипповских курганов.

Вероятно, к III—II вв. до н. э. относится впускное погребение 12 в кургане 2 на правом берегу Молочной у с. Троицкое (рис. 28, 22; 44, 1—8)⁸⁷. В насыпи кургана на глубине 1,90 м была похоронена женщина на спине со значительным наклоном на левый бок, головой на юго-запад. Ее правая рука покоилась на тазовых костях, ноги чуть согнуты в коленях. В ногах по сарматскому обряду положена передняя нога барана с лопаткой и ребрами. Среди инвентаря — вещи, встречающиеся в раннесарматских прохоровских погребениях Поволжья: бронзовый трехлопастный наконечник стрелы со срезанной внутренней втулкой, стеклянные глазчатые бусы эллинистического времени (образующие, в частности, браслеты), плоское бронзовое зеркало (диаметр 12 см) с отверстием для прикрепления ручки, «терочник» из обломка ручки амфоры, каменная подвеска, лепной плоскодонный горшок яйцевидной формы с довольно узким горлом и отогнутым венчиком и обломок чернолакового сосуда с отверстием для починки. Прослеженные в обряде и составе инвентаря аналогии с культурой раннесарматского мира заставляют меня отрицательно отнестись к мнению о скифской принадлежности этого погребения.

В верховьях Молочной в 1952 г. мной исследовано впускное ранне-

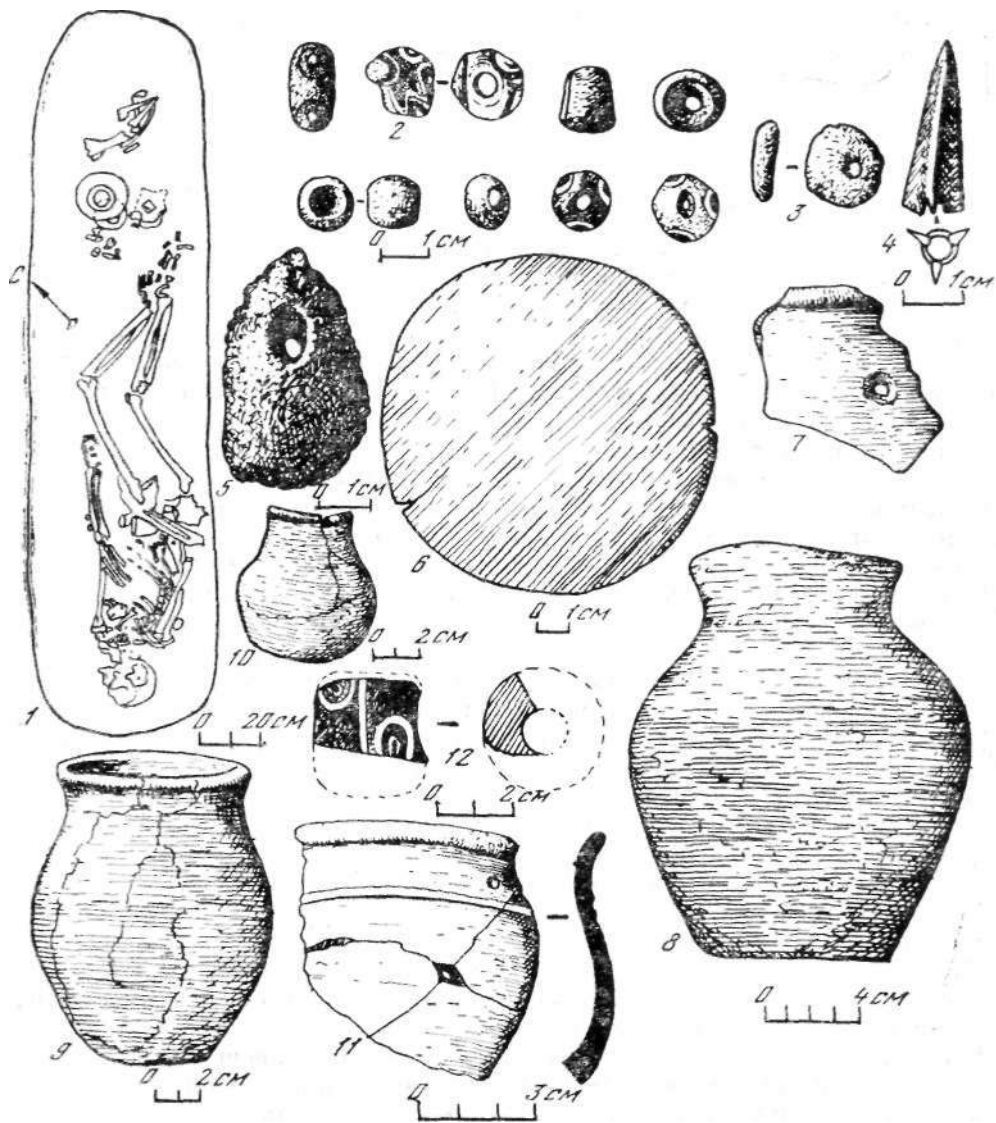

Рис. 44. Раннесарматские памятники бассейна р. Молочная

1 — 5 — Троицкое, курган 2, погребение 12: 1 — план погребения, 2 — бусы, 3 — подвеска, 4 — наконечник стрелы, 5 — подвеска, в — зеркало, 7 — венчик чернолакового сосуда, 8 — лепной горшок; Я—12— хут. Шевченко, курган 2, погребение 18: 9,10—сосуды, 11 —фрагмент чаши буро-красного лака, 12 — обломок глазчатой бусины; 2, 12 — стекло; 3 — свинец; 4,6 — бронза; 5 — камень; 7-и — глина

сарматское погребение 18 в кургане 2 у хут. Шевченко Большепетокмакского р-на Запорожской обл. (рис. 28, 23)⁸⁸. На глубине 1,40 м от поверхности кургана лежал нарушенный костяк женщины в вытянутом положении, черепом на юго-запад. Судя по сохранившимся костям левой руки, она была вытянута и отставлена в сторону. Время захоронения по найденному здесь фрагменту глубокой краснолаковой чаши с плавно отогнутым венчиком (рис. 44, 11) относится ко II—I вв. до н. э. Чаша по форме напоминает мегарскую и покрыта густым коричнево-красным лаком эллинистического времени (определение В. Д. Блаватского). Местный инвентарь не противоречит этой датировке: круглое бронзовое зеркальце диаметром 6 см, лепной плоскодонный горшок с яйцевидным туловом и мягко отогнутым венчиком (рис. 44, 9) и маленький сосудик грушевидной формы с узким горлом и плоским широким дном (рис. 44, 10). Небольшие зеркальца в виде простого диска начинают распространяться в сарматских погребениях Поволжья не позже II в. до п. э.⁸⁹ Аналогичное зеркальце происходит, как мы упоминали, из сарматского погребения конца II — начала I в. до н. э. у с. Васильевка (Донбасс)⁹⁰. Яйцевидный горшок — обычная форма плоскодонной посуды прохоровской культуры (отдел II)⁹¹. Широкодонные сосудики с узкими горлами, в том числе и миниатюрные⁹², которые в прохоровское время используются и как курильницы⁹³, появляются уже у савроматов. К более раннему времени можно отнести обломок крупной бусины из синего непрозрачного стекла с белой полоской поперек и двумя накладными, слегка выпуклыми глазками (рис. 44, 12). Подобные бусы по определению Е. М. Алексеевой относятся к IV — первой половине III в. до н. э. В данном случае бусину использовали вторично, как амулет (положили в могилу лишь осколок).

Следует отметить этнокультурную близость раннесарматских захоронений у с. Троицкое и у хут. Шевченко: погребенные одинаково ориентированы, в инвентаре — близкие по форме лепные яйцевидные горшки, одинаковые бронзовые зеркальца, отличающиеся друг от друга лишь размерами.

В степях между Молочной и нижним Днестром около с. Верхние Серогозы Херсонской губернии (рис. 28, 24) в 1898 г. Ф. А. Браун обнаружил ограбленную скифскую катакомбу (курган IV). В насыпи того же кургана было открыто более позднее нарушенное погребение, вероятно, раннего сармата. Среди человеческих и конских костей встречались железные обломки, «черепки простых амфор» и часть лепного горшка «с одним или двумя круглыми ушками из черной глины плохого состава с гладкой и светлой поверхностью» (рис. 45, 1)⁹⁴. Этот горшок, судя по рисунку Брауна, похож на прохоровские сосуды отдела III (шаровидные и эллипсоидные формы)⁹⁵, в частности, на раннесарматский горшок из Аккермена (рис. 43, 9): у того и другого одинаковы низкие цилиндрические горла, по основанию которых идет ряд кружочков. Прочерченный орнамент в виде узких треугольников по тулову сосуда из Верхних Серогоз изредка встречается на скифской посуде⁹⁶. Но наиболее часто этот мотив применялся в верхней части богато орнаментированных раннесарматских сосудов, украшенных шевронами из спускающихся вниз заштрихованных или заполненных наколами треугольников, парабол и тройных борозд — «полотенец»⁹⁷.

Рис. 45. Раннесарматские памятники Херсонской обл. (левобережье нижнего Днепра)

1 — лепной горшок из погребения у с. Верхние Серогозы; 2—4 — погребение у с. Громовка: 2 — лепной горшок, 3 — фибула, 4 — бусы; 5—10 — Бабино, погребение 4 (1954 г.): 5 — план погребения (а — сосуд, б — пряслице, в — фибула, г — браслет), 6 — фибула, 7 — пряслице, 8 — сосуд, 9 — браслет; 10 — зеркало; 11 — Бабино, план погребения 6; 1, 2, 7, 8 — глина; 3, 6, 9, 10 — бронза; i — стекло

На территории Херсонской обл. у с. Громовка (рис. 28, 25) открыто, очевидно, сарматское женское захоронение (курган 2, погребение 2). Происходящие оттуда бусы, лепной яйцевидный плоскодонный горшок и особенно бронзовая фибула среднелатенской схемы (рис. 45, 2—4) позволяют отнести это захоронение к I в. до н. э.

К тому же времени относится впускное погребение 1 в кургане 1 на левобережье Днепра у с. Привольное в Цюрупинском р-не Херсонской обл. (рис. 28, 26; 49). В нем найдена такая же бронзовая фибула среднелатенской схемы (лежала слева у головы), как и в могиле у с. Громовка. Это — погребение сарматского воина, вооруженного кинжалом. Воин ле-

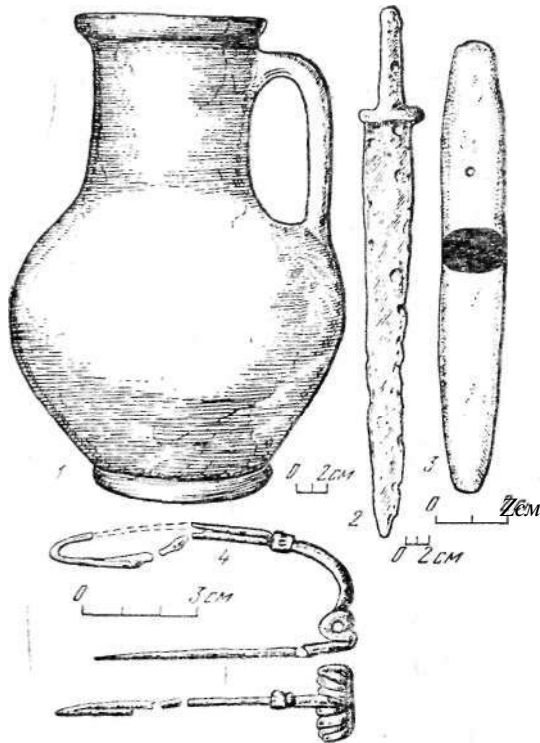

Рис. 46. Привольное, группа II, курган I, погребение 1

1 — красноглиняный гончарный кувшин; 2 — железный меч; 3 — каленный оселок; 4 — бронзовая фибула

контакт со скифами, и их враждебные взаимоотношения могли перемежаться мирными. Недаром в Никопольском скифском курганном могильнике (рис. 28, 28) известны погребения, которые можно связать с савроматами (два погребения с тушками баранов)¹⁰¹ и ранними сарматами¹⁰² или с непосредственным влиянием сарматов (меч прохоровского типа).

Выше Ушкалки на левом берегу Днепра В. А. Ильинской открыты два сарматских погребения на поселении эпохи бронзы Бабино IV (рис. 28, 29)¹⁰³. В обеих могилах (4 и 6) прослеживается совершенно идентичный обряд (рис. 45, 5, 11): погребенные лежали в овальных ямах неправильных контуров в вытянутой позе на спине, головами на север (с отклонениями). У каждого из них совершенно одинаково левая рука кистью положена на таз, ноги вытянуты и сближены в стопах. Вероятно, погребения одновременны. В одном из них (4) имеется инвентарь (рис. 45, 5—10): узкогорлый крыковидный глиняный сосуд, глиняное пряслице, бронзовый браслет, обломок небольшого дисковидного зеркальца типа, хорошо известного по материалам сарматских захоронений II—I вв. до н. э. (Васпльевка, Троицкое, хут. Шевченко), и, наконец, бронзовая фибула среднелатенской схемы, подтверждающая эту же дату.

жал в прямоугольной могиле в вытянутой позе па спине, головой на север, кисти рук — на тазовых костях. При покойнике, кроме кинжала и фибулы, найдены каменный оселок и красноглиняный гончарный кувшин.

Тем же временем датируется впускное сарматское погребение в курганной группе у с. Васильевка Каховского р-на Херсонской обл. (рис. 28, 26a). Костяк подростка лежал в вытянутой позе на спине, черепом на север. В головах — кости барана с железным ножиком. На ребрах — бронзовая фибула, аналогичная фибулам из Громовки и Привольного (рис. 45, 3; 46, 4)⁸⁸.

Одним из наиболее ранних сарматских погребений Херсонщины является погребение у с. Ушкалка (рис. 28, 27), о котором я уже писал⁹. Судя по этому погребению, отдельные сарматские группы не позже III в. до н. э. подошли непосредственно к предполагаемой столице скифского царства — к нынешнему Каменскому городищу на Днепре (рис. 28, 32)¹⁰⁰. Сарматы

в это время вступили в тесный контакт со скифами, и их враждебные взаимоотношения могли перемежаться мирными.

Какая-то отдельная сарматская группа хоронила своих покойников уже в III—II вв. до н. э. близ Каменского городища, можно сказать, почти под стенами умирающей скифской столицы. Об этом свидетельствует весьма важное для сарматской археологии открытие Запорожской экспедиции Института археологии АН УССР (начальник В. В. Отрошенко) у с. Большая Белозерка Каменско-Днепровского р-на Запорожской обл. (рис. 28, 30)¹⁰⁴. В кургане 1 обнаружено впускное погребение раннего сармата. Он лежал в деревянном решетчатом гробу в вытянутой позе на спине, головой на север. У правого бедра находился железный кинжал прохоровского типа (рис. 22, 6), что позволило И. П. Савовскому датировать захоронение III в. до н. э.¹⁰⁵, хотя, исходя из общей датировки прохоровских мечей и кинжалов развитой формы, можно отнести это погребение и ко II в. до н. э.

Недалеко от Большой Белозерки в группе курганов Гайманово поле у с. Балки Васильевского р-на Запорожской обл. (рис. 28, 31) Северо-Рогачкой экспедицией Института археологии АН УССР в 1968 г. исследовано несколько сарматских погребений, из которых одно (курган 1, погребение 3) является наиболее ранним и относится, вероятно, еще к позднеэллинистическому времени¹⁰⁶. Могила ограблена, но, судя по останкам костяка, покойник лежал головой на юг—юго-запад. Среди инвентаря сохранились железный нож и круглая бронзовая бляшка, обернутая тонким листком золота (рис. 47, 1, 2). Эта бляшка — вероятно, шиток фибулы. Подобные круглые фибулы распространились в Северном Причерноморье, в том числе и в Прикубанье, в эпоху позднего эллинизма (II—I вв. до н. э.). В частности, аналогичная розетка как солнечный символ изображена на фаларе Янчокарацкого «клада» в правой руке крылатого божества (рис. 48). Сходные розетки, по более сложному рисунку, вообще очень часто изображались на конских позолоченных фаларах этого времени.

Во II в. до н. э., когда жизнь на скифском Каменском поселении совсем заглохла, вероятно, в первую очередь под натиском савроматов, на месте городища стали хоронить своих покойников новые пришельцы. Б. Н. Траков и Н. Н. Погребова отметили на самом городище несколько сарматских, видимо, захоронений, к сожалению, безынвентарных и не поддающихся более или менее определенной датировке. Так, Б. Н. Траков в раскопе IX Каменского городища обнаружил в 1948 г. детское диагональное погребение в широкой четырехугольной могиле (1,65x1,35 м), ориентированной меридионально. Ребенок лежал в вытянутой позе, головой на юго-восток¹⁰⁷. Н. Н. Погребова открыла на раскопе I того же городища, на территории с. Большая Знаменка, четыре погребения, впущенных в скифский слой¹⁰⁸. Погребенные лежали в вытянутой позе на спине или слегка согнуто на правом боку, головами на северо-восток, северо-запад и север; у одного правая рука была на тазе; у другого ноги были скрещены. Костяки были посыпаны речными ракушками. Этническая принадлежность знаменских погребений неясна. Однако, по антропологическим определениям Г. Ф. Дебца, их черепа можно считать сарматскими. Это тем более вероятно, что все погребенные имеют северную ориентировку (с отклонениями), аналогичную той, которая довольно заметно распространилась уже в последние века до нашей эры в Поднепровье.

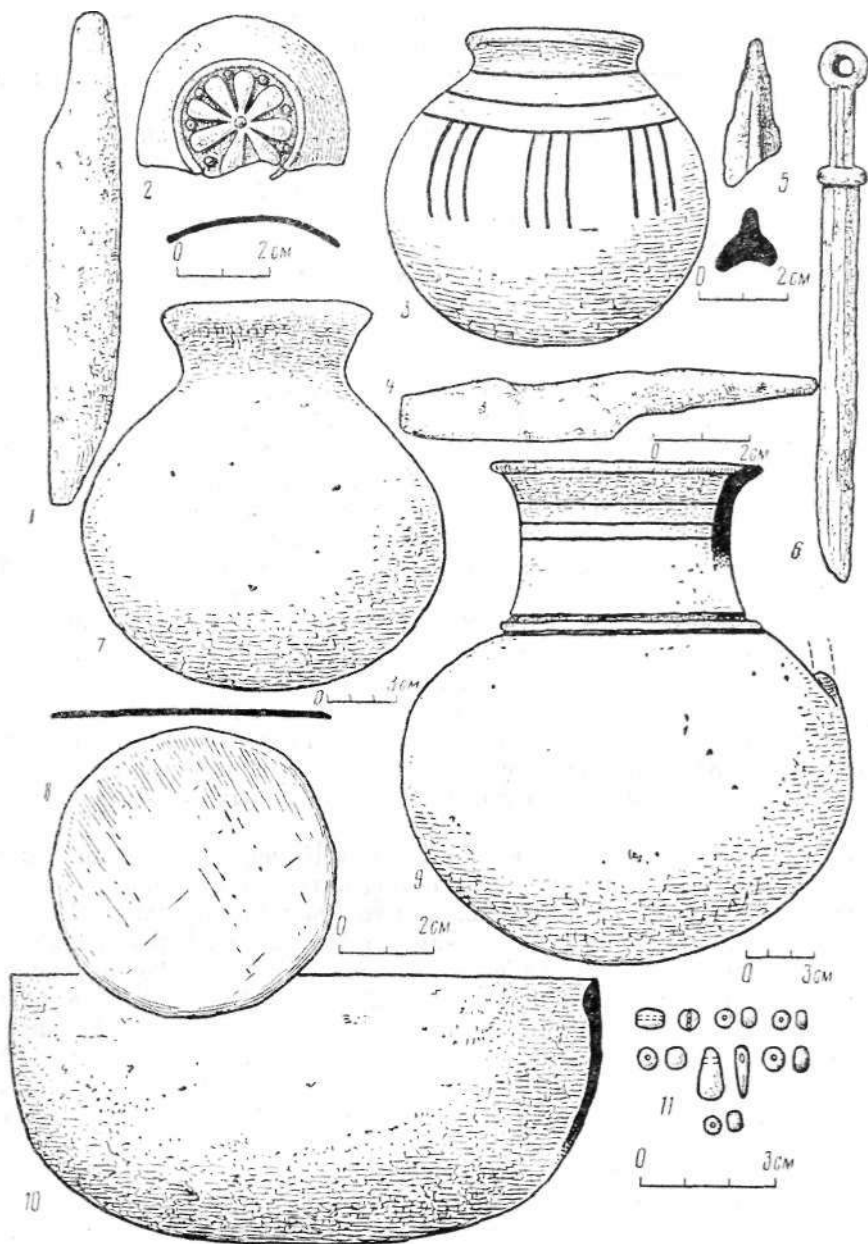

Рис. 47. Раннесарматские памятники днепровского левобережья (Запорожская и Днепропетровская области)

1, 2 — Балки, курган 1, погребение 3: 1 — нож, 2 — щиток фибулы, обернутой золотом; 3 — с — Днепрострой, курган 26: 3 — лепной сосуд (погребение 4), 4 — нож (погребение 5), 5 — наконечник стрелы, 6 — меч (погребение 6); 7 — Перещепино, курган 1, погребение 10 (1973 г.), сосуд; *— 11 — с. Подгородное, группа VIII, курган 3, погребение 8: 8 — зеркальце, 9 — гончарный кувшин, 10 — античная чаша буро-красного цвета, 11 — бусы; 1, 4 — в — железо; 2, 8 — бронза; i, 1, 9, 10 — глина; 11 — сердолик, стекло

Рис. 48. Конские серебряные позолоченные фалары из с. Янчокрак (прорисовка)

На территории запустевшего Каменского городища во II—I вв. до н. э. возник курганный могильник¹⁰⁹. В 1946 г. один из курганов распала М. И. Пикуль. В нем была обнаружена катакомба типа II по моей классификации. Среди инвентаря сохранились фибула среднелатенской схемы и проволочный перстень со щитком в виде плоской спирали. Б. Н. Граков отнес этот курган ко II в. до н. э. и считал его скифским, того же типа, что и никопольские, но следующего столетия. Не исключена и сарматская принадлежность этой могилы, ибо сарматам не чужды были ни эта форма катакомбной могилы, ни западная ориентировка. Впрочем, поздние Каменские курганы действительно могли принадлежать собственно скифам, продолжавшим жить в окружении сарматов, терпевших под боком группы побежденного населения степной Скифии. Этот симбиоз хорошо выявляется по археологическому материалу молочненских могильников (Аккермень, Ново-Филипповка, Золотая Балка)¹¹⁰. В первых двух

скифские черты особенно ярко проявляются в лепной керамике, в третьем скифские и сарматские черты так перемешаны, что иной раз возникает сомнение, кому же принадлежал этот могильник. М. И. Вязьмитина, вероятно, права, относя его в целом к скифам, но допуская в нем и захоронения отдельных представителей сарматов, кочевавших по соседству. Такая историческая ситуация объясняется общим положением, что кочевники не могли существовать без тесного общения с оседлым земледельческим и ремесленным населением, этнически родственным или неродственным, но находящимся в определенной политической, возможно даннической, зависимости от воинственных кочевников.

К востоку от Каменского городища, в бассейне р. Конка (восточный приток Днепра) близ с. Янчокрак (ныне Васильевский р-н Запорожской обл.; рис. 28, 33) в 1906 г. была обнаружена группа вещей, вошедшая в литературу под названием Янчокракский клад¹⁰⁰. Условия находки его неизвестны. Он был приобретен Историческим музеем у некоего Флорова в 1907 г. Лишь недавно Янчокракский «клад» был полностью опубликован И. И. Гушиной¹⁰¹, которая определила его хронологическое место среди известных ныне комплексов с фаларами юга Восточной Европы. Она датировала его концом II — I в. до н. э. или просто I в. до н. э. Среди богатых северочерноморских комплексов, в которые входят единые по стилю и технике фалары (рис. 48), Янчокракский «клад» представляется наиболее молодым, если не считать булаховской находки на Днепропетровщине, о которой речь будет ниже.

Выше по Днепру среди впускных погребений, исследованных М. А. Миллером в 1930 г. в районе Днепроостроя (рис. 28, 34)¹⁰², как наиболее раннее выделяется погребение 4 в кургане 26. Костяк в могиле был вытянут на спине, черепом на северо-восток. При нем находился лепной круглодонный сосуд с шаровидным туловом, узким горлом и отогнутым венчиком. По плечикам прочерчены три горизонтальные бороздки, а по тулову спускаются вниз ряды «полотенец» из тройных борозд (рис. 47, 3). Это типичный прохоровский сосуд, точные аналогии ему по форме и орнаменту известны среди раннесарматской керамики Нижнего Поволжья III—II вв. до н. э.¹⁰³ Эта форма сосуда, несомненно, занесена в Поднепровье кочевниками Поволжья, еще целиком сохранявшими прежние традиции в производстве глиняной посуды. Возможно, и другие впускные сарматские погребения этого кургана со скелетами, лежавшими в вытянутой позе на спине, черепами на северо-восток или юго-запад (погребения 2, 5, 6, 8), относились к родственной группе семей и были близки по времени. Одни из них были совсем без вещей, другие содержали маловыразительный для датировки материал. Найденные в погребении 5 меч с кольцевидным навершием и два черешковых трехлопастных наконечника стрел могут быть еще эллинистического времени (рис. 50, 4—6).

Один довольно ранний сарматский комплекс исследован к северу от Запорожья на левом берегу Днепра у с. Вольно-Улановка (рис. 28, 34a)¹⁰⁴. Это диагональное впускное погребение 2 в кургане 4. Костяк лежал по диагонали квадратной могилы в вытянутой позе на спине, черепом на запад, кисти рук — на тазе. В. Н. Корпусова склонна датировать его III—II вв. до н. э. по комплексу вещей, особенно по найденному там лепному горшочку с округлым дном и прямым бортиком. По форме он, действительно, находит

аналогии среди керамики прохоровской культуры, хотя подобные горшочки известны и в сусловской культуре. По всем данным я не решился бы датировать это погребение III—II вв. до н. э., а скорее отнес бы его к группе II в. до н. э. Именно в это время чаще всего в сарматские могилы клали рубленный бисер из зеленой пасты и мелкие стеклянные бусы с внутренней серебряной прокладкой.

Еще севернее на левобережье Днепра у с. Михайловка (ныне в Запорожской обл.; рис. 28, 35) в 1903 г. Д. И. Эварпицкий обнаружил раннесарматское погребение в кургане 6¹¹⁶. Скелет лежал в вытянутой позе на спине, черепом на юго-восток. Ранняя дата погребения определяется находкой бронзового наконечника стрелы. Бронзовые наконечники стрел совершенно исчезают в могилах Северного Причерноморья ко II в. до н. э.

На левобережье Днепра в пределах Днепропетровской обл. известно еще несколько раннесарматских погребений. Наиболее ранним из них является диагональное погребение в кургане у д. Вороная (рис. 28, 36). Оно было открыто в большой группе курганов Н. Е. Макаренко в 1907 г.¹¹⁷ В квадратной могиле кургана 11 по диагонали был похоронен воин в вытянутом положении на спине, головой на юго-восток (рис. 24, 1). Его руки находились вдоль туловища, ноги — параллельны. У левой руки была кучка бронзовых наконечников стрел, вероятно, положенных в колчан. Бронзовые наконечники стрел встречены лишь в самых ранних диагональных погребениях, относящихся к прохоровской культуре Приуралья¹¹⁸, что дает нам право датировать это диагональное погребение временем не позже III в. до н. э.

К ранним сарматам можно отнести и впускное погребение (10) в кургане 1 у с. Перешепино Новомосковского р-на из раскопок Днепро-Донбасской экспедиции Института археологии АН УССР под руководством Д. Я. Телегина (рис. 28, 37). Костяк лежал в вытянутой позе на спине, черепом на северо-восток, руки — вдоль туловища, ноги — параллельны, как в диагональном погребении у д. Вороная. У головы стоял большой лепной круглодонный горшок с шаровидным туловом и узким горлом (рис. 47, 7). Он относится к группе шаровидной посуды Поволжья¹¹⁹ и по форме почти тождествен круглодонному сосуду из упомянутого выше погребения у Днепростроя (рис. 47, 3). Косвенным доказательством ранней даты перешепинского погребения служит и то обстоятельство, что в Поднепровье к рубежу нашей эры совсем выходит из употребления круглодонная посуда местного производства. Да и на Дону, и в Поволжье она к этому времени почти исчезает, и лишь изредка небольшие сосудики ставят в могилы сарматов сусловской культуры.

С 1972 г. развернулись большие исследования экспедиции Днепропетровского университета под руководством И. Ф. Ковалевой в районе Фрунзенской и Соколовской оросительных систем в бассейне нижнего течения р. Самара и ее притока Кильчепя в пределах Новомосковского, Днепропетровского и Магдалиновского р-нов Днепропетровской обл. В результате работы экспедиции обнаружены курганные могильники сарматов¹²⁰. Научная ценность этих исследований для изучения сарматов Украинской раины огромна.

В бассейне нижнего течения рек Самара и Орель экспедицией было исследовано не менее семи раннесарматских погребений III—I вв. до н. э.

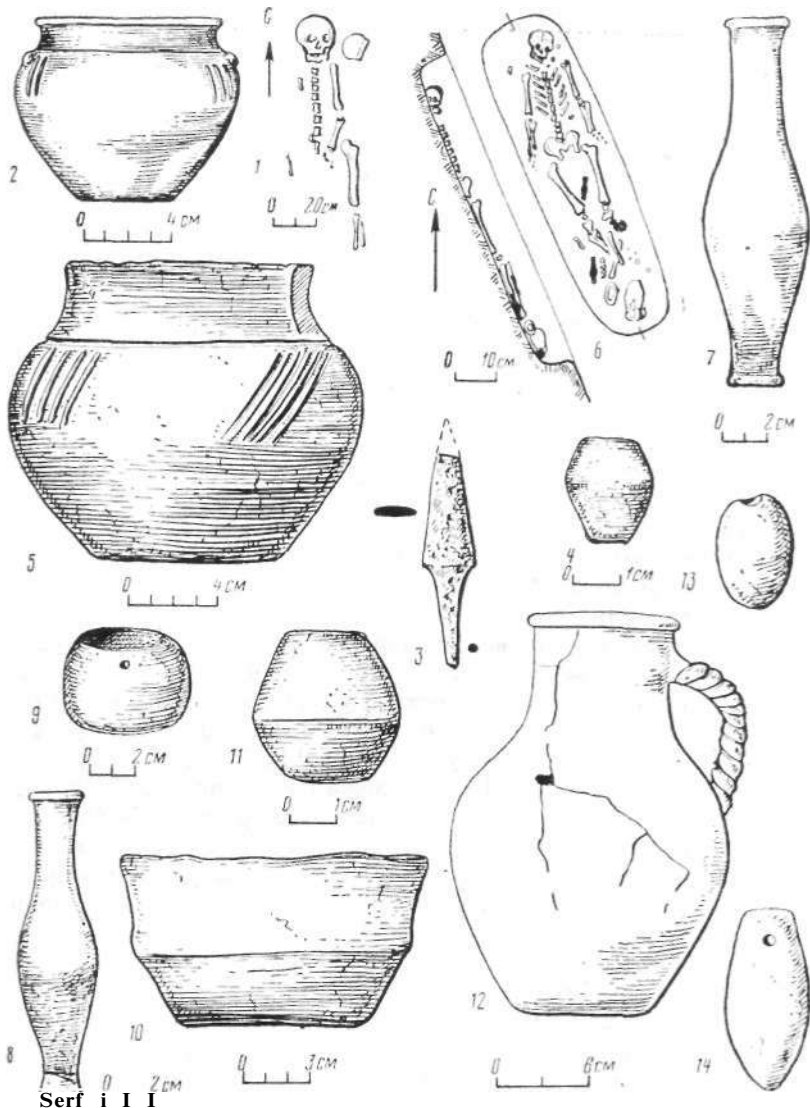

Рис. 49. Раннесарматские погребения в бассейне рек Орель и Самара

1—4 — Спасское, группа XVII, курган 4: 1 — план погребения 4, г — сосуд, з — стрелка, 4 — пряслице; 5 — Верхняя Маевка, сосуд; 6—14 — Соколово II, курган 1, погребение 1: в — план и разрез погребения, 7, 8 — флаконы, 9, 10 — курильницы, 11 — пряслице, 12 — кувшин, 13, 14 — янтарные бусина и подвеска; 2, 4, 5, 7—12 — глина; з — железо; 13, 14 — янтарь

В раскопках принимал участие В. И. Костенко — основной исследователь сарматских памятников этого региона¹²². Может быть, еще к прохоровскому времени (?) относятся два погребения (рис. 49, 1, 5), обнаруженные в Днепропетровском р-не у сел Верхняя Маевка и Спасское (рис. 28, 38а, б) в 1974 г.

В одном из этих погребений (группа XIV, курган 3, погребение 6) сохранился только плоскодонный глиняный широкогорлый горшок, украшенный скошенными «полотенцами», характерными для керамики прохоровской культуры; в другом (группа XVIII, курган 4, погребение 4) лежал ребенок в вытянутой позе на спине, головой на север. Раннесарматский возраст этого погребения как будто бы подтверждается находкой железной черешковой стрелы-плоглика, хорошо известной среди инвентаря курганов среднедонской культуры IV—III вв. до н. э.¹²³, и сосуда прохоровского типа, похожего на бичкин-булукский из Калмыкии (курган 19, погребение 1)¹²⁴.

Среди новых сарматских погребений этого района с полной уверенностью относительно ранним можно признать прежде всего погребение у с. Соколове (Червона могила, группа II, курган 1, погребение 1) на левобережье Самары (рис. 28, 36a)¹²⁵. В погребении в узкой могиле была похоронена женщина в вытянутой позе на спине, с небольшим отклонением к западу (рис. 49, б). Погребальный инвентарь обилен: красноглиняный кувшин, много стеклянных и янтарных бус, золотые серьги, бронзовые зеркало и фибула, стопка и курильница, античные веретенообразные флаконы, железный нож (рис. 49, 7—14; 50, 1—17). Погребение датируется II—I вв. до н. э., что подтверждается прежде всего находками позднеэллинистических флаконов, большого зеркала с выгравированной розеткой, аналогичного найденному в сарматском погребении у с. Михайловка Донецкой обл. (рис. 42, б). Этой дате не противоречит и тип фибулы с круглым щитком. Весь набор стеклянных бус относится ко времени позднего эллинизма. Среди них выделяются крупные полихромные цилиндрические бусины с рядом выпуклых валиков и глазков. Такие бусы из «финикийского» стекла¹²⁶ довольно редко встречаются в раннесарматских погребениях евразийских степей¹²⁷. Таким образом, можно полностью согласиться с последней датировкой этого комплекса, данной В. И. Костенко¹²⁸.

К тому же времени близко одно из наиболее ранних погребений курганного могильника в бассейне нижнего течения Самары и Кильчenea у с. Подгородное Магдалиновского р-на (рис. 28, 38). Курганные могильники на Кильчене, вероятно, возникли не позже, чем молочненские. Правда, в инвентаре сарматских Подгородненских курганов, насколько мне известно, нет выразительных элементов прохоровской культуры. Общая датировка в рамках среднесарматского периода I в. до н. э. — II в. н. э., установленная И. Ф. Ковалевой и В. И. Костенко¹²⁹, верна. Я не вижу здесь ни одного погребального комплекса, который бы убедительно относился по сосудам к прохоровской культуре. В первой публикации Подгородненских курганов И. Ф. Ковалева и В. И. Костенко отнесли погребение 1 курганной группы VIII на основании сосудов якобы прохоровской культуры к концу (!) III в. до н. э.¹³⁰ Пока наиболее ранним погребением Подгородненских курганов следует считать погребение 8 кургана 3 в курганной группе VIII¹³¹, где костяк человека лежал в прямоугольной могиле в вытянутой позе на спине, черепом на юго-восток. Определяет датировку могилы античная круглодонная чаша полусферической формы (рис. 47, 10), покрытая густым лаком буро-красного цвета, эллинистического времени (II—I вв. до н. э.). Этому времени соответствует и тип зеркала в виде плоского диска диаметром 6,3 см (рис. 47, 8). Найденные здесь сердолико-

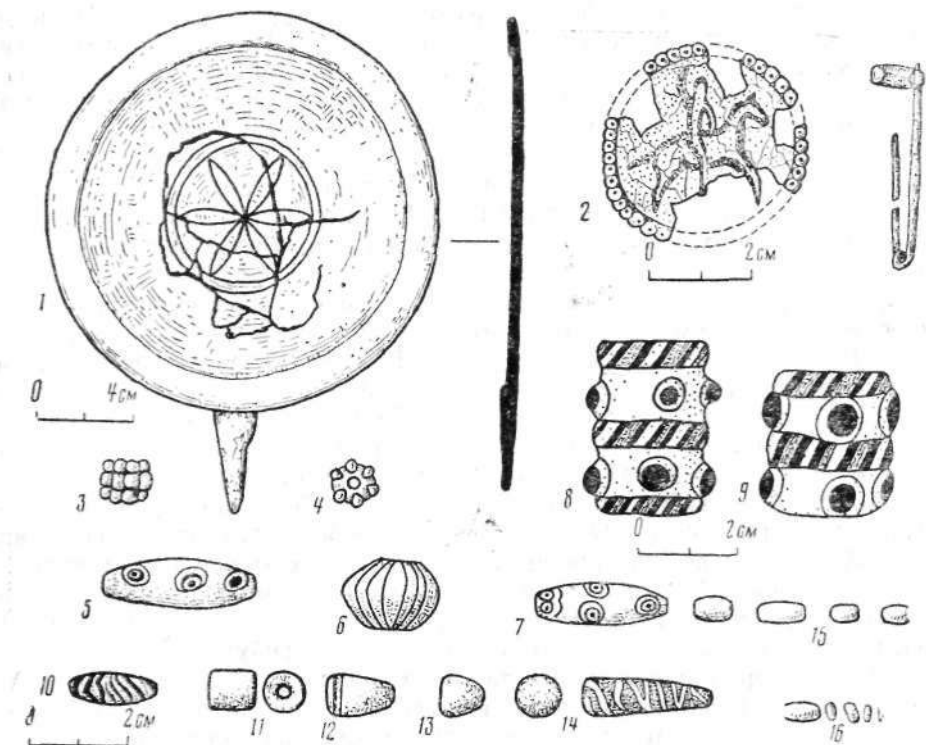

Рис. 50. Раиесарматские погребения в бассейне рек Орель и Самара

1—16— Соколово II, курган 1, погребение 1: 1 — зеркало, 2 — брошь-фибула, 3—16 — бусы; 1, 2 — бронза; 3—ю, 14 — стекло, паста; 11—13, 15, 16 — янтарь

вые и стеклянные бусы были распространены в эпоху позднего эллинизма и в начале нашей эры (рис. 47, 11). Оригинален импортный кувшин из розовой глины весьма редкой круглодонной формы (рис. 47, 9).

Спасское и подгороднекское погребения — наиболее типичные комплексы раннесулловской культуры степного Поднепровья.

Среди наиболее ранних сарматских комплексов бассейна Самары выделяется находка великолепных серебряных фаларов и чаш из разрушенного вспашкой богатого сарматского погребения позднеэллинистического времени на земле совхоза «Украина» в с. Булаховка Павлоградского р-на (рис. 28, 39). Часть вещей поступила в археологическое собрание Днепропетровского университета. В 1972 г. И. Ф. Ковалева произвела исследование разрушенного кургана 2¹³². Он входил в курганный групп урочища Круглик, насчитывающую 12 насыпей высотой до 3 м. Курганы тянутся вдоль коренного берега Самары до ее поймы. По свидетельству тракториста совхоза «Украина», во время нивелировки курганной насыпи была обнаружена «пещера» (подбойная могила?), в которой стоял медный литой котел (рис. 51, 7). Однако осталась неясным, связаны ли прочие вещи, в том числе серебряные чаши (рис. 51, 2: см. также вклейку) и фалары, с этой могилой.

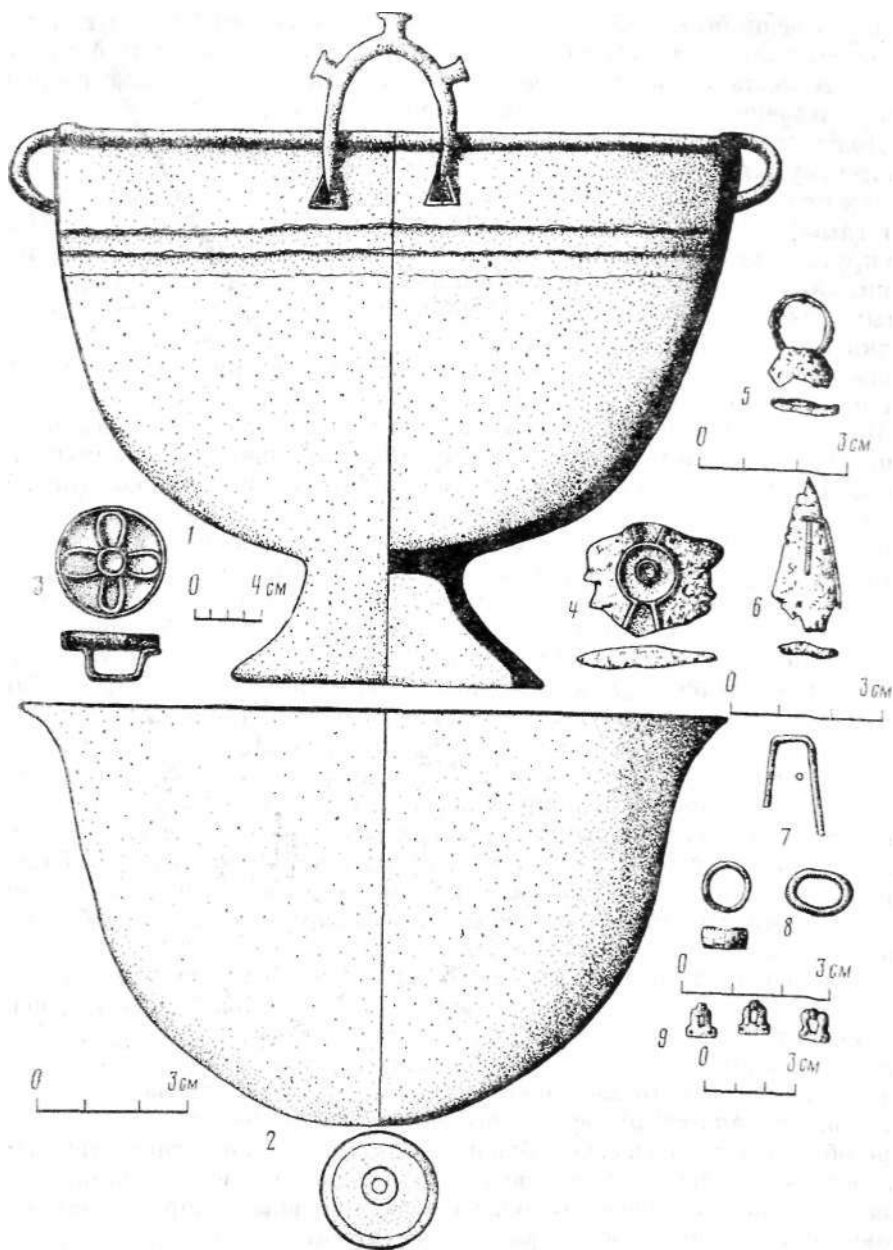

Рис. 51. Находки из разрушенного кургана у с. Булаховка

1 — котел; 2 — чаша (всего 3 экз.); 3 — бляшка с синей пастой в ячейках (2 экз.); 4 — пластина с золотой инкрустацией; 5 — подвеска (?) с золотой фольгой (2 экз.); 6 — обломок пластины с золотой инкрустацией; 7 — согнутая проволока, покрытая золотом; 8 — литые **колючки-обоймы** (7 экз.); 9 — нашивные бляшки; 1, 8 — бронза; 2, 3 — серебро; 4—7 — железо; 9 — золото

Ведь эти вещи были найдены в то время, когда курган был срыт, при боронении площади, на которой он стоял. И. Ф. Ковалева при обследовании этого места заложила шурф, в котором были встречены две серебряные чаши и прочие мелкие вещи и их обломки (рис. 51, 3—9).

Дошедшие до нас вещи замечательного булаховского комплекса, кроме литого сарматского котла, включают пять сильно выпуклых полусферических позолоченных фаларов (рис. 52; см. также вклейку); три глубокие округлые чаши из массивного серебра (рис. 51, 2; см. также вклейку); две круглые серебряные бляшки с изображением четырехлепестковой розетки, заполненной синей и зеленой эмалью (рис. 51, 3); семь бронзовых литых колечек-обойм (рис. 51, 8); семь тисненых золотых бляшек для нашивки на одежду (рис. 51, 9); обломки железных пластин, инкрустированных золотой проволокой, возможно, от панциря (рис. 51, 4—6); железная позолоченная изогнутая проволока (рис. 51, 7).

Перед нами инвентарь богатого конного сармата. Стилистические особенности булаховских фаларов с пышными растительными узорами (рис. 52) сближают их прежде всего с фаларами из Янчокракского «клада» (рис. 48). Булаховские и янчокракские фалары, вероятно, изготовлены в одно время (конец II—I в. до н. э.). Датировать булаховский комплекс более ранним временем не позволяют другие мелкие украшения и прежде всего золотые нашивные бляшки геометрических форм с растительным узором, распространенные в богатых могилах Поволжья, Прикубанья и Крыма не ранее конца II в. до н. э.¹³³ О том же времени говорят серебряные глубокие чаши, аналогичные ахтанизовской серебряной чаше из Прикубанья конца II—I в. до н. э., которая в свою очередь является копией чаш Артюховского кургана, убедительно датированного М. И. Максимовой¹³⁴.

Если медный литой котел (рис. 51, 1) действительно связан с остальными булаховскими находками, то он подкрепляет их дату. Такие котлы датируются в погребальных комплексах Прикубанья¹³⁵ и Поволжья^m временем не раньше I в. до н. э., хотя одна из последних находок обломков котла этого типа в Прикубанье у ст. Ново-Джерелиевская в комплексе с кубками резного стекла и с серебряными фаларами, подобными балаклейским, может относиться ко II в. до н. э.¹³⁷

Булаховские находки фаларов являются наиболее западными и наиболее поздними в пределах сарматского междуречья Дона и Днепра. Они входят в круг фаларов Восточной Европы III—I вв. до н. э., объединенных единой техникой изготовления: путем выдавливания высокого рельефа из массивного или тонкого листа золота или серебра изнутри с поправкой рисунка снаружи чеканом, резцом и пунсоном. Серебряные фалары обычно позолочены. Они близки между собой и по мотивам орнамента: человеческие фигуры (религиозные персонажи) изображаются вместе с животными, широко применяются растительные узоры — различные пальметки, пышные листья аканфа и лотоса.

По сравнению со скифским искусством звериного стиля это художественное направление в торевтике было новым, появившимся в Скифии уже в III в. до н. э., на что обратил внимание М. И. Ростовцев, рассматривая находки скифского Александропольского кургана¹³⁸. Погребения Александропольского кургана убедительно датированы И. Б. Брашинским по амфорному материалу первой четвертью III в. до н. э.¹³⁹

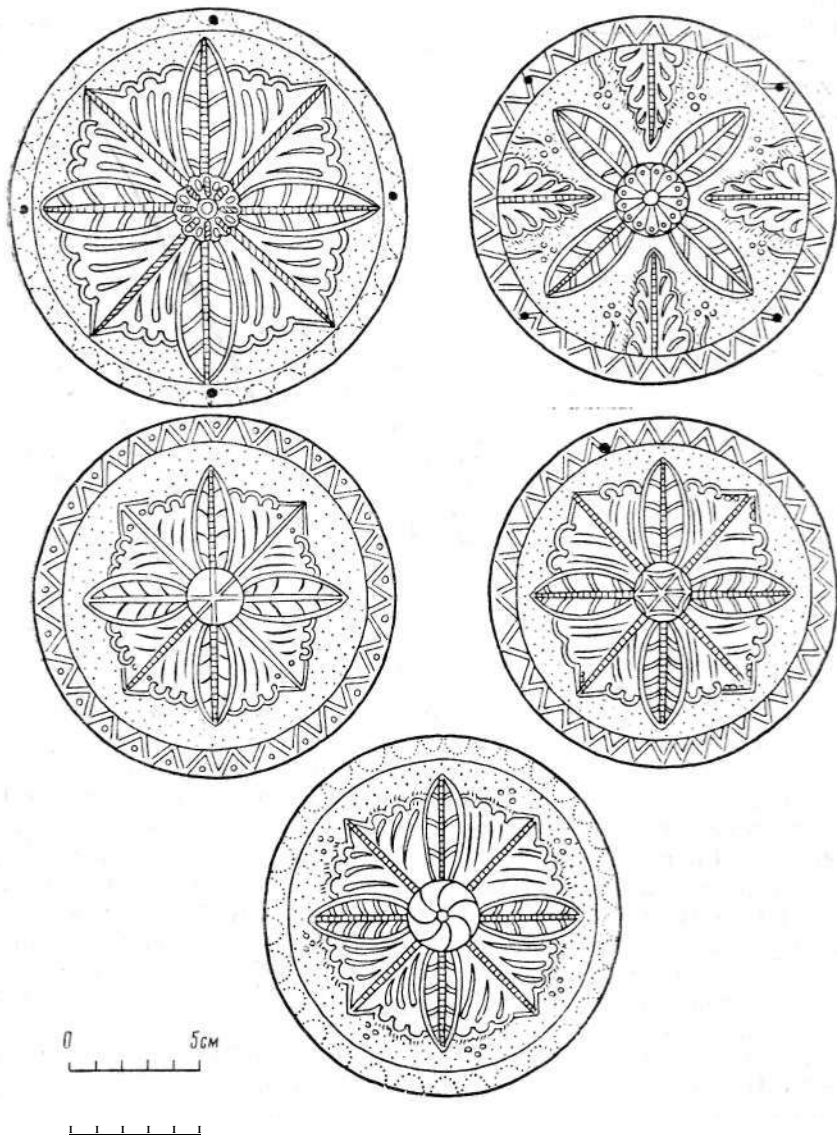

Рис. 52Л Серебряные позолоченные фалары из Булаховки (прорисовка)

Золотые александропольские фалары М. И. Ростовцев поставил в теснейшую связь с фаларами, распространенными на юге Восточной Европы во II в. до н. э.¹⁴⁰ Фалары Таганрогского, Старобельского, Янчокракского «кладов» М. И. Ростовцев датировал временем не позже III в. до н. э. Он искал их истоки в памятниках раннего и позднего эллинизма Бактрии и Индо-Скифии^{III}. Рассматривая художественный стиль фаларов, М. И. Ростовцев связывал их с восточным греко-иранским искусством, в котором переплетались греческие, индийские и иранские худо-

жественные традиции¹⁴². Развивая эту идею, К. В. Тревор связала фалары юга Восточной Европы с греко-бактрийским искусством конца III—II в. до н. э.¹⁴³ Действительно, в происхождении фаларов Восточной Европы греко-иранский или, точнее, индо-греко-бактрийский импульс очень велик и может быть признан решающим.

Наиболее древние фалары могли занести на берег Волги и Дона сарматы — носители прохоровской культуры из Приуралья, общавшиеся с бактрийским царством. Однако, вероятно, не все фалары северочерноморских степей были восточного происхождения. Некоторые мотивы их декора можно найти и на вещах эллинского производства. Обращают на себя внимание серебряные позолоченные кубки из Артюховского кургана на Таманском полуострове¹⁴⁴. Нижняя часть этих кубков украшена листьями лотоса и винограда в той же композиции, что и на серебряных полусферических фаларах. Узор на артюховском кубке тождествен узору на одном из старобельских фаларов¹⁴⁵. Артюховский курган относится ко II в. до н. э., по мнению М. И. Максимовой, — к третьей его четверти¹⁴⁶, т. е. к тому времени, когда у сарматской конной знати этот вид конского снаряжения был уже широко распространен. Кроме того, очень сходные мотивы растительной орнаментации мы видим на «мегареких» чашах II в. до н. э.

Ныне на юге Восточной Европы известно не менее 16 находок фаларов, из которых, пожалуй, наиболее ранней, не считая александропольских фаларов, является Федуловский «клад» на левобережье низовьев Дона¹⁴⁷. Он довольно убедительно датирован И. П. Засецкой концом III в. до н. э.¹⁴⁸ Другая столь же древняя находка относится к междуречью Дона и Волги. В 1964 г. В. П. Шилов обнаружил в насыпи кургана 27 у с. Жутово на р. Аксай¹⁴⁹ несколько серебряных фаларов с роскошным растительным орнаментом (из листьев аканфа и винограда), аналогичным тому, который покрывает перечисленные выше полусферические фалары междуречья Дона и Днепра. Раннесарматское время Шутовского кургана несомненно, так как он содержал только погребения прохоровской культуры III—II вв. до н. э. С одним из этих погребений и связана находка фаларов — сокровища знатного сарматского конного воина — в насыпи кургана. Обычай класть ценные вещи в насыпь кургана, на древнем горизонте, близ могилы знатного умершего появился у сарматов еще в IV в. до и. э.

Большая часть находок фаларов (11 из 16) падает на территорию, на которой в III—II вв. до н. э. расселились различные сарматские племена. Они были главными распространителями фаларов по южным областям Восточной Европы. Как полагает Я. Харматта, значительная часть их производилась сарматскими мастерами и торевтами северопричерноморских городов эллинистического времени¹⁵⁰. В определении даты и центров производства серебряных позолоченных фаларов, например таганрогских, Я. Харматта следует за Н. Феттихом, который считал местом их производства Ольвию. Пожалуй, Н. Феттих «омолодил» в целом все фалары юга Восточной Европы, объединив их с аналогичными находками из Болгарии (Галичский «клад») и Венгрии (фалары Сёрче), отнеся последние к I в. до и. э. — первой половине I в. н. э.¹⁵¹ Я. Харматта стремится связать восточноевропейские фалары с расселением сарматов вплоть

до Придунавья и с установлением между 125 и 60 гг. до и. э. в северопричерноморских степях и западнее якобы «западносарматской империи»¹⁵². Как мы видели, наиболее восточные фалары того типа, которые были обнаружены на левобережье Днепра (янчокракские, булаховские), а также на западе, в бассейне Дуная (Галич, Серче), датируются более поздним временем, чем Федуловский «клад» и жутовские фалары. Изготовление фаларов на Боепоре вполне вероятно¹⁵³. Все полусферические позолоченные фалары с растительным орнаментом и религиозными сюжетами удивительно сходны по технике изготовления и характерному стилю. На многих из них полностью совпадают отдельные детали орнамента. Большинство из них безусловно изготовлено в один и тот же довольно короткий период в каких-то ремесленных (торевтических) центрах Северного Причерноморья (Боспор, Ольвия). Попасть же в могилы богатых конных воинов они могли в различное время в течение II и I вв. до н. э. (нельзя исключить как начало нашей эры, так и конец III в. до н. э.). Так, янчокракские и булаховские фалары, видно, были догребены уже в I в. до н. э. Связать фалары с конкретными сарматскими племенами, упоминаемыми в письменных источниках, невозможно. Лишь новоузенекде и особенно федуловские и жутовские фалары должны быть определенно связаны с вождями аорсов, ибо по Страбону аорсы кочевали «между Меотидой и Каспийским морем»; они же упоминаются как живущие по Танаису (XI, V, 8)¹⁵⁴.

В Подунавье фалары, вероятно, были занесены сарматами несколько позже. Так, например, фалары из Серче датируются по находкам монет временем не ранее I в. до н. э.¹⁵⁵ Они принадлежали здесь не обязательно сарматам, но и местным богатым воинам дакийского или иного происхождения.

Наиболее северной находкой раннесарматских вещей на левобережье Днепра является большое (диаметр 13,5 см) бронзовое зеркало, найденное на городище Битица (рис. 28, 40) севернее г. Сумы в бассейне Пела (рис. 53)¹⁰⁸. Оно принадлежит к тому типу зеркал, предшественник которого появился в Приуралье уже в IV в. до н. э. (зеркало из кургана 8 Мечетсайского могильника)¹⁵⁷. Орнамент в виде ряда заполненных точками треугольников по периферии известен на зеркале из сарматского погребения прохоровской культуры Заволжья (Политотдельское, курган 3, погребение 9)¹⁵⁸, а также на зеркалах меотского типа III—начала I в. до н. э. Усть-Лабинского могильника в Прикубанье¹⁵⁹. Подобная же орнаментация встречается на многих вещах из комплексов II—I вв.

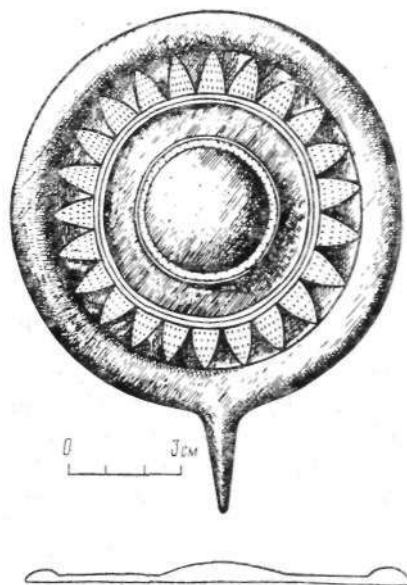

Рис. 53. Бронзовое зеркало с городища Внтица

дон. э. юга Восточной Европы ¹⁶⁰. в том числе и на серебряных позолочу фаларах. Зеркало из Битицы судя по размерам н орнаментации ZZT быть признано одним из наиболее ранних экземпляров литых зеркал тп тина. Такие зеркала на рубеже нашей эры начинают широко рТнш ТГ няться по всему сарматскому миру, постепенно уменьшаясь в р а з м 2 Г Я оуду, вероятно, недалек от истины, отнеся битицкое зеркало ко И

Отдельные сарматские группы не позже III в. до н э ПООБВЯПШМ, территории к западу от Днепра. Я уже отмечал возможные и ^ товерны" ранние сарматские погребальные комплексы на правобережной Ук р а и и р курганные находки у сел Кут (рис. 28, 41; курганы 1, 32, погребение 7Г?Л'

Й ф. S23, S2Г'' ²⁸ 42; ку р г н 5) ""' в Никопольском могильнике (рис. 28, 28; группа I, курган 2, погребение 17) и возможно МЛ

евка па Южном Буге (рис. 28, 43). Кроме того, из неонХкованнь^х ма ериалов Южно-Бугской экспедиции Института археологии АН ?ССР 1974 г. мне известны еще два погребальных комплекса на Южном Буге (курган 1, погребение 22 ж курган 2, погребение 131 в г R™/г,,

(рис. 28, 44) - которые, судя по кера ^ к Г в т о м " числе Тпо ^ Г Г л Г хого черного лака, вероятно, относятся еще к эллинистическому времени"

Итак в настоящее время на территории Северного ПриЧУноморья между Доном и Южным Бугом насчитывается около 50 ПУНКТОВ где были обнаружены рапнесарматские погребения, целые или разрозненные ком плексы, связанные с теми захоронениями, обряд которых на Гос™ ся не" известен вследствие случайности находки. Большинство из них относится к Ш _ 1 вв. до и. э., т. е. к тому времени, когда сарматы уже установили свое политическое господство в Скифии. Конечно, этого еще недостаточно для того, чтобы более или менее Удовлетворительно представить себекап тину расселения ранних сарматов на территории обширных степей Се- верного Причерноморья западнее Дона. степей ье-

Письменные источники содержат прямые или косвенные свидетель ства о сарматском господстве в Северном Причерноморье не позже на чала II в. до н. э. Подобным свидетельствам как будто противореча; \2~

п ^ ~ Г ш ^ Т Г Г у п д о э Т Т «™™ ^ -ло"а рТаТсДкиНх памятников ш _ ц . до и. э. Это обстоятельство не должно наг пи- шать, если мы вспомним, что знаем относительно немного погребальных комплексов архаической Скифии в степях ГРВРЛЯПГП п! (немногим более 80), тогда как хорошо Н ^ L O ? Z в VI-ГвГГн ^ скифы составляли основное население этого региона и у них у же сложи лось примитивное государство ¹⁰³.

Большой размах археологических исследований, развернувшихся в пос ледние годы на различных новостройках и землях орошения в Гостов ской обл. и на Украине, - залог того, что наши сведения о с а й т а х будут р я < и < 1 Л о у Д У Т ежегодно пополняться.

/I

Сарматские Миграции

v.v.v.v

Итак, — Сарматы — общее, наиболее употребительное название племенных объединений ираноязычных кочевников, данное античными авторами населению, сменившему в Северном Причерноморье скифов. Это новые союзы воинственных кочевников, сложившиеся на базе савроматских и тех родственных им племен (дахо-массагеты, исседоны), которые вышли из кочевого населения Юяшого Приуралья и, может быть, Северного Приаралья скифского времени. Их культура сформировалась на базе савроматской археологической культуры междуречья Дона и Волги, Заволжья и Южного Приуралья и прохоровской культуры Южного Приуралья. В сарматскую культуру были включены существенные элементы культуры населения Зауралья, Казахстана и Северного Приаралья. Племена аорсов, сираков, языгов, роксолан, алан, названные античными авторами, — это лишь наиболее крупные ираноязычные племена или политические союзы племен. Они включали, конечно, и другие мелкие родо-племенные подразделения кочевников, которые не отмечены письменными источниками. Их мощные союзы в IV—III вв. до н. э. настолько усилились и окрепли, что оказались способными на крупные завоевания и переселения на Северный Кавказ и в политически ослабленную Скифию. Сарматские передвижения представляют часть общего миграционного процесса, который охватил широкую зону Евразии в III—II вв. до н. э. (гунны, тохары, юэджи).

Массовый переход к кочевому образу жизни в обширной полосе евразийских степей и полупустынь еще на рубеже II и I тысячелетий до н. э. предвворяет историю и миграции скифов, савроматов и затем сарматов.

Перейдем к рассмотрению миграций савроматов и сарматов. Миграционные процессы раннего железного века прослеживаются прежде всего в начале истории савроматов, тесно связанных по происхождению с собственными скифами. Непосредственные предки савроматов, вероятно, принимали участие в составе скифской орды в походах на страны Передней Азии. Их возвращение к берегам Танаиса в составе скифского объединения отражено в трудах Диодора Сицилийского, сообщающего о выселении скифами савроматов из Мидии к Танаису (II, 43, 6). Вероятно, поэтому Плиний называет сарматов «потомками мидян» (VI, 19).

Объединение савроматов — явление автохтонное и миграционное. Во времена возвращения скифов из Передней Азии в Северное Причерноморье разгорелась борьба между пришельцами и оставшимися здесь племенами, следствием которой, в частности, было образование большого племенного союза савроматов за Доном—Танаисом, вероятно, в конце VII в. до н. э. Эта ситуация отразилась в легенде о происхождении савроматов, переданной Геродотом: молодое поколение скифов, объединившись с амазонками (приазовскими меотами?) \ удаляется от Танаиса и Меотиды «на три дня пути к северу» (Геродот, IV, 16). При Геродоте савроматы уже представляли собой большое объединение родственных ираноязычных племен («Савроматы говорят на скифском языке, но издревле искаженном», — Геродот, IV, 117). Оно занимает вскоре обширный степной район на «15 дней пути к северу» от угла Меотийского озера (Геродот,

IV, 21). Еще во времена прихода кочевых скифов в степи Причерноморье» из «Азии», из-за Аракса (Волги?) под давлением "массагетов (Геродот, IV 11) в него вошли как местные потомки срубных племен, так и йригядшие на Волгу андроновцы или их непосредственные потомки. О том, что срубные и андроновские племена явились основными участниками этногенетического процесса при формировании савроматского населения Поволжья свидетельствуют археология² и антропология³.

Постоянные миграционные процессы, вероятно, происходили и в период расцвета савроматского союза в VI—V вв. до н. э. Пожалуй, говорить можно о локальных миграциях этого времени. О расселении отдельных савроматских групп в «Европе», западнее Таиаса, не позже конца V в. до н. э. мы знаем от Псевдо-Гиппократ. Новые археологические данные подтвердили факт пребывания савроматов на правобережье Миуса в конце V в. до н. э. В период дружественных отношений со скифами, не позже IV в. до н. э., возможно, шло проникновение отдельных савроматских групп на нижний Днепр (Никополь, Балки, Львово 1). Уже в V—IV вв. до н. э. происходило, вероятно, проникновение савроматов и вверх по Дону (отдельные погребения Мастюгинских курганов).

Савроматская археологическая культура занимала обширный степной ареал от Дона до восточных районов Южного Приуралья, если не до Тобола. Между населением этого ареала в VI—V вв. до н. э., вероятно, были очень тесные взаимоотношения, позволявшие проникать отдельным этнокультурно родственным группам на территории соседей: савроматам — до бассейна Бузулука, дахо-массагетам и, возможно, исседонам — до Астраханщины* и даже на западное побережье Дона (каменный жертвенник у хут. Красноуховский). Все эти передвижения кочевников (частичные миграции) могли происходить в VI—V вв. до н. э. при стабилизации мирных взаимоотношений внутри родственных и даже, может быть, неродственных племен. Возможно, существовал союз со среднедонским оседлым населением (будпнами?), что могло объясняться заинтересованностью кочевников — донских савроматов (сирматов) — в продукции местного сельского хозяйства и ремесла, особенно оружия и изделий в зверином стиле.

Может быть, с этими же причинами связаны савроматские миграции в Прикубанье и центральные районы Северного Кавказа, куда доходили их кочевья, судя по отдельным погребениям в степях севернее г. Грозный (Ачикулак, Бажитан)⁵.

Формирование в Южном Приуралье на рубеже V—IV и в начале IV в. до н. э. прохоровской культуры как общесарматской отразило, я думаю, возникновение новых, собственно сарматских союзов племен во главе с сильнейшими («царскими») племенами на базе южноуральских дахо-массагетов и исседонов. Образование этих союзов — сложный этнополитический процесс, протекавший в среде как местных племен савроматской археологической культуры, так и пришлых из-за Урала и, возможно, Приаралья. Среди племен, известных по письменным источникам, можно назвать прежде всего верхних аорсов Страбона как особенно выделяющийся союз племен. Одновременно с образованием союзов в среде сарматов происходит усиление как локальных, так и региональных миграционных процессов. Вероятно, это было связано с дальнейшей имущест-

венной и социальной дифференциацией в среде кочевников, с активным процессом классовообразования, жадной власти и обогащения военных вождей и их дружинников, родо-племенной аристократии.

Прохоровские племена расселяются на север, вплоть до района современной Уфы⁶. Можно, вероятно, говорить о политическом подчинении местных оседлых племен и их даннической зависимости от сарматов и процессе седентаризации (оседания на землю). Так, на Гафурийских городищах под Стерлитамаком встречаются отдельные сарматские вещи и особенно керамика, аналогичные прохоровским степным Южного Приуралья и Зауралья⁷.

Археология позволяет проследить и продвижение сарматов — носителей прохоровской и суловской культур на юг — в район оседлых поселений Бухарского оазиса (Агалыксайский, Левандакский и Кую-Мазарский могильники)⁸, т. е. втягивание сарматов в движение юэджи и других среднеазиатских кочевых племен, в результате которого в 30-х годах II в. до н. э. было сокрушено Греко-Бактрийское царство.

Главным направлением сарматских миграций со времени образования их новых сильных военно-политических союзов было западное. Эти большие объединения, вероятно, создавались и мирным путем, и военным подчинением слабых племен главными («царскими»), в военном отношении более сильными.

Памятники прохоровской культуры распространяются в Поволжье в IV в. до н. э., но примат в сложении прохоровской культуры все же принадлежит Приуралью. Распространение прохоровской культуры в Поволжье, возможно, было результатом продвижения прохоровцев на запад и даже подчинения части поволжских савроматов пришельцам. Это мое гипотетическое представление активно оспаривает В. П. Шилов⁹. Передвижения в савромато-сарматском мире за Танаисом приводили, как я полагаю, к смещениям отдельных савроматских групп междуречья Дона и Волги в сторону Северного Кавказа и в Скифию. Вероятно, савроматы, продвинувшиеся на Северный Кавказ, образовали союз во главе с сираками¹⁰.

В Скифии отдельные савроматские группы проникали вплоть до Днепра. В. Е. Максименко считает, что носители прохоровской культуры в своем движении на запад остановились на берегах Танаиса, не переходя его¹¹. Однако, как мы видели, археологические факты противостоят этому. Я придерживаюсь той точки зрения, что сирматы — это не только прежнее савроматское население. В него в течение IV—III вв. до н. э. уже вливались пришельцы из задонских, поволжских и, возможно, даже южноуральских степей (погребения в курганах у хут. Сладковский, Кашеевки, сел Ушкалка, Грушевка).

Проникавшие в Скифию савроматы и сирматы, вероятно, до конца IV в. н. э. сохраняли в основном мирные отношения со скифами, жили среди них, заключали браки, служили в скифских военных дружинах.

Активный процесс расселения савроматов и ранних сарматов — носителей прохоровской культуры привел к возникновению враждебных отношений со скифами, и эта вражда стала ведущей линией внешней политики сарматов в условиях политического ослабления Скифии к концу IV в. до н. э.

Распространение элементов прохоровской культуры отражает большую активность сарматов, когда отдельные сарматские группы начинают проникать в Скифию вплоть до Днепра и даже на его правобережье. Эта внешнеполитическая активность сарматов приблизительно совпадает во времени с общим движением кочевых племен Центральной и Средней Азии: с движением юэджи — тохаров, образованием Парфянского царства, основу которого заложили дахи (более северного происхождения по Страбону), которые, на мой взгляд, были тесно связаны с приуральскими кочевниками, и, наконец, — с движением хунну. Оказывали ли воздействие эти движения азиатских племен на ранние миграции сарматов, остается неизвестным. Весьма гипотетично и представление С. П. Тодстова¹² о политической роли Хорезма как направляющей руки в движении на запад якобы зависящих от него сарматов. Хотя приуральские кочевники были связаны экономически с оседлым населением Средней Азии, в том числе и с Хорезмом, но вряд ли являлись его вассалами и входили в сферу его политической гегемонии над северокаспийскими кочевниками в эпоху Александра Македонского¹³ и позже.

Если верно, что сарматское движение началось уже в IV в. до н. э., то его можно считать наиболее ранним среди заметных миграций того времени.

Раннесарматское движение на запад является первым этапом миграции сарматов, основные причины которой, вероятно, носили политический и экономический характер: образование первых обширных и сильных союзов племен, у которых шел интенсивный процесс имущественного и социального расслоения, процесс классообразования с еще большими родо-племенными традициями. Кочевые племена сарматов стремились к богатым районам старого земледельческого населения Средней Азии, Прикубанья и Северного Причерноморья, к его городским центрам. Вожди этих племен, их дружины и вообще родо-племенная верхушка жаядали новых завоеваний для своего обогащения путем торговли и обмена, получения дани и подарков.

Второй наиболее крупный этап сарматской миграции, который я датирую концом III—I в. до н. э., связан с активностью политических союзов во главе с языгами, роксоланами и аорсами. Сарматские миграции приобретает региональный характер, а «великое переселение народов» начинается на этом этапе. Вероятно, начало этого этапа и отражено в сообщении Диодора Сицилийского (Библиотека, II, 43, 7) о вторжении «савроматов» в Скифию и ее опустошении. Сарматы захватывают значительную часть Скифии, но население ее не было поголовно уничтожено, как представлялось Диодору. Об этом можно судить по материальной культуре сарматов Поднепровья рубежа и первых веков нашей эры, хорошо известной нам по раскопкам курганов Ново-Филипповки, Аккермена, Усть-Каменки¹⁴ и др. Скифское наследие ярко проявлялось в сарматской посуде, особенно лепной, производной от прежних скифских форм. Да и некоторые черты погребального обряда в этих могильниках нельзя объяснить, отрицая существенное влияние обряда уцелевшего от разгрома скифского населения.

Результатом второй крупной миграции сарматов было утверждение их политической гегемонии в Скифии, начиная с деятельности саев и их

царя Сайтафарна, сарматской царицы Амаги. Во II и I вв. до н. э. сарматы принимают активное участие в международных делах: сначала Гатал, затем участие сарматов («царских» языгов) в войнах Митридата Евпатора против Рима. И наконец, надо подчеркнуть заметную роль роксолан в Северном Причерноморье. О последних следует сказать особо.

Среди новых ираноязычных кочевников в Северном Причерноморье во II—I вв. до н. э. выделяются как племена-руководители языги и роксоланы. Языги при Митридате Евпаторе называются Аппианом «царскими», т. е. господствующими. Они хозяйничали к западу от Днепра. Роксоланы впервые упоминаются Страбоном в степях Северного Причерноморья наряду с языгами и ургами к востоку от Днепра. Страбон — автор конца I в. до н. э. — начала I в. н. э., но его разнообразные источники восходят к IV—началу I в. до н. э. (Эфор, Эратосфен, Деметрий Каллатийский, Гиппарх, Аполлодор, Посидоний, Артемидор Эфесский и другие)¹⁵. Мы обязаны прежде всего Страбону «большинством из того, что нам вообще известно о черноморском побережье эпохи великих ионян» и Геродота, писал М. И. Ростовцев¹⁰.

Этногеография Северного Причерноморья, воссозданная Страбоном, зиждется в основном на данных Посидония Родосского (128—45 гг. до н. э.) и, может быть, Артемидора Эфесского (около 100 г. до н. э.)¹⁷. У Страбона дается стабильная этническая картина Северного Причерноморья конца II в. до н. э., когда различные сарматские племена уже давно расселились на Понте и окончательно утвердили свою политическую гегемонию в причерноморских степях.

Среди сарматов, если видеть в них новых ираноязычных кочевников, следует, быть может, назвать саев, савдоратов и фисаматов, зафиксированных под Ольвией декретом в честь Протогена не позже рубежа III и II вв. до н. э. Сарматы появились в Поднепровье, в том числе и на его правобережье, судя по приведенным выше археологическим данным, не позже III в. до н. э. Но их племенные названия мы не знаем, если не принимать фисаматов и савдоратов за сарматов. Саи — название скорее социальное, применявшееся ко многим господствующим, «царским», ираноязычным племенам. Таковы были царские скифы Геродота, ксандии дахского объединения, из которого вышли в основном, как я полагаю, приуральские сарматы, в том числе и аорсы и, может быть, роксоланы. Не были ли саи или, может быть, тождественные им «царские» сарматы господствующими племенами среди всех сарматов, кочевавших в конце III—начале II в. до н. э. в степях между Днепром и Южным Бугом, и не возглавляли ли они языгский союз¹⁸? Языги — очень заметная группа сарматских племен со времен Страбона и несколько позже. Они не раз упоминаются античными писателями в западных районах Северного Причерноморья и на Дунае. Их восточное происхождение неясно, хотя и несомненно. Возможно, они вышли из среды яксоматов—язаматов Восточного Приазовья, если только их считать савроматами¹⁹, а не меотами²⁰. Отождествление язаматов с языгами предложили еще в XIX в. Ф. Укерт²¹ и К. Мюldenхоф²². Подобная точка зрения принята рядом ученых, в том числе и М. И. Ростовцевым²³, но все же подобное отождествление остается спорным. Археологическая характеристика языгов, особенно в столь раннее время, пока невозможна. То, что языги — сарматы, не подлежит сом-

нению по всем письменным данным. Сам Страбон (VII, III, 17) называет языгов сарматами, кочевавшими восточнее гетов и тирагетов.

Урги, упоминаемые Страбоном в том же разделе «Географии», вообще, может быть, не сарматы, а те скифские оседлые племена, которые продолжали жить по нижнему Днепру под властью сарматов и оставили здесь свои городища среди сарматского окружения⁴. Это тем более вероятно, что издатели античных источников и некоторые исследователи считают название ургов у Страбона (χαῖ Οορυοῖ) испорченным и предлагают конъектуру *υγορῶν* — скифы-земледельцы Геродота⁴⁵. Ведь при перечислении народов между Борисфеном и Петром Страбон отмечает: «Все они по большей части кочевники, но многие занимаются и земледелием» (VII, III, 17). Впрочем, Ф. А. Браун ургов относил к группе языгов на том основании, что урги, кроме Страбона, никому неизвестны^{2С}.

Роксоланы, впервые упоминаемые Страбоном, во II в. до н. э. занимали самые северные «равнины между Танаисом и Борисфеном» (VII, III, 17). Это, конечно, был весьма мощный и особенно заметный античным авторам союз племен, игравший значительную роль в Северном Причерноморье, а также на дунайской границе Римской империи. В конце II в. до н. э. (около 107 г. до н. э.) «роксоланы воевали с полководцами Митридата Евпатора в союзе со скифами под руководством Тасия; пришли они на помощь Палаку, сыну Скилура, и считались народом воинственным» (Страбон, VII, III, 17). Это событие отражено и в херсонесском декрете в честь Диофанта, где роксоланы названы ревксиналами²⁷. Это, конечно, одни и те же племена. Почти в подобной огласовке название этих кочевников было известно античным авторам, в частности Птолемею, знавшему и роксолан: «Между гамаксобиями и роксоланами — ревканалы» (Географическое руководство, III, 5, 10). Одновременное упоминание Птолемеем роксолан и ревканал — вероятно, результат соединения им различных информации, как современных ему, так и более ранних.

В специальной статье Д. А. Мачинский приходит к интересным выводам о расселении роксолан во времена их борьбы с Диофантом — полководцем Митридата Евпатора, в конце II в. до н. э.²⁸ По Мачинскому, зимние кочевья роксолан находились неподалеку от Перекопа, в западной части — у Сиваша, хотя в целом они кочевали на более обширном пространстве степей между Днепром и Доном, занимая в основном западные и центральные районы междуречья Днепра и Дона. Страбон, говоря о сражении роксолан с Диофантом, сообщает об образе жизни кочевников, явно имея в виду роксолан: «Они следуют за своими стадами, выбирая всегда местности с хорошими пастбищами; зимою — в болотах около Меотиды, а летом — и на равнинах» (VIII, III, 17). Приблизительно в этих местах происходят несколько раньше (в конце III—начале II в. до н. э.) действия сарматской царицы Амаги^а. Невольно возникает вопрос, не была ли Амага предводительницей роксолан, поскольку в то время она была союзницей Херсонеса и враждебно относилась к скифам. Однако союзнические и вражеские отношения различных сарматских объединений могли быть неоднозначными и со временем изменяться. Так, напри-

^а Б. Н. Граков относил действия сарматской царицы Амаги ко II в. до н. э., точнее ко времени до 150 г. до и. э. См.: *Граков В. Я.* Каменское городище на Днепре. — МИД, 1954, 36, с. 28. (*Примеч. ред.*)

мер, во времена создания декрета в честь Протогена современные Амаге саи (языги?), если не сотрудничали со скифами, то и не были с ними во враждебных отношениях.

Д. А. Мачинский рассматривает роксолан как совершенно новое для территории Северного Причерноморья этническое образование, резко отличное от сарматов и близкое аланам. Я абсолютно не согласен с Мачинским, когда он так отделяет роксолан и более поздних алан от сарматов. Я включаю их в сарматский массив в расширительном понимании как новых ираноязычных кочевников, отличавшихся от скифов диалектами языка североиранской группы и пришедших с востока: одни — из ближайших степей за Танаисом—Доном, другие — из Южного Приуралья и Северного Приаралья. В историографии роксолан и алан обычно никогда не противопоставляли сарматам, и совершенно справедливо. Они вели одинаковый образ жизни, все, по-видимому, были ираноязычны, все — восточного происхождения, некогда жили за Доном и далее к востоку, исключая некоторую группу савроматов (сирматов), живших западнее Танаиса. С точки зрения археологии, по материальной культуре и по погребальному обряду, все они очень близки, если даже не тождественны. Конечно, среди сарматского населения мы находим группы несколько иного происхождения. Я совершенно согласен с мыслью Мачинского о тесной связи родоначальников роксолан с аланами и тем самым с массагетским массивом восточных племен, так как рассматриваю одни сарматские племена (сираки, языги) как более тесно связанные с собственно савроматским массивом, другие — с приуральско-приаральскими дахо-массагетами (и, вероятно, исседонами). Тем более нет оснований резко отрывать роксолан и алан — «прежних массагетов» — от сарматов вообще, поскольку в своем движении на запад ираноязычные союзы втягивали по пути другие сарматские племена. Недаром Тацит (История, I, 79) и Певтингеровы таблицы относят роксолан к сарматскому народу. Да и по всем другим сведениям античных авторов роксоланы связываются с новыми пришельцами-кочевниками — сарматами, т. е. принадлежат к числу «живущих в повозках» (Страбон, VII, И, 4). Они упоминаются рядом с языгами в Северном Причерноморье не только Страбонем, но и другими авторами. Так, Птолемей указывает: «По всему берегу Меотиды — языги и роксоланы» (Географическое руководство, III, 5, 7). Аммиан Марцеллин, говоря о народах у «Меотийского болота», отмечает: «Вокруг этих крайних и отдельных болот живет много народов. . . языги, роксоланы, аланы» (История, XXII, 8, 30).

С роксоланами, так же как и с другими сарматскими племенами Северного Причерноморья, крайне трудно связать какие-либо конкретные археологические памятники. Так, как будто бы к роксоланам можно отнести богатые «клады», включающие в себя серебряные фалары, типа Таганрогского, Старобельского, Яичокракского и Булаховского, большинство которых размещается в междуречье Дона и Днепра. Однако они известны и в Прикубанье на территории расселения сираков (станции Ново-Сергиевская, Ново-Джерелиевская, г. Кореновск), и в междуречье нижнего Дона и Волги (с. Жутово), где определенно жила основная масса аорсов. Все они принадлежали богатым конным воинам из числа сарматов вообще. Ни один характерный для сарматов признак погребального

обряда нельзя уверенно связать только с одной сарматской группой Северного Причерноморья. Когда-то предпринятая мной попытка связать только с роксоланами диагональные погребения²⁹ не увенчалась успехом, и я от этой мысли давно отказался³⁰. Диагональность — общий, один из наиболее характерных признаков всех сарматов. Эта черта постепенно исчезает по мере продвижения сарматских племен на запад, как и многие другие характерные признаки сарматского обряда (меловая посыпка и пр.). В Северное Причерноморье обряд диагонального погребения (д. Вороная) был занесен почти тогда же, когда он начал распространяться в Южном Приуралье⁶, но позже в Южном Приуралье диагональных погребений стало значительно меньше, чем в Поволжье³¹. Так обстоит дело и с другими чертами погребального обряда сарматов, керамикой и прочим погребальным инвентарем более поздних сарматских памятников Украины и Молдавии, которые окрашены в значительной мере признаками культуры прежних племен Причерноморья, особенно скифов Поднепровья и гето-даков Поднестровья.

Вместе с языгами и роксоланами в Северное Причерноморье, вероятно, проникла и значительная группа аорсов, занимавших в III—II вв. до н. э. в основном степи между Доном и Каспийским морем (Страбон, XI, V, 8) и к востоку от нижней Волги. Их кочевья простирались до Южного Приуралья, где, может быть, и сложилось их первоначальное ядро³².

Хотя Страбон прямо и не говорит об аорсах западнее Танаиса, но они не могли появиться вместе с другими сарматскими племенами к северу от Дуная, минуя Северное Причерноморье. Плиний называет их «амаксобиями», т. е. «живущими в повозках». Это название применялось вообще кномадам, ведущим кочевой образ жизни. Но иногда античные авторы пользовались им особо, имея в виду, очевидно, отдельное племя — возможно аорсов. Птолемей размещал гамаксобиев к северу от Меотиды между языгами, роксоланами и «скифами-аланами» (Географическое руководство, III, 5, 7, 10), а Помпоний Мела — на Меотиде, там, где ее пересекает река Букес (Землеописание, II, 2), т. е. где-то в западной части Азовского моря. Некоторые исследователи связывают Букес с реками Ногайкой или Молочной и отождествляют гамаксобиев с сарматами — аорсами. Подобной точки зрения придерживается и Мачинский³³. Мы не знаем времени появления в Северном Причерноморье аорсов-амаксобиев. Вероятно, в целом они

⁶ Диагональные погребения в прямоугольных и квадратных ямах появляются в Южном Приуралье в IV в. до н. э. в очень небольшом количестве. Всего раннесарматских диагональных захоронений (IV—II вв. до н. э.) чуть более 1% (10 из 697). Несколько увеличивается их доля (15,5%) в среднесарматское время (18 из 113).. См.: Железчиков В. Ф. Ранние кочевники Южного Приуралья. Канд. дис. Рукопись хранится в Архиве ИА, р-2, № 2261, т. II, с. 47, 54.

В Нижнем Поволжье и Северном Причерноморье диагональные погребения датируются I в. до н. э. — III в. н. э. См.: Засецкая И. П. «Диагональные» погребения Нижнего Поволжья и проблема определения их этнической принадлежности. — АСГЭ, 1974, 16, с. 106—116. Лишь погребение у д. Вороная является как будто исключением. Но дата его, основанная лишь на упоминании в публикации бронзовых наконечников стрел (самих стрел или их рисунков не сохранилось), до сих пор остается спорной. См.: Засецкая И. П. «Диагональные» погребения. . . , с. 114—116. Сам К. Ф. Смирнов первоначально датировал это погребение временем не позже, чем II в. до н. э. См.: Смирнов К. Ф. О погребениях роксолан. — ВДИ, 1948, 1, с. 217. (Примеч. ред.)

пришли сюда позже роксолан, но в более раннее время их отдельные группы могли уже переходить Дон, ибо территория кочевий вряд ли надолго строго закреплялась за отдельными сарматскими племенами. Предположение Мачинского о том, что основные курганные погребения на р. Молочная (Аккермень, Ново-Филипповка) могли принадлежать в I в. н. э. аорсам-амаксобиям Плиния, заслуживает внимания³⁴, хотя связывать тот или иной сарматский некрополь, к тому же длительно существовавший, только с одной племенной группой весьма рискованно, учитывая подвижность и значительные перемещения сарматов и нерасчлененность их погребальных обрядов в определенных областях их расселения.

Языги, роксоланы и, может быть, аорсы на втором этапе сарматских миграций возглавляли в Северном Причерноморье союзы родственных племен. Их политические союзы не были столь спаянными, чтобы носить устойчивый политический характер, и столь крепкими, чтобы превратиться в государственную власть. Они все находились на последней стадии разложения родо-племенного строя, и у них, вероятно, шел интенсивный процесс классовообразования. Их политическое господство в степях Северного Причерноморья на рубеже III — II вв. до н. э. утвердилось, но не привело к полному исчезновению здесь скифов, а побережья нижнего Днепра еще долго удерживали скифы, составлявшие в политическом отношении, по-видимому, часть крымской Малой Скифии.

Довольно эфемерные союзы новых ираноязычных пришельцев не могли создать в Северном Причерноморье свое государство. Некоторые археологические памятники подтверждают свидетельства наиболее ранних письменных источников о появлении отдельных сарматских групп в Поднепровье уже в III в. до н. э. или даже раньше. Однако основным населением степного Поднепровья в IV — начале III в. до н. э. были скифы. Присутствие в их среде или непосредственно по соседству отдельных родо-племенных групп савромато-сарматского населения еще не дает права называть кочевников Северного Причерноморья этого времени скифо-сарматами, как это делает Т. Сулимирский³⁵. Я не могу согласиться и с мнением Я. Харматты о том, что сарматы, установив свое политическое господство, создали здесь прочную и обширную конфедерацию или даже «империю» под руководством племени-гегемона, простиравшую свою власть от Днепра до низовьев Дуная в I в. до н. э.³⁶

Утвердившаяся в Причерноморье с III—II вв. до н. э. ранняя сарматская археологическая культура носила некоторые черты прохоровской, возникшей на восточной приуральской родине новых пришельцев. Привнесенная сарматами из-за Дона новая культура, хотя и сильно изменила облик поздней скифской культуры низовьев Днепра и Крыма, но и сама вскоре приобрела в Северном Причерноморье своеобразную окраску, полученную от прежнего населения Скифии и особенно — городов Северного Причерноморья. С утверждением политического господства сарматов начался процесс «сарматизации», или сарматской аккультурации (новые вооружение, костюм и его украшения, некоторые черты обряда и пр.), во всем Причерноморье, включая Северный Кавказ и даже Крым. Северное Причерноморье—Скифия—переименовывается римскими авторами (карта Марка Агриппы, 63—12 гг. до н. э.)³⁷ в Сарматю.

Приложение

Богатые раннеарматекские комплексы правобережья Дона

В. Е. Максименко, К. Ф. Смирнов, Л. А. Горбенко, С. И. Лукъ.чико

Курган у пос. Шолоховский

В начале 1976 г. в Ростовский областной краеведческий музей поступили от жителя пос. Шолоховский Белокалитвенского р-на Ростовской обл. С. Пятибратова вещи, которые были найдены в кургане, расположенном на полях колхоза, в 4—5 км к юго-западу от поселка '. Как выяснилось позднее, Пятибратов с группой товарищей—школьников, начиная с осени 1975 г., тайком раскапывал этот курган, поскольку на его поверхности были обнаружены золотые пластинки, выброшенные из лисьей норы.

Среди представленных Пятибратовым в Ростовский музей вещей были следующие:

Тонкая листовидная золотая пластинка, сильно измятая, со штампованным выпуклым орнаментом из точек и линий. Длина ее 8,5 см, наибольшая ширина — 2,5 см. Один край заострен, на нем прослеживается выпуклость, окруженная выпуклым ободком. Другой край пластинки имеет три зубца. На вершине каждого зубца и по всему краю пластины есть отверстия для прикрепления к какой-то основе. Пластинка представляет собой обкладку, возможно, ножен меча или деревянного сосуда.

Половина круглой тонкой серебряной пластины, сильно помятой и изорванной. Видны остатки выпуклого сложного (растительного?) орнамента. Размеры сохранившейся части пластины: длина (диаметр) 7 см, высота 3,7, см.

Пять фрагментов железного чешуйчатого панциря. Размеры чешуек 2х2,5 см. Нижний край их закруглен. По верхнему краю есть по три отверстия для прикрепления, на одной из боковых сторон — по одному отверстию.

Семь бронзовых втульчатых наконечников стрел с треугольными головками и выступающими втулками. Общая длина стрел 2,5—4 см. Один наконечник бронзовой трехгранной стрелы с обрезанной втулкой. Фрагменты железных втульчатых стрел. Обломки головок втулок. Во втулках сохранились остатки древков.

В мае 1976 г. сотрудниками Азово-Донской археологической экспедиции курган был доследован (рис. 54).

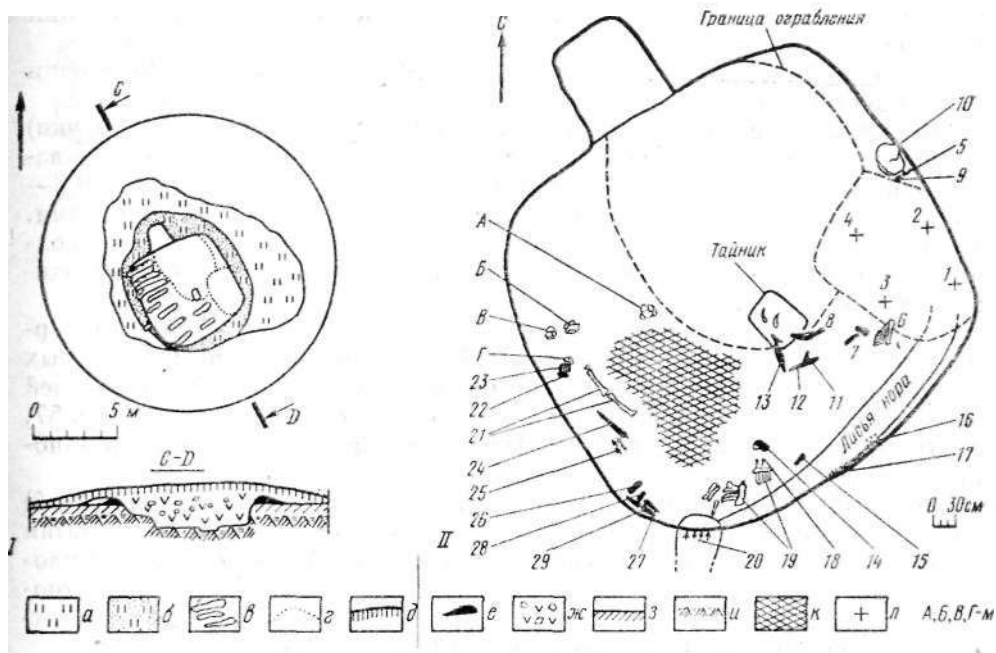

Рис. 54. Курган у нос. Шолоховский. План и разрез (I) и план могилы (II)

1 — бронзовый котел; 2 — конская сбруя, стрелы и панцирь; 3 — золотые пластины; 4, 21 — череп и кости человека; 5 — железный крюк; 6 — кости животного; 7 — топор и вток; *s* — копые и дротик; 9 — мел; 10 — камень; 11, 15 — втки; 12, 13 — копья; 14, 20 — топоры; 16 — псапши и удила; 17 — панцирь; *is* — пояс; 19 — кости лошади; 20, 25 — наконечники стрел; 22 — железный скребок; 23 — зеркало; 24 — меч; 27—29 — железные предметы; *a* — выкид из погребения; *б* — жженная глина; *в* — остатки перекрытия; *г* — граница грабительских ям; *д* — задернованная поверхность кургана; *е* — выкид; *жс* — заполнение могильной ямы; *з* — древнепочвенный слой; *и* — материковый слой; *к* — остатки подстилки; *л* — местонахождение предметов, обнаруженных школьниками; *м* — лепные сосуды

В процессе осмотра кургана и беседы со школьниками выяснилось, что, расширяя лисью нору, они обнаружили бронзовые и железные стрелы, а затем наткнулись на стенку могильной ямы, покрытую сажей и жженой глиной. В районе выхода лисьей норы они начали рыть яму побольше (2x2,5 м) и рыли ее до тех пор, пока не наткнулись на предметы, которые лежали на дне могилы. Часть вещей попадалась им и в заполнении, среди перемешанного грунта, жженой земли и камней, но основная масса находок была сосредоточена у дна могилы, на глубине около 2,5 м от поверхности кургана. Как выяснилось во время доследования, школьники разрушили восточную часть могильной ямы (угол). По рассказам более или менее точно можно установить местонахождение отдельных предметов: котла, колчанов с железными и бронзовыми стрелами, панциря, конской сбруи, золотых и серебряных пластин, костей человека и костей лошади.

Обнаруженные в вырытой яме вещи школьники поделили между собой. Основная часть находок осталась у Пятибратова. Позднее он передал

незначительную часть вещей в Ростовский музей и сообщил о разрушении кургана.

У Пятибратова и школьников нами были изъяты следующие находки (кроме костей черепа человека, костей животных и зубов лошади):

Бронзовый массивный котел (рис. 55, 5). Общая высота (включая ручки) 37 см. Ножка полая, сломана. В месте соединения ножки и тулова — валикообразное утолщение шириной и высотой 1 см. Толщина стенок 0,8—1 см. Котел имеет две полуовальные ручки, украшенные сверху кнопками. Венчик слегка утолщен. По верхнему краю тулова — валикообразная волнистая линия. На поверхности — следы сильной копоти. В котле находились кости барана.

Бронзовые и железные наконечники стрел (рис. 56; 57). Всего в кургане найдено 130 бронзовых и железных наконечников. Среди 70 бронзовых втульчатых трехлопастных наконечников стрел 38 — с выступающей втулкой (рис. 56, 4—6) и 32 — трехгранные с внутренней втулкой (рис. 57, 1—3). Длина стрел от 2 до 4,5 см. На многих стрелах есть следы неоднократной заточки.

Среди 60 наконечников железных втульчатых стрел (рис. 57, 3—5) 58 — с длинными втулками и трехлопастными головками; одна втульчатая стрела — с трехгранной в сечении головкой (рис. 56, 6) и одна — с плоской листовидной головкой (рис. 56, 8). К этой же группе оружия относится железный втульчатый предмет длиной 18,5 см (рис. 55, 7) с остатками дерева внутри. Возможно, это обломок дротика.

Принадлежности конской сбруи (рис. 58). Бронзовая ворворка усеченнопирамидальной формы со сквозным отверстием по центру (рис. 58, 8). Две ворворки, аналогичные по размерам, но усеченноконической формы (рис. 58, 7). Бронзовая литая ворворка (рис. 58, 14). Клык дикого кабана-секача (рис. 55, 6). Длина клыка 14 см.

Металлические украшения, вероятно, деревянного сосуда. Пластика из тонкого листового золота с изображением оленя с ветвистыми рогами и поджатыми ногами и орнаментом из выпуклых ломаных и прямых валиков, расходящихся от выпуклых окружностей (рис. 59, 5). Высота пластинки 8,5 см, ширина — 2,9 см. Нижний край заострен, верхний отломан. По краю — отверстия для прикрепления к какой-то основе. Золотая пластинка, аналогичная по форме первой, но меньших размеров — 5,5x2 см (рис. 59, 4). По краю — дырочки для крепления. Орнамент из нескольких расходящихся от окружностей кривых выпуклых валиков. Серебряная пластинка трапезиевидной формы (рис. 59, 3). Высота 5,2 см. По краю — отверстия для прикрепления и двойной ряд выпуклых точек (но верхнему краю — три ряда). Середина пластины украшена ломаной зигзагообразной линией.

Фрагменты железного чешуйчатого панциря — 40 штук (рис. 55, 1—4). Чешуйки аналогичны тем, которые были переданы Пятибратовым в Ростовский музей. К ним следует добавить несколько десятков панцирных чешуек, выброшенных школьниками в отвал и подобранных нами. Среди чешуек есть длинные (рис. 55, 4), прикреплявшиеся к нижней части панциря. Длина их 8,5—9 см, ширина — 1,6—1,8 см.

Помимо указанных вещей, нами на поверхности кургана подобраны фрагменты раздробленных костей животных и человека, куски обгорелого

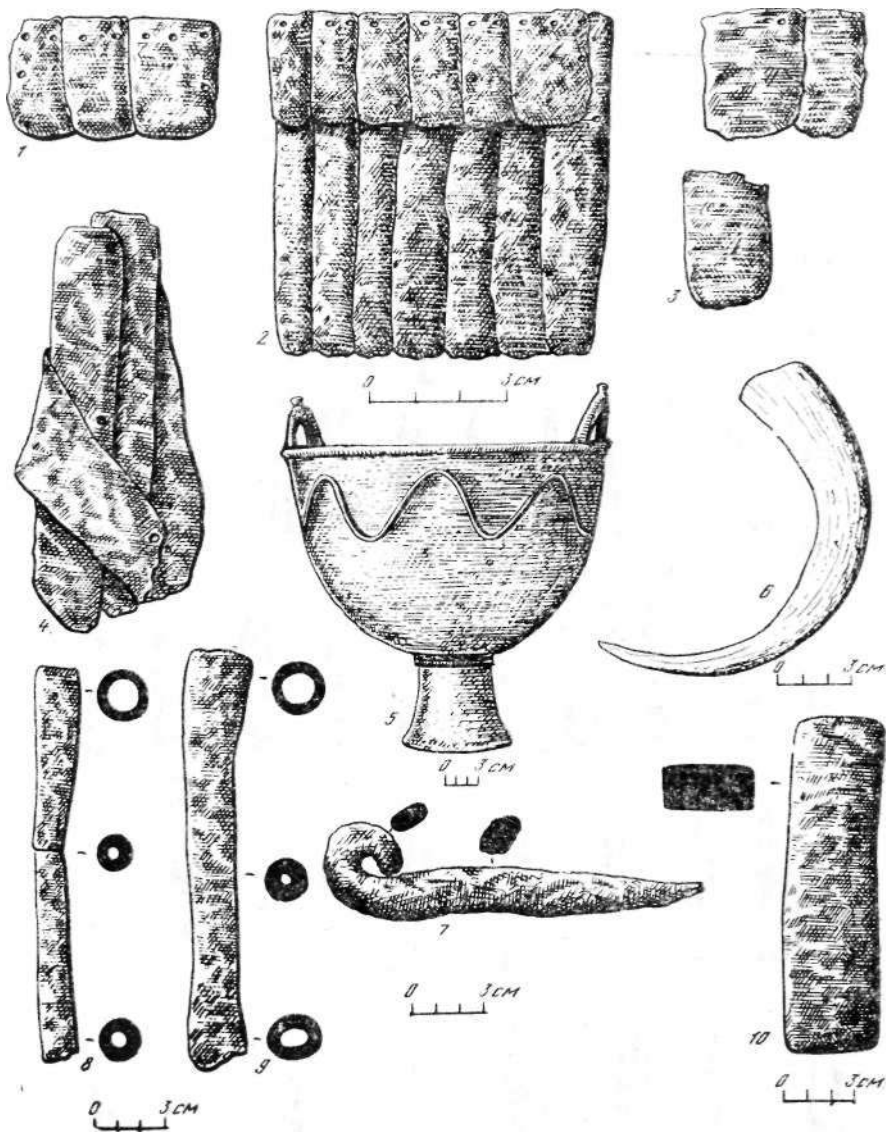

Рис. 55. Вещи из кургана у пос. Шолоховский

1—4 — фрагменты чешуйчатого панциря; 5 — бронзовый котел; 6 — клык кабана; 7 — железный крюк; 8,9 — железные трубки; 10 — железный брусок

дерева, бронзовый S-видный псалий (рис. 58, 17). Длина псалия 13,5 см. В центре его — перехват и два отверстия для ремней.

В отвале подобраны три маленькие синие стеклянные бусины (распались).

Ниже мы приводим описание проведенных нами на кургане работ и характеристику обнаруженных в нем вещей.

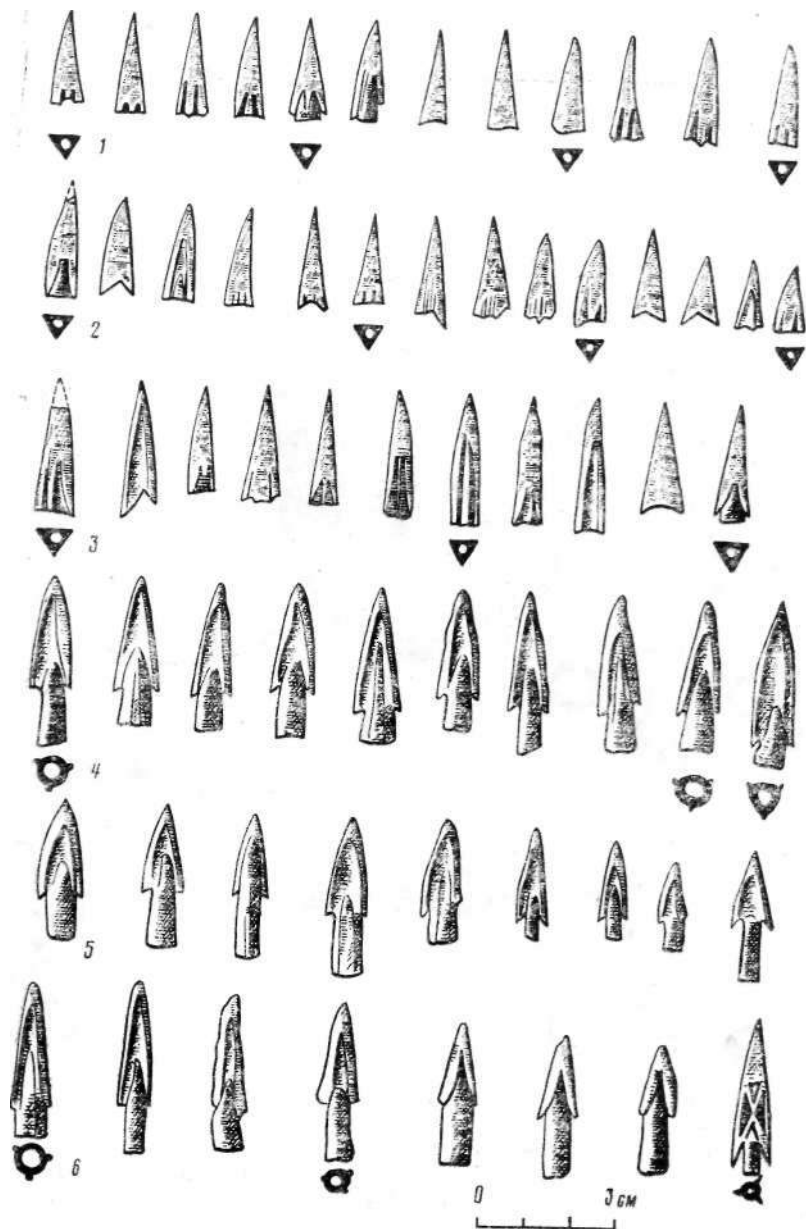

Рис. 56. Бронзовые наконечники стрел из кургана у нос. Шолоховский (15)

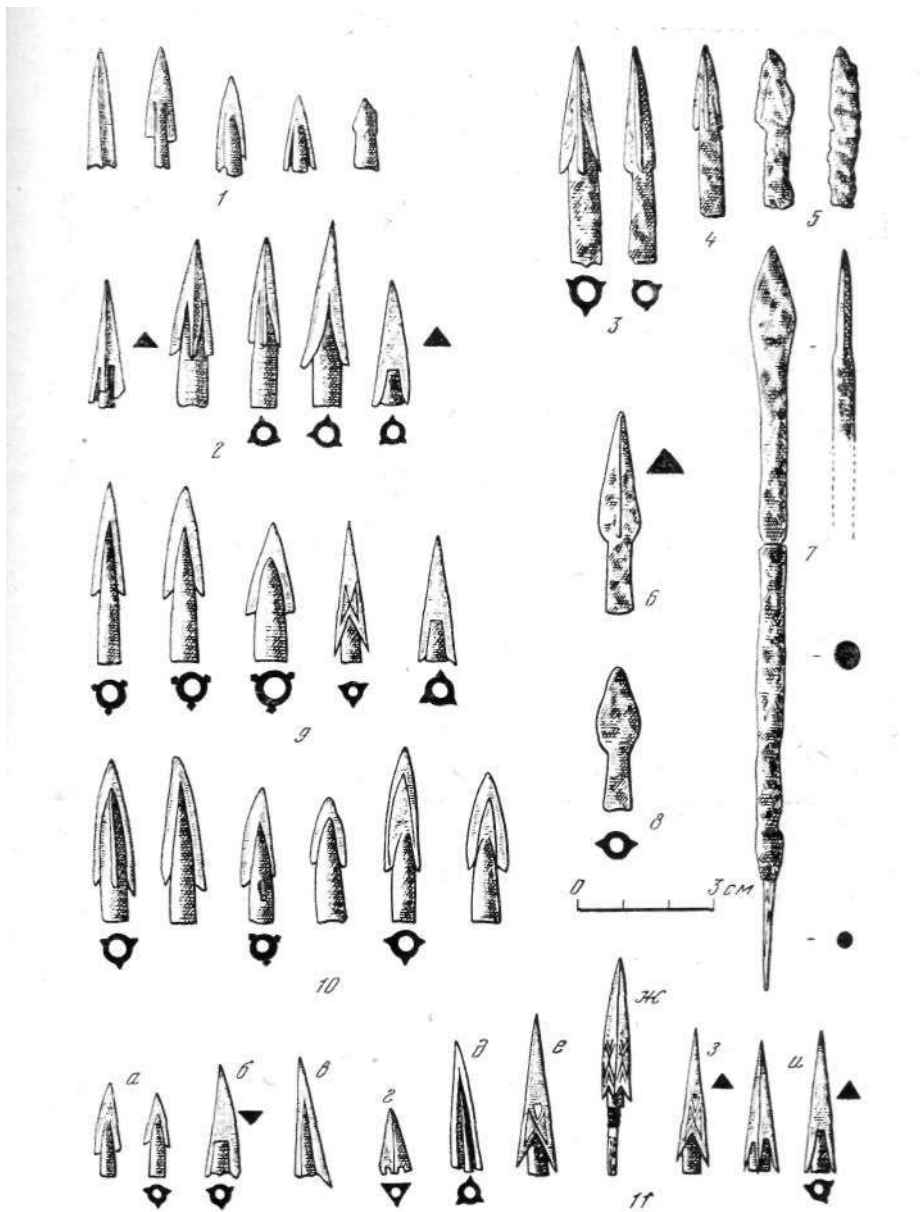

Рис. 57. Бронзовые (1, 2, 9—11) и железные (3—8) наконечники стрел из кургана у пос. Шолоховский

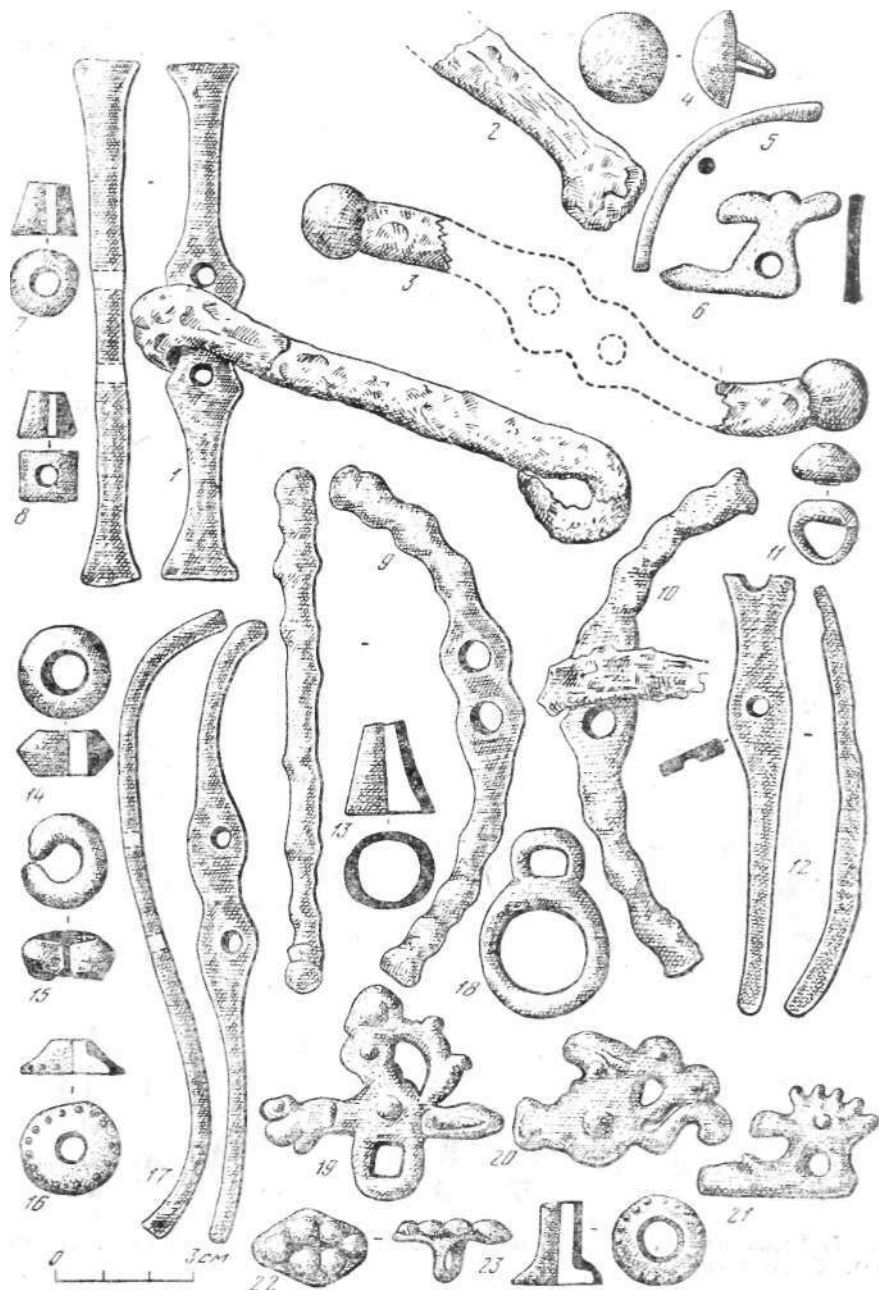

Рис. 58. Вещи из кургана у пос. Шолоховский

1—3, 5, 10, 12, n — бронзовые и железные палии с остатками железных удил; 4, 11, 22 — бронзовые бляшки; 6, 19—21 — бронзовые украшения сбруи; 7, 8, 13—16, 23 — бронзовые ворворки; 18 — бронзовая пряжка

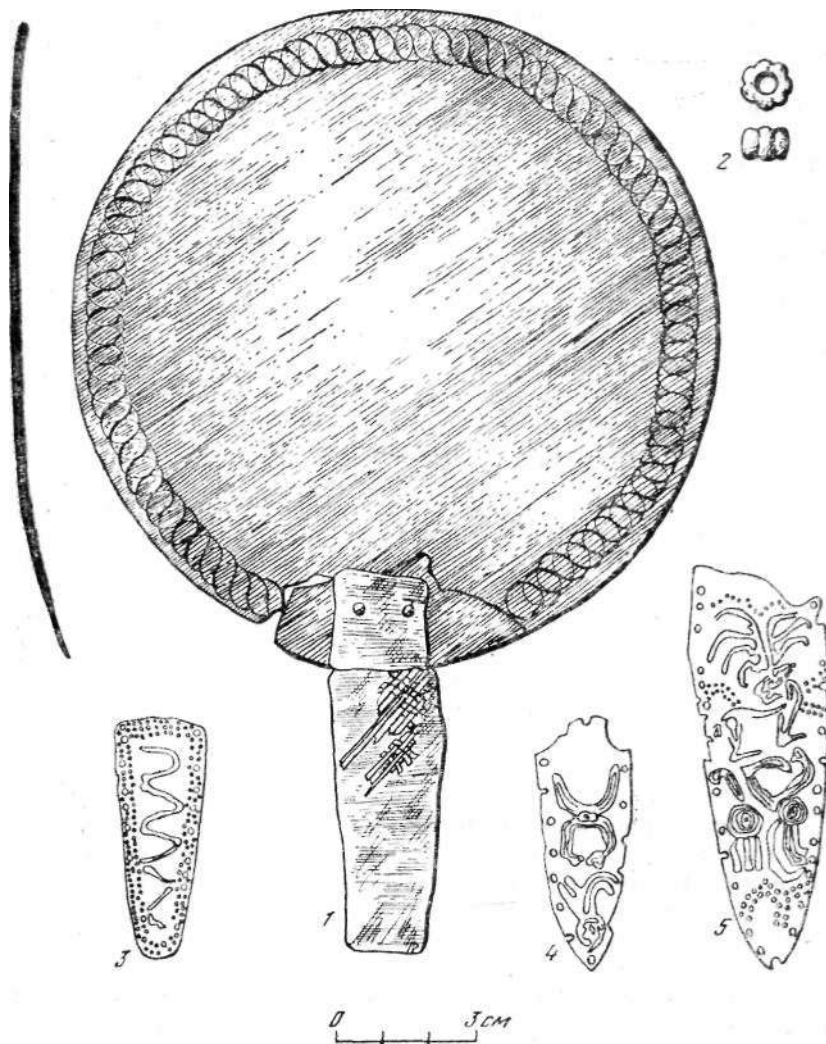

Рис. 59. Вещи из кургана у пос. Шолоховский

1 — бронзовое зеркало; 2 — пастовые синие бусы; 3—5 — серебряная и золотые пластинки

Курган расположен на высокой трассе водораздела рек Быстрая и Калитва. Он стоял несколько южнее группы из пяти курганов, более значительных по размерам и тянущихся по водоразделу с востока на запад. Раскапываемый курган имел довольно крутую насыпь высотой 1 м при диаметре около 17 м. Вершина была плоской (рис. 54,1), а поверхность — сильно задернованной. Насыпь состояла из гумусированного слоя с камнями различных размеров. Основная масса камней была сосредоточена в районе могильной ямы.

* В центре кургана под насыпью находилась квадратная могильная яма с закругленными углами (рис. 58, 2). Размеры ямы 5,7x5,6 м. Яма была ориентирована по линии северо-запад—юго-восток и имела с северо-западной стороны небольшой пологий дромос размерами в плане 1,6x1,4 м. Дно дромоса выше дна могильной ямы на 0,5 м. Глубина могильной ямы от уровня погребенной почвы 1,5 м, от уровня поверхности — 2,5 м.

Заполнение могильной ямы состояло из перемешанного грунта и камней. Камни — в основном плитняк крупных размеров (до 0,30X0,70X0,10 м). В северо-восточной половине могилы заполнение включало сильно пережженную землю. Горелая земля, глина и остатки обугленного перекрытия прослеживались по всей могиле. В древности могильная яма была перекрыта накатом из бревен. В юго-западной половине (особенно в северной ее части) сохранились остатки частично обугленных бревен. Длина бревен была не менее 6 м, толщина — 0,15—0,25 м. Сильно обожженной была и часть глинистого выкида из могильной ямы. Слой выкида достигал толщины 0,60—0,80 м. Основная часть его располагалась к востоку от могильной ямы.

Могилы были в древности ограблены и, вероятно, не один раз. Вскоре после совершения захоронения, вероятно, со стороны дромоса были ограблены погребенные и центральная часть могилы. Грабители хорошо знали расположение вещей. Возможно, что под завалами бревен сохранились пустоты, и это облегчило грабителям их задачу. В пользу данного предположения говорит следующий факт. Под остатками бревен в южной и юго-западной частях могилы заполнение было очень рыхлым и однородным, т. е. непотревоженным. Однако от костяка сохранилась только нижняя часть. Кости туловища и рук отсутствовали. На месте туловища прослеживались остатки подстилки. Нетронутой оказалась и менее ценная, с точки зрения грабителей, часть инвентаря. Были выбраны наиболее ценные вещи, сосредоточенные, возможно, в особом углублении в центре могильной ямы (тайник?). Углубление квадратное в плане, размеры его 0,75x0,60 м, глубина от уровня дна могилы — 0,10—0,15 м. Ямка, вероятно, была перекрыта тонкими дощечками. В этом «тайнике» мы обнаружили ребра человека, остатки деревянной шкатулки, бронзовые обоймочки и панцирные чешуйки.

Второе ограбление было совершено через воронку, вырытую в центре кургана. Грабители наткнулись на уже ограбленную часть могилы. На плане указаны границы разрушения грабителями ямы на уровне дна (рис. 54, //). Отдельные попадавшие им предметы, не имеющие ценности, тут же выбрасывались. Встреченные во время наших раскопок в заполнении ямы вещи были сломаны или повреждены. Юго-восточная часть ямы была значительно попорчена лисьей норой, в заполнении которой обнаружены вещи погребального инвентаря. Восточный угол могилы, как мы уже указывали, был потревожен школьниками.

В могиле было захоронено не менее двух человек. Костяж погребенного, находившийся в северо-восточной половине могилы, полностью разрушен. Кости находились в заполнении ямы. От костяка, расположенного у юго-западной стенки могилы, сохранились *in situ* только кости правой ноги. Это позволило определить ориентировку погребенного. Вероятно, покойник был положен на спину в вытянутой позе, головой на юго-восток.

Это подтверждается и расположением инвентаря. Не исключено, что погребена была женщина, так как среди сопровождающего инвентаря находились бусы, зеркало, краска (румяна). Весьма интересно, что это погребение сопровождалось и оружием — мечом и колчаном со стрелами.

В древности дно могилы было, вероятно, устлано кошмой или какой-то другой подстилкой. Остатки подстилки сохранились на непо потревоженных частях дна могилы. На дне обнаружены следы мела (или извести) и краски алого цвета. Большой кусок мела и реальгар (?) найдены у северо-восточной стенки могильной ямы, рядом с железным крюком. Следы большого огня отмечались повсюду, однако кости животных и людей кальцинированы не были.

Погребение сопровождалось большим количеством инвентаря и напутственной пищи. Сохранились части туш лошадей (не менее двух особей), кости барана и, может быть, дикого кабана. В целом обряд захоронения можно представить следующим образом.

После того как могила была приготовлена, при соблюдении определенного ритуала (посыпка мелом, краской, размещение погребального инвентаря и напутственной пищи) умерших положили в могилу, яму перекрыли бревнами и хворостом, частично покрыли землей, которая просыпалась в могилу (заполнение в непо потревоженной части состояло из чистого гумуса), и разожгли огромный погребальный костер ближе к северной половине могилы, на выкиде. От погребального костра начали обугливаться и проваливаться в яму балки. Затем яму забросали остатками костра, обложили (или забросали) камнями и воздвигли насыпь из земли.

При исследовании кургана в насыпи и заполнении могильной ямы нами были обнаружены следующие предметы *:

Фрагмент дна светлоглиняного гончарного сосуда (рис. 60, 3) найден во втором штыке в юго-восточной части могилы, в рушеном слое. Поверхность сероватая светло-коричневого оттенка. Тесто однородное, без видимых примесей. Обжиг неравномерный. Диаметр дна 12 см.

Лепная керамика обнаружена в западной части могильной ямы. Лепной горшок биконической формы (рис. 60, 2). Венчик плавно отогнут. Грубая черная глина с примесью шамота. Поверхность пятнистая закопченная. Высота сосуда 14 см, диаметр по венчику 11 см.

Лепной горшок округлой формы (рис. 60, 1). Венчик плавно отогнут. По глине аналогичен описанному сосуду. Высота горшка 16 см, диаметр по венчику 10,5 см.

Лепной горшочек с узким горлом со слегка отогнутым венчиком, шаровидным туловом, слегка выделенным кольцевым поддоном (рис. 60, 5). Глина грубая с примесью шамота. Поверхность заглажена и имеет светлорыжий оттенок. Высота сосуда 6,8 см, диаметр по венчику 3,5 см, диаметр дна 4 см. По горлу прочерчены две параллельные линии.

Горшочек биконической формы с воронкообразным венчиком (рис. 60, 4) найден рядом с зеркалом. По шейке и середине тулова нанесен орнамент из ямок. Сосуд чернолощенный. Тесто плотное, хорошо отмученное, с едва заметными примесями мелкого шамота. Имеются известковые вкрапления.

* На плане отмечены лишь находки, обнаруженные на уровне дна могилы.

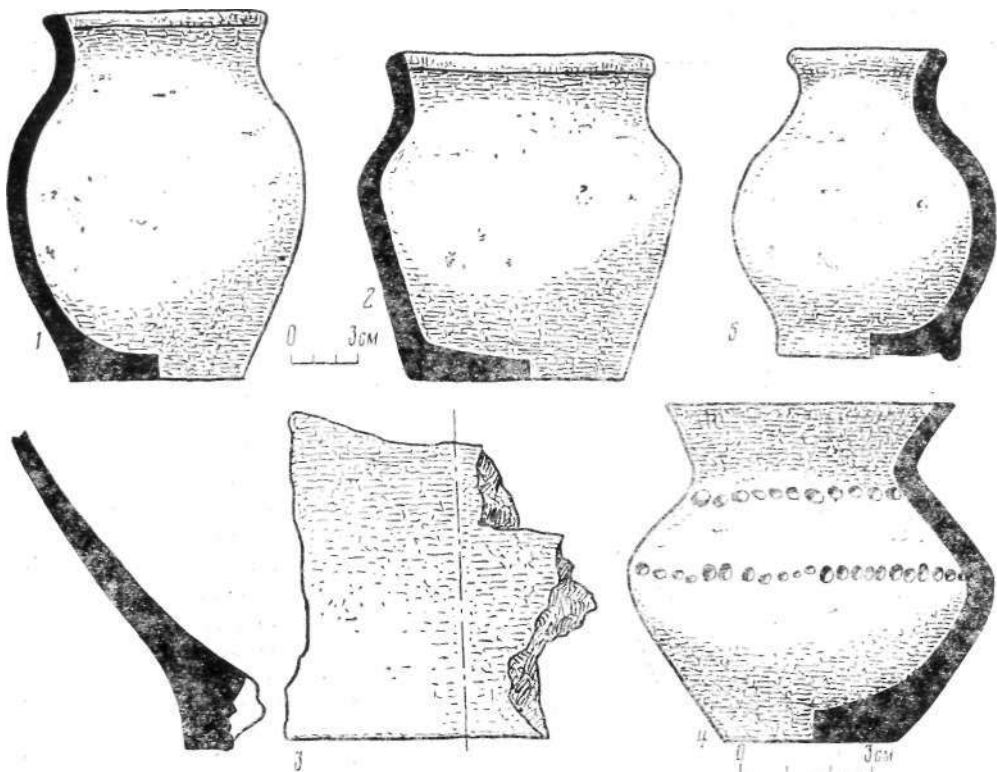

Рис. 60. Керамика из кургана у пос. Шолоховский (L—3)

Высота сосуда 7,5 см, диаметр по венчику 6,4 см. Дно слегка вогнуто. На внутренней поверхности есть следы заглаживания.

Железный меч (рис. 61, 10) найден слева от костяка. Сохранность меча плохая. Навершия и перекрестия нет. Длина рукоятки 8 см, ширина — 3 см. Лезвие клиновидное, длиной около 60 см. Наибольшая ширина клинка 8 см.

Около меча обнаружена конусовидная ворворка с шишечками по краю (рис. 58, 16), К украшению ножен меча следует отнести и маленькие железные ворворки (рис. 62, 7, 8).

Рядом с мечом находился колчан с бронзовыми наконечниками стрел (рис. 57, He—u). Всего в колчане оказалось 128 наконечников с остатками древков, которые были выкрашены полосками черной, красной и белой краски. Все наконечники очень изящной формы, трехгранные в сечении, с короткой втулкой. Длина наконечников 3,5—4 см. На 37 стрелах есть крестовидный орнамент, сделаны они из белого сплава (?). Под колчаном прослеживались остатки синей краски.

Бронзовые и железные наконечники стрел найдены и отдельно (рис. 56; 57). Среди бронзовых — одна трехгранная стрела с внутренней втулкой и пять с выступающей втулкой. Среди железных — пять трехперых втуль-

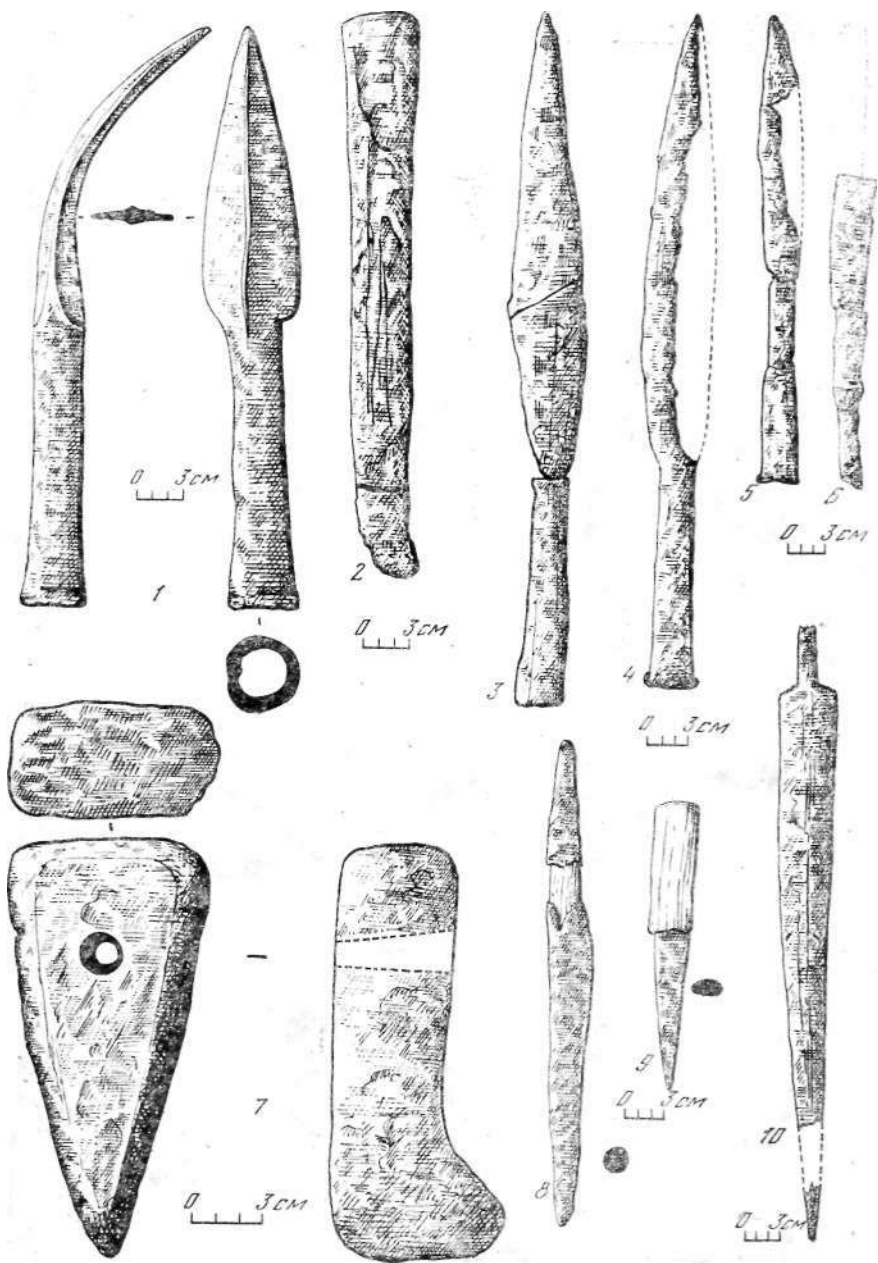

Рис. 61. Железное оружие из кургана у пос. Шолоховский

1, 3–5 — копья; 2, 6 — втулки; 7 — боевой топор; 8, 9 — предметы неясного назначения; 10 — меч

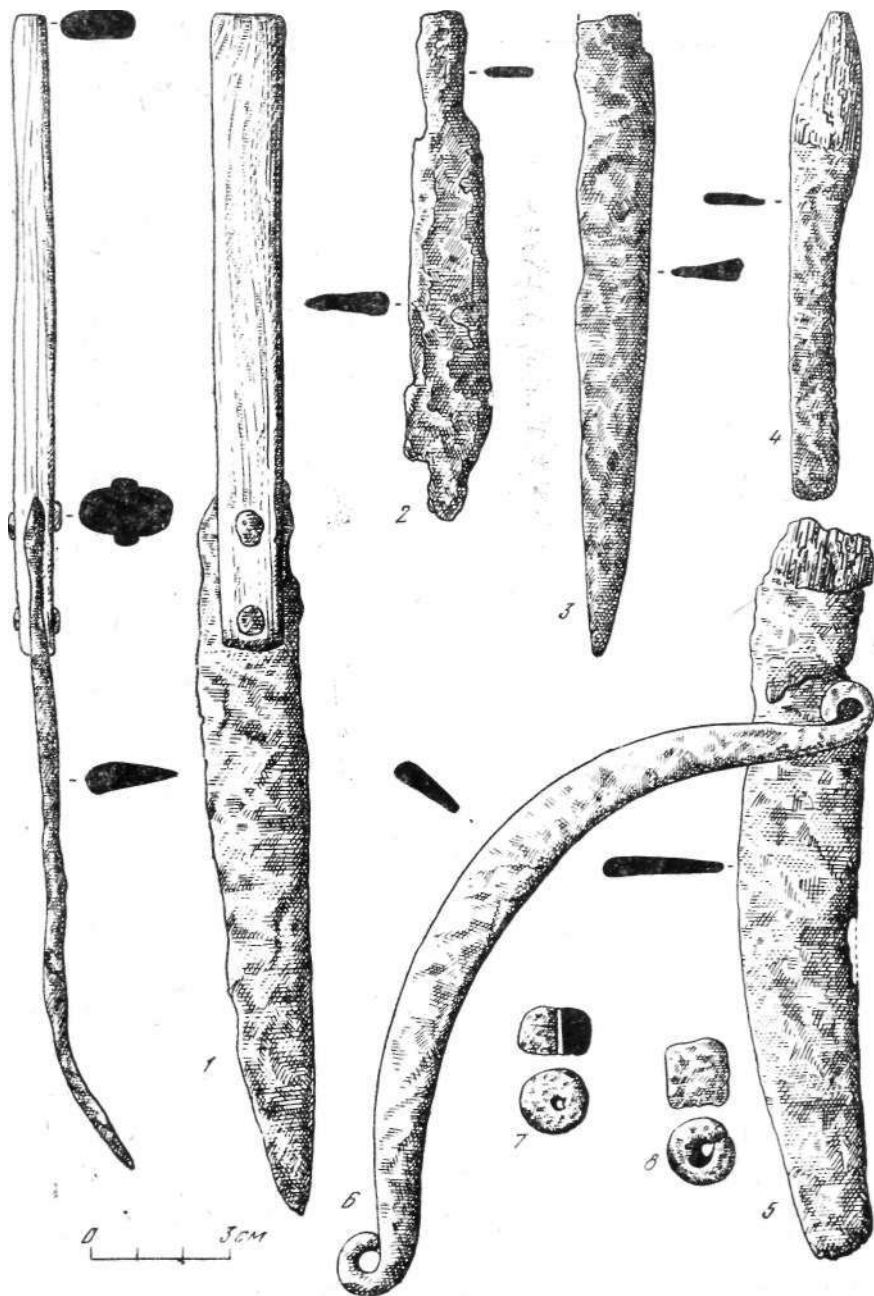

Рис. 62. Железные вещи из кургана у пос. Шолоховский
 1—5 I— ножи; s — серповидный предмет; 7, 8 — ворворкм

чатых стрел. Большое количество (112) спекшихся железных наконечников стрел было обнаружено в лисьей норе. Там же встречено 19 трехлопастных бронзовых стрел. Отдельные наконечники стрел попадались в заполнении могильной ямы, в норах грызунов. Интересен наконечник стрелы (?), найденный у дна в юго-западной части могилы (рис. 57, 7). Он имеет плоское маленькое жало длиной 2 см, переходящее в массивный стержень длиной 13 см.

. Железное копьё с намеренно изогнутым пером (рис. 61, 1). Перо лавровилистной формы, с ребром по центру. Общая длина наконечника 39 см, длина пера 20 см. Основание втулки слегка расширено и имеет бортик шириной 1 см. Диаметр основания втулки 4 см. Втулка слегка суживается к перу.

Железное копьё с длинным лавровистным пером (рис. 61, 4). У основания втулки закраина. Общая длина наконечника 50 см, длина пера 35 см.

Рядом с копьём лежал вток с остатками дерева внутри (рис. 61, 6). Длина втока 25,5 см, диаметр втулки 3 см. К концу вток суживается и плавно округлен. Аналогичный по форме вток, но больших размеров лежал рядом с боевым топором (рис. 61, 2). Длина втока 32 см, наибольший диаметр втулки 5 см.

Рядом со вторым копьём лежал малый наконечник копья (рис. 61, 5). Длина его 28 см, длина пера 16 см. Поблизости обнаружено еще одно массивное копьё (рис. 61, 3). Длина его 52 см, длина пера 34 см, наибольшая ширина — 6 см, толщина — 1 см.

Все перечисленные копья и втоки найдены в центральной части могилы. Лежали они в беспорядке. В южной части могильной ямы были обнаружены фрагменты еще одного втока (?).

Обломком какого-либо орудия или инструмента являются железные трубки, полые внутри, с остатками дерева (рис. 55, 8, 9). Длина трубок 16—17,5 см.

Железный массивный боевой топор (рис. 61, 7) обнаружен на дне, в юго-восточной части могилы, рядом с железным втком и костями животного. Топор — с клиновидным лезвием и широким (сечение 9х4,5 см) обухом. Длина топора 18 см. В обушной части — отверстие для рукояти, расширяющееся в сторону последней. Два аналогичных по форме и размерам топора обнаружены в нижнем углу могилы, у юго-восточной стенки.

В южном углу могильной ямы найдены оригинальной формы предметы неясного назначения (рис. 61, 8, 9). Один имел массивное овальное в сечении лезвие, насаженное на роговую рукоять. Длина рукояти 11 см, длина клинка 15 см, диаметр клинка у рукояти 4 см, диаметр рукояти 5 см. Другой предмет имел два аналогичных по форме лезвия, но со втулками, в которые всажена костяная рукоять-перехват. Длина одного клинка 28 см, рукояти между ними — 5 см, длина другого клинка 11 см, диаметр рукояти 3 см, наибольший диаметр клинков 5 см. Рядом с предметами находился массивный железный брусок прямоугольной формы (рис. 55, 10). Длина бруска 14 см.

Железный чешуйчатый панцирь в виде рубашки с короткими рукавами обнаружен у юго-восточной стенки могильной ямы. В древности, возможно, он был повешен на стену могильной ямы. Длина панциря не более 60 см. Он составлен из чешуек двух типов: тонкие чешуйки размерами 2х2,5 см

с закругленным основанием, но верхнему краю — три отверстия, справа — по одному отверстию; длинные пластины шириной 1,6—1,8 см и длиной 8,5 см, которыми был окаймлен низ панциря.

В районе «тайника» найдены разбросанные фрагменты чешуек размерами 1,8x2,8 см с двумя дырочками для крепления на основу. Может быть, это остатки чешуйчатого шлема (?). Там же обнаружены фрагменты деревянного ларца (?) с бронзовыми скобочками.

Вместе с панцирем на стену были повешены принадлежности конской узды, удила и псалии различных типов (рис. 58). Среди них пара бронзовых двудырчатых изогнутых псалиев с гофрированной поверхностью. Общая длина псалиев 12 см. На псалиях — остатки железных удил (рис. 58). Сохранились бронзовые украшения (рис. 58, 20, 21) с двусторонними изображениями: налобник в виде «петушка» и украшение в виде головки оленя с рогами. На всех украшениях — отверстия для продевания ремня. Найдены также бронзовая восьмеркообразная сбруйная пряжка, литая, слегка уплощенная (рис. 58, 18), пять бронзовых полусферических уздечных бляшек с широкими дужками (рис. 58, 11), пять уздечных бляшек низкопробного серебра (?) с плоскими пупырчатыми щитками ромбической формы (рис. 58, 22), пять бронзовых литых биконических ворворок, четыре бронзовые конические ворворки небрежного литья, бронзовая ворворка с отогнутым нижним краем и шишечками по нему (рис. 58, 23). Имеются фрагменты железных удил и псалиев с бронзовыми и железными головками на концах. Псалии были S-видной формы, двудырчатые. Удила кольчатые. Сохранились обломки трех экземпляров псалиев с бронзовыми головками и один экземпляр с железной головкой. Диаметр головки 1,5 см. Толщина железного прута псалия 1 см (рис. 58, 2, 3).

В могиле обнаружен также бронзовый псалии с остатками железных удил (рис. 58, 1). Псалии литой, круглый в сечении, с расширяющимися концами. В центре — два отверстия для ремней и перехват для удил. На псалии сохранилась половина удил с перегибом, из прута толщиной 1 см. Концы удил тоньше и загнуты в петлю. Псалии найден в заполнении ямы на глубине 1,5 м, в центре. Рядом находилась бронзовая литая биконическая ворворка. Наибольший диаметр ее 2 см (рис. 58, 13).

В центре ямы в заполнении на той же глубине обнаружен фрагмент бронзового двудырчатого S-видного псалия (рис. 58, 12). Длина фрагмента 10,5 см. Тут же в заполнении грабительской ямы найдена бронзовая низкая битрапецидная ворворка (рис. 58, 15).

Бронзовые принадлежности узды и обломки псалия были встречены и в западной части могилы на глубине 1,5 м от поверхности. Среди этих вещей — две бронзовые биконические ворворки (рис. 58, 14, 15), украшение узды, выполненное в зверином стиле (головка оленя?; рис. 58, 29), обломок серебряного прута длиной 5,5 см, толщиной 0,3 см и бронзовый налобник (рис. 58, 6).

Орудия труда представлены железными ножами (рис. 62, 1—5). Один нож обнаружен в юго-восточной части могилы (рис. 62, 5). Лезвие серповидное. Черенок не сохранился. Длина сохранившейся части ножа 16 см. Второй нож обнаружен в южной части могилы (рис. 62, 2). Длина сохранившегося прямого лезвия 9 см. Черенок плоский. Рядом найден еще один

втоки аналогичны втокам из скифских курганов Поднепровья и Крыма⁸ и совершенно неизвестны в более близких, среднедонских комплексах, для которых характерны втоки рюмкообразной формы⁷.

Многие из предметов конского снаряжения, обнаруженных в кургане у пос. Шолоховский, находят самые широкие аналогии в скифских и савроматских комплексах V—IV вв. до н. э. Так, например, бронзовые дсалии с расширяющимися концами (рис. 58, 1) и S-видные псалии с шишечками на концах (рис. 58, 2, 3) аналогичны псалиям из кургана 29/21 у с. Мастиюгино. Комплекс вещей из этого кургана датируется по бронзовой гидрии V в. до н. э.⁸ S-видные железные дсалии с бронзовыми шишечками на концах (рис. 58, 3) аналогичны псалиям из хорошо датированного гераклейскими амфорами погребения 2 кургана 4 (группа ростовских курганов, раскопки И. Б. Брашинского 1967 г.). Это погребение относится к IV в. до н. э.⁹ В целом S-видные псалии с шишечками и без них — наиболее распространенная форма псалиев для всадников евразийских степей. Подобные псалии появляются в конце VI в. до н. э. и особенно распространены в V и IV вв. до н. э.¹⁰ Другие детали и украшения конской сбруи, обнаруженные в кургане у пос. Шолоховский (ворворки, налобники, пряжки, кольца), характерны для скифской и савроматской узды V—IV вв. до н. э. Так, например, ромбовидные бляшки с шишечками (рис. 58, 22) идентичны бляшкам из кургана рубежа V—IV вв. до н. э. у с. Кошеватое на правом берегу Среднего Поднепровья¹¹.

Анализ вещевого материала убеждает нас в том, что сооружение кургана у пос. Шолоховский относится ко времени не позднее начала IV в. до н. э. Этой дате не противоречат также чешуйчатые панцири, ножи, бронзовый котел, бронзовое зеркало с циркульным орнаментом, железный меч, бусы, керамика.

Некоторые предметы из кургана не находят точных аналогий. К таковым относятся боевые топоры, предметы с костяными рукоятками, наконечник стрелы или дротика (?) с длинным черешком (рис. 57, 7), серповидное оружие¹².

Наборы оружия, конская узда, отдельные предметы из кургана характерны в целом, как мы отмечали, для широкого круга скифо-савроматских памятников конца V—IV в. до н. э. и поэтому не определяют этнической принадлежности данного комплекса. Более важными критериями могут быть погребальный обряд и лепная керамика.

По обряду (большая квадратная яма, дромос, перекрытие из бревен, следы сильного огня, заупокойная пища в виде частей туш животных и другие детали) курган у пос. Шолоховский близок кругу среднедонских памятников скифского времени¹³, а также кургану 4 у хут. Сладковский¹⁴.

Некоторые детали характерны и для савроматских курганов Поволжья и Южного Приуралья, особенно мел, сожжение перекрытия, красная краска и реальгар¹⁵, камни в засыпи могилы.

Лепная керамика из кургана, близкая скифской, находит аналогии также в савроматских комплексах уже в IV в. до н. э. Так, лепной горшок с яйцевидным туловом и отогнутым венчиком (рис. 60, 1) близок к сосудам Нижнего Поволжья¹⁶, а второй горшок (рис. 60, 2) имеет параллели в Приуралье¹⁷. Ряды круглых ямок на одном из сосудов (рис. 60, 4) — одна из характернейших черт савроматской керамики.

Таким образом, характер погребального обряда, лепная керамика и некоторые другие детали инвентаря (например, меч без перекрестия) позволяют нам утверждать, что по этнокультурной принадлежности курган у пос. Шолоховский ближе к кочевническим памятникам с западной территории расселения савроматов-сирматов, нежели к памятникам среднедонским или собственно скифским Поднепровья. Опираясь на сведения античных авторов — Евдокса, Псевдо-Скилака, которые сообщают, что на данной территории жили сирматы, мы склонны считать, что курган у пос. Шолоховский был сооружен сирматами.

Т. Б. Барцева

Результаты спектроаналитического изучения металлических вещей из кургана 4 у хут. Сладковский

В лаборатории спектрального анализа Института археологии АН СССР было исследовано 30 металлических вещей, найденных в кургане 4 у хут. Сладковский в раскопках К. Ф. Смирнова 1976 г. По функциональному назначению изученные изделия подразделяются на несколько категорий: украшения, детали конской узда, боевое оружие, предметы туалета.

Довольно многочисленную группу образуют разнообразные украшения: гривны, серьги — височные кольца (рис. 63, 13, 14, 16—18). В результате спектроаналитического изучения выявлено, что все они отлиты из серебра с небольшой (не более 3—10%) примесью меди^а. Из иных микропримесей следует отметить довольно высокое (до ~10%) содержание золота. Однако это содержание не столь высоко, чтобы образовывать электролитные или конгломератные сплавы, где концентрация серебра—золота или серебра—меди фактически достигает ~50%. Металл иных вещевых категорий, отлитых из сплавов меди, олова, свинца, мышьяка и сурьмы, не был единым ни с точки зрения металлургической (рецептурной), ни по сырью. Даже беглый анализ гистограмм распределения основных примесей в меди исследованных изделий свидетельствует о его неоднородности (рис. 64). Так, нельзя не обратить внимания на асимметричность и многовершинность гистограмм олова, свинца, висмута, серебра, сурьмы и мышьяка. Более отчетливо отмеченное разнообразие выявляется на графиках корреляционной зависимости ведущих пар элементов, таких как олово—свинец (рис. 65, а), сурьма—мышьяк, сурьма—висмут (рис. 65, б), серебро—сурьма, серебро—мышьяк (рис. 65, в).

Анализ гистограмм распределения олова и свинца, а также графика корреляционной зависимости этих элементов (рис. 65, а) позволяет отметить две ведущие группы сплавов на медной основе: оловянистые и оловянисто-свинцовистые бронзы. Процентное содержание олова в каждом из выделенных сплавов равно 3—8%, свинец же в оловянисто-свинцовистых бронзах не поднимается выше 1—10%, а в сплавах медно-оловяни-

^а См. таблицу в конце статьи, ан. 20.889; 20.906; 20.907; 20.917; 20.918.

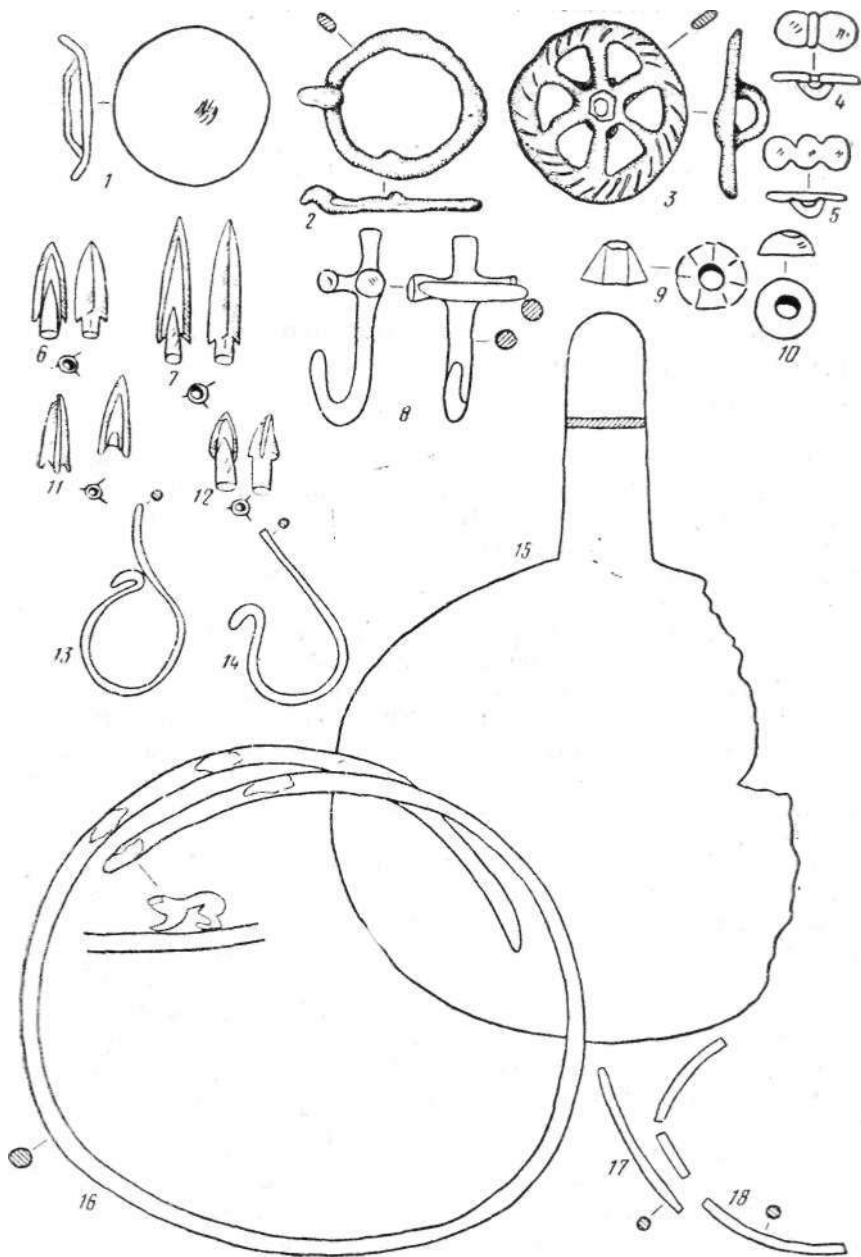

Рис. 63. Металлические предметы из кургана 4 у хут. Сладковский, подвергнутые анализу

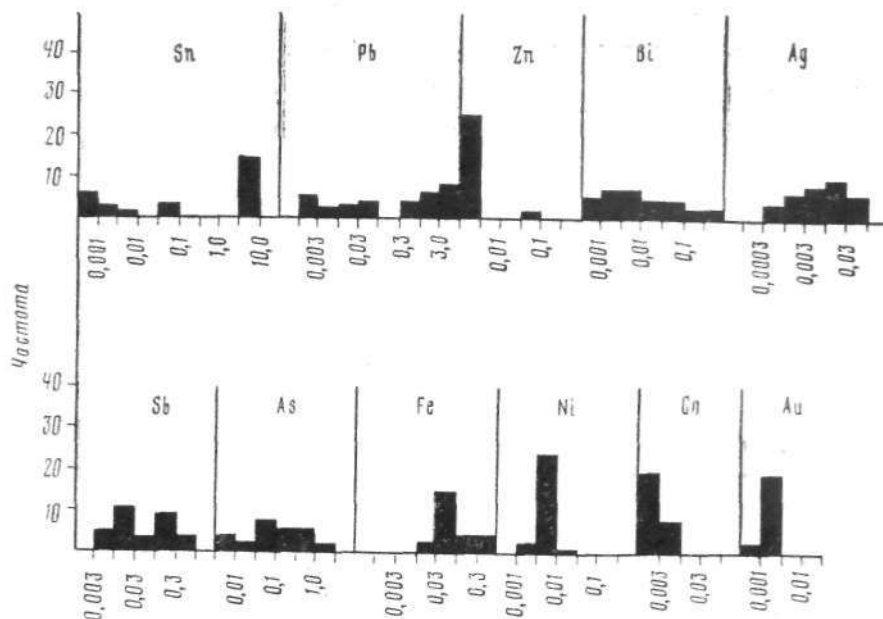

Рис. 64. Гистограмма распределения концентраций примесей к меди Сладковского кургана

стых — от 0,35 до 0,6%. Исключение составляет лишь единственный предмет — зеркало (ан. 20.890), в меди которого свинец практически отсутствует (—0,001 %).

Всего из оловянистой бронзы было отлито четыре предмета (ан. 20.890; 20.909, 20.912; 20.913). Значительно больше группа оловянисто-свинцовистых бронз — 10 предметов (ан. 20.891; 20.892; 20.893; 20.904; 20.908; 20.910; 20.911; 20.914—916). Единственный раз (ан. 20.898) зафиксирован высокий свинец (~2%), при сотых долях процента олова, но десятых — сурьмы и мышьяка.

Не уступает в количественном отношении группе оловянисто-свинцовистых бронз еще одна рецептура, так называемая чистая медь, где концентрация олова и свинца представлена в тысячных-сотых долях процента (ан. 20.894—897; 20.899—903; 20.905). Следует, однако, отметить довольно высокие содержания висмута (сотые-десятые доли процента), сурьмы и мышьяка (десятые-целые доли процента), что позволяет выделенную металлургическую «чистую медь» рассматривать как сложную химико-металлургическую. По своим химико-металлургическим характеристикам она находит ближайшее соответствие с металлом типа ВК, зафиксированным Е. Н. Черных для волжско-камского металла периода бронзы*.

Проанализированный инвентарь Сладковского кургана по выделенным металлургическим и химико-металлургическим группам распределился весьма показательно.

Так, например, бляхи конской упряжи оказались отлитыми лишь из оловянисто-свинцовистых бронз (ан. 20.891—893; рис. 63, 1—3). Сходен

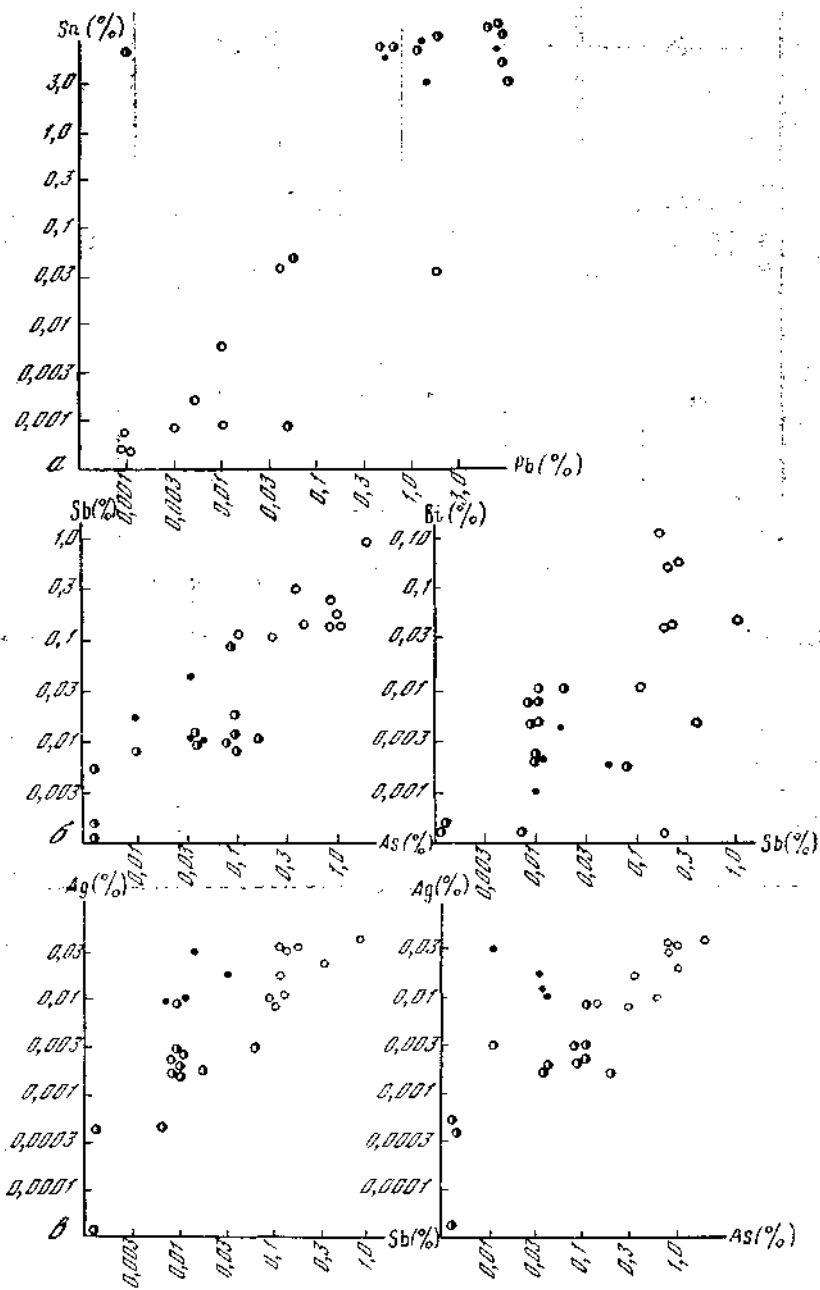

Рис. 65. Корреляционные графики концентраций примесей к меди Сладковского кургана

а — олово—свинец; сурьма—мышьяк сурьма—висмут; в — серебро—сурьма, серебро—мышьяк

и химический состав их, причем в первую очередь следует отметить низкое содержание серебра, сурьмы (в основном тысячные доли процента) и мышьяка (сотые доли процента; рис. 65, б, в). Подобные химические показатели были характерны для восточных областей (Южный Урал), выделенных Е. Н. Черных в группу типа ЕУ². Сходные с изученными бляхи-колесики со спицами и пряжки с неподвижным язычком встречаются и на территориях обитания и расселения савроматских и раннесарматских племён³.

Скорее всего эти изделия были изготовлены либо в восточных (лесостепное Зауралье?) мастерских, либо на территории Северного Причерноморья из импортного сырья.

Из оловянисто-свинцовой бронзы отлит также колчаный крючок, найденный при воине, лежавшем у северной стенки (ан. 20.904; рис. 63, 5). Однако, в отличие от металла блях узды, в меди этого изделия значительно выше концентрации серебра, сурьмы, представленных только сотыми долями процента. Подобные показатели были обычны для металла скифского времени на территории Северного Кавказа и Украины⁴. Да и сама, форма колчаных крючков также весьма показательна для памятников скифского типа из районов бассейна Дона⁵. Вероятно, это изделие местного (северопричерноморского) круга мастеров.

Сходны с металлом колчанного крючка и показатели металла конической ворворки (ан. 20.907; рис. 63, 9), найденной при потревоженном женском костяке, а также бабочковидных блях (ан. 20.910; 20.913; рис. 63, 5), встреченных в районе ограбления⁶. Остальные шесть блях (ан. 20.911—916) из того же места по химическим показателям близки металлу типа ЕУ. В савроматских древностях подобные изделия не имели распространения. Возможно, что они были отлиты на месте из импортного сырья. Тем более, что самые близкие аналогии этим бляшкам имеются среди синхронных среднедонских материалов.

Оловянистые бронзы занимали весьма скромное место среди изученной металлической коллекции. Однако именно этот рецепт был зафиксирован у бронзового зеркала (рис. 63, 15) очень типичной формы, отмечаемой в савромато-сарматских древностях⁷. Еще более показателен химический состав этого изделия (ан. 20.890), обедненный микропримесями ряда элементов — серебра, сурьмы, мышьяка, висмута, свинца, что и позволяет связывать медь зеркала с источниками типа ЕУ (месторождения Еленовка и Уш-Катта на севере Мугуджар)⁸. Опираясь на химические и типологические данные, изученное зеркало можно считать отлитым в восточных мастерских Евразии. На территории бассейна Северского Донца это импортная вещь. Изучение подобных зеркал типа I позволило М. Г. Мошковой и Н. В. Рындиной прийти к выводу об их местном производстве в областях распространения савроматских и сарматских памятников⁸. Из сырья ЕУ по рецепту оловянистых бронз отлита также сферическая ворворка (ан. 20.909; рис. 63, 10).

Столь же яркую картину восточного металла обнаруживают наконецники стрел в колчане, найденном в центральном погребении «амазонки»

⁶ Бляхи (ан. 20.912—913) отлиты из оловянистой бронзы, где содержание свинца составляет 0,35—0,50%.

(ан. 20.894—20.905; рис. 63, 6, 7, 11, 12). Это бронзовые трехлопастные втульчатые наконечники стрел, широко известные у «савроматов» и ранних сарматов — носителей прохоровской культуры Южного Приуралья (VI—IV вв. до н. э.)⁹.

В отличие от всех остальных категорий, только наконечники стрел были изготовлены из медного сплава («чистая медь») с отсутствующими или представленными в микроконцентрациях (десятитысячные-тысячные доли процента) содержаниями олова—свинца. На корреляционных графиках олово—свинец они занимают нижнюю часть поля (рис. 65, я; отмечены незаштрихованными кружками). Лишь единственный наконечник (ан. 20.898; рис. 63, 7) имеет содержание свинца до 2%, что для остальных не характерно. Однако по химическим (сырьевым) показателям он находит полное соответствие с основной группой. У разбираемой группы наконечников стрел следует отметить высокое (десятые-целые проценты) содержание сурьмы, мышьяка, сочетающееся с большим количеством (сотые-десятые доли процента) висмута. На корреляционных полях (рис. 65, б, в) они образуют особые скопления. По химическим показателям эта группа имеет наиболее близкие соответствия с металлом типа ВК (по Е. Н. Черных)¹⁰.

Опираясь на типологические и химико-металлургические данные, можно говорить о восточном, а не северопричерноморском производстве этого вида наступательного оружия, обнаруженного в сладковском комплексе.

Часть обнаруженных в колчане наконечников (ан. 20.900; 20.903) была отлита из восточного металла типа ЕУ. Показательно, что металл ВК зафиксирован у наконечников типа VIЕ (по классификации К. Ф. Смирнова; рис. 63, 6, 12). Для наконечников типа XII отмечен металл и ВК и ЕУ (рис. 63, 11). Подобные расхождения в химических и типологических характеристиках могут свидетельствовать о существовании в областях расселения савроматов и сарматов нескольких производственных центров, снабжавшихся различным сырьем, имевших определенные традиции металлообработки и выпускавших различного вида продукцию.

Итак, подводя итоги, можно заключить:

1. Проанализированные металлические изделия не едины с точки зрения как металлургических, так и химических показателей.
2. Зафиксировано несколько металлургических рецептов на медной основе: оловянистые, оловянисто-свинцовистые бронзы и химико-металлургическая группа «чистая медь» с примесью сурьмы, мышьяка, висмута. В количественном отношении преобладают оловянисто-свинцовистые (10 предметов) и «чистая медь» (10 предметов).
3. Значительную долю (пять предметов) составляют серебряные изделия. Обычно это различные украшения (гривны, серьги — височные кольца). Электровые и биллоновые сплавы для этой категории вещей не отмечены.
4. Господствует химия (сырье) восточного круга типа ВК и ЕУ, представленных практически равнозначно (девять образцов ВК и 12 — ЕУ) с небольшим перевесом ЕУ. Металл с усредненными показателями, наиболее близкий к северокавказским источникам (С—К), малочислен (четыре предмета).

Результаты спектрального анализа металлических вещей из кургана 4 у хут. Сладковский

Шифр	Предмет	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au	Рис. 63
20.889	Гривна	1,0	—	Сл.	-	Есть	Основа	—	—	—	—	—	Много	18
20.890	Зеркало	Основа	8,0	0,001	-	—	0,0003	—	—	0,09	0,006	0,007	0,001	15
20.891	Круглая бляха	»	3,0	10,0	-	0,004	0,002	0,2	0,01	0,002	0,002	0,001	—	1
20.892	Пряжка	»	8,0	1,50	--	0,005	0,01	0,009	0,1	0,04	0,005	0,008	0,001	2
20.893	Бляха	»	3,0	8,50	--	0,009	0,003	0,008	0,01	0,00	0,002	—	0,001	3
20.894	Наконечник стрелы	»	0,03	0,04	-	—	0,007	0,15	0,1	1,50	0,005	—	—	6
20.895	То же	»	0,0001	0,001	--	0,2	0,01	0,15	0,50	0,06	0,01	0,004	0,001	6
20.896	»	»	0,0005	0,001	--	0,04	0,05	0,90	2,0	0,06	0,006	0,002	0,001	6
20.897	»	»	0,002	0,006	--	0,01	0,007	0,1	0,25	0,06	0,003	—	0,001	7
20.898	»	»	0,04	2,0	-	0,004	0,02	0,35	0,30	0,06	0,005	0,001	0,001	7
20.899	»	»	0,001	0,01	--	0,04	0,04	0,20	0,75	0,40	0,005	—	0,001	11
20.900	»	»	0,04	0,04	-	—	0,0006	—	—	0,2	0,005	—	—	11
20.901	»	»	0,0001	0,001	--	0,04	0,03	0,15	0,75	0,2	0,005	—	0,001	11
20.902	»	»	0,001	0,003	--	0,2	0,03	0,15	0,75	0,09	0,005	—	0,001	11
20.903	»	»	0,0005	0,04	-	—	0,0004	0,006	—	0,2	0,005	—	—	11
20.904	Колчанный крючок	»	3,0	1,50	0,03	0,002	0,02	0,04	0,03	0,04	0,002	—	0,001	8
20.905	Наконечник стрелы	»	0,005	0,01	--	0,30	0,02	0,15	1,0	0,70	0,008	—	—	12
20.906	Височное кольцо	10,0	Есть	Есть	-	Есть	Основа	—	—	Мало	Мало	—	Много	15
20.907	Гривна	<10,0	—	Есть	-	Есть	Основа						Много	18
20.908	Ворворка	Основа	8,0	3,50	--	0,005	0,03	0,02	0,01	0,06	0,003	0,004	0,001	.9
20.909	То же	»	4,50	0,60	--	0,002	0,003	0,07	0,09	0,06	0,005	0,004	0,001	10
20.910	Бабчовидная бляха	»	8,0	1,0	-	0,001	0,01	0,01	0,04	0,04	0,005	—	0,001	5
20.911	Бабчовидная бляха	Основа	8,0	1,0	--	0,002	0,002	0,02	0,04	0,04	0,006	—	0,001	5
20.912	То же	»	8,0	0,45	--	0,001	0,002	0,01	0,04	0,06	0,007	—	0,001	5
20.913	»	»	8,0	0,35	--	0,002	0,01	0,01	0,04	0,02	0,006	—	0,001	5
20.914	»	»	8,0	4,50	--	0,009	0,002	0,01	0,09	0,04	0,009	0,007	0,001	4
20.915	»	»	8,0	8,50	--	0,01	0,003	0,01	0,09	0,04	0,006	0,007	0,001	4
20.916	»	»	8,0	8,50	--	0,01	0,002	0,02	0,1	0,02	0,005	0,008	0,001	4
20.917	Височная подвеска	10,0	Есть	Есть	-	Есть	Основа	Мало	—	—	—	—	Много	14
20.918	Обломок гривны	10,0	Есть	Есть	-	Есть	Основа	Мало	—	—	—	—	Много	17

5. Металл типа В К обычно связан с определенным типом наконечников стрел (VIB), что дает основание считать их изделиями единого производственного центра. Изредка из него отлиты наконечники типа XII.

6. Металл типа ЕУ охватывает более широкий круг изделий: бляхи узды и одежды, часть наконечников стрел типа XII, зеркало, сферическая ворворка.

7. Почти все типы изделий (за исключением блях одежды; рис. 63, 4, 5), отлитых из восточного металла, хорошо представлены в памятниках ранних сарматов Южного Приуралья и Поволжья. Выявленные химико-металлургические рецепты в сочетании с типологическими характеристиками, вероятно, могут свидетельствовать об изготовлении их в восточных производственных центрах. ?

8. В чуждой для восточных мастеров художественной манере отлиты бляхи одежды (рис. 63, 4, 5). Изготовленные из сырья типа ЕУ по рецептам оловянисто-свинцовистых бронз, эти изделия могли быть продукцией как местного (северопричерноморского) центра, работавшего на привозном сырье, так и восточных мастерских с иными производственными традициями, нежели те, в которых отливали изделия из оловянистой бронзы и «чистой меди» (типа зеркала, сферической ворворки, наконечников стрел).

9. Колчаный крючок и коническая ворворка (рис. 63, 8, 9), отлитые из сырья северокавказского типа по рецептам оловянисто-свинцовистых бронз, были скорее всего местного производства.

В. Е. Миксименко, К. Ф. Смирнов, В. М. Косяненко

Курган у хут. Кашеевка

В июле 1977 г. силами Тацинского отряда Азово-Донской экспедиции был раскопан курган 1 у хут. Кашеевка, в 3 км к юго-западу от ст. Скосырская Тацинского р-на Ростовской обл.¹ Курган 1 входил в группу из шести курганов, расположенных на высоком водоразделе рек Быстрая и Калитва, впадающих в Северский Донец.

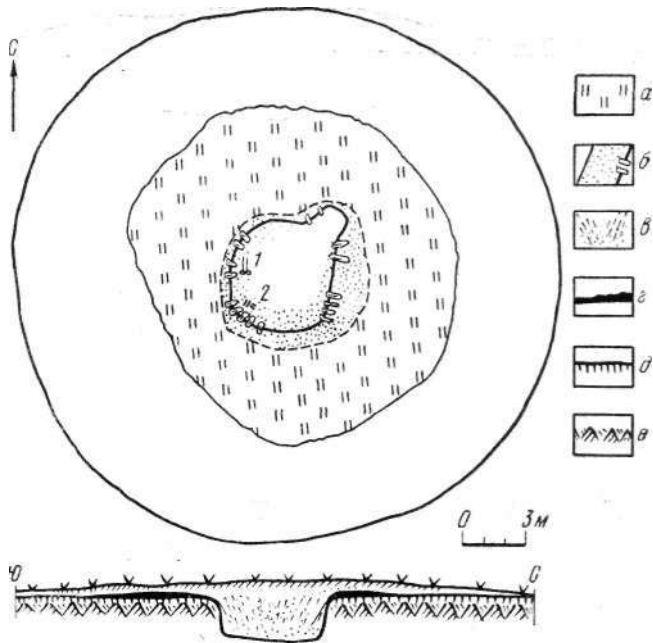
Курган, сохранившийся на высоту 0,75 м от уровня древнего горизонта, был сильно распахан (рис. 66). Диаметр его около 25 м. Насыпь, состоявшая из ровного гумусного слоя, снималась при помощи бульдозера. В центре, над могильной ямой, наблюдались следы неоднократных разрушений, а в юго-восточной части, на уровне выкида, к яме примыкал узкий грабительский лаз.

Границы ямы, окруженной мощным слоем глинистого выкида, достигавшего толщины 0,4 м и ширины 5 м, были четко выявлены на глубине 1,5 м от вершины.

Могильная яма размерами 5х5,5 м, почти округлой в плане формы в северо-восточной части имела короткий пологий вход (рис. 67). Перекрытие ямы состояло из широких (0,20—0,30 м) плах и, вероятно, кошмы (тлен коричневого цвета). Остатки перекрытия сохранились только вдоль стен ямы. Часть плах стояла вертикально вдоль стен, не достигая дна. Не исключено, что погребальное сооружение было сделано в виде юрты.

Рис. 66. План и профиль кургана 1 у хут. Кашевка

- a* — выкид из могилы (в плане);
- б* — остатки перекрытия;
- в* — заполнение могилы;
- г* — выкид;
- д* — древнепочвенный слой;
- е* — материковый слой;
- 1* — останки костяков;
- 2* — скопления костей животных (в плане)

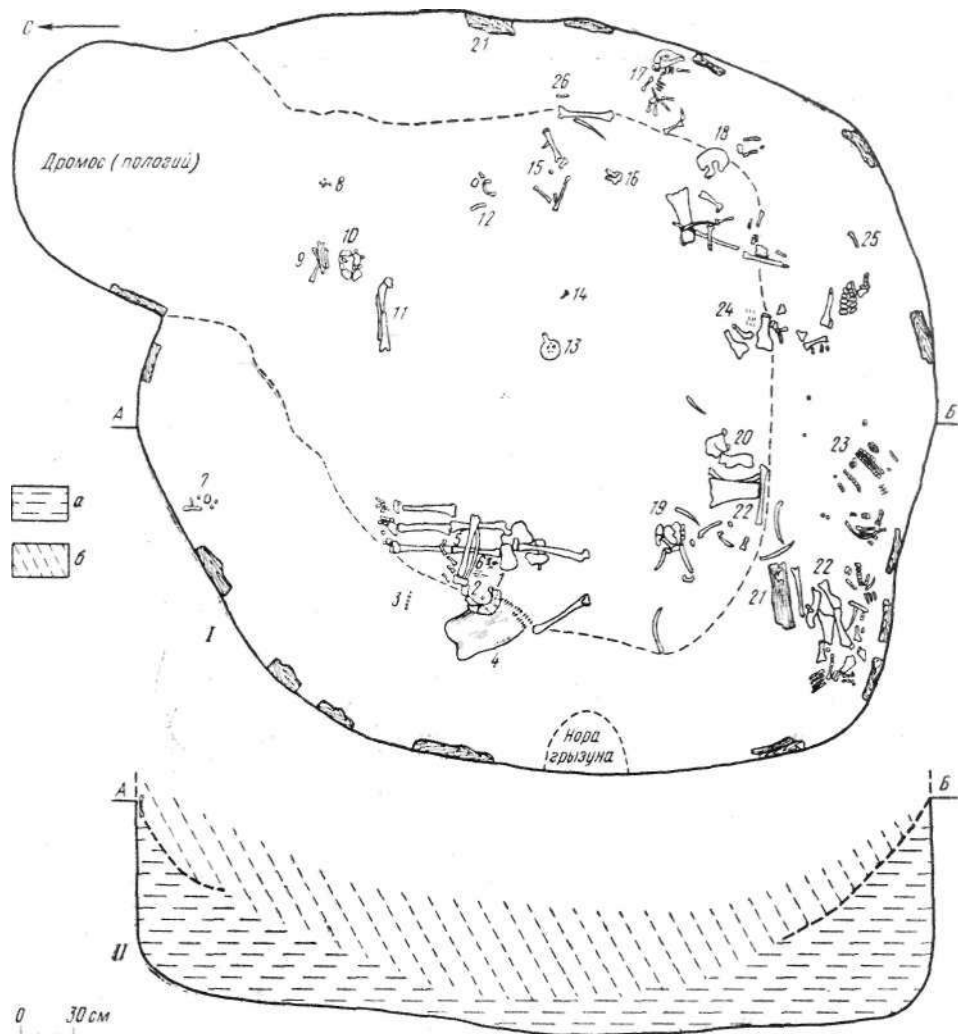
Могилы подвергались неоднократному ограблению. Дно ямы во многих местах нарушено. Отдельные находки — кости животных (лошади, коровы, барана), человеческие кости — попадались на разной глубине, от 3 до 3,30 м от вершины, в основном в южной части могилы. Некоторые кости животных лежали в анатомическом порядке.

Костяк целой тушки ягненка у восточной стенки, сосуд и кости животного у входа обнаружены на глубине 1,5 м от вершины на остатках просевшего (?) перекрытия (кошмы). Группа предметов у северной стенки — костяная ложечка, бронзовые пронизки, мел, шило, камушки — найдена на глубине 2,55 м от вершины.

В могиле было захоронено не менее четырех человек. *In situ* сохранились кости ног человека, погребенного у западной стенки. Судя по ним, он лежал на спине в вытянутой позе, головой на юг. Рядом, справа, уцелели *in situ* кости левой ноги второго погребенного, лежавшего, по-видимому, в такой же позе. Кости его правой ноги лежали поперек бедренных костей первого скелета. Слева от этих скелетов была сосредоточена основная масса непо потревоженных находок: два колчанных набора, серебряный сосуд (?) очень плохой сохранности, поясной крючок, бусы, нож, ворворки. Здесь же лежали куски мела и угли.

В могильной яме были обнаружены многочисленные предметы вооружения, портупея, посуда, украшения, предметы туалета, орудия труда, предметы культа.

Железные, бронзовые и костяные наконечники стрел с остатками деревянных древков лежали двумя группами, соответствуя двум колчанам. Обе группы найдены слева от останков в западной половине ямы. Один колчан лежал ближе к стенке. В него входило 136 целых и 92 об-

Рис/67. Курган 1 у хут. Кашеевка

/ — план могилы (1 — бронзовый сосуд, 2 — ворворки, меч, угольки, 3, 8 — бусы и бисер, 4 — колчан со стрелами, 5, 14 — поясные крючки, в — стрелы, 7 — костяная ложка, мел, 9, 17, 22, 24 — кости животного, ю — глиняный сосуд, 11, 12, 16, is—20 — кости человека, 21 — остатки дерева, 13 — бронзовая жаровня, 15 — золотое кольцо; 23 — фрагменты панциря, 25 — нож, 26 — зеркало); II — разрез по А—Б; о — глина и завал стен; б — тлен и перемешанная земля

ломка железных трехлопастных втульчатых стрел (рис. 68, 1), девять костяных трехгранных втульчатых с полированными гранями наконечников (рис. 68, 3) и четыре бронзовых втульчатых наконечника (рис. 68, 4, 5). От колчана прослежены остатки белого и черного тлена и кусочки красной краски. На суглинке под колчаном остались отпечатки черных и красных полос — видимо, окраска колчана.

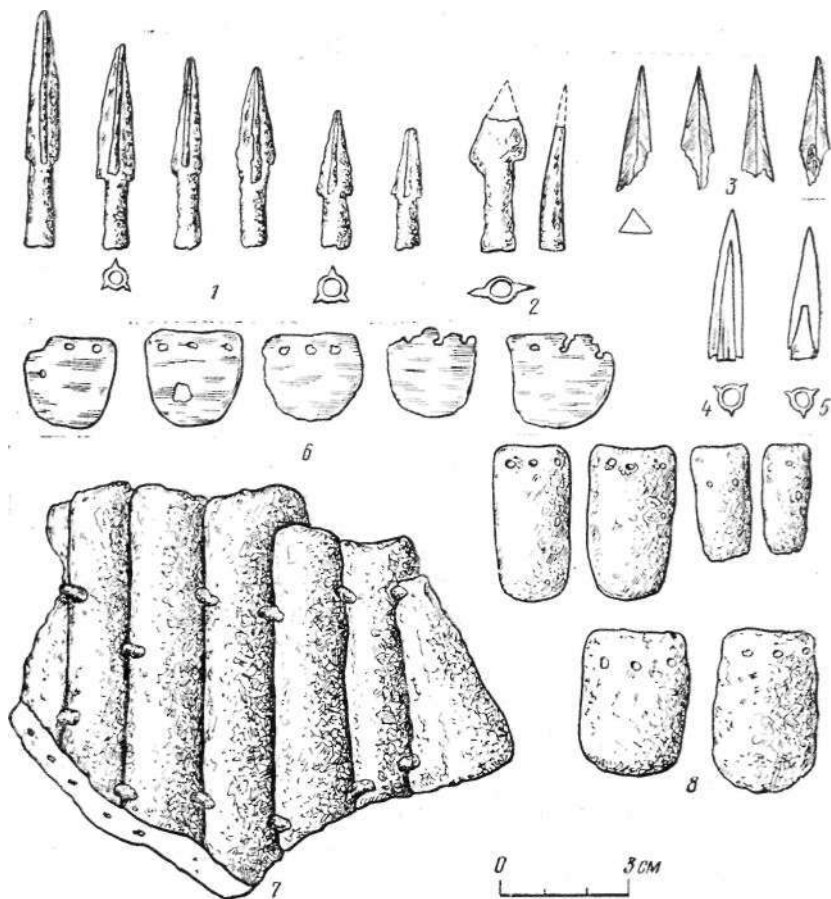

Рис. 68. Оружие из кургана у хут. Кашеевка

1, 2 — образцы железных наконечников стрел; 3 — образцы костяных наконечников стрел; 4, 5 — образцы бронзовых наконечников стрел; 6 — бронзовые панцирные чешуйки; 7 — фрагменты железного щита; 8 — образцы железных чешуек от панциря

Второй колчан найден ближе к бедренной кости первого скелета. Стрелы лежали пучком, остриями к черепу. Здесь были только железные трехлопастные втульчатые наконечники — около 240, среди них и наконечники с плоской головкой (рис. 68, 2). В некоторых сохранились остатки древков. Отдельные железные наконечники найдены в различных местах ямы.

В юго-западном секторе ямы обнаружены железные и бронзовые чешуйки панциря (рис. 68, 6, 8). Многие лежали рядами, причем между железными находились бронзовые. Железные чешуйки были трех видов: мелкие — не более 2,5 см в длину; крупные — 3,5 см; длинные — вероятно, от щита (рис. 68, 7). Верхняя часть чешуек панциря прямоугольная,

нижняя — закругленная. По верхнему краю — в основном по три отверстия.

Бронзовые литые поясные зооморфные крючки найдены в разных местах, один — почти в центре ямы, другой — около правой пяточной кости первого костяка, в западной половине ямы. Оба крючка почти однотипны, украшены изображением стилизованного медведя (рис. 69, 10, 11),

В разных местах могилы обнаружены бронзовые и железные ворворки. Две из них — литые, конической формы (рис. 69, 2, 3), украшенные по нижнему краю выпуклыми короткими рубчиками, — лежали внутри серебряного плохо сохранившегося сосуда-чаши (?) рядом с колчаном. Три ворворки — две литые бронзовые и одна железная — найдены под чешуйками панциря (рис. 69, 4—6'). Еще одна железная ворворка (рис. 69, 7) встречена в восточной половине ямы и одна бронзовая (рис. 69, 1) — у пяточных костей первого костяка.

Набор оружия и детали портупеи из Кашеевского кургана характерны для памятников Подонья скифского времени. Бронзовые и особенно железные наконечники стрел типичны для колчаных наборов из курганов Подонья и Прикубанья. Именно на этих территориях в V—IV вв. до н. э. железные наконечники стрел получили наибольшее распространение². Бронзовые наконечники стрел (рис. 69, 4, 5) датируются временем не позднее IV в. до н. э. Несколько необычна форма трехгранных костяных наконечников (рис. 68, 3). Костяные стрелы в скифских и савроматских комплексах — явление редкое, чаще встречаются пулевидные наконечники. Наконечники, подобные нашим, известны по находкам в степях Северного Кавказа скифо-сарматского времени.

Железные и бронзовые чешуйки, найденные в кургане, представляют собой остатки различных видов защитного вооружения. Железные продолговатые чешуйки (рис. 68, 8) — несомненно, части чешуйчатого панциря. Из аналогичных панцирных чешуек был сделан доспех, обнаруженный в кургане у пос. Шолоховский (рис. 55, 1—4). Находки подобных панцирей не являются редкостью для погребений IV в. до н. э. Подонья.

Длинные железные пластинки, скрепленные железными скобами, и фрагмент из нескольких пластинок со слегка закругленным краем и следами кожи остались от пластинчатого щита (рис. 68, 7). Подобные части щита были обнаружены в кургане 12 у г. Орджоникидзе на Никопольщине³. Из того же кургана, относящегося к IV в. до н. э., происходят бронзовые чешуйки панциря или пояса, аналогичные кашеевским (рис. 68, 6)⁴.

Находки зооморфных крючков (рис. 69, 10, 11) характерны для памятников среднедонской культуры⁵. Наиболее близки кашеевским бронзовый крючок с изображением медведя из кургана 1 у с. Русская Тростянка (IV в. до н. э.)⁶.

Как справедливо считает В. И. Гуляев, мотив медведя со всеми его специфическими особенностями и разновидностями гораздо ближе к стилю восточных областей европейской части СССР, нежели к стилю собственно скифскому⁷.

Бронзовые и железные ворворки и пронизки (рис. 69, 1—7) были, вероятно, деталями портупеи. Подобные предметы имели широкое применение у скифов и савроматов⁸.

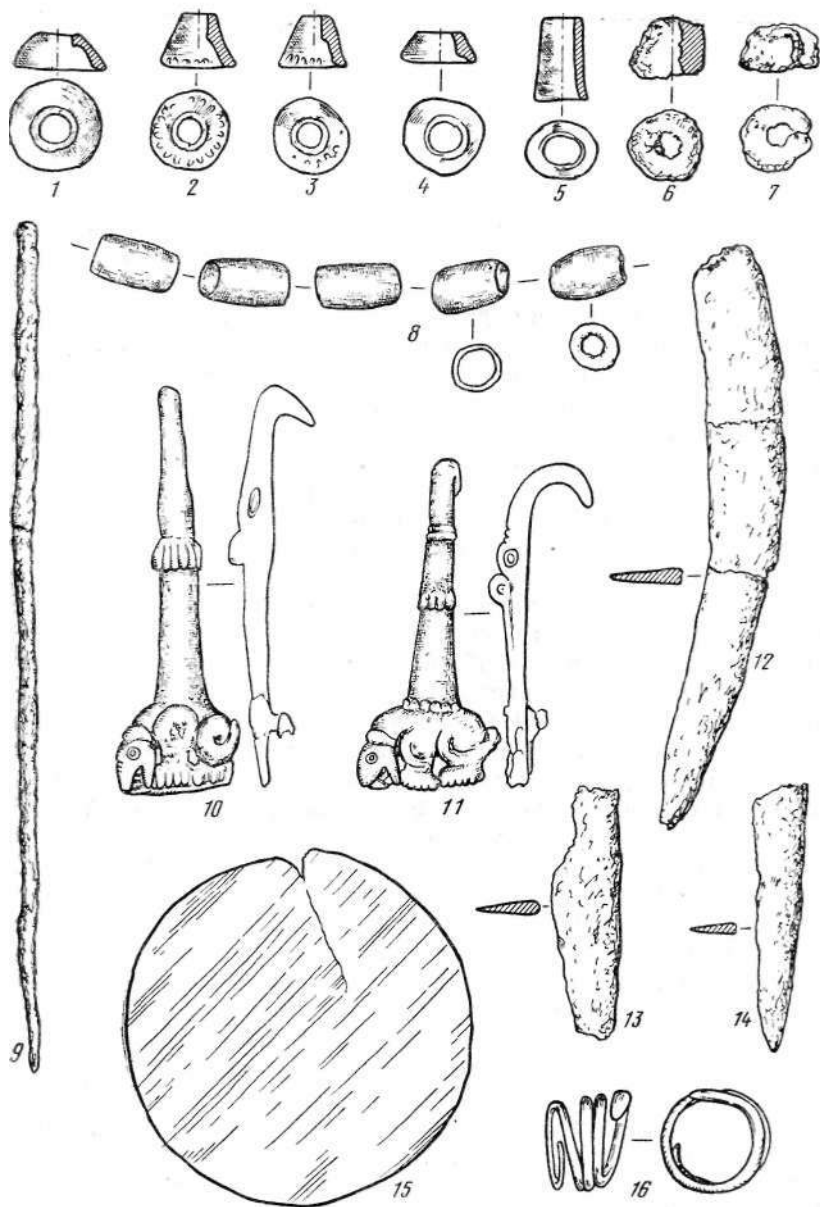

Рис. 69. Вещи из кургана у хут. Кашеевка

1—5 — бронзовые ворворки; 6, 7 — железные ворворки; 8 — бронзовые пронизки; 9 — железное шило; 10, 11 — бронзовые поясные крючки; 12—14 — железные ножи; 15 — бронзовое зеркало; 16 — золотое кольцо

Среди разбросанных костей животных в юго-восточном секторе ямы в заполнении найден обломок железного ножа длиной 6 см (рис. 69, 14). Второй обломок ножа найден вместе с туалетной ложечкой, шилом, мелом, галькой и пронизками (рис. 69, 13) в северо-западном секторе. Третий нож, фрагментированный, обнаружен в юго-восточном секторе ямы. Лезвие у него серповидное (рис. 68, 12). Подобные железные ножи имели самое широкое хождение в среде скифов и савроматов⁹.

Железное шило, найденное вместе с костяной ложечкой и другими предметами, — круглое в сечении, довольно большой длины — 19 см (рис. 68, 9). Железные шилья часто встречаются в савроматских, преимущественно женских, погребениях¹⁰. Нередки эти предметы и среди погребального инвентаря Подонья¹¹.

Украшения представлены двумя типами бус, золотым кольцом, бронзовыми пронизками. Большинство стеклянных прозрачных амфоровидных бус-подвесок, аналогичных сладковским, было найдено в северо-западном секторе ямы, слева от первого костяка. Они лежали почти все в одном месте. Чуть поодаль были найдены бусы, нанизанные на кожаный шнурок, от которого остался коричневатый тлен. Бусы, сохранившиеся *in situ*, очевидно, сочетались следующим образом: одна амфоровидная, две плоские из голубой или желтой пасты. Амфоровидных бус найдено 68. Плоские бусы из голубой и желтовато-зеленой пасты встречены также в восточной части ямы у тазовых костей.

Бусы-подвески из прозрачного стекла в форме кувшинчика или амфорки — частая находка в погребениях V—IV вв. до н. э. на территории Северного Причерноморья¹². В восточных савроматских погребениях они встречаются реже¹³. Аналогичные бусы известны и в более поздних сарматских комплексах III—II вв. до н. э.¹⁴ На нижнем Дону такие бусы обнаружены в погребении 10 (III—II вв. до н. э.) Беглицкого некрополя. Столь же широк хронологический диапазон мелких кольцевидных бусин и бисера из светло-зеленой, голубой, желтоватой и белой стеклянной пасты.

Бронзовые пронизки бочонковидной формы (рис. 69, 8) обнаружены в северо-западной части ямы на глубине 2,55 м от вершины. Три из них лежали компактной группой вместе с костяной ложечкой, мелом, камушками, шилом и зубом свиньи.

Золотое кольцо спиралевидной формы в виде стилизованного изображения змеи найдено в восточной части ямы на дне (рис. 69, 16). Точной аналогии кольцу мы пока не нашли, однако спиралевидные кольца из золота и других металлов встречаются не только в комплексах савроматов и ранних сарматов, но и в скифских погребениях Поднепровья. Перстень в виде змейки, свернутой в два оборота, был обнаружен в кургане 472 у с. Оситняжка (III в. до н. э.)¹⁵. Спиралевидное золотое кольцо в полтора оборота было найдено в Среднем Подонье, в кургане 3 группы Частых курганов (IV—III вв. до н. э.)¹⁶.

В Кашеевском кургане обнаружена небольшая костяная ложечка простой формы (рис. 70, 1). Подобные костяные ложечки принадлежат к наиболее характерной части инвентаря женских савроматских и сарматских могил. Простые костяные ложечки без орнамента употреблялись в течение всего савроматского периода, а в III—II вв. до н. э. стали гос-

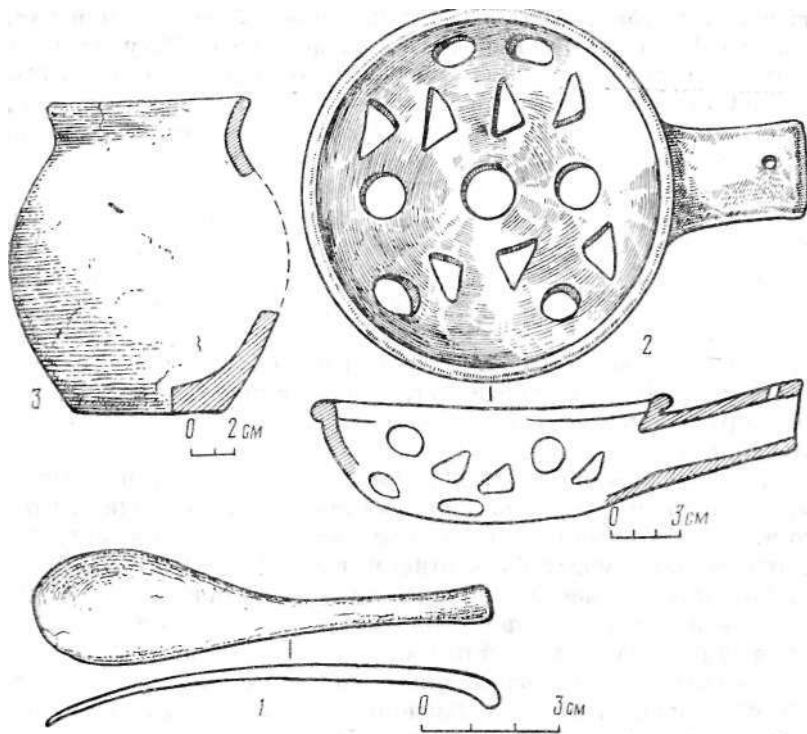

Рис. 70. Вещи из кургана у хут. Кашеевка
 1 — костяная ложечка; 2 — бронзовая жаровня; 3 — глиняный сосуд

подствующей формой этого вида сарматских костяных изделий¹⁷. Костяная ложечка из Кашеевского кургана по форме идентична некоторым раннесарматским ложечкам¹⁸.

Бронзовое зеркало, обнаруженное в кургане, представляет собой плоский тонкий диск диаметром 8 см (рис. 69, 15). Подобного типа простые дисковидные зеркала — частая находка в женских савроматских и раннесарматских погребениях. Особенно характерны они для эллинистического времени, но иногда встречаются и в более поздних материалах — вплоть до II в. н. э.¹⁰ На среднем Дону подобных зеркал в погребениях найдено мало²⁰.

Посуда представлена сильно окислившимися остатками серебряного сосуда (судя по фрагментам, — чаши), украшенного чеканным точечным орнаментом. Чаша находилась слева от первого костяка (между колчаном и костяком). Другой сосуд — небольшой лепной горшочек с округлым туловом, отогнутым венчиком и невысоким горлом (рис. 70, 3). Глина рыхлая черная, с шамотом. Сосуд найден рядом с костями животного у входа в яму. Медная литая жаровня в виде массивной круглодонной чаши с круглыми и треугольными отверстиями на дне и цилиндрической втулкой для ручки (рис. 70, 2) найдена почти на дне ямы в центральной части. Судя по находке в Чертомлыцком кургане²¹, похожие жаровни

были известны скифам. Аналогичные жаровни обнаружены в западном Оренбуржье в Соболевском кургане (V в. до н. э.)²² и у д. Алешкино б. Кузнецкого уезда Саратовской губернии (случайная находка 1890 г.)²³. Жаровни из Соболевского кургана отличаются от кашеевской в некоторых деталях: у кашеевской отверстия на дне обрамлены рельефным валиком, образующим прямоугольник; у Соболевской такие же валики в виде арок имеются снаружи, по бокам.

Подобные жаровни, вероятно, использовались сарматами, как и скифами, для отправления каких-то религиозных культов²⁴. Находки этих предметов чрезвычайно редки. Установить их назначение помогает сравнение с жаровней из Чертомлыцкого кургана, которая имеет ажурный сферический корпус и цилиндрическую втулку для насады рукоятки²⁵.

Курган у Кашеевки по обряду и погребальному инвентарю близок курганам у пос. Шолоховский и хут. Сладковский. Это позволяет включить его в круг сирматских памятников междуречья нижнего Дона и Северского Донца.

Несколько сложнее вопрос о хронологии этого памятника. Ряд вещей (стрелы, жаровня, панцирь, зооморфные крючки) не выходит за пределы IV в. до н. э. Остальные предметы, в основном украшения, орудия труда и предметы туалета, могут быть отнесены и к IV, скорее даже к III в. до н. э. (костяная ложечка, зеркало, золотое кольцо).

По всей вероятности, захоронения в могиле не единовременны. Курган был сооружен не позднее второй половины IV в. до н. э. К этому времени следует отнести остатки погребения с колчаном. Другие захоронения, вероятно, совершались позднее. Именно разновременностью захоронений можно объяснить тот факт, что отдельные предметы (ложечка, бусы, пронизки) находились выше уровня сохранившегося погребения, но в слое, который явно не был потревожен грабителями. Не исключено, что некоторые погребения нарушены во время повторных захоронений в могиле.

В. Е. Максименко, Е. И. Савченко

Раннеарматское погребение в Новочеркасске

15 марта 1973 г. в Новочеркасский музей истории Донского казачества поступило сообщение о том, что во время строительных работ в центре Новочеркаска, во дворе дома 61 по ул. Подтелкова бульдозеристом В. П. Кузьминым и экскаваторщиками А. Ф. Кошелевым и Н. Е. Саенко обнаружена амфора. Прибывшим к месту находки сотрудникам музея были переданы кости яшвотного, золотые бляшки, золотые детали обкладки деревянного сосуда и костяная рукоятка ножа.

На следующий день нам представилась возможность приехать в Новочеркасск и провести исследование погребального комплекса, который, к счастью, оказался не совсем уничтоженным. Ввиду того что из-за раскопок пришлось приостановить строительные работы, мы вынуждены были форсировать исследования¹. Условия для работы были неблагоприятными, так как погребение оказалось в центре уже вскрытого до материковой глу-

бины котлована, а дожди и снег основательно промочили почву. Но несмотря на это, нам удалось довести раскопки до конца.

В результате исследований установлено следующее: погребение находилось на глубине 2,20 м от уровня современной поверхности в материковом суглинке². Могильная яма размерами 1,35x1,15 м имела прямоугольную форму и была ориентирована по длинной оси юг—юго-восток —север—северо-запад. Углы ямы слегка закруглены. Контуры могилы удалось проследить почти у самого дна, так как именно до этого уровня яма была перекопана строителями, а южная часть могилы, где находился череп, была перекопана ниже уровня дна могилы. С западной стороны к могиле примыкала глубокая (3 м) и широкая траншея-котлован, вырытая еще в 1972 г. (см. выше рис. 31, 1).

В нетронутом заполнении могильной ямы были обнаружены остатки деревянных плах, оставшихся от ее перекрытия. Заполнение могильной ямы — глинистое, оно отличалось более темным цветом от материковой глины. У самого дна хорошо прослеживались остатки тлена от подстилки.

На дне ямы, ближе к западной стенке, на остатках подстилки лежал скелет подростка (девочки 12—14 лет?). Сохранились все кости, за исключением черепа и правой локтевой кости, уничтоженных во время строительных работ. Костяк лежал на спине в вытянутом положении, черепом па юг—юго-восток³. Руки отведены от туловища. Ноги слегка согнуты в коленях, левая чуть сильнее правой, образуя «ромб» (рис. 31, 1).

Амфора (рис. 32, 7), обнаруженная строителями, стояла в северо-восточном углу могильной ямы. При доследовании погребения была выявлена конусовидная ямка глубиной 0,15 м в дне могилы, куда вставлялась амфора.

Как уже говорилось выше, строители подобрали и передали сотрудникам музея костяную рукоятку ножа и фрагмент железного лезвия, а также кости животного, которые, как выяснилось, были от передней ноги молодой лошади-тарпана⁴.

Определить точное местоположение костей лошади в могиле (помимо костей ног, сохранилось и несколько ребер) не удалось, но можно предположить, что они вместе с ножом находились в юго-восточной (наиболее разрушенной строителями) части могилы. Во время доследования в этом месте был обнаружен еще один фрагмент костяной рукоятки ножа.

Строителями также найдены и повреждены золотые обкладки деревянного сосуда. Среди переданных музеем золотых вещей, встреченных «вместе с черепом», были две головки лошади, которые украшали фриз сосуда (рис. 32, 2, 3)⁵, два обломка фриза (рис. 32, 8, 9), фрагмент боковой части (рис. 32, 1), 15 золотых бляшек с изображением человеческого лица в фас (рис. 32, 4, 5), а также бронзовые и золотые гвоздики.

К юго-западу от места, где должен был находиться череп, нами найдено 29 золотых бляшек с изображением человеческого лица, которые, по всей видимости, нашивались на ленты, причем по две ленты с каждой стороны подвешивались к головному убору. Положение сохранившихся бляшек было таким, как если бы они находились на перекрученной ленте: часть бляшек лежала лицевой стороной вверх, а часть — вниз.

В области шейных позвонков зафиксированы остатки какого-то изделия из серебра, форму которого установить не удалось. Там же находились

амулеты: часть клешни краба (рис. 31, 5) и раковина (рис. 31, 6'). Около локтевых костей левой руки обнаружена округлая бусина, а у нижней части берцовой кости правой ноги, по обе ее стороны, лежали две бусины: коническая из желтой пасты, а также из известняка (?) в виде скарабеоида (рис. 31, 2—4). В северо-западном углу могильной ямы найдено фрагментированное железное шильце (рис. 31, 7). К востоку от костей ног лежали остатки напутственной пищи — ребра барана.

Помимо указанных вещей, в разрушенной части могилы нами обнаружены два фрагмента обкладок сосуда и две золотые бляшки с изображением человеческого лица. На одном фрагменте обкладки изображена лошадь (рис. 32, 6). Там были найдены и другие мелкие бронзовые предметы: гвоздик (рис. 31, 9), обломок обоймы (рис. 31, 10) и пять четырехгранных гвоздиков длиной 0,3—0,7 см. Переходим к детальному описанию наиболее интересных вещей, обнаруженных в погребении.

Амфора (рис. 32, 7). Отсутствуют горло, ручка и верхняя часть второй ручки. Высота сохранившейся части амфоры 60 см. Тулово яйцевидной формы с покатыми плечами. Наибольший диаметр 29 см, ширина овальной ручки 3,9 см, толщина — 2,5 см. Ножка внизу имеет расширение диаметром 6,6 см с выемкой глубиной 0,7 см. Глина светло-коричневая красноватого цвета, с частицами известкового происхождения. Судя по форме и глине, амфора принадлежит к типу эллинистических херсонесских амфор конца III—II в. до н. э.^в

Железный нож с костяной рукояткой (рис. 31, 8). От ножа сохранились только два небольших фрагмента лезвия и рукоятка с остатками черенка. По двум небольшим фрагментам форму клинка установить не удалось. Лезвие, вероятно, треугольное в сечении, слегка изогнуто. Рукоятка состоит из двух костяных пластин, которые закреплялись на черенке при помощи четырех заклепок. Верхние части пластинок крепились между собой и с черенком тремя железными заклепками, нижние — одной.

Ножи подобного типа имели широкое распространение в V—III вв. до н. э. в скифо-сарматском мире. Встречены они на Каменском городище на Днепре⁷, на среднем Дону⁸, на Кубани⁹, реже — у савроматов Поволжья и Приуралья¹⁰. Аналогичные ножи встречаются довольно часто в раннесарматских погребениях нижнего Дона. Костяные рукоятки были у ножей, обнаруженных в курганах у хуторов Карнауховский^и и Ясырева¹², у пос. Шолоховский.

Железное шило (рис. 31, 7) сохранилось неполностью. Оно изготовлено из круглой в сечении проволоки диаметром 0,5 см. К рабочему концу суживается. Шилья часто встречаются в савроматских, преимущественно женских могилах¹³ и значительно реже — в прохоровских погребениях¹⁴. Однако на нижнем Дону находки железных шильев в раннесарматских погребениях не так уж редки. Подобные шильца были обнаружены В. П. Шиловым в раннесарматских погребениях у хуторов Алитуб (курган Крестовый, погребение 20) и Усьман (курган 2, погребения 6 и 10)¹⁵. В Койсугском кургане 5, в погребении 15 шило найдено в комплексе с мечом прохоровского типа¹⁶. Железное шило найдено и в кургане у хут. Кашеевка

Золотые накладки деревянного сосуда (рис. 32, 1—3, 6, 8, 9) состояли из нескольких деталей, изготовленных из тонких (0,01 см) пластинок. Вос-

становить полностью форму сосуда и расположение накладок не представляется возможным. Не сохранилась деревянная основа сосуда, отсутствуют одна из ручек и головка лошади с фриза. Обкладка верхней части сосуда в целом имела диаметр 10—12 см и незамкнутые концы в той части, из которой пили. Накладки крепились при помощи золотых гвоздиков. Всего обнаружено семь деталей: две объемные головки лошадей (рис. 32, 2, 3); лицевой фриз из двух частей, к которому крепились эти головки (рис. 32, 1, 9); ручка со скульптурным изображением лежащей лошади (рис. 32, 6^а); две ажурные пластинки (рис. 32, 8).

Описанные накладки принадлежали, по всей видимости, небольшой полусферической чаше. Деревянные сосуды, украшенные металлическими пластинками, широко известны в памятниках скифской эпохи. Подробному анализу подобных предметов посвящена специальная статья А. П. Манцевич¹⁷.

Точной аналогии золотым накладкам сосуда из новочеркасского погребения мы не знаем. Некоторое сходство они имеют с накладками деревянных сосудов из Александропольского кургана¹⁸. Горизонтальная ручка чаши в виде лежащего коня (рис. 32, 6) имеет ту же форму, что и обкладка ручки с рельефным изображением медведя из кургана 1 группы Частые курганы в Воронежской обл. Подобные ручки в виде узкого продолговатого выступа, иногда украшенного рельефным изображением, имелись у многих серебряных сосудов скифской эпохи. Известны золотые украшения деревянных сосудов в виде головок лошади (например, чаши Александропольского кургана)¹⁹, золотая пластинка из кургана 6 у ст. Елизаветинская на Дону²⁰.

Можно предположить, что фриз с изображением трех головок лошадей служил второй ручкой публикуемой чаши. Но это менее вероятно. Скорее всего сосуд имел две ручки в виде фигурок лежащих лошадей, а передняя часть (фриз) была украшена рельефными изображениями головок лошадей и ажурными пластинками.

Золотые гвоздики (50 экз.) по сечению подразделяются на две группы: четырехгранные (36) и круглые (14). Четырехгранные изготовлены из проволоки длиной 0,4—0,5 см, ширина грани 0,1 см. Шляпка неправильно округлая, диаметром 0,1—0,2 см. Круглые изготовлены из проволоки длиной 0,4—0,5 см и диаметром 0,1 см. Неправильно округлая шляпка имеет диаметр 0,1—0,2 см. Круглые и четырехгранные гвоздики использовались для скрепления отдельных частей обкладок и прикрепления их к основе сосуда.

Золотые нашивные бляшки (46 экз.; рис. 32, 4, 5) однотипны, диаметром 1,6 см, из листа толщиной 0,01 см. На всех бляшках изображено барельефом одно и то же человеческое, вероятно младенческое, лицо в фас. Все детали лица выбиты четко. На голове видна конусовидная прическа. Волосы подчеркнуты шестью вертикальными линиями. В верхней части сделано круглое отверстие диаметром 0,1 см для нашивания. С обеих сторон лица изображены детали прически в виде выпуклых полуovalов, спускающихся вплоть до скул. Рельефность этих деталей подчеркивают три резные прямые горизонтальные линии; здесь также пробиты круглые отверстия (диаметр 0,1 см) для нашивания. Описанные бляшки не находят себе точных аналогий, хотя золотые бляшки с изображением человеческого

лица часто встречаются в скифских погребениях IV—III вв. до н. э. на территории Украины.

Судя по обряду (широкая прямоугольная яма, южная ориентировка и положение костяка в «танцующей» позе), исследованное нами богатое захоронение принадлежит к типу раннесарматских погребений III в. до н. э., может быть, начала II в. до н. э., но не позднее. Дату эту определяет прежде всего амфора. Не противоречат ей и другие находки: золотые накладки деревянного сосуда, нож, шило, бусы эллинистического времени, амулет в виде клешни черноморского краба — предметы, характерные скорее для скифских погребений Восточного Крыма²¹, нежели для степных районов Подонья. Представляет большой интерес находка в этом явно кочевническом комплексе херсонесской амфоры. Возможность ее попадания к кочевникам могла быть двоякой: либо через Танаис, либо в результате прямых контактов Херсонеса с кочевниками, на которых он мог опираться в борьбе со своими противниками²².

Примечания

Предисловие

- ¹ *Смирнов К. Ф.* Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии. — В кн.: Вопросы скифо-сарматской археологии (по материалам конференции ИИМК АН СССР). М., б. г.; *Он же.* О начале проникновения сарматов в Скифию. — ПСА; *Он же.* Декрет в честь Протогена и раннее поселение сарматов под Ольвией. — Тезисы докладов XIV международной конференции античников социалистических стран. Ереван, 1976.
- ² *Смирнов К. Ф.* Савроматы и сарматы. — В кн.: Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М., 1977, с. 129—139; *Он же.* Кочевники Северного Прикаспия и Южного Приуралья скифского времени. — В кн.: Этнография и археология Средней Азии. М., 1979, с. 74—78; *Он же.* Sauromates et Sarmates. — In: Centre de recherches d'Histoire Ancienne. V. 38. Dialogues d'histoire ancienne, 1980, 6.
- ³ *Смирнов К. Ф.* Савроматы. М., 1964, с. 197.
- ⁴ *Шилов В. П.* Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975, с. 134.
- ⁵ *Мачинский Д. А.* О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников. — АСГЭ, 1971, 13, с. 30—37.
- ⁶ *Сальников К. В.* Об этническом составе населения лесостепного Зауралья в сарматское время. — СЭ, 1966, 5, с. 118—124.
- ⁷ *Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М.* Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966, с. 403—409.
- ⁸ *Смирнов К. Ф.* Савроматы и сарматы, с. 129—139.
- ⁹ Там же, с. 134; см. также в настоящей книге.
- ¹⁰ *Смирнов К. Ф.* Савроматы и сарматы, с. 136; см. также в настоящей книге.
- ¹¹ *Железчиков Б. Ф.* Ранние кочевники Южного Приуралья. Автореф. канд. дис. М., 1980, с. 12.
- ¹² *Смирнов К. Ф.* Савроматы и сарматы, с. 135; см. также в настоящей книге.
- ¹³ *Мачинский Д. А.* О времени. . ., с. 30—37.
- ¹⁴ *Десятников Ю. М.* Процесс сарматизации Боспора. Автореф. канд. дис. М., 1974, с. 9, 10.
- ¹⁶ *Пьянков И. В.* Массажеты Геродота. — ВДИ, 1975, 2, с. 46—70.
- ¹⁶ *Смирнов К. Ф.* О начале проникновения сарматов. . ., с. 191—193.
- ¹⁷ *Кияшко В. Я., Кореняко В. А.* Погребение раннего железного века у г. Константиновска на Дону. — СА, 1976, 1, с. 170—177.
- ¹⁸ *Шелов Д. Б.* К этнической истории Нижнего По донья. — ИСКНИЦВШ. Ростов-на-Дону, 1974, 3, с. 44; *Мурзин В. Ю.* Погребальный обряд степных скифов в VII—V вв. до н. э. — В кн.: Древности степей Скифии. Киев, 1982, с. 48, 49.
- ¹⁹ *Брашинский И. Б.* Раскопки скифских курганов на нижнем Дону. — КСИА, 1973, 113, с. 54—62; *Мурзин В. Ю.* Погребальный обряд. . ., с. 48.
- ²⁰ *Бунятян Е. П.* Рядовое население Скифии в IV—III вв. до н. э. Автореф. канд. дис. Киев, 1981, с. 20.
- ²¹ *Фабрициус И. В.* Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. Киев, 1951, вып. 1, с. 90, 91; *Шилов В. П.* Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975, с. 150.

Савроматы и сарматы

- ¹ *Смирнов К. Ф.* Савроматы. М., 1964.
- ² *Смирнов К. Ф.* Проблема происхождения ранних сарматов. — СА, 1957, 3, с. 3—19.
- ³ *Ростовцев М. И.* Эллинисты и иранство на юге России. Пг., 1918, с. 33, 34; *Rostovzeff M.* Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, 1922, p. 114; *Смирнов К. Ф.* Проблема происхождения. . ., с. 3 ел.
- ⁴ *Ростовцев М. И.* Эллинисты и иранство. . ., с. 33, 34; *Rostovzeff M.* The Animal Style in South Russia and China. Princeton, 1929, p. 48; *Idem.* Scythien und der Bosporus. Berlin, 1931, S. 100, 101; *Idem.* Iranians and Greeks, p. 113, 114.
- ⁵ *Смирнов К. Ф.* Савроматы.
- ⁶ *Смирнов К. Ф.* Савроматы, с. 286 ел.; *Он же.* Сарматы на Илеке. М., 1975; *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры. — САИ, 1963, вып. Д1-10; *Она же.* Ново-Кумакский курганный могильник близ г. Орска. — МИА, 1972, 115, с. 206—241; *Она же.* Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М., 1974.
- ⁷ *Мищенко Ф. Г.* Противоречия в известиях Геродота о первом появлении сарматов и скифов в Европе. — В кн.: Филологическое обозрение. М., 1899, XVII.
- ⁸ *Смирнов К. Ф.* Савроматы, с. 192, 193.
- ⁹ *Kretschmer P.* Sarmatae. — In: RE, Bd IA, S. 2543; *Zgusta L.* Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Praha, 1955, S. 245, 246 ff.
- ¹⁰ *Rau P. D.* Die Graber der frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet. Pokrowsk, 1929.
- ¹¹ *Смирнов К. Ф.* Сарматские племена Северного Прикаспия. — КСИИМК, 1950, XXXIV, с. 99, ярс. 28; *Он же.* Савроматы, с. 194, 195.
- ¹² *Смирнов К. Ф., Попов С. А.* Савромато-сарматские курганы у с. Лнповка Оренбургской обл. — В кн.: Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М., 1972, с. 3—24.
- ¹³ *Раев Б. А.* Рец. на кн.: Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. — СА, 1976, 1, с. 299, 300.
- ¹⁴ *Смирнов К. Ф.* Проблема происхождения. . .; *Он же.* Савроматы, с. 174 ел., 353—355, 368, рис. 61-63; с. 368, рис. 76.
- ¹⁵ *Мамонтов В. И.* О погребениях позднего этапа срубной культуры в Нижнем Поволжье и Волго-Донском междуречье. — СА, 1980, 1, с. 175—194.
- ¹⁶ *Смирнов К. Ф.* Савроматы, с. 211.
- ¹⁷ *Виноградов В. Б.* О скифских походах через Кавказ (по письменным источникам). — Труды ЧИНИИ, 1964, IX, с. 41 ел.; *Он же.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972, с. 17 ел.
- ¹⁸ *Дьяконов И. М.* История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н. э. М.; Л., 1950, с. 244.
- ¹⁹ *Мачинский Д. А.* О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников. — АСГЭ, 1971, 13, с. 31, 32, 34, рис. 1, 1; *Хазанов А. М.* Социальная история скифов. М., 1975, с. 204 ел.
- ²⁰ *Алиев И.* История Мидии. Баку, 1960, 1, с. 99—101.
- ²¹ *Marquart J.* Eransahr nach der Geographie des Ps. Moses Chorenac i. — Abhandlungen Königlich Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen, Phil.-Hist. Klasse, 1901, N. F., Bd HI, S. 155; *Idem.* Untersuchungen zur Geschichte von Iran. T. II. Philologus. Leipzig, 1905, Suppl. Bd X/1, S. 78; *Justi F.* Iranisches Namenbuch. Marburg, 1895, S. 289; *Толстой С. П.* По следам древнехорезмийской цивилизации. М.; Л., 1948, с. 87; *Он же.* Древний Хорезм. М., 1948, с. 222.
- ²² *Мацулевич Л. А.* Аланская проблема и этногенез Средней Азии. — СЭ, 1947, VI/VII, с. 126.
- ²³ *Дьяконов И. М.* История Мидии. . ., с. 383.
- ²⁴ *Абаев В. И.* Скифский быт и реформа Зороастра. — Archiv orientaini, 1956, XXIV/1, s. 23—56.
- ²⁵ *Виноградов В. Б.* О скифских походах через Кавказ. . ., с. 44.
- ²⁶ *Мачинский Д. А.* О времени. . ., с. 37.
- ²⁷ *Marquart J.* Wehrot und Arang. Leiden, 1938, S. 133; *Толстой С. Л.* По следам древнехорезмийской цивилизации, с. 102, карта 1.
- ²⁸ *Дьяконов И. М.* История Мидии. . ., с. 380, примеч. 1; *Дьяконов И. М.* Очерки истории древнего Ирана. М., 1961, с. 62.
- ²⁹ *Толстой С. П.* По следам древнехорезмийской цивилизации, с. 87.
- ³⁰ *Rau P. D.* Die Graber. . .

- ³¹ Траков Б. П. ГИГА1К0КРАТОГМШ01 (пережитки матриархата у сарматов). — ВДИ, 1947, 3, с. 100 ел. (далее везде: Траков Б. П. Пережитки матриархата у сарматов).
- ³² Смирнов К. Ф. Савроматы.
- ³³ Мачинский Д. А. О времени. . ., с. 32 ел.
- ³⁴ Смирнов К. Ф. Сарматы на Илеке, с. 153.
- ³⁶ Смирнов К. Ф. Ранние кочевники Южного Урала. — АЭБ, 1971, IV, карта между с. 70 и 71.
- ³⁶ Стоколос В. С. Археологические исследования Челябинского областного музея. — ВАУ, 1961, 2, с. 21–26.
- ³⁷ Мошкова М. Г. Сарматские курганы в Оренбургской обл. — КСИА, 1961, 83, с. 115 ел.; Она же. Савроматские памятники северо-восточного Оренбуржья. — В кн.: Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М., 1972, с. 49 ел.
- ³⁸ Мошкова М. Г. Ново-Кумакский курганный могильник. . ., с. 206 ел.; Она же. Сарматские погребения Ново-Кумакского могильника близ Орска. — В кн.: Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М., 1972, с. 27 ел.
- ³⁹ Траков Б. М. Чи мала Олъв'я торговельщ зносини з Поволжжям і Приураллям в архагчну та класичну епохи? — Археологія, 1947, 1, с. 23 ел.; Томсон Дж. О. История древней географии. М., 1953, с. 101.
- ⁴⁰ Томсон Дж. О. История древней географии, с. 101, рис. 7 на с. 151.
- ⁴¹ Курган, раскопанный П. С. Назаровым в Орском уезде Оренбургской губернии (Биш-Оба). — Известия Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, 1890, XVIII. Труды антропологического отдела, XII/8. Дневник антропологического отдела; Траков Б. М. Чи мала Олъв'я. . ., с. 31, рис. 2; Смирнов К. Ф. Савроматы, с. 364, рис. 72, 14.
- ⁴² Акишев К. А., Кушаев Г. А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963, с. 16. Древняя культура Центрального Казахстана. Ч. II. Памятники тасмолинской культуры. Алма-Ата, 1966, с. 308, 407, 408, рис. 1.
- ⁴³ Аверкиева Ю. П. Индейцы Северной Америки. От родового общества к классовому. М., 1974, с. 175 ел. Другой пример: если бы мы не знали о русском происхождении кубанских и терских казаков, то мы на основании этнографии (одежда, жилище и пр.) отнесли бы их к местным горцам.
- ⁴⁴ RE, Vd 9, S. 2235; Томсон Дж. О. История древней географии, с. 101, 430, 431.
- ⁴⁵ Мачинский Д. А. О времени. . .; Максименко В. Е. Кочевое население нижнего Дона в VII—II вв. до н. э. Автореф. канд. дис. М., 1974.
- ⁴⁶ Толстой С. П. Древний Хорезм, с. 326.
- ⁴⁷ Geiger W. Ostiranische Kultur im Altertum. Erlangen, 1882, S. 200 f.
- ⁴⁸ Дьяконов И. М. История Мидии. . ., с. 267, 382, примеч. 2.
- ⁴⁹ Дьяконов М. М. Очерки истории древнего Ирана, с. 180.
- ⁵⁰ Алиев И. История Мидии, с. 101, примеч. 7.
- ⁸¹ Томсон Дж. О. История древней географии, с. 190; Berber H. Geschichte der Wissenschaftlichen Erdkunde der Griechen. Leipzig, 1887—1893, IV, S. 36; Бартольд В. В. Сведения об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи с древнейших времен до XVII в. — Известия Туркестанского отдела РГО, 1902, IV, с. 11, 17; Gutschmidt A., von. Geschichte Irans und seiner Nachbarlander von Alexander den Grossen bis zum Untergang Arsakiden. Tiibingen, 1888, S. 31; Ростопцев М. И. Скифия и Боспор. Пг., 1925, с. 103.
- ⁶² Бартольд В. В. Сведения об Аральском море. . ., с. 29.
- ⁵³ Смирнов К. Ф. Сарматы на Илеке.
- ⁵⁴ Bostovzeff M. The Animal Style. . ., p. 45.
- ⁵⁶ Толстой С. П. Древний Хорезм, с. 221—223; Он же. По следам древнехорезмийской цивилизации, с. 102, карта 1.
- ⁶⁶ Десятников Ю. М. Процесс сарматизации Боспора. Автореф. канд. дис. М., 1974, с. 9, 10.
- ⁵⁷ Пьянков И. В. Массагеты Геродота. — ВДИ, 1975, 2, с. 67—69.
- ⁵⁸ Шилов В. П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975, с. 131.
- ⁶⁹ Смирнов К. Ф. Сарматы на Илеке, с. 156—175.
- ⁸⁰ Смирнов К. Ф. Савроматы, с. 277 ел.; Он же. Сарматы на Илеке; Вишневецкая О. А., Итина М. А. Ранние саки Приуралья. — ПСА, с. 197 ел.; Вишневецкая О. А. Культура сакских племен низовьев Сыр-Дарьи (по материалам Уйгарака). М., 1973.

- ⁶¹ Этноним «сарматы» появился впервые в античной литературе в IV или начале III в. до н. э., т. е. с окончательным утверждением прохоровской культуры. См.: *Смирнов К. Ф.* О начале проникновения сарматов в Скифию. — ПСА, с. 191; *Мачинский Д. А.* О времени. . ., с. 42—45.
- ⁶² *Граков Б. Н.* Пережитки матриархата у сарматов; *Смирнов К. Ф.* Савроматы; *Мешкова М. Г.* Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры.
- ⁶³ *Смирнов К. Ф.* Сарматы на Илеке.
- ⁶⁴ *Мошкова М. Г.* Ново-Кумакский могильник. . .; *Она же.* Сарматские погребения Ново-Кумакского могильника. . .; *Смирнов К. Ф.* Орские курганы ранних кочевников. — В кн.: Исследования по археологии Южного Урала. Уфа, 1977, с. 3—51.
- ⁶⁵ *Смирнов К. Ф.* Сарматы на Илеке, с. 161; *Кадырбаев М. К., К ар манку лов Ж. К.* Захоронения воинов савроматского времени на левобережье р. Илека. — В кн.: Прошлое Казахстана по археологическим данным. Алма-Ата, 1976, с. 137—156.
- ⁶⁶ *Смирнов К. Ф.* Сарматы на Илеке, с. 160; *Он же.* Сарматы Нижнего Поволжья и междуречья Дона и Волги в IV в. до н. э. — II в. н. э. — СА, 1974, 3, с. 42; *Мошкова М. Г.* Савроматские памятники северо-восточного Оренбуржья, с. 57—59, рис. 3, V.
- ⁶⁷ *Стоколос В. С.* Археологические исследования. . ., с. 25, рис. 8, 1; *Мошкова М. Г.* Сарматские погребения Ново-Кумакского могильника. . ., с. 33, 37, рис. 4, 1, 5; 5, 7; *Смирнов К. Ф.* Орские курганы ранних кочевников, с. 24, 25, рис. 11, 9.
- ⁶⁸ *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов. — МИА, 1961, 101, с. 26.
- Ц⁹ *Смирнов К. Ф.* Савроматы, с. 153, 154.
- ¹⁰⁰ *Иссен А. А.* Ранние связи Приуралья с Ираном. — СА, 1952, XVI, с. 206 ел.; *Савельева Т. П., Смирнов К. Ф.* Ближневосточные древности на Южном Урале. — ВДИ, 1972, 3, с. 106—128.
- ⁷¹ *Смирнов К. Ф.* Сарматы Нижнего Поволжья и междуречья Дона и Волги. . .
- ⁷² *Смирнов К. Ф.* Савроматы, с. 286 ел.; *Максименко В. Е.* Кочевое население нижнего Дона. . .

Савроматы в «Европе» (к западу от Танаиса)

- ¹ *Смирнов К. Ф.* Сарматы Нижнего Поволжья и междуречья Дона и Волги в IV в. до н. э. — II в. н. э. — СА, 1974, 3, с. 38—40.
- ² *Граков Б. М.* Чи мала Ольв'я торговельп зносици з Поволжжям і Приураллям в архайчну та класичну епохи? — Археолопя, 1947, 1, с. 23 ел.; *Смирнов К. Ф.* Савроматы. М., 1964, с. 259.
- ³ *Смирнов К. Ф.* Савроматы, с. 210.
- ⁴ *Латышев В. В.* Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб., 1887, с. 74, 87, 136; *Каллистов Д. П.* Северное Причерноморье в античную эпоху. М., 1952, с. 30; *Шелов Д. Б.* Царь Атей. — В кн.: Нумизматика и сфрагистика. Киев, 1965, 2, с. 16—40; *Граков Б. Н.* Каменское городище на Днепре. — МИА, 1954, 36, с. 20, 21; *Он же.* Скифы. М., 1971, с. 30.
- ⁶ *Мачинский Д. А.* О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников. — АСГЭ, 1971, 13, с. 30—54.
- ² *Максименко В. Е.* Кочевое население нижнего Дона в VII—II вв. до н. э. Автореф. канд. дис. М., 1974.
- ⁷ *Смирнов К. Ф.* Савроматы, с. 192, 193.
- ⁸ *Максименко В. Е.* Кочевое население нижнего Дона. . ., с. 9, 17.
- ⁹ *Граков В.* Monuments de la culture scythique entre la Volga et les monts Oural. — ESA, 1928, III; *Граков Б. Н.* Ближайшие задачи археологического изучения Казахстана. Казиздат, 1930, с. 13.
- ¹⁰ *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. Пг., 1925, с. 534—538.
- ¹¹ *Мищенко Ф. Г.* К вопросу об этнографии и географии Геродотовой Скифии. — Университетские известия, Киев, 1882, 11, с. 477.
- ¹² *Ростовцев М. И.* Эллинизм и иранство на юге России. Пг., 1918, с. 33, 34.
- ¹³ *Смирнов К. Ф.* Савроматы, с. 262, рис. 1 на с. 293; *Он же.* О начале проникновения сарматов в Скифию. — ПСА, с. 192 ел., рис. 1.
- ¹⁴ *Максименко В. Е.* Кочевое население нижнего Дона. . ., с. 10.
- ¹⁵ *Кияшко В. Я.* Раскопки Константиновского поселения. — АО 1968 г. М., 1969,

- с. 106; *Кияшко В. Я., Корняко В. А.* Погребение раннего железного века у г. Константиновска-ыа-Дону. — СА, 1976, 1, с. 170 ел.
- ¹⁶ *Ольховский В. С.* Погребальные обряды населения степной Скифии. Автореф. канд дис. М., 1978, с. 10, 16.
- ¹⁷ *Смирнов К. Ф.* Савроматы, с. 164, 165, рис. 75, 10—12.
- ¹⁸ *Алихова А. Е.* Курганы эпохи бронзы у с. Комаровки. — КСИИМК, 1955, 59, с. 98; *Смирнов К. Ф.* Савроматы, с. 163, 170, 366, 367, рис. 74, 6; 75, 11; *Дворниченко В. В., Паромов Я. М., Смирнов А. С., Федоров-Давыдов Г. А., Чернов Ю. В.* Раскопки курганов на нижней Волге. — АО 1976 г. М., 1977, с. 143.
- ¹⁹ *Брашинский И. Б.* Раскопки скифских курганов на нижнем Дону. — КСИА, 1973, 133, с. 55, рис. 20, 4.
- ²⁰ *Попов Х. И.* Описание археологического отдела Донского музея (неизданный каталог). Рукопись хранится в Таганрогском музее, с. 134, № 1857.
- ²¹ *Чередниченко П. Н.* Отчет о работе Ворошиловградской экспедиции 1971 г. Архив ИА АН УССР, № 1971/31.
- ²² *Брашинский И. Б.* Раскопки скифских курганов. . . , с. 54.
- ²³ Editorial Notes. — ESA, 1937, XI, p. 207, fig. 1; *Смирнов К. Ф.* Савроматы, с. 366, рис. 74, 8.
- ²⁴ Областной архив Ростовской обл., ф. Х. И. Попова, д. 651 (от 24 июня 1913 г.). Жертвенник хранится в экспозиции Музея Донского казачества в Новочеркасске.
- ²⁵ *Косляненко В. М., Флеров В. С.* Бронзовые литые котлы Нижнего Подонья (к вопросу о типологии и хронологии). — СА, 1978, 1, с. 192—205, рис. 2.
- ²⁶ *Гольмстен В. В.* Археологические памятники Самарской губернии. — Труды секции археологии РАНИОН, 1928, IV, рис. 49; 50; *Смирнов К. Ф.* Савроматы, с. 307, рис. 14, 7, 8.
- ²⁷ *Смирнов К. Ф.* Савроматы, с. 98—100.
- ²⁸ *Смирнов К. Ф.* Савроматы, с. 353, рис. 61, 2, 3, 7; с. 354, рис. 62, 2, 4, 6, 19; с. 355, рис. 63, 1—3, 5, 7; с. 356, рис. 64, 1, 10; с. 357, рис. 65, 6, 10; с. 358, рис. 66, 3, 4, 12.
- ²⁹ *Алихова А. Е.* Курганы эпохи бронзы у с. Комаровки, с. 94, рис. 36, 3; *Смирнов К. Ф.* Савроматы, с. 353, рис. 61, 7; *Смирнов К. Ф., Попов С. А.* Савромато-сарматские курганы у с. Липовка Оренбургской обл. — В кн.: Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М., 1972, с. 7, рис. 3, 1, 3, 4.
- ³⁰ *Мелокова А. И.* Вооружение скифов. — САП, 1964, вып. Д1-4, табл. 8.
- ³¹ *Либеров П. Д.* Памятники скифского времени на среднем Дону. — САИ, 1965, вып. Д1-31; *Он же.* Проблема будинов и гелонов в свете новых археологических данных. — В кн.: Население среднего Дона в скифское время (МИА, № 151). М., 1969, с. 5-26.
- ³² *Смирнов К. Ф.* Савроматы, с. 261—264.
- ³³ *Лидеров П. Д.* Мастюгинские курганы и Волошинские городища. — СА, 1960, 3, с. 170.
- ³⁴ *Либеров П. Д.* Памятники скифского времени на среднем Дону, с. 51, табл. 6, 2, 6, 7, 10; *Он же.* Мастюгинские курганы. — СА, 1961, 3, с. 154, 155, рис. 2; 3.
- ³⁵ *Либеров П. Д.* Мастюгинские курганы и Волошинские городища, с. 168.
- ³⁶ *Либеров Л. Д.* Памятники скифского времени на среднем Дону, табл. 6, 13, 15, 16; 11, 3, 6, 7; *Он же.* Мастюгинские курганы, с. 153, 156, рис. 1, 4; 4.
- ³⁷ *Либеров П. Д.* Памятники скифского времени на среднем Дону, табл. 24, 32, 41, 42.
- ³⁸ *Башилов В. А.* Курганы с трупосожжениями у с. Мастюгино. — СА, 1963, 2, с. 151—157; *Либеров П. Д.* Мастюгинские курганы, с. 153.
- ³⁹ *Либеров П. Д.* Мастюгинские курганы, с. 153.
- ⁴⁰ *Либеров П. Д.* Памятники скифского времени на среднем Дону, табл. 1, 2, 5; 2, 1, 3—6, 8—11; *Он же.* Мастюгинские курганы, с. 158, 159, 161, рис. 5—7.
- ⁴¹ *Либеров П. Д.* Памятники скифского времени на среднем Дону, табл. 3, 6, 13.
- ⁴² *Пузикова А. И.* Новые курганы скифского времени в Белгородской обл. — КСИА, 1966, 107, с. 80-91, рис. 27; 28.
- ⁴³ *Петренко В. Г.* Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э. — САИ, 1967, вып. Д1-4, с. ИЗ, табл. 2, 5, 9.
- ⁴⁴ *Смирнов К. Ф.* Савроматы, с. 310, 311, 313, рис. 17, 1; 18, 2; 20, 1; *Он же.* Сарматы на Илеке. М., 1975, с. 132, рис. 50; *Он же.* Дромосные могилы ранних кочевников Южного Приуралья и вопрос о происхождении сарматских катакомб. — В кн.: Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978, с. 60, рис. 2;

- Мошкова М. Г. Сарматские погребения Ново-Кумакского могильника близ г. Ор ска. — В кн.: Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М., 1972, с. 30, рис. 3, 1, 5; *Она же*. Савроматские памятники северо-восточного Оренбуржья. — Там же, с. 63, рис. 6.
- ⁴³ Пузикова А. И. Новые курганы. . . , с. 91; *Она же*. Раскопки могильника скифского, времени у с. Дуровка в 1965 г. — В кн.: Население среднего Дона в скифское время (МИА, 151). М., 1969, с. 83.
- ⁴² Лидеров П. Д. Проблема будинов и гелонов. . . , с. 5—26; *Он же*. Савроматы ли сирматы? — В кн.: Население среднего Дона в скифское время (МИА, 151). М., 1969, с. 27—37.
- ⁴⁷ Смирнов К. Ф., Максименко В. Е., Лукьяшко С. И., Горбенко А. А. Археологические исследования в междуречье нижнего Дона и Северского Донца в пределах Ростовской обл. — АО 1976 г. М., 1977.
- ⁴⁸ Смирнов К. Ф., Максименко В. Е. Раскопки курганов в междуречье Дона и Северского Донца. — АО 1977 г. М., 1978, с. 142.
- ⁴⁹ Липпо-Данилевский А. С. Скифские древности. — ЗОРСА РАО, 1887, IV, с. 353, 354.
- ⁶⁰ Надеждин Н. Рец. на кн.: Lindner F. Skythien und Skythen des Herodot und seine Auslegen, nebst Beschreibung des heutigen Zustandes jener Lander. — ЗООИД, 1844, I, с. 393—431.
- ⁶¹ Надеждин П. И. Геродотова Скифия, объясненная через сличения с местностями. — ЗООИД, 1844, I, с. 88, 89, 393 ел.; *Он же*. Рец. на кн.: Lindner F. Skythien und Skythen. . . , с. 395, 413—417.
- ⁵² Надеждин Н. И. Геродотова Скифия. . . , с. 88, 89.
- ⁶³ Артамонов М. И. Этногеография Скифии. — Уч. зап. ЛГУ, сер. ист. наук, 1949, 13, с. 157, 161 и карта Скифии (по Геродоту) на с. 170.
- ⁵⁴ Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия. М., 1979, карты на с. 107, 173 и 191.
- ⁵⁵ Ростовцев М. И. Скифия и Боспор, с. 25.
- ⁵⁶ Там же, с. 98, 99.
- ⁶⁷ Там же, с. 80, 81.
- ⁶⁸ Яковенко 9. В. Клыки с зооморфными изображениями. — СА, 1969, 4, с. 200—208.
- ⁶⁹ Там же, с. 201, рис. 1.
- ⁶⁰ Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов. — МИА, 1961, 101, с. 107, 154—160, рис. 8, 1—4; 52, 1, 6, 10; 53, 1; 55, 6; 56, 5; 58, 4; Смирнов К. Ф., Петренко В. Г. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья. — САИ, 1963, вып. Д1-9, табл. 17, 8, 31, 36, 51, 56, 64, 69; 22, 10—15; 23, 3, 4, 6; 24, 6; Смирнов К. Ф. Савроматы, с. 304—306, рис. 11Б, 18; ИВ, 26—28; 13, 1а, 2а, 4а; с. 314, 320—322, рис. 21, 1с, п; 27, 7; 28, 4; 29, 4в; с. 326, 330, 334, рис. 32, 1с; 36, 2в; 40, 16; с. 370, 371, рис. 78, 4—8, 12; 79, 3, 5—7; *Он же*. Савромато-сарматский звериный стиль. — В кн.: Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Европы. М., 1976, с. 74—89; Максимов Е. К. Новые находки савроматского звериного стиля в Поволжье. — Там же, с. 210—218.
- ⁶¹ Яковенко 9. В. Клыки. . . , с. 201, рис. 1, /, 2, 5—7.
- ⁶² Там же, рис. 1, 4.
- ⁶³ Там же, рис. 1, 8.
- ⁶⁴ Збруева А. В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. — МИА, 1952, 30.
- ⁷⁵ Граков Б. Н. Каменское городище на Днепре. — МИА, 1954, 36, с. 20, 21; История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1966, I, с. 220, 221; Граков Б. Н* Скифы. М., 1971, с. 40; *Он же*. Ссфи. Кшв, 1947, с. 24; Шелов Д. Б. Царь Атей, с. 16—39.
- ⁶⁶ Граков Б. Н. Каменское городище. . .
- ⁷⁷ Граков Б. Н. Скифские погребения на Никопольском курганном поле. — МИА, 1962, 115, с. 95, 99.
- ⁶⁸ Граков Б. Н. Скифские погребения. . . , с. 85.
- ⁶⁹ Там же, с. 80, 81, рис. 14, 3.
- ⁷⁰ Там же, с. 81, рис. 8, 4; Браун Ф. А. Отчет о раскопках в Таврической губернии в 1898 г. — ИАК, 1906, 19, с. 85, рис. 9.
- ⁷¹ Максименко В. Е. Раскопки курганов в дельте Дона. — АО 1968 г. М., 1969, с. 85;

- Кореняко В. А., Максименко В. Е. Погребения раннего железного века в бассейне нижнего Дона. — СА, 1978, 3, с. 171, рис. 3, 5.
- ³² Смирнов К. Ф. Быковские курганы. — МИА, 1960, 78, с. 253, табл. 5.
- ³³ Vau P. Die Hugelgraber gomischer Zeit in der Unteren Wolga. Pokrovsk, 1927, S. 16, Abb. 10.
- ⁷⁴ Граков Б. Н. Скифские погребения. . ., с. 72.
- ⁷⁵ Там же, с. 86.
- ⁷⁶ Гашина О. Д. До питання про жиночі поховання 3і зброєю сьюфського часу. — Праш Кшвського державного Історичного музею, 1958, 1, с. 175—183; Ильинская В. А. Скифские курганы около г. Борисполя. — СА, 1966, 3, с. 169, 170.
- ⁷⁷ Граков Б. Н. Скифские погребения. . ., с. 68.
- ³⁸ ВязьмШина М. І., Тлмньска В. А., Покровська О. Ф., Тереножки О. І., Ковпаненко Г. Т. Кургани быя с. Ново-Пилишвка і радгоспу «Аккермень». — АП, 1960, VIII, с. 65, 66 (Аккермень, курган 16, погребение 2); Березовець Д. Т. Розкопки курганного могильника епохи бронзи та сшфського часу в с. Кут. — АП, 1960, IX, с. 48, 49, 53—55, 67 (с. Кут, курган 5, погребение 4; курган 7, погребение 9; курган 21, погребение 4); Рудинський М. Археолопчна розвдка на Дншрельстань — В кн.: 36іртК Дншропетровського краевого исторично-археолопчного музею, 1929, с. 52 ел. (Кичкас, курган 3); Тереножкин А. И., Ильинская В. А., Черненко Е. В., Мозолевский Б. Н. Скифские курганы Никопольщины. — В кн.: Скифские древности. Киев, 1973, с. 121, 122 (с. Капуловка, группа I, курган 13, погребение 1), с. 127—130 (Капуловка, группа II, курган 1, погребение 1), с. 151—155 (г. Орджоникидзе, группа близ Богдановской фабрики, курган И), с. 157—166 (та же группа, курган 13, могилы 1 и 2), с. 166, 167 (около шахты 22 Александровского рудоуправления, курган 1), с. 184 (группа Три кургана у с. Бельнякое, курган 4); Мозолевский Б. И. Скифские погребения у с. Нагорное близ г. Орджоникидзе па Днепропетровщине. — Там же, с. 194—198 (курган 6); Бессонова С. С. Погребения IV в. до н. э. из Трехбратного кургана. — Там же, с. 245 (погребение 3, костяк 2).
- ^{~9} Ильинская В. А. Скифские курганы около г. Борисполя, с. 170.
- ⁸⁰ Тереножкин А. И., Ильинская В. А., Мозолевский Б. И. Скифский курганный могильник Гайманово поле (раскопки 1968 г.) — В кн.: Скифы и сарматы. Киев, 1977, с. 172.
- ⁸¹ Тереножкин А. И., Ильинская В. А., Мозолевский Б. И. Скифский курганный могильник Гайманово поле, с. 164, рис. 13, 21.
- ⁵² Смирнов К. Ф. Савроматы, с. 141, 146, 147, 333, 339, 341, 345, 363, рис. 39, 3е, ж; 45, 16, 76; 47, 1д; 51, 10в; 71, 6\ Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры. — САИ, 1963, вып. Д1-10, с. 45, 46, табл. 32, 14.
- ¹³ Тереножкин А. И., Ильинская В. А., Мозолевский Б. И. Скифский курганный могильник Гайманово поле, с. 164, рис. 13, 22.
- ⁸⁴ Смирнов К. Ф. Савроматы, с. 354, рис. 62, 4, 6.
- ⁸³ Тереножкин А. И., Ильинская В. А., Мозолевский Б. И. Скифский курганный могильник Гайманово поле, рис. 46, 1—14.
- ^{**8} Тереножкин А. И., Кубышев А. И., Ильинская В. А., Болдин Я. И., Черденченко П. И., Шилов Ю. А. Отчет о работе Херсонской экспедиции в 1973 г. Архив ИА АН УССР, № 1973/10.
- ⁸⁷ Sulimirski T. The Sarmatians. N. Y.; Washington, 1970, p. 100—110.
- ³⁸ Ростовцев М. И. Скифия и Боспор, с. 11, 612.

Сирматы и ранние сарматы

- ¹ Müllег С. Geographi Graeci Minores. Paris, 1855, I; RE, Bd VI, p. 930, 931, 947.
- ² Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. Пг., 1925, с. 24, 25.
- ³ Там же, с. 25.
- ⁴ Браун Ф. Разыскания в области гото-славянских отношений. СПб., 1899, с. 85—87.
- ⁶ Либеров П. Д. Савроматы ли сирматы? — В кн.: Население среднего Дона в скифское время (МИА, 151). М., 1969, с. 27 ел.
- ⁷ Смирнов К. Ф. О начале проникновения сарматов в Скифию. — ПСА, с. 193.
- ⁷ Ростовцев М. И. Скифия и Боспор, с. 111, примеч. 1.
- ⁸ Mullerus C. Fragmenta Historico-graecorum. Paris, 1950, 1, p. 227.
- ^{*} Ростовцев М. И. Скифия и Боспор, с. 26, 29, 36.

- ¹⁰ *Мачинский Д. А.* О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников. — АСГЭ, 1971, 13, с. 45.
- ¹¹ *Граков В. Я.* Пережитки матриархата у сарматов. — ВДИ, 1947, 3, с. 101, 102; *Смирнов К. Ф.* Савроматы. М., 1964; *Мошкова М. Г.* Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры). М., 1974.
- ¹² *Смирнов К. Ф.* Савроматы, с. 57—74, 290.
- ¹³ Там же, с. 286—290; *Мошкова М. Г.* Ново-Кумакский курганный могильник близ г. Орска. — МИА, 1962, 115, с. 206—241; *Она же.* Сарматские погребения Ново-Кумакского могильника близ Орска. — В кн.: Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М., 1972, с. 27, 28; *Она же.* Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры; *Смирнов К. Ф.* Сарматы на Илеке. М., 1975; *Он же.* Орские курганы ранних кочевников. — В кн.: Исследования по археологии Южного Урала. Уфа, 1977, с. 3—51.
- ¹⁴ *Толстой С. П.* Древний Хорезм. М., 1948, с. 222.
- ¹⁵ *Кулаковский Ю. А.* Рец. на кн.: Браун Ф. А. Разыскания в области гото-славянских отношений. — ЖМНП, 1902, 2, с. 500 ел.; *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор, с. 25, 111; *Толстой С. П.* Древний Хорезм, с. 222; *Zgusta L.* Die Personennamen griechischer Stadte der nordlichen Schwarzmeerkuste. Praha, 1955, § 14, S. 26.
- ¹⁶ *Максименко В. Е.* Кочевое население нижнего Дона в VII—II вв. до н. э. Автореф, канд. дис. М., 1974.
- ¹⁷ См.: Приложение; *Смирнов К. Ф.* «Амазонка» IV в. до н. э. на Дону. — СА, 1982, 1.
- ¹⁸ *Пузикова А. И.* Новые курганы скифского времени в Белгородской обл. — КСИА, 1966, 107, с. 81, 82, рис. 27; 28.
- ¹⁹ *Смирнов К. Ф.* О коллективных (семейных) захоронениях у ранних кочевников Южного Приуралья (по материалам Оренбургской экспедиции 1972 г.). — Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР. Ташкент, 1973, с. 108, 109; *Он же.* Дромосные могилы ранних кочевников Южного Приуралья и вопрос о происхождении сарматских катакомб. — В кн.: Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978, с. 56—64.
- ²⁰ *Смирнов К. Ф.* Савроматы, с. 313, рис. 20, 1; *Он же.* Сарматы на Илеке, с. 80, 81, рис. 25.
- ²¹ *Смирнов К. Ф.* Сарматы на Илеке, с. 136—143, рис. 50; 53.
- ²² *Мошкова М. Г.* Сарматские погребения Ново-Кумакского могильника. . . , с. 27, 32, рис. 3; *Смирнов К. Ф.* Дромосные могилы. . . , с. 58—61, рис. 1—3.
- ²³ *Ростовцев М. И.* Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. — МАР, 1918, 37, с. 8, 9, рис. 8; 9.
- ²⁴ *Изнатов В. Я., Колесник В. П., Мамонтов В. И.* Раскопки курганов в Волгоградском междуречье. — АО 1978 г. М., 1979, с. 174—176; *Мамонтов В. И.* Отчет о работе Приволжского отряда ВГПИ в 1978 г. Архив ПА, р-1, № 7014.
- ²⁵ Половая принадлежность по зубам и остаткам нижней челюсти определена антропологом А. А. Зубовым.
- ²⁶ *Смирнов К. Ф.* Савроматы, с. 223 ел.; *Он же.* Савромато-сарматский звериный стиль. — В кн.: Схпфо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Европы. М., 1976, с. 75, 77, рис. 1, 13—22.
- ²⁷ *Смирнов К. Ф.* Савромато-сарматский звериный стиль, с. 87, рис. 7, 9.
- ²⁸ *Артамонов М. И.* Сокровища скифских курганов. Л., 1966, с. 49, рис. 92.
- ²⁹ *Мозолевский Б. М.* Товста Могила. Кшв, 1979, с. 138, 139, рис. 119—121.
- ³⁰ *Смирнов К. Ф.* Савроматы, с. 153, 154, 301, 308, 329, 332, 344, 345, рис. 3, 1з; 15, 7е; 35Б, 8, 14; 38, 17; 50, 46; 51, 7а; *Смирнов К. Ф., Петренко В. Г.* Савроматы Поволжья и Южного Приуралья. — САП, 1963, вып. Д1-9, табл. 28.
- ³¹ *Смирнов К. Ф., Петренко В. Г.* Савроматы Поволжья и Южного Приуралья, табл. 6, 15, 16, 18, 26, 27; 7, 1—3, 26, 34, 39; 8, 8, 12, 19; 10, 1, 4—6, 8; *Кадырбаев М. К., Курманкулов Ж.* Материалы раскопок могильника Бесоба. — В кн.: Археологические исследования в Отраре. Алма-Ата, 1977, с. 108, 112, рис. 4, 10; 6, 7.
- ³² *Либеров П. Д.* Памятники скифского времени на среднем Дону. — САИ, 1965, вып. Д1-31, табл. 8, 8, 11, 12; И, 3.
- ³³ *Верхин (Засецкая) И. П., Малоеицкая Л. Я.* Богатое савроматское погребение в Астраханской обл. — СА, 1965, 3, с. 145, рис. 2, 1.
- ³⁴ *Либеров П. Д.* Памятники скифского времени на среднем Дону, с. 101. табл. 31, 16, 17.

- ³⁵ Мелюкоа А. И. Вооружение скифов. — САИ, 1964, вып. Д1-4, с. 11, 12, 35, 45, табл. 2, 1—4; 12-14.
- ³⁶ Либеров П. Д. Памятники скифского времени на среднем Дону, табл. 18, 1—9.
- ³⁷ Смирнов К. Ф. Меотский могильник у ст. Пашковской. — МИА, 1958, 64, с. 279, 289, 306, рис. 5, 2—5; 9, 9—13; Анфимов Н. В. Меото-сарматский могильник у ст. Усть-Лабинской. — МИА, 1951, 23, с. 166—168, 182, рис. 12, 1—3.
- ³⁸ Либеров П. Д. Памятники скифского времени на среднем Дону, с. 75, табл. 18, 13-21.
- ³⁹ Смирнов К. Ф. Савроматы, с. 303, рис. ИА, 7; Шилов В. П., Засецкая И. П., Маловицкая Л. Я. Работа в Нижнем Поволжье. — АО 1965 г. М., 1966, с. 87.
- ⁴⁰ Мошкова М. Г. Сарматские погребения Ново-Кумакского могильника. . ., с. 39, рис. 6, 4.
- ⁴¹ Железчиков Б. Ф., Кригер В. А. Отчет об археологических работах в Уральской обл. летом 1976 г. Архив ИИАЭ АН КазССР, Альбом, рис. 5; 6.
- ⁴² Раскопки Астраханской экспедиции ИА под руководством В. П. Шилова в 1961 г. Материал не опубликован.
- ⁴³ Крупное Е. И. Первые итоги изучения Восточного Предкавказья (по материалам экспедиций 1952 и 1955 гг.). — СА, 1957, 2, с. 165, рис. 6, 3.
- ⁴⁴ Кореняко В. А., Найдено А. В. Погребения раннего железного века в курганах на р. Томузловке. — СА, 1977, 3, с. 233, рис. 2, 3.
- ⁴⁵ Смирнов К. Ф. Меотский могильник у ст. Пашковской, с. 279, 286, 291, 304, 305, рис. 5, 6; 8, 10; 9, 14; 10, 22; Он же. О мечях синдо-меотского типа. — КСИА, 1980, 162.
- ⁴⁶ Каменецкий И. С. Отчет Донской экспедиции ИА за 1975 г. Архив ИА, р-1, № 6032, с. 332, рис. 456; 457.
- ⁴⁷ Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры. — САИ, 1963, вып. Д1-10, табл. 14, 4, 85; 16, 5, 13, 25, 30, 53.
- ⁴⁸ Мошкова М. Г., Кушаев Г. В. Сарматские памятники Западного Казахстана. — В кн.: Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973, с. 261, рис. 3, 7.
- ⁴⁹ Либеров П. Д. Памятники скифского времени на среднем Дону, с. 67, табл. 14, 7, 8.
- ⁶⁰ Мошкова М. Г. Раннесарматские бронзовые пряжки. — МИА, 1960, 78, с. 293—307, особенно рис. 1, 5, 7.
- ⁵¹ Смирнов К. Ф. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской обл. — МИА, 1959, 60, с. 281, 284, рис. 29, 1; 30, 5.
- ⁵² Либеров П. Д. Памятники скифского времени на среднем Дону, с. 101, табл. 31, 16, 17.
- ⁵³ Шилов В. П., Засецкая И. П., Маловицкая Л. Я. Работа в Нижнем Поволжье, с. 87; Мошкова М. Г., Федорова-Давыдова Э. А. Работы Цимлянской экспедиции 1970 г. — В кн.: Археологические памятники Нижнего Подонья. М., 1974, 1, с. 27.
- ⁵⁴ Шилов В. П., Засецкая И. П., Маловицкая Л. Я. Работа в Нижнем Поволжье, с. 87; Засецкая И. П. Савроматское погребение у с. Никольское в Нижнем Поволжье. — В кн.: Скифы и сарматы. Киев, 1977, с. 215.
- ⁶⁵ Либеров П. Д. Памятники скифского времени на среднем Дону, табл. 28; 29.
- ⁶⁶ Берхин (Засецкая) И. П., Маловицкая Л. Я. Богатое савроматское погребение. . ., с. 150, рис. 6; 7, 2.
- ⁵⁷ Смирнов К. Ф. Савроматы, с. 317, рис. 24, 4; Он же. Сарматы на Илеке, с. 37.
- ⁵⁸ Либеров П. Д. Памятники скифского времени на среднем Дону, табл. 24, 27.
- ⁵⁸ Там же, табл. 21, 30.
- ⁶⁰ Там же, табл. 16, 1—11.
- ⁶¹ Засецкая И. П. Савроматские погребения у с. Никольское. . ., с. 216, рис. 25.
- ⁶² Брашинский И. Б. Амфоры из раскопок Елизаветовского могильника в 1959 г. — СА, 1961, 3, с. 178—185.
- ⁶³ Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора. — МИА, 1960, 83, с. 153, табл. XVII, 34г.
- ⁶⁴ Ляпушкин И. И. Курганный могильник близ Карнауховского поселения. — МИА, 1958, 62, с. 317 ел.
- ⁶⁵ Мошкова М. Г., Федорова-Давыдова Э. А. Работы Цимлянской экспедиции. . ., с. 26, 27, табл. IV; Мошкова М. Г. К вопросу о сирматах. — В кн.: Скифы и сарматы. Киев, 1977, с. 208—213.
- ⁶⁶ Мошкова М. Г., Максименко В. Е. Сарматские погребения Ясыревских курганов нижнего Дона. — КСИА, 1973, 133, с. 72, 73.

- ⁸⁷ Демченко А. И. Исследования курганов бронзового века в Ростове-на-Дону. — АО 1967 г. М., 1968, с. 73, 74; Брашинский И. В. Работы Южно-Донской экспедиции. — Там же, с. 68.
- ⁶⁸ Брашинский И. В. Отчет о работе Южно-Донской археологической экспедиции в 1967 г. Архив ИА, р-1, № 3568.
- ^{*9} Брашинский И. В. Работы Южно-Донской экспедиции, с. 88.
- ⁷⁰ Демченко А. И. Исследование курганов в Ростове-на-Дону. — АО 1968 г. М., 1969 г. с. 103.
- ⁷¹ Братченко С. Н. Отчет о работе Ливенцовской археологической экспедиции в 1963 г. Архив ИА, р-1, № 2774, с. 32, 33, табл. 22—24.
- ⁷² Там же, с. 31, табл. 19, 2.
- ⁷³ Братченко С. Н. Отчет об исследованиях Ливенцовской археологической экспедиции 1964 г. Архив ИА, р-1, № 2986, с. 19, 20, табл. 19, 7, 8.
- ⁷⁴ Там же, с. 67, 68, табл. 56.
- ⁷⁵ Датировку по амфорам и бусам см.: Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. — САИ, 1975, вып. Г1-12, с. 74.
- ⁷⁶ Каменецкий И. С. Отчет о работах археологической экспедиции Таганрогского музея 1956 г. Архив ИА, р-1, № 1520, с. 10—13; Л» 1521 (альбом); Он же. Отчет о работах экспедиции Таганрогского музея в 1958 г. Архив ИА, р-1, № 2492, с. 18—24.
- ⁷⁷ Граков Б. Н. Скифские погребения на Никопольском курганном поле. — МИА, 1962, 115, с. 83—85.
- ⁷⁸ Шилов В. П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975, с. 5, 6, рис. 4, 3.
- ⁷⁹ Максименко В. Е. Кочевое население нижнего Дона в VII—II вв. до н. э. Автореф. канд. дис. М., 1974, с. 16, 17.
- ⁸⁰ Лидеров П. Д. Памятники скифского времени на среднем Дону, с. 73, табл. 17, 3, 4.
- ⁸¹ Сизов В. И. Скорняковские курганы в Воронежской губернии Задонского уезда. — Древности. Труды МАО, 1888, XII, рис. на с. 127.
- ⁸² Не опубликован, хранится в Гос. Эрмитаже.
- ⁸³ Пузикова А. И. Курганный могильник скифского времени у с. Русская Тростянка. — СА, 1962, 4, с. 219—224; Она же. Два кургана из могильника скшбского времени у с. Русская Тростянка. — КСИА, 1964, 102, с. 24—33.
- ⁸⁴ Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов. — МИА, 1961, 101, с. 24—27.
- ⁸⁵ Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры, с. 33, табл. 18, 1—14; Она же. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры, с. 11, 14, 23, 24, рис. 2, 16, 21, 22; 5.
- ⁸⁶ Наиболее ранний вариант прохоровского меча (с дуговидным перекрестием) был найден мной в погребении 1 кургана 4 группы Три мара восточнее Орска (пос. Старый Кумак) в 1974 г. Он происходит из могилы «савроматского» типа и по набору стрел и прочего инвентаря относится ко времени не позже конца V в. до н. э. (материал не опубликован).
- ^{*8} Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов с. 24; Синицын И. В. Археологические исследования Заволжского отряда (1951—1953). — МИА, 1959, 60, с. 143, рис. 48, 3.
- ⁵¹ Шилов В. П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья, с. 127; Мошкова М. Г., Смирнов К. Ф. Рец. на кн.: Шилов В. П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975. — СА, 1977, 2, с. 270, 271.
- ⁸⁹ Макаревич М. Л. Поховання сарматського та саливського тишв іа Сіверському Дщ. — Археологія, 1957, X, с. 146 ел., рис. 2.
- ^{*90} Смирнов К. Ф., Петренко В. Г. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья, табл. 7, 2, 10; 8, 2; Смирнов К. Ф. Савроматы, с. 355, рис. 63, 3, 4.
- ⁹¹ Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры, табл. 6, 1, 4, 13, 29, 30, 32, 33; 7, 15, 25, 26, 29; 8, 7, 13, 18, 21, 29.
- ⁵² Макаревич М. Л. Поховання. . . , с. 147.
- ⁹³ Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры, табл. 11, 5, 16; Смирнов К. Ф. Курильницы и туалетные сосудики азиатской Сарматии. — В кн.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973, рис. 1, типы Ia², a⁶; IVa¹, a³; Va³; VIIIb².
- ^{**} Абрамова М. П. Сарматские погребения Дона и Украины II в. до н. э. — I в. н. э. — СА, 1961, 1, с. 96.

- ¹⁵ Шрамы Б. Л. Древности Северского Донца. Харьков, 1962, с. 250, рис. 94.
 ю Макаренко П. Е. Археологические исследования 1907—1909 гг. — ИАК, 1911, 43, с. 95, рис. 84.
 в' Смирнов К. Ф. Савроматы, с. 339, рис. 45, 5; *Он же*. Сарматы на Илеке, с. 133, 163, рис. 51, 7.
⁸⁸ Смирнов К. Ф. Савроматы, с. 93, 94; *Он же*. Сарматы Нижнего Поволжья и между- речья Дона и Волги в IV в. до н. э. — II в. н. р. — СА, 1974, 3, с. 41, 42; Макси- мов Е. К. Сарматские диагональные погребения Восточной Европы. — В кн.: Археологический сборник Саратовского ун-та, 1966, с. 100.
⁹⁹ Раскопки Н. Макаренко на Бердинской' горе 1903 г. См.: Труды ОУАК, 1906, XVI, с. 89, рис. 7.
¹⁰⁰ Смирнов К. Ф. Савроматы, с. 399, рис. 45, 5; Мошкоеа М. Г. Памятники прохоров- ской культуры, табл. 2, 7; Смирнов К. Ф. Сарматы на Илеке, с. 160, 161.
¹⁰¹ Смирнов К. Ф. Быковские курганы. — МИА, 1960, 78, с. 222—225, рис. 20; 21, 17.
 ю- Телегин Д. Я. Погребение скифского времени на нижнем Днепре. — КСИА АН УССР, 1956, 6, Киев, с. 48, 49, рис. 1, 2; Смирнов К. Ф. О начале проникновения сарматов в Скифию. — ПСА, с. 195, рис. 9.
¹⁰³ Березовец Д. Т. Курганный мопльшк в с. Груипвка. — АП, 1961, X, с. 59, рис. 4.
¹⁰⁴ Sulimirski T. The Sarmatians. N. Y.; Washington, 1970, p. 100.
¹⁰⁵ Березовец Д. Т. Курганный мопльшк в с. Груипвка, с. 59, рис. 4, 2.
¹⁰⁸ Траков Б. Н. Курганы в окрестностях пос. Нежинского Оренбургского уезда по раскопкам 1927 г. — Труды секции археологии РАНИОН, 1929, IV, с. 151, табл. VII, 2; Мошкоеа М. Г. Памятники прохоровской культуры, табл. 26, 4; Смирнов К. Ф., Петренко В. Г. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья, табл. 22, 25; Смир- нов К. Ф. Савроматы, с. 395, рис. 41, 3д.
¹⁰⁷ Смирнов К. Ф. Новые сарматские памятники на Бузулуке. — КСИА, 1962, 89, с. 92; рис. 34, 1; Мошкоеа М. Г. Памятники прохоровской культуры, табл. 26; Смирнов К. Ф., Петренко В. Г. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья, табл. 22; 28; Смирнов К. Ф. Савроматы, с. 336, рис. 42, 2д.
¹⁰⁸ Березовец Д. Т. Курганный мопльшк в с. Груипвка, с. 59, рис. 4, 3.
 Ю9 Смирнов К. Ф., Петренко В. Г. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья, табл. 9, 3, 8, 9, 11, 17, 19—24; Смирнов К. Ф. Сарматы на Илеке, с. 171. Ср.: Мош- коеа М. Г. Памятники прохоровской культуры, табл. 5, 8, 10, 18.
 но Березовец Д. Т. Курганный мопльшк в с. Груипвка, с. 59, рис. 4, 4.
 ш Крупное Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, с. 468, табл. XLVI; Мунчаев Р. М. Луговой могильник (исследования 1956—1957 гг.) — В кн.: Древ- ности Чечено-Ингушетии. Ы., 1963, с. 168, 170, 191, 208, рис. 15, 7, 8; 17, 3, 5; 18, 2, 3; 31, 3, 4.
 иг Смирнов К. Ф. Меотский могильник у ст. Пашковской, с. 279, 284, 286, 289, 291, 307, рис. 5, 18, 19; 7, 19, 20; 8, 5; 9, 20; 10, 10.
¹¹³ Березовец Д. Т. Розкопки курганного моильшка эпохи бронзы та смфського часу в с. Кут. — АП, 1960, IX, с. 10, рис. 2, 5, 6. Д. Т. Березовец определяет кувшин как сероглиняную ойнохую. (*Примеч. ред.*)
 Ц4 Там же, с. 82, рис. 37, 2.
 us Мошкоеа М. Г. Памятники прохоровской культуры, табл. 5, 6; 9, 1; Садыкова М. Х., Сарматский курганый могильник у д. Старые Кишки. — АЭБ, 1962, I, с. 102, табл. VII, 16; Смирнов К. Ф. Савроматы, с. 358, 359, рис. 66, 11; 67, 8.
 Ш Траков Б. П. Скифские погребения на Никопольском курганном поле. — МИА, 1962, 115, с. 59.
 11' Там же, с. 102, рис. 2А, 1.
 us Там же, с. 91, рис. 4, 1.
¹¹⁹ Там же, с. 104, рис. 3, 2 (ср. другие скифские наконечники стрел Никопольских курганов на рис. 3 и 12).
¹²⁰ Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов, с. 134, 135, 138, рис. 32; 33; 36.
^m Смирнов К. Ф. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское. . ., с. 270: *Он же*. Вооружение савроматов, с. 32.
¹²² Фабрициус И. В. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. Киев, 1951, вып. I, табл. XVI, 4; Мелюкова А. И. Скифские курганы Тираспольщины. — МИА, 1962, 115, с. 157; Троицкая Т. П. Находки из скифских курганов Крыма, хранящиеся в областном краеведческом музее. — В кн.: История и археология древнего Крыма. Киев, 1957, с. 182—184, рис. 8; Дашевская О. Д. Лепная керамика

- Неаполя и других скифских городищ Крыма. — МИА, 1958, 64, с. 253, 254, рис. 2; *Погребова Н. И.* Погребения в мавзолее Неаполя скифского. — МИА, 1961, 96, с. ПО, 111, рис. 3, 1; 27, 16; *Яковенко в. В.* Про-кулясН курильнищ VI — I ст. до н. е. — Археолопя, 1971, 2, с. 87—93; *Она же.* Сыфи Схвдного Криму в V—III ст. до н. е. КиТв, 1974, с. 111, рис. 47 и 48.
- ¹²³ *Яковенко в. В.* Про кулясН курильнищ. . . , с. 90 ел.
- ¹²⁴ Тая же, с. 91, 92.
- ¹²⁵ *Дашевская О. Д.* Лепная керамика Неаполя. . . , с. 254, рис. 2; *Яковенко б'. В.* Про кулясп курильнищ. . . , с. 88, рис. 1, 1—6.
- ¹²⁶ *Яковенко Г. В.* Про кулясп курильнищ. . . , с. 88, 89, рнс. 1, 7—9; 2.
- ¹²⁷ *Мелюкова А. И.* Скифские курганы Тыраспольщшы, с. 154, рис. 2; с. 156, рис. 4; *Яковенко Г. В.* Про кулясп курильнищ. . . , с. 88, рис. 1, 7—9.
- ¹²⁸ *Макаревич М. Л.* Поховання. . . , с. 147, рис. 2.
- ¹²⁹ *Яковенко б. В.* Про куляси курильнищ. . . , с. 89, рис. 2.
- ¹³⁰ *Смирнов К. Ф.* Курильницы и туалетные сосудики. . .

Начало политического господства сарматов в Скифии

- ¹ *Латышев В. В.* Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб., 1887, с. 88, 136.
- ² *Жебелев С. А.* Северное Причерноморье. М.; Л., 1953, с. 86.
- ³ *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. Пг., 1925, с. 11, 108.
- ⁴ *Максиченко В. Е.* Кочевое население нижнего Дона в VII—II вв. до н. э. Автореф. канд. дис. М., 1974, с. 16, 17.
- ⁶ *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор, с. 32, примеч. 1.
- ^e IOSPE, I², № 32, с. 43—56; Хрестоматия по истории Древней Греции. М., 1964, с. 634—638.
- ⁷ *Латышев В. В.* Исследования об истории. . . , с. 17, 50, 56, 68—86; *Он оке.* нONTIKA. СПб., 1909, с. 9, 55, 58; *Каллистов Д. П.* Северное Причерноморье в античную эпоху. М., 1952, с. 87; *Жебелев С. А.* Северное Причерноморье, с. 266.
- ⁸ *Книпович Т. Н.* К вопросу о датировке ольвийского декрета в честь Протогена. — ВДИ, 1966, 2, с. 142—149; *Она же.* Греческое лапидарное письмо в памятниках Ольвии. — В кн.: Нумизматика и эпиграфика, 1966, VI, с. 24—26.
- ⁹ *Каршиковский П. И.* До питания про дату ольвийського декрету на честь Протогена. — Археолопя, 1968, XXI, с. 95—105.
- ¹⁰ *Артамонов М. И.* Скифское царство в Крыму. — ВЛГУ, 1948, 8, с. 71; *Граков Б. М.* Сюфи. Киш, 1947, с. 16, 26; *Он же.* Скифы. М., 1971, с. 31; *Граков Б. Н., Мелюкова А. И.* Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях европейской части СССР в скифское время. — ВССА, с. 41; *Каллистов Д. П.* Северное Причерноморье в античную эпоху, с. 99; *Гайдужевич В. Ф.* Боспорское царство. М.; Л., 1949, с. 534.
- ¹¹ *Латышев В. В.* Исследования об истории. . . , с. 17.
- ¹² *Voesskhins A.* Corpus Inscriptioimm Graecarum. Berolini, 1843, II.
- ¹³ *Браун Ф.* Разыскания в области гото-славянских отношений. СПб., 1899, с. 90—92; *Слюсаренко Ф.* Грецько-сютсьщ взаимовдноспни II ст. пер. Хр. — В кн.: Науковий юбилейний збiрник, присвечешш проф. Г. Г. Масариков! Прага, 1925, с. 274.
- ¹⁴ *Uarmatta J.* Studies on the History of the Sarmatians. Budapest, 1950; *Idem.* Studies on the History and Language of the Sarmatians. Szeged, 1970, p. 11.
- ¹⁶ *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор. М.; Л., 1949, с. 164.
- ¹⁶ *Mullenhof K.* Deutsche Altertursakunde. Berlin, 1892, HI, S. 32, 111; *Браун Ф.* Разыскания. . . , с. 90; *Литвинский Б. А.* Кангюйско-сарматский фарн. Душанбе, 1962.
- ¹⁷ *Mullenhof K.* Uber der Herkunft und Sprache der pontischen Scythen und Sarmateu.— In: Monatsberichte d. k. Preussischen Academie der Wissenschaften zu Berlin (1866), 1867, S. 561.
- ¹⁸ *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор, с. 164, 189.
- ¹⁹ *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.; Л., 1958, I, с. 421, 422.
- ²⁰ *Zgusta L.* Die Personennamen griechischer Stadte der nordlichen Schwarzmeerkuste. Praha, 1955.

- ⁵² *Смирнов К. Ф.* О начале проникновения сарматов в Скифию. — ПСА, с. 192, рис. 1.
⁵³ *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор, с. 110, 128, 129, 131, 188.
⁵⁴ *Ростовцев М. И.* Амага и Тнргатао. — ЗООИД, 1915, XXXII, с. 58—77.
⁵⁶ *Латышев В. В.* Исследования об истории. . ., с. 89; *Транов Б. М.* Стафи, с. 26;
Артамонов М. И. Скифское царство в Крыму, с. 73.

Ранние сарматские памятники Северного Причерноморья

- ¹ *Filip J.* Keltove ve sledni Europe. Praha, 1956; *Филип Я.* Кельтская культура и её наследие. Прага, 1961; *Кухаренко Ю. В.* Распространение латенских вещей в Восточной Европе. — СА, 1959, 1, с. 32—35; *Амброс А. К.* Фибулы юга европейской части СССР. — САИ, 1966, вып. Д1-30.
³ *Кухаренко Т. О.* В. Распространение латенских вещей. . ., с. 31 ел., рис. 1.
³ *Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья. — СЛИ, 1975, вып. Г1-12.
⁴ *Спицын А. А.* Фалары Южной России. — ИАК, 1909, 29, с. 27, 41, 42, рис. 51—57.
⁵ Там же, с. 42, рис. 56.
⁶ *Pharmakowsky B.* Archaologische Funde im Jahre 1907. SudrH?sland. — In: Jahrbuech des Deutsche!! archaologischen Institute, 1908. Bd 23. Archaclogigcher Anzeiger, S. 190, 191.
⁷ *Спицын А. А.* Фалары Южной России.
⁸ *Ростовцев М. И.* Сарматские и индо-скифские дрегности. — In: Recueil d'eludes dediees a la memoire de N. P. Kondakov. Prague, 1926, с. 250.
⁹ *Тревер К. В.* Памятники греко-бактрийского искусства. М.; Л., 1940, с. 34—38.
¹⁰ *Яценко И. В.* Раннее сарматское погребение в бассейне Северского Донца. — КСИА, 1962, 89, с. 44, 50.
¹¹ *Абрамова М. П.* Сарматские погребения Дона и Украины. — СА, 1961, 1, с. 96.
¹² *Капошина С. П.* Отчет о работе Ксбьяковской экспедиции. Раскопки курганов у пос. Донского в районе Новочеркасской ГРЭС в 1962 г. Архив ИА, р-1, Д; 2497, с. 60—116 (раздел написан А. И. Мелснтьевым).
¹³ По любезному определению Е. М. Алексеевси, подобный набор бус датируется временем от конца III по первую половину II в. до н. *>. и особенно характерен для II в. до н. э. i
¹⁴ Так же нх датирует В. Е. Максименко. См.: *Максименко В. Е.* Кочевое население нижнего Дона в VII—II вв. до п. э. Авторсф. канд. дис. М., 1974, с. 16.
¹⁵ *Зеест И. Б.* Керамическая тара Боспора. — МИА, 1960, 83, с. 99, 157, табл. XXI, 40.
¹⁶ *Раев Б. А., Зельдин В. Я., Субботин А. В.* Раскопки курганов в Ростовской сбл.— АО 1974 г. М., 1975, с. 126, 127.
¹⁷ *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры. — САИ, 1963, выи. Д1-10, табл. 8—Ю.
¹⁸ *Кияшко В. .4.* Отчет о работе Константпковского отряда археологической экспедиции РГУ в 1967 г. Архив ИА, р-1, № 3607.
¹⁹ *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры, табл. 6, 9, 13, 27, 28, 22 к особенно 11.
²⁰ *Максименко В. Е.* Сарматские погребения в дельте Дотга. — СА, 1970, 2, с. 227, рис. 1, 1, 2, 4; *Мошкова М. Г., Федорова-Давыдова Э. А.* Работа Цимлянской экспедиции 1970 г. — В кн.: Археологические памятники нижнего Дона. М., 1974, 1, табл. XXVII, 1—4; *Мошкова М. Г., Максименко В. Е.* Сарматские погребения Ясыревскнх курганов нижнего Дона. — КСПА, 1973, 133, с. 75, рис. 29, ?, 3, 7, 10.
²¹ *Гущина И. И.* Случайная находка в Воронежской обл. — СА, 1961, 2, с. 241—246.
²² *Спицын А. А.* Фалары Южной России, с. 23—26.
²³ *Берхин (Засецкая) И, П.* О месте производства серебряных фаларов из Федуловского «клада». — СГЭ, 1962, XXII, с. 37—39; *Засецкая И. П.* Назначение вещей Федуловского «клада». — АСГЭ, 1965, 7, с. 28—36.
²⁴ *Спицын А. А.* Фалары Южной России, с. 29, рис. 79.
²⁵ *Тревер К. В.* Памятники греко-бактрийского искусства, с. 48—50, табл. 3—5.
²⁶ *Яценко И. В.* Раннее сарматское погребение. . ., с. 42—50; *Либеров П. Д.* Памятник скифского времени на среднем Дону. — САИ, 1965, вып. Д1-31, табл. 25.
²⁷ *Гущина И. И.* Случайная находка. . ., с. 241—246.
²⁸ *Яценко И. В.* Раннее сарматское погребение. . ., с. 50.

- ²⁹ *Либеров П. Д.* Памятники скифского времени на среднем Дону. Каталог выставки XII АС. Харьков, 1902, с. 215—219, № 19—28.
- ³¹ *Смирнов К. Ф.* Курильницы и туалетные сосудики азиатской Сарматии. — В кн.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973, рис. 1; 2 (типы II или IV—VI¹).
- ³² *Сибильов М.* Фаларц Изюмщини. — В кн.: Хроїша археологи та мистецтва. Київ, 1936, 2, табл. V, 7; *Шрамко Б. А.* Древности Северского Донца. Харьков, 1962, с. 238, 239, рис. 88; *Fettich N.* Archiologische Beitrage zur Geschichte der sarrialisch-dakischen Beziehungen. — In: Acta Archaeologica, 1953, S. 133, Abb. 6.
- ³³ *Сибилев И. В.* Древности Изюмщины. Изюм, 1926, I, табл. XXXI; XXXIX, 1.
- ³⁴ *Спицын А. А.* Фалары Южной России, с. 27, 28, 43—45, рис. 58—69; *Багагел Д. И.* Объяснительный текст к археологической карте Харьковской области. — Труды XIII АС. М., 1897, Т, с. 76, 81; *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. Пг., 1925, с. 587, 588; *Тревер К. В.* Памятники греко-бактрийского искусства, с. 36, 38, табл. 7—10.
- ³⁵ *Шульц П. Н.* Мавзолей Неаполя скифского. М., 1953, табл. между с. 32 и 33, 1—3, 8; между с. 48 и 49, 4, 7, 8; XXVII, 9—14; XXIX, 4, 10.
- ³⁸ *Гущина И. И.* Янчокракский клад. — В кн.: Древности Восточной Европы. М., 1969, с. 49, 51.
- ³⁷ *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры, с. 42, 43, табл. 28.
- ³⁸ Там же, с. 25, табл. 7, 30.
- ³⁹ *Смирнов К. Ф.* Курильницы и туалетные сосудики. . . , с. 167, рис. 1 (тип. IVA).
- ⁴⁰ Материалы найдены в 1972 г., но еще не опубликованы, как и новобаранниковские. Сужу по материалам, любезно присланным мне участником Северо-Донецкой экспедиции М. Л. Швецовым, и благодаря/ руководство экспедиции за разрешение использовать их в моей работе.
- ⁴¹ Предположение о том, что покойник погребен сидя, высказал М. Л. Швецов.
- ⁴³ *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры, с. 46, 47, рис. 15, 2; *Смирнов К. Ф.* Сарматы на Илеке. М., 1975, с. 50—52, рис. 15, 8.
- ⁴³ *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры, с. 46, рис. 15, 1.
- ⁴⁴ *Смирнов ИС. А., Узянов А. А.* Нижнесальские курганы. — АО 1976 г. М., 1977, с. 121, 122, рис.
- ⁴⁵ *Городицов В. А.* Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии 1903 г. — Труды XIII АС. М., 1897, I, с. 253, рис. 59; *Он же.* «Бахмутская» миниатюрная каменная баба. — ИАК, 1901, 37, с. 89—97.
- ⁴⁶ *Смирнов К. Ф.* Быковские курганы. — МИ А, 1960, 78, с. 181, 185, 186, рис. 6, 10.
- ⁴⁷ *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры, с. 45.
- ⁴³ *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры, с. 32, рис. 4; 6; 7; *Смирнов К. Ф.* Савроматы. М., 1964, с. 339, рис. 45, 16; *Он же.* Сарматы на Илеке. М., 1975, с. 46.
- ⁴⁹ *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры, с. 39, табл. 23, 5, 20—27; *Синицын И. В.* Археологические исследования Заволжского отряда (1951—1953). — МИА, 1959, 60, с. 86, 199, рис. 22.
- ⁵⁰ *Смирнов К. Ф.* Быковские курганы, с. 222, рис. 20.
- ⁵¹ *Столяр А. Д.* Раскопки курганов у ХVT. Попова в 1950—1951 гг. — МИА, 1°58, 62, с. 353, 354, рис. 4; *Скрипкин А. С.* Материалы к истории племен раннего железного века северо-западных районов Волгоградской обл. — В кн.: Древняя история Поволжья. Куйбышев, 1979, с. 134—159.
- ⁵² *Лисларий И. А., Филатов А. П.* Тайна степных курганов. Донецк, 1972, с. 109. Благодарю И. А. Пислария за возможность ознакомиться с материалом и использовать его.
- ⁵³ *Анфимов Н. В.* Меото-сарматский могильник у ст. Усть-Лабинской. — МИА, 1951, 23, с. 184—186.
- ⁴⁴ Там же, с. 185, рис. 13, 1.
- ⁶⁶ *Смирнов К. Ф.* Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской обл. — МИА, 1959, 60, рис. 13, с. 235, 236, 321; *Шилов В. П.* Калиновский курганный могильник. — Там же, с. 434—436; *Он же.* Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975, с. 8, рис. 5, 10; *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры, табл. 27, 12—14.
- ⁵⁶ *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры, с. 42.
- ⁵⁷ Там же, табл. 28, 19.
- ⁶⁸ *Смирнов К. Ф.* Курильницы и туалетные сосудики. . . , с. 166—179, рис. 1—3 (тип IV).
- ⁵⁹ *Шрамко Б. А.* Древности Северского Донца. Харьков, 1962, с. 250, рис. 94.
- ⁶⁰ *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов. — САИ, 1964, вып. Д1-4, табл. 13, 7.

- ⁸¹ Там же, с. 42.
- ⁶² *Смирнов К. Ф.* Меотский могильник у ст. Пашковейкой. ~ МИД, 1958, 64, с. 279, 284, 286, 289, 291, 306, рис. 5, 4; 7, 10; 8, 8; 9, 13; 10, 2.
- ⁶³ *Анфимов И. В.* Меото-сарматский могильник. . ., с. 167, рис. 4, 12; с. 192, рис. 12, 3.
- ⁶⁴ Там же, с. 183, рис. 12, 6; *Лидеров П. Д.* Памятники скифского времени на среднем Дону, с. 75, табл. 18, 12.
- ⁶³ *Шилов В. П.* Отчет о раскопках Астраханской археологической экспедиции в 1960 г. Архив НА, р-1, № 2155.
- ⁸⁶ *Либеров П. Д.* Памятники скифского времени на среднем Дону, с. 32, рис. 33.
- ⁸⁷ *Kossak G.* Pferdegeschirr aus Grabern der alteren Hallstattzeit Bayerns. — In: JahrbuchU des romisch-germanischen. Zentralmuseums Mainz, 1. Jahrgang 1953 (1954), S. 147, Abb. 14a, 1, 2.
- ⁶⁸ *Смирнов К. Ф.* Северский курган. М., 1953, с. 38, рис. 13 (варианты а, б, г).
- ⁶⁹ *Саоакова М. Х.* Сарматский курганный могильник у д. Старые Кишкн. — АЭЕ, 1962, 1, с. 100, табл. VI, 2; *Она же.* Сарматские памятники Башкирии. — МИА, 1962, 115, с. 257, 265, рис. 3, 3.
- ⁷⁰ *Мошкова М. Г.* Ново-Кумакский курганный могильник близ г. Орска. — МИА, 1962, 115, с. 217, рис. 11, 6; *Она же.* Памятники прохоровской культуры, табл. 21, 4.
- ⁷¹ *Ростовцев М. И.* Античная декоративная живопись на юге России. — СПб., 1974, с. 53—57.
- ⁷² *Шульц П. П.* Мавзолей Неаполя скифского, с. 31, 77, табл. XII, 6.
- ⁷³ *Михлин Б. Ю.* Погребение с золотыми украшениями в кургане у с. Вэспльевка. — АО 1972 г. М., 1973, с. 310—313; *Он же.* Сарматское погребение в Южном Донбассе. — СА, 1975, 4, с. 185—292.
- ⁷⁴ *Михлин Б. Ю.* Сарматское погребение в Южном Донбассе, с. 192.
- ⁷⁵ Там же, с. 186, рис. 1, 3.
- ⁷⁶ *Шилов В. П.* Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья, с. 8, рис. 5, 9.
- ⁷⁷ *Беляев А. С., Рудаков А. Г., Збеневич В. Г., Кротова А. А., Швецов М. Л.* Отчет о работе Донецкой экспедиции в 1976 г. Архив ИА АН УССР, 1976/4.
- ⁷⁸ *Вязьмитина М. И.* Сарматски поховання в долині р. Молочно́ — АП, 1960, VIII, с. 20.
- ⁷⁹ Там же, с. 20, 21; *Вязьмитина М. И., Іллінська В. А., Покровська б. Ф., Тереножкш О. І., Ковпаненко Г. Т.* Кургани бшя с. Ново-Пилишвки і радгоспу «Аккермень». — АП, 1960, VIII, с. 99, рис. 71, 2; 76, 2.
- ⁸⁰ *Вязьмитина М. И., Іллінська В. А., Покровська б. Ф., Тереножкш О. І., Ковпаненко Г. Т.* Кургани. . ., с. 103, рис. 71, 4; 76, 8.
- ⁸¹ Там же, с. 116, рис. 73, 14.
- ⁸² Там же, с. 88—90, рис. 68, 9.
- ⁸³ *Шелов Д. Б.* Некрополь Танаиса (раскопки 1955—1958 гг.). — МИА, 1961, 98, с. 12—14, табл. XXXIV, 7, 7а.
- ⁸⁴ *Вязьмитина М. И., Іллінська В. Л., Покровська б. Ф., Тереножкш О. І., Ковпаненко Г. Т.* Кургани. . ., с. 69, рис. 55, 6.
- ⁸⁵ *Вязьмитина М. И.* Сарматские погребения у с. Ново-Филипповка. — ВССА, с. 223; *Она же.* Сарматски поховання в долині р. Молочно́, с. 20.
- ⁸⁶ *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры, табл. 5, 27; 6.
- ⁸⁷ *Клейн Л. С.* Кургани бшя Трошського. — АП, 1960, VIII, с. 145, 146, рис. 107.
- ⁸⁸ *Смирнов К. Ф.* Курган бшя м. Великого Токмака. — АП, 1960, VIII, с. 174, 175, рис. 128, 3, 7, 8.
- ⁸⁹ *Смирнов К. Ф.* Курганы у сел. Иловатка и Политотдельское. . ., с. 269, 270, рис. 24, 4а; *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры, табл. 27, 5—7.
- ⁹⁰ *Михлин Б. Ю.* Сарматские погребения в Южном Донбассе, с. 186, рис. 1, 4.
- ⁹¹ *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры, табл. 7, особенно 20, 40.
- ⁹² *Смирнов К. Ф.* Савроматы, с. 357, рис. 65, 11, 12, 19, 20.
- ⁹³ *Смирнов К. Ф.* Курильницы и туалетные сосудики. . ., рис. 2 (тип IХа, а¹).
- ⁹⁴ *Браун Ф. А.* Отчет о раскопках в Таврической губернии в 1898 г. — ПАК, 1906, 19, с. 88, 89, рис. 25.
- ⁹⁵ *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры, табл. 6.
- ⁹⁶ *Граков Б. Н.* Каменское городище на Днепре. — МИА, 1954, 36, с. 71, рис. 4.
- ⁹⁷ *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры, табл. 6—10 (особенно табл. 10, 2, 6); *Смирнов К. Ф.* Сарматы на Илеке, рис. 7; 30, 6; 47, 8; 51, в; 52, 2 и особенно рис. 49, 3.

- ⁸³ Благодарю А. И. Кубышева, любезно познакомившего меня с материалами погребений из Громовки, Васильевки и Привольного.
- ⁹⁹ Смирнов К. Ф. О начале проникновения сарматов в Скифию. — ПСА, с. 195, рис. 3.
- ¹⁰⁰ Граков Б. Л. Каменское городище. . .
- ¹⁰¹ Граков Б. Н. Скифские погребения на Никопольском курганном поле. — МИА, 1962, 115, с. 72, 80, 81, 85, рис. 14, 3.
- ¹⁰³ Там же, с. 59, рис. 2А, 1; 4, 1.
- ¹⁰³ Ильинская В. А. Отчет о раскопках на поселении у с. Бабино, произведенных Горностаевской экспедицией ИА АН УССР в 1954 г. Архив ИА АН УССР, 1954/2в. Я благодарен В. А. Ильинской за разрешение использовать материал для данной работы.
- ¹⁰¹ Болтенко Ю. В., Отрощенко В. В., Савовский И. П., Шелаков С. М. Работы Скифского отряда Запорожской экспедиции. — АО 1975 г. М., 1976, с. 307.
- ¹⁰⁵ Савовский И. П. Раннесарматское погребение в Запорожской обл. — СА, 1977, 3, с. 282, 283.
- ¹⁰³ Тереножкин А. И., Ильинская В. А. Отчет о работе Северо-Рогачской экспедиции ИА АН УССР в 1968 г. Архив ИА АН УССР, 1968/16.
- ¹⁰⁷ Граков Б. И. Каменское городище. . . , с. 203.
- ¹⁰⁸ Поеребова И. Н. Позднескифские городища на нижнем Днепре (городища Знаменское и Гавриловское). — МИА, 1968, 64, с. 128, 129.
- ¹⁰⁹ Граков Б. И. Каменское городище. . . , с. 96.
- ¹¹⁰ Вязмитина М. 1%. Золотобалковский могильник. Киев, 1972.
- ¹¹¹ Отчет ГИМ за 1907 г. М., 1908, с. 13, табл. I, 1 — 5; *Г армаковский В.* *Archaeologische Fmde im Jab.ro* 1907. . . . S. 190, 191, Abb. 21; 22; *Спицын А. А.* Фалары Южной России, с. 28, рис. 80, 81.
- ¹¹² Гущина И. И. Янчокракский клад, с. 43—51.
- ¹¹³ Сужу по рукописному отчету М. А. Миллера, известному мне из личного архива Б. Н. Гракова.
- ¹¹⁴ Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры, табл. 10, 31, 32.
- ¹¹⁵ Корпусова В. И. Раннесарматское погребение под Запорожем. — В кн.: Археологические исследования на Украине в 1968 г. Киев, 1971, III, с. 25—27, рис. 1, 4.
- ¹¹⁶ Эварницкий Д. И. Раскопки курганов в пределах Екатеринославской губернии. — Труды XIII АС, 1897, с. 144.
- ¹¹⁷ Макаренко Н. Е. Археологические исследования 1907—1909 гг. — ИАК, 1911, 43, с. 96, рис. 84.
- ¹¹⁸ Смирнов К. Ф. Савроматы, с. 339, рис. 45, 5.
- ¹¹⁹ Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры, табл. 10, 19—35.
- ¹²⁰ Ковалева И. Ф., Костенко В. И. Новые источники по истории сарматских племен Северного Причерноморья (к исследованию Иодгородненских сарматских могильников). — В кн.: Некоторые вопросы отечественной историографии и источниковедения. Днепропетровск, 1976, с. 79—94.
- ¹²¹ Там же, с. 79—95; Костенко В. И. Сарматские памятники в материалах археологической экспедиции ДГУ. — В кн.: Курганные древности степного Поднепровья III—I тысячелетий до н. э. Днепропетровск, 1977, 1.
- ¹²² Костенко В. И. Сарматские памятники. . . , с. 118, 119, табл. II, 1—4; *Он же.* Сарматы в междуречье Орели и Самары. — В кн.: Курганные древности степного Поднепровья III—I тысячелетий до н. э. Днепропетровск, 1979, 3, с. 125, табл. ?, 1—5.
- ¹²³ Ливеров П. Д. Памятники скифского времени на среднем Дону, с. 77, табл. 19, 134—138, 164, 166.
- ¹²⁴ Спицын И. В. Памятники Нижнего Поволжья скифо-сарматского времени. — В кн.: Археологический сборник (Труды СОМК). Саратов, 1956, 1, с. 53, рис. 29.
- ¹²⁵ Костенко В. И. Сарматы в междуречье Орели и Самары, с. 125, 132, табл. 2, 6.
- ¹²⁶ Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья, с. 51 ел., табл. 3, 5, 9, 11, 12.
- ¹²⁷ См., например: Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры, табл. 30, 26; Смирнов К. Ф. Сарматы на Илеке, рис. 31Б, 7.
- ¹²⁸ Костенко В. И. Сарматы в междуречье Орели и Самары, с. 125, 126; *Он же.* Наиболее ранние саиматские погребения в бассейне Орели и Самары. — СА, 1979, 4, с. 192—196.
- ¹²⁸ Ковалева И. Ф., Костенко В. И. Новые источники. . . , с. 79—94.

- ¹³⁰ Там же, с. 82.
- ¹³¹ В. И. Костенко совершенно справедливо исправил датировку этой подгородненской могилы. См.: *Костенко В. И.* Наиболее ранние сарматские погребения. . ., с. 190, 191, 199.
- ¹³³ *Ковалева И. Ф.* Отчет Фрунзенской археологической экспедиции ДГУ за 1972 г. Архив ИА АН УССР, 1972/39; *Костенко В. И.* Комплекс с фаларами из сарматского погребения у с. Булаховка. — В кн.: *Курганные древности степного Поднепровья III—I тысячелетий до н. э.* Днепропетровск, 1978, ?, с. 79—85.
- ¹³³ *Шилов В. П.* Калиновский курганный могильник. — МИА, 1959, 60, с. 464; *Гущина И. И., Попова Т. Б.* Воздвиженский курган — памятник III тысячелетия — I в. до н. э. — В кн.: Ежегодник ГИМ, 1965—1966. М., 1970, с. 88; *Шульц П. Л.* Мавзолей Неаполя скифского, табл. II; XXIV; XXV.
- ¹³¹ *Спицын А. А.* Фалары Южной России, с. 36, рис. 35; *Максимова М. И.* Артюховский курган. Л., 1979, с. 74, рис. 23, -В, 1.
- ¹³⁵ *Думберг К. Е.* Раскопки курганов на Зубовском хуторе Кубанской области. — ИАК, 1901, 1, с. 96, рис. 10; ОАК за 1906 г., с. 51, рис. 277; *Гущина И. И., Попова Т. Б.* Воздвиженский курган. . ., с. 87, рис. 20, 1.
- ¹³⁰ *Шилов В. П.* Калиновский курганный могильник, с. 482—484, рис. 57, 4 на с. 57.
- ¹³⁷ Сужу по находкам, любезно показанным мне И. Г. Волковым в 1978 г.
- ¹³⁸ *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор, с. 428—432.
- ¹³⁹ *Браишпский И. Б.* Новые материалы к датировке курганов, скифской племенной знати Северного Причерноморья. — *Eigene*, 1965, IV, p. 102
- ¹⁴⁰ *Ростовцев М. И.* Сарматские и индо-скифские древности, с. 243.
- ¹⁴¹ Там же, с. 250.
- ¹⁴² Там же, с. 258.
- ¹⁴³ *Тревер К. В.* Памятники греко-бактрийского искусства, с. 34—38.
- ¹⁴⁴ ОАК за 1880 г., атлас, табл. II, 19; IV, 8; *Максимова М. И.* Артюховский курган, с. 74, рис. 23, В, 3.
- ¹⁴⁶ *Спицын А. А.* Фалары Южной России, с. 44, рис. 60.
- ¹⁴⁶ *Максимова М. И.* О дате Артюховского кургана. — СА, 1960, 3, с. 46—48.
- ¹⁴⁷ *Спицын А. А.* Фалары Южной России, с. 23, 24, 39—41, рис. 42—49.
- ¹⁴³ *Засецкая И. П.* Назначение вещей Федуловского «клада», с. 28—36; *Берхин (Засецкая) И. П.* О месте производства серебряных фаларов из Федуловского «клада», с. 37—39.
- ¹⁴⁹ *Шилов В. П.* Отчет о раскопках Астраханской экспедиции за 1964 г. Архив ИА. р-1, № 3156.
- ¹⁵⁰ *Harmatta J.* Studies on the History of the Sarmatians. Budapest, 1950, p. 34, 35.
- ¹⁵¹ *Fettich N.* Archaologische Beitrage. . ., S. 127, 128.
- ¹⁵² *Harmatta J.* Studies on the History of the Sarmatians, p. 32, 33. Позднее Я. Харматта несколько пересмотрел вопрос о социальном строе причерноморских сарматов. См.: *Harmatta J.* Studies on the History and Language of the Sarmatians. Szeged, 1970.
- ¹⁵³ *Берхин (Засецкая) И. П.* О месте производства серебряных фаларов из Федуловского «клада».
- ¹⁵⁴ *Смирнов К. Ф.* Сарматы Нижнего Поволжья и междуречья Дона и Волги в IV в. до н. э. — II в. н. э. — СА, 1974, 3, с. 38—40; *Шилов В. П.* Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья, с. 130, 131.
- ¹⁵⁵ *Fettich N.* Archaologische Beitrage. . ., S. 142, 143.
- ¹⁵⁶ *Ляпушкин И. И.* Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа. — МИА, 1961, 114, с. 50—52; *Смирнов К. Ф.* О начале проникновения сарматов в Скифию, с. 195, рис. 2, 3.
- ¹⁵⁷ *Смирнов К. Ф.* Бронзовое зеркало из Мечетая. — В кн.: История, археология и этнография Средней АЗИИ. М., 1968, с. 116, рис. 1; 2; *Он же.* Сарматы на Илеке, с. 142, рис. 57.
- ¹⁵⁸ *Смирнов К. Ф.* Курганы у сел Иловятка и Политотдельское. . ., с. 235, рис. 13, 8.
- ¹⁵⁹ *Акфимов Н. В.* Меото-сарматский могильник. . ., с. 185, рис. 13, 7, 8.
- ¹⁶⁰ *Смирнов К. Ф.* Северский курган, с. 31, табл. VI, в.
- ¹⁶¹ *Березовец Д. Т.* Розкопки курганного могшышка эпохи бронзы та сшфського часу в с. Кут. — АП, 1960, IX, с. 40, 81, 82, рис. 37, 2.
- ¹⁶² *Березовец Д. Т.* Курганный могшышк в с. Групп'вка. — АП, 1961, X, с. 90, 91, табл. XXII, 5, 6.

- ¹⁶³ Граков Б. Н. Скифские погребения на Никопольском курганном поле, с. 59.
- ^{15*} Благодарю начальника экспедиции О. Г. Шапошникову, любезно познакомившую меня с этими комплексами. -
- ^{л*}⁵ Яценко И. В. Скифия VII—V вв. до н. э. М., 1959, с. 111; Мирзин В. Ю. Стгпная Скифия VII—V вв. до н. э. Автореф. канд. дис. Киев, 1979, с. 4.

Сарматские миграции

- ¹ Ростовцев М. И. Эллины и иранцы на юге России. Пг., 1918, с. 29, 122, 123.
- ² Смирнов К. Ф. Проблема происхождения ранних сарматов. — СА, 1957, 3; *Он же*. Савроматы. М., 1964, с. 182 ел.
- ³ Дебец Г. Ф. Материалы по палеоантропологии СССР (Нижнее Поволжье). — АЖ, 1936, 1; *Он же*. Палеоантропология СССР. — Труды ИЭ, 1948, IV, с. 167—171, 183; Герасимов М. М. Сарматский череп из Нижнего Поволжья. — СЭ, 1958, 1; Глазкова И. М., Чтецов В. П. Палеоантропологические материалы Сталинградской экспедиции. — МИА, 1960, 78; Фирштейн Б. В. Савроматы Нижнего Поволжья. — Труды ИЭ, н. с, 1961, XXI. Антропологический сборник, III.
- * Находки приуральских каменных жертвенников в савроматских могилах Черноярского р-на Астраханской обл. (работы В. В. Дворниченко 1976 г., материал не опубликован).
- * Крупное Е. И. Археологические работы в Кабарде и Грозненской обл. — КСИИМК, 1950, XXXII; *Он же*. Первые итоги изучения Восточного Предкавказья (по материалам экспедиции 1952 и 1955 гг.). — СА, 1957, 2; *Он же*. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, с. 151, рис. 16; 17; Смирнов К. Ф. Савроматы, с. 268, 305, рис. 12, 2, 3; с. 344, рис. 50, 1—3.
- * Садыкова М. Х. Сарматские памятники Башкирии. — МИА, 1962, 115; *Она же*. Сарматский кургашин могильник у д. Старые Кишки. - АЭБ, 1962, I; *Она же*. Сарматы на территории Башкирии. М., 1965; Пшеничнюк А. Х. Исследования в центральных и южных районах Башкирии. — АО 1908 г. М., 1969.
- ⁷ Юсупов Г. В. Древнейшие поселения Гафурипского р-на БАССР. — БАС; Троицкая Т. П. Раскопки Михайловского городища в Башкирии. — Там же; Пшеничнюк А. Х. К вопросу о керамике караобызских поселений. — АЭБ, 1964, II; *Он же*. Племена раннего железного века в Башкирии. — АЭБ, 1971, IV, с. 90, 91; Смирнов К. Ф. Ранние кочевники Южного Урала. — Там же.
- ⁸ Опельченко О. В. Кую-Мазарский и Леваядакский могильники — памятник древней культуры Бухарского оазиса. Автореф. канд. дис. Ташкент, 1954; *Он же*. Кую-Мазарский могильник. — Труды Ин-та истории и археологии АН УЗССР, 1956, VIII; *Он же*. Левандакский могильник. — ИМКУ, 1961, 2; *Он же*. Погребение сарматского типа под Самаркандом. — СА, 1967, 2; *Он же*. Агалыксайские курганы. — ИМКУ, 1972, 9.
- ⁸ Шилов В. П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 19/5, с. 125 ел.
- ¹⁰ Десятников Ю. М. Процесс сарматизации Боспора. Автореф. канд. дис. М., 1974, с. 17, 18.
- ¹¹ Максименко В. Е. Кочевое население низазго Дона в VII—II вв. до н. э. Автореф. канд. дис. М., 1974, с. 14, 16.
- ¹² Толстое С. П. По следам древнзхорезмийской цивилизации. М., 1948, с. 109.
- ¹³ Толстое С. П. Древний Хорезм. М., 1948, с. 17.
- ¹⁴ Махно Е. В. Сарматский могильник у с. Усть-Каменка. — КСИА АН УССР, 1953, 2, с. 61; *Она же*. Розкопка пам'яток епохи бронзи та сарматського часу в с. Усть-Кам'янці. — АП, 1960, IX.
- ¹⁵ Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. Пг., 1925, с. 10, 42.
- ¹⁶ Там же, с. 140.
- ¹¹ Ростовцев М. И. Страбон как источник для истории Боспора. — В кн.: Сборник в честь В. П. Бузескула. Харьков, 1914, с. 368 ел.; *Он же*. Скифия п Боспор; Стратановский Г. А. Страбон и его «География». — В кн.: Страбон. География в 17 книгах. М., 1964, с. 775—790.
- ¹⁸ Браун Ф. Разыскания в области гото-славянских отношений. СПб., 1899, с. 92.
- ¹⁹ Смирнов К. Ф. Савроматы, с. 196.
- ²⁰ Каменецкий И. С. О язматах. — ПСА, с. 165—170.

- ²¹ *Ukert F. A.* Geographie der Griechen und Pomer. 3. Theil, 2. Abteilung. Skythien. Weinwr, 1846, S. 546.
- ²² *Mullenhof K.* Deutsche Altertumskunde. Berlin, 1892, III, S. 39.
- ²³ *Minns E.* Scythians and Greeks. Cambridge, 1913, p. 121; *Sulimirski T.* The Sarmatians. N. Y.; Washington, 1970, p. 102; *Ростовцев М. И.* Эллинизмо и иранство. . ., с. 122.
- ²⁴ *Погребова Н. Н.* Позднескифские городища на нижнем Днепре. — МИА, 1958, 64.
- ²⁵ *Mullenhof K.* Deutsche Altertumskunde, S. 35.
- ²⁶ *Браун Ф.* Разыскания. . ., с. 93.
- ²⁷ IOSPE, I², N 352.
- ²⁸ *Мачинский Д. А.* Некоторые проблемы этногеографии восточноевропейских степей во II в. до н. э. — АСГЭ, 1974, 16.
- ²⁹ *Смирнов К. Ф.* О погребениях роксоланов. — ВДИ, 1948, 1.
- ³⁰ *Смирнов К. Ф.* Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской обл. — МИА, 1959, 60, с. 319.
- ⁸¹ *Максимов Е. К.* Сарматские диагональные погребения Восточной Европы. — В кн.: Археологический сборник; Саратовского ун-та, 1966, с. 98—115; *Засецкая И. П.* «Диагональные» погребения Нижнего Поволжья и проблема определения их этнической принадлежности. — АСГЭ, 1974, 16, с. 105—121.
- ³² *Смирнов К. Ф.* Савроматы, с. 286 сл.; *Он же.* Сарматы на Илеке. М., 1975, с. 175.
- ³³ *Мачинский Д. А.* Некоторые проблемы. . ., с. 129—132.
- ³⁴ Там же, с. 132.
- ³⁶ *Sulimirski T.* The Sarmatians, p. 102, 103.
- ³⁶ *Harmatta J.* Studies on the History of the Sarmatians. Budapest, 1950, p. 13; *Idem.* Studies on the History and Language of the Sarmatians. Szeged, 1970, p. 11. В последней статье Я. Харматта высказывает уже несколько иное мнение, рассматривая сарматское политическое объединение как обширный союз родственных племен.
- ³⁷ *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор, с. 43, 44.

Приложение

Богатые раннесарматские комплексы правобережья Дона

Курган у пос. Шолоховский

- ¹ Возможность ознакомиться с вещами любезно предоставила нам старший научный сотрудник Ростовского музея В. М. Косяненко.
- ² *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов. — САИ, 1964, вып. Д1-14, с. 23, табл. 8А.
- ³ Там же, табл. 8.
- ⁴ *Либеров П. Д.* Памятники скифского времени на среднем Дону. — САИ, 1955, вып. Д1-31, с. 16.
- ⁵ *Либеров П. Д.* Памятники скифского времени бассейна Северского Донца. — МИА, 1962, ИЗ, с. 35.
- ⁶ *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов, с. 45, табл. 13, 11, 14, 15.
- ⁷ *Либеров П. Д.* Памятники скифского времени на среднем Дону, табл. 18.
- ⁸ *Либеров П. Д.* Памятники скифского времени на среднем Дону, с. 28, табл. 2. Отметим, что отдельные типы бронзовых и железных стрел из кургана 29/21 у с. Мاستюгино аналогичны типам стрел из кургана у пос. Шолоховский.
- ⁸ *Брашинский И. Б.* Раскопки скифских курганов на нижнем Дону. — КСИЯ, 1973, 133, с. 54.
- ¹⁰ *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов. — МИА, 1961, 101, с. 84.
- ¹¹ *Петренко В. Г.* Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э. — САИ, 1967, вып. Д1-4, табл. 27, 8.
- ¹² Наиболее близкое по форме и размерам орудие труда было обнаружено П. Д. Либеровым в кургане-зольнике скифского времени у с. Черемушны Харьковской обл. и названо серпом. Оно имеет один загнутый конец. См.: *Либеров П. Д.* Памятники скифского времени бассейна Северского Донца, с. 40, рис. 9, 1.
- ¹³ *Либеров П. Д.* Памятники скифского времени на среднем Дону, с. 12.
- ¹⁴ *Смирнов К. Ф.* «Амазонка» IV в. до н. э. на Дону. — СА, 1982, 1.
- ¹⁵ *Смирнов К. Ф.* Савроматы. М., 1964, с. 75—103.

- ¹⁶ Смирнов К. Ф., Петренко В. Г. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья. — САИ, 1963, вып. Д1-9, табл. 7 (отдел IV).
- ¹⁷ Там же, табл. 8 (отдел ГП).

Результаты спектроаналитического изучения металлических вещей из кургана 4 у хут. Сладковский

- ¹ Черных Е. Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М., 1970, рис. 24.
- ² Там же, с. 15, рис. 24.
- ³ Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов. — МИА, 1961, 101; *Он же*. Савроматы. М., 1964; Мошкова М. Г. Раннесарматские бронзовые пряжки. — МИА, 1960, 78.
- ⁴ Барцеева Т. Б. Цветная металлообработка на Северном Кавказе в раннем железном веке. Канд. дис. Архив ИА, р-2, № 2130, табл. II.
- ⁶ Гуляев В. И. Зооморфные крючки скифского периода. — В кн.: Население среднего Дона в скифское время. М., 1969.
- ⁶ Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры. — САИ, 1963, вып. Д1-10, табл. 27, 15, 17—21.
- ⁷ Черных Е. Н. Древнейшая металлургия. . . , рис. 24.
- ⁸ Мошкова М. Г., Рындина Н. В. Сарматские зеркала Поволжья и Приуралья (химико-технологическое исследование). — В кн.: Очерки технологии древнейших производств. М., 1975, с. 120, 125—127.
- ⁹ Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов, табл. II; III.
- ¹⁰ Черных Е. Н. Древнейшая металлургия. . . , рис. 24.

Курган у хут. Кашеевка

- ¹ В исследовании кургана приняли участие: К. Ф. Смирнов (начальник экспедиции, ИА), В. Е. Максименко (зам. начальника, РГУ), В. М. Косяненко (старший научный сотрудник РОМК), С. А. Куршев (доцент геолого-географического факультета РГУ). Пользуясь случаем, выражаем глубокую признательность председателю колхоза им. Димитрова А. Г. Резанову и бригадиру В. А. Захарову за активную помощь, которую они оказывали нам в работе.
- ² Мелокова А. И. Вооружение скифов. — САИ, 1964, вып. Д1-4, с. 25; Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов. — МИА, 1961, 101, с. 70; Лидеров Л. Д. Памятники скифского времени на среднем Дону. — САИ, 1965, вып. Д1-31, с. 16.
- ³ Тереножкин А. П., Ильинская В. А., Черненко Е. В., Мозолевский Б. Л. Скифские курганы Никопольщины. — В кн.: Скифские древности. Киев, 1973, с. 177, рис. 51, 3, 4.
- ⁴ Там же, с. 174, рис. 49, 7.
- ⁶ Либеров П. Д. Памятники скифского времени на среднем Дону, с. 19.
- ⁶ Пузикова А. П. Курганный могильник скифского времени у с. Русская Тростянка. — СА, 1962, 4, с. 220, рис. 1, 8.
- ⁷ Гуляев В. И. Зооморфные крючки скифского периода. — В кн.: Население среднего Дона в скифское время. М., 1969, с. 112.
- ⁸ Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов, с. 93.
- ⁹ Смирнов К. Ф. Савроматы. М., 1964, с. 106.
- ¹⁰ Там же, с. 107.
- ¹¹ Либеров П. Д. Памятники скифского времени на среднем Дону, с. 16.
- ¹² Онайко Л. А. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII—V вв. до н. э. — САИ, 1966, вып. Д1-27, с. 35.
- ¹³ Смирнов К. Ф. Савроматы, с. 151.
- ¹⁴ Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры. — САИ, 1963, вып. Д1-10, с. 45, табл. 31, 30.
- ¹⁶ Петренко В. Г. Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э. — САИ, 1967, вып. Д1-4, с. 33, табл. 22, 10.
- ¹⁶ Либеров П. Д. Памятники скифского времени на среднем Дону, табл. 36, 26.
- ¹⁷ Смирнов К. Ф. Савроматы, с. 160 ел.
- ¹⁸ Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры, табл. 26, 9—12.
- ¹⁹ Там же, с. 41.
- ²⁰ Либеров П. Д. Памятники скифского времени на среднем Дону, табл. 34, 9.
- ²¹ Артамонов М. И. Сокровища скифских курганов. Л., 1966, с. 48, рис. 91.

- ²² *Смирнов К. Ф.* Савроматы, с. 307, рис. 14, б. Жаровня хранится в Куйбышевском музее, инв. № 173.
- ²³ *Смирнов К. Ф.* Савроматы, с. 362, рис. 70Б, 12. Жаровня хранится в ГИМ, инв. № 30410.
- ²⁴ *Смирнов К. Ф.* Савроматы, с. 136.
- ²⁵ ДГС, табл. XXVII, 1.

Раннесарматское погребение в Новочеркасске

- ¹ В доследовании погребения участвовали В. Е. Максименко, Е. И. Савченко и М. И. Крайсветный. Материалы раскопок переданы в Новочеркасский музей истории Донского казачества.
- ² Это погребение являлось, видимо, подкурганное, так как находилось на высоком водоразделе, недалеко от того места, где стояли знаменитый курган Хохлач и другие курганы, часть из которых еще сохранилась.
- ³ Возможно, что некоторое отклонение магнитной стрелки компаса на восток было вызвано тем, что в 5–6 м к северо-востоку от ямы находилась железная семитонная «баба» для утрамбовки грунта. Если это так, то более точной следует признать южную ориентировку погребенной.
- ⁴ Кости определены преподавателем биолого-почвенного факультета РГУ кандидатом биологических наук В. С. Байгушевой.
- ⁸ Первоначально в музее эти головки были определены как «башмачки» и под таким определением попали в заметку новочеркасского корреспондента газеты «Молот», совершенно исказившего описание находок. В отчете, который хранится в Архиве ИА, они были описаны нами как «детали диадемы». Третья головка не сохранилась, но на передней части фриза в центре имеется место, где она была прикреплена.
- ⁶ *Зеест И. Б.* Керамическая тара Боспора. — МИА, 1960, 83, с. 99, табл. XXI, 40.
- ⁷ *Граков В. Н.* Каменское городище на Днестре. — МИА, 1954, 36, с. 110, табл. XIII, 2 (тип 2).
- ⁸ *Пузикова А. И.* Поселения среднего Дона. — МИА, 1969, 151, с. 68, рис. 16, 14, 15.
- ⁹ *Анфимов Н. В.* Меото-сарматский могильник у ст. Усть-Лабинской. — МИА, 1951, 23, с. 167, рис. 4, 11.
- ¹⁰ *Смирнов К. Ф.* Савроматы. М., 1964, с. 105, 106.
- ¹¹ *Ляпушкин И. И.* Курганный могильник близ Карнауховского поселения. — МИА, 1958, 62, с. 321, рис. 7.
- ¹² *Мошкова М. Г., Максименко В. Е.* Сарматские погребения Ясыревских курганов нижнего Дона. — КСИА, 1973, 133, с. 73, рис. 28, 2.
- ¹³ *Смирнов К. Ф.* Савроматы, с. 107.
- ¹⁴ *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры. — САИ, 1963, вып. Д1-10, с. 38.
- ¹⁵ *Шилов В. П.* Отчет о раскопках у хуторов Усьман и Алитуб. Архив РОМК.
- ¹⁶ Раскопки В. Е. Максименко в 1963 г.
- ¹⁷ *Манцевич А. П.* Деревянные сосуды скифской эпохи. — АСГЭ, 1966, 8, с. 23–38.
- ¹⁸ Там же, с. 27, рис. 3, 1–12.
- ¹⁹ Там же, рис. 3, 4, 7.
- ²⁰ Раскопки А. А. Миллера 1910 г. См.: ОАК за 1909–1910 гг., с. 145.
- ²¹ *Яковенко Э. В.* Рядовые скифские погребения в курганах Восточного Крыма. — В кн.: Древности Восточного Крыма. Киев, 1970, с. 126.
- ²² *Щеглов А. Н.* Херсонес и нижний Дон в IV–III вв. до н. э. — В кн.: Археологические раскопки на Дону. Ростов-на-Дону, 1973, с. 30.

Список сокращений

АЖ	— Антропологический журнал
АО	— Археологические открытия
АП	— Археологична пам'ятки УРСР. Кшв
АС	— Археологический съезд
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.
АЭБ	— Археология и этнография Башкирии. Уфа
БАС	— Башкирский археологический сборник. Уфа, 1959
ВАУ	— Вопросы археологии Урала. Свердловск
ВДИ	— Вестник древней истории
ВЛУГ	— Вестник Ленинградского государственного университета
ВССА	— Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954
ГИМ	— Государственный исторический музей
ДГС	— Древности Геродотовой Скифии. Атлас. СПб., 1866
ДГУ	— Днепропетровский государственный университет
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения
ЗООИД	— Записки Одесского общества истории и древностей
ЗОРСА РАО	— Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества
ИАК	— Известия Археологической комиссии «
ИГАИМК	— Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИИАЭ	— Институт истории, археологии и этнографии
ИМКУ	— История материальной культуры Узбекистана. Ташкент
ИСКНИЦВШ	— Известия Северокавказского научно-исследовательского центра высшей школы
ЛДУ	— Львівський державний університет
МАО	— Московское археологическое общество
МАР	— Материалы по археологии России
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
ОАК	— Отчет Археологической комиссии
ОУАК	— Оренбургская ученая архивная комиссия
ПСА	— Проблемы скифской археологии (МИА, 1971, 177). М.
РАНИОН	— Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РГО	— Русское географическое общество
РГУ	— Ростовский государственный университет
РОМК	— Ростовский областной музей краеведения
СА	— Советская археология
САИ	— Свод археологических источников. М.; Л.
СГЭ	— Сообщения Государственного Эрмитажа. Л.
СОМК	— Саратовский областной музей краеведения
СЭ	— Советская этнография
ЧИНИИ	— Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт
ESA	— Eurasia septentrionalis antiqua
IOSPE	— Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini
RE	— <i>Pauly—Wissowa—Kroll. Realencyclopaedie der klassischen Altertumswissenschaft</i>

Оглавление

<i>М. Г. Машкова.</i> Предисловие	8
Савроматы и сарматы	9
Савроматы в «Европе» (к западу от Танапса)	18
Сирматы и ранние сарматы	37
Начало политического господства сарматов в Скифии	66
Ранние сарматские памятники Северного Причерноморья	72
Сарматские миграции	115
Приложение. Богатые раннесарматские комплексы правобережья Дона	124
<i>В. Е. Максименко, К. Ф. Смирноз, А. А. Горбенко, С. И. Лукьяшко.</i> Курган у пог. Шолоховский	124
<i>Т. Б. Барцева.</i> Результаты спектроаналитического изучения металлических вещей из кургана 4 у хут. Сладковский	141
<i>В. Е. Максименко, К. Ф. Смирнов, В. М. Косяненко.</i> Курган • у хут. Кашеевка	148
<i>В. Е. Максименко, Е. И. Савченко.</i> Раннесарматское погребение в Новочеркасске	156
Примечания	161
Список сокращений	183

Константин Федорович Смирнов

Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии

Утверждено к печати ордена Трудового Красного Знамени
Институтом археологии Академии наук СССР

Редактор издательства *Н. И. Сергиевская.* Художник *Э. А. Дорохова.*
Художественный редактор *Н. П. Власик.* Технический редактор *Ф. М. Хенох.*
Корректоры *Д. Ф. Арапова, В. А. Шварцер*

ИБ № 26877

Сдано в набор 28.10.83. Подписано к печати 19.03.84. Т-02351. Формат 70x90/1₆.
Бумага кшжно-журнальнан. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ. л. 13
Уч.-изд. л. 15. Усл. кр. отг. 14,34. Тираж 3100 экз. Тип. зак. 1065. Цена 1 р. 60 к.
Издательство «Наука» 117864 ГСП-7, Москва В-485. Профсоюзная ул., 90
Ордена Трудового Красного Знамен Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12